

902.9(4)

Ш 65

А.Р. ШИХСАИДОВ

ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ
ПАМЯТНИКИ
ДАГЕСТАНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

902.9(45)
Ш 65

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ДАГЕСТАНСКИЙ ФИЛИАЛ
*Ордена «Знак Почета» Институт истории,
языка и литературы им. Г. Цадасы*

А. Р. ШИХСАИДОВ

ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ
ПАМЯТНИКИ
ДАГЕСТАНА
X—XVII ВВ.
КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ
ИСТОЧНИК

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1984

902.9(45)
Ш 65

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ДАГЕСТАНСКИЙ ФИЛИАЛ
*Ордена «Знак Почета» Институт истории,
языка и литературы им. Г. Цадасы*

А. Р. ШИХСАИДОВ

ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ
ПАМЯТНИКИ
ДАГЕСТАНА
X—XVII ВВ.
КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ
ИСТОЧНИК

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского НЦ РАН**

instituteofhistory.ru

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1984

В монографии исследуются эпиграфические памятники средневекового Дагестана. Многие из них публикуются впервые. На основе обширного текстового и иллюстративного материала выявляются важные вопросы дагестанской истории — социальные, культурно-экономические и политические процессы в средневековье.

Ответственный редактор
кандидат исторических наук
С. Б. ПЕВЗNER

116644

Махачкала
научная библиотека
ДagФАН СССР

ВВЕДЕНИЕ

Среди источников по средневековой истории и культуре Кавказа важную роль играют эпиграфические памятники. Большинство их составлено на восточных языках, преимущественно на арабском.

Несмотря на огромную работу по изучению этого наследия (история изучения «мусульманских» надписей России имеет трехсотлетнюю давность), многие памятники эпиграфики оставались вне поля зрения исследователей. Сохранение, фиксация и издание надписей, обнаруженных на территории нашей страны, стали настоятельной необходимостью. Частичные исследования, как писал академик И. Ю. Крачковский, должны быть дополнены составлением «репертуара и корпуса арабских надписей в Союзе. Работа большая и сложная, но уже настало время за нее взяться во всеоружии методов современной науки»¹. Первая сессия советских арабистов, состоявшаяся в июне 1935 г., в числе задач, стоящих перед арабистикой, наметила систематическое собирание, издание и изучение материалов по арабской эпиграфике и палеографии.

Памятники мусульманской эпиграфики на территории Советского Союза стали объектом пристального внимания советских востоковедов. Огромная плодотворная работа в этой области связана с именем В. А. Крачковской. Ее работы в области изучения арабских надгробий², многочисленные статьи в «Эпиграфике Востока» и в других журналах³, неутомимая деятельность по подготовке и изданию выпусков этого специального журнала дали сильный толчок разворачиванию исследований в области эпиграфики в нашей стране.

Создан ряд ценных работ, посвященных памятникам Поволжья, Кавказа, Средней Азии. В первую очередь следует упомянуть здесь исследования Г. В. Юсупова⁴, М. С. Нейматовой⁵, О. Г. Большакова⁶, Ц. П. Кахиани⁷, А. Алескерзаде⁸, А. М. Мухтарова⁹.

Изучение эпиграфического наследия дагестанских народов связано с именами Н. В. Ханыкова, Б. А. Дорна, В. А. Крачковской, Е. А. Пахомова, М.-С. Саидова,

Л. И. Лаврова, Л. Т. Гюзальяна, М. Х. Нейматовой и др.¹⁰ В их трудах показана огромная ценность этого наследия при изучении социально-экономической, политической и культурной жизни средневекового Дагестана.

Среди советских ученых одним из первых при изучении истории раннесредневекового Дагестана обратился к эпиграфическим памятникам Е. А. Пахомов. Его заслуга в изучении и интерпретации пехлевийских надписей Дербента огромна¹¹.

Вместе с тем при изучении истории Дербента X—XIII вв. Е. А. Пахомов использовал ряд арабских надписей¹², в том числе обнаруженных им самим, и сравнительно большое число пумизматического материала, в частности надписей на монетах. Изучение последних дало возможность говорить о существовании в XII—начале XIII в. самостоятельного Дербентского эмирата¹³.

Вопросу изучения арабских надписей Северного Кавказа, а также характеристике и переводу новых текстов посвящены ценные статьи В. А. Крачковской¹⁴.

Значительное число персидских и арабских надписей, связанных в основном со строительной деятельностью ширваншахов в Дербенте, изучено М. Х. Нейматовой¹⁵. Ряд новых памятников эпиграфики ввел в научный оборот М.-С. Саидов¹⁶. Надписи из Кубачи были предметом специального исследования Л. Т. Гюзальяна и А. А. Иванова¹⁷.

Большой вклад в изучение памятников эпиграфики на Северном Кавказе, в частности в Дагестане, внес Л. И. Лавров. Его «Эпиграфические памятники Северного Кавказа» — серьезная и крупная сводная работа в этой области¹⁸. В первой части этого труда представлено более 450 восточных, преимущественно арабских надписей, охватывающих период с X по XVII в.¹⁹ В науку введено значительное число неизвестных данных. Представилась возможность более основательно изучить такие сложные вопросы, как социально-экономический строй на средневековом Северном Кавказе, история монотеистических религий, в частности ислама, политическое устройство; взаимоотношения союзов сельских общин и феодальных владений. История политических и культурно-исторических контактов народов Кавказа получила дополнительную аргументацию. В книге дан ценный материал по истории арабского письма и грамоты, а также о строительной деятельности. Вторая часть «Эпиграфических памятников» охватывает более чем 200 надписей XVIII—XX вв. и снабжена

статей о значении памятников эпиграфики как исторического источника. Тексты надписей в обеих частях исследования снабжены обстоятельными историческими комментариями.

По своему содержанию надписи Дагестана делятся на несколько основных групп: надписи-эпитафии, строительные, хроники. Большинство их — эпитафии, значительно реже встречаются строительные надписи и хроники.

Работа не ставит целью охватить изучением все памятники X—XVII вв. — речь идет в основном о тех памятниках эпиграфики, которые обнаружены мною и лишь частично изданы. В ряде случаев привлекаются также надписи, изданные другими авторами. Это делается при составлении палеографических таблиц, более полной характеристике памятника или же при необходимости иного чтения.

При описании надписей используется территориально-хронологический принцип для более полной характеристики эпиграфических комплексов отдельных аулов. При составлении «полного свода эпиграфических памятников следовало бы, возможно, придерживаться чисто хронологического принципа, памятуя при этом, что принцип сплошной и последовательной хронологии (так изданы надписи в «Эпиграфических памятниках Северного Кавказа») и принцип территориально-хронологический (описание всех памятников одного аула или однотипных памятников ряда соседних аулов в рамках определенной хронологии) — имеют как положительные, так и отрицательные стороны. В первом случае создается общая картина формирования стиля памятников по всему Дагестану, их культурно-исторической ценности. Однако в этом случае многие важные вопросы (палеография, школы) остаются в тени или же подвергаются решениям, лишенным конкретности, учета местных в пределах Дагестана вариантов. В частности, памятники на старых, ныне заброшенных поселениях, разбросанные по требованиям чисто хронологического принципа в различные части исследования, весьма трудно использовать при характеристике процесса образования крупных населенных пунктов, путей формирования художественно-эстетических принципов надписей, различных по своему назначению. Кроме того, принцип сплошной хронологии лишает исследователя возможности рассматривать материал аула или же ряда соседних аулов как единый историко-культурный комплекс. Отдавая пред-

почтение территориально-хронологическому принципу, мы проводим его в рамках двух крупных этапов — X—XIV и XV—XVII вв. Однако периодизация носит лишь предварительный характер, ибо окончательно общие принципы могут быть сформулированы при детальном изучении всей суммы находок из Дагестана.

Географически охвачены все районы Дагестана, но в отдельных его частях материал представлен неравномерно; основная часть памятников из Южного и Центрального Дагестана (лезгинские, рутульские, цахурские, агульские, табасаранские, лакские, даргинские селения). Аварские и кумыкские районы представлены меньшим числом памятников (известные памятники уже изданы, а новых находок пока мало). Наибольшее число надписей обнаружено в Дербенте, Ахты, Хиве, Хнове, Рутуле, Хили-Пенджике, Тпиге, Цахуре, Кумухе, Бурханкенте, Фите, Хунзахе, Хули, Кубачи, Ицари и др. Сохранение в одном ауле памятников в пределах XI—XVII вв. дает благодатную почву для характеристики закономерностей в области палеографии как в Дагестане, так и в отдельных его районах.

Изучение сохранившихся памятников X—XVII вв. выявило весьма интересное обстоятельство: общее количество надписей XI—XV вв. значительно превышает количество обнаруженных ныне памятников эпиграфики XVI—XVII вв. Вернее, как правило, в районе одного отдельно взятого аула памятники XII—XV вв. сохранились в значительно большей степени, чем за последующие два века. В таких, например, населенных пунктах, как Тпиг, Рича, Рутул, Хнов, Фите, Хив, Архит и т. д., надписи XVI—XVII вв. — редкое явление, в то время как XIII—XV вв. представлены значительным количеством лапидарного наследия. Исключение, правда, представляют Кумух и Хули, в которых обнаружены в основном надписи XV—XVII вв. Но это, как уже указывалось, отступление от общего правила.

Чем это объяснить? В настоящее время представляется трудным ответить вполне обоснованно на этот вопрос. Можно выдвинуть предположение о том, что немаловажную роль сыграл наряду с другими факторами процесс образования крупных населенных пунктов. Дело в том, что крупный аул, сложившийся в основном к XV в., в последующем разрастался, занимая новую территорию, в том числе и ту, что была занята надписями-эпитафиями XVI—

XVII вв. Это один из вариантов объяснения вопроса. Кстати, на заброшенных поселениях эпиграфический материал сохранился в более удовлетворительном состоянии, чем в населенных пунктах, ныне функционирующих.

Необходимость изучения арабской палеографии общепризнана. В этом отношении особый интерес представляют надписи X—XIV вв., палеографические особенности которых позволяют выработать эталоны в пределах одного века. При характеристике этой группы памятников нам придется отступить в одном случае от намеченного нами принципа территориально-хронологической характеристики в интересах того же принципа: выделить в особую группу и прежде всего дать описание датированных памятников.

Переход в XV в. на насх лишило исследователей возможности оперировать данными палеографии при отсутствии самой даты. Поэтому палеографические особенности надписей XVI—XVII вв. мы не отмечаем особо. На первый план в качестве датирующего материала выступают поэтому орнаментальные мотивы, техника нанесения надписи или орнамента, формы надмогильного памятника.

В работе мы постарались дать более или менее полное описание памятника (фотографию, размеры, внешние признаки, текст, перевод).

¹ Крачковский И. Ю., 1941, с. 26.

² Крачковская В. А., 1929.

³ Крачковская В. А., 1946; Она же, 1949; Она же, 1949а; Она же, 1952; Она же, 1954; Она же, 1963.

⁴ Юсупов Г. В., 1960.

⁵ Нейматова М. Х., 1959; Она же, 1963б.

⁶ Большаков О. Г., 1958; Он же, 1963.

⁷ Кахиани Ц. П., 1965.

⁸ Алекерзаде А., 1947; Он же, 1947а; Он же, 1956.

⁹ Мухтаров А. М., 1978; Он же, 1979.

¹⁰ Подробно о работе указанных ученых см.: Лавров Л. И., 1966.

¹¹ Пахомов Е. А., 1929; Он же, 1929а; Он же, 1930.

¹² Пахомов Е. А., 1929а.

¹³ Пахомов Е. А., 1930а.

¹⁴ Крачковская В. А., 1938; Она же, 1951; Она же, 1958; Она же, 1963а.

¹⁵ Нейматова М. Х., 1955; Она же, 1955а; Она же, 1959; Она же, 1963а; Она же, 1963б.

¹⁶ Саидов М.-С., 1957.

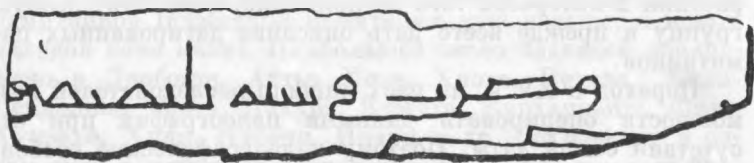
¹⁷ Гюзальян Л. Т., 1963; Иванов А. А., 1977.

¹⁸ Лавров Л. И., 1966; Он же, 1968.

¹⁹ Подробнее см. рец.: Хашаев Х. О., Шихсаидов А. Р. — Сов. этнография, 1968, № 1.

ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ X—XIV ВВ.

1. Сел. Кочхюр (Курахский район). Прорисовка, чтение и перевод надписи опубликованы Л. И. Лавровым¹, фотография не издана. Сохранилась только одна строка и первая часть датировки (рис. 1)

... была укреплена в году триста...

Так как десятки и единицы не указаны, то датировка предполагается в пределах 912—1009 гг.

Характерные особенности текста: отсутствие точек, одинаковое написание букв *ми* и *та* *марбута* в виде треугольника основанием вниз. Все буквы — на линии, кроме *йа*. *Сад* трактован в виде двух параллельных линий, соединенных косыми черточками. *Вав* и *фа* — сохраняют угловатость. *Дад* вырезан необычно, как соединение двух косых линий под острым углом. Наиболее характерен *син* в середине слова — все зубцы на одинаковом уровне (это обстоятельство служит одним из датирующих признаков) и выведены с небольшим уклоном влево. *Лам* встречается только один раз, высок и дан под прямым углом к строке. Буква *та* в конце слова открыта слева.

2. Сел. Ихрек (Рутульский район). Эту надпись в 1885 г. видел Г. И. Радде. Впоследствии о ней упоминает М. Дечи². Прорисовка, чтение и перевод изданы Л. И. Лавровым (прорисовка имеет неточность)³. Фотография не издавалась. Надпись вмонтирована в северную стену их-

بنا هذا المسجد بعد ما خرب [] ٢٠ سنة
سبع واربع مائة

- (1) Построил эту мечеть после того
как она была раз[рушена]
- (2) Год четыреста седьмой.

рекской мечети, врезана на прямоугольной каменной плите (62×18 см) с указанием даты — 407 г. хиджры (с 10.VI 1016 по 29.V 1017 г.). Почерк — строгое простое куфи, строк — две. Левая часть надписи обломана, текст — неполный (рис. 2).

Ихрекская надпись дает больше возможностей проследить за характером письма, чем надпись из Кочхюра, здесь некоторые буквы (алиф, ба, син, айн, та марбута) встречаются по два или даже три раза.

Буквы, встречающиеся в обеих надписях, имеют почти одинаковое написание. Угловатость букв везде ярко выражена, кроме дуг, уходящих под строку, отогнутых почти полукругом. Буквы не растянуты, компактны, в основном

все на горизонтали, кроме дуг *ра*, *айна* и *вава*, уходящих под строку.

Алиф и *лам* одинаковой высоты в виде вертикальной черты, без заметного утолщения в верхней части, превышают низкие буквы примерно в два раза.

Низкие буквы почти одинаковой высоты, за исключением *айна* и *вава*, треугольники которых подняты над строкой. Зубцы *нуна*, *сина*, подставки для *хамзы* одинаковой высоты, под прямым углом.

Особый интерес представляет начертание *джима* в середине слова, в виде горизонтальной черты, перечеркнутой слева направо косой чертой, уходящей под строку. Эта особенность *джима* будет повторяться впоследствии в надписях XII—XIII вв. в начертаниях букв данного типа. Начальная *ха* снабжена небольшим отростком вправо.

Рисунок *дал* и *зал* одинаков, но последняя буква крупнее. *Ра* уходит под строку в форме дуги.

Син (как и в надписи 1 из сел. Кочхюр) — это три низких зубца одинаковой высоты, соединенные линией снизу, без исключения. Подобное начертание *сина* в надписях XII—XIV вв. ни разу не встречалось.

Айн встречается один раз в срединном положении и два раза в конечном в виде треугольника острием вниз, в то время как *мим* и *та марбута* представляют собой треугольники основанием вниз.

Ха в начале слова также имеет форму треугольника, рассеченного пополам вертикальной линией.

Характерным является также отсутствие диакритических знаков. Только в единственном случае обозначена огласовка.

3. Дербент (?). Надпись хранится среди материалов (эстамп) К. В. Фезе и опубликована (копия, частичное чтение, перевод) Л. И. Лавровым⁴ (рис. 3). Местонахождение надписи неизвестно. Е. А. Пахомов относит ее к Дербенту, но это не обосновано⁵. Надпись плохо читается, однако те строки, которые читаются, используются для палеографических таблиц, так как при обычных «весьма несовершенных копиях» данный эстамп сделан превосходно⁶. При этом мы учитываем также, что в эстампе не могли найти отражения такие «тонкости», как характер и сравнительная величина зубцов *сина*, но тем не менее общую характеристику дать представляется возможным.

Надпись датирована, таким образом, 28 зи-л-када 411 г., что соответствует 15 марта 1021 г.

... в ...

матриц n и константных n (6)

•••*nyhny*

(7) *Ахмаду сына Са'да, сына ах-Ма-*

$$u_n \dots (9)$$

[Aax]

мѣстоу. *Въ* ономъ же мѣстоу

(1) Во имя Аллаха милостивого,

في سنة احدى عشرة واربعمائة

محققان در این زمینه به این نتیجه رسیدند که (۱۰) و (۱۱)

...رحمہ ورحمہ اللہ رحمہ اللہ (۹) یوفی رحمہ اللہ

(۸) ... ۱۲۳۴۵۶۷۸۹۰

3

[illegible]

(10) *ночь четвертого, когда оставалось две ночи зи-л-када четверста одиннадцатого года*⁷.

Алиф и *лам* обязательно заострены в верхней части в ту или иную сторону, начальный *алиф* имеет чуть утолщенный отгиб вправо под прямым углом. *Лам* в срединной позиции (в слове «*Аллах*») соединяется слева небольшой дугой, уходящей под горизонталь. *Ба* в начале слова *бисми* («*во имя*») по высоте равен *алифу*, как и *йа* в слове *ар-рахим*, имеющий вдобавок петлю, уходящую вниз для соединения со следующей буквой. *Ха* (без соединения справа) имеет форму небольшой горизонтальной черты с отходящей вверх чертой, образующей фигуру в виде перевернутой *S*. *Ха* же в центральном положении — это два небольших параллельных отрезка, соединенных косой черточкой. *Дал* снабжен сверху небольшим отростком. *Ра* только наполовину уходит под строку, конечный *нун*, имеет высоко поднятый вверх хвостик (как и *ха*); *син* имеет зубцы одинаковой высоты; *айн* имеет форму дуги, *мим* везде имеет круглое ушко. *Айн* в середине слова имеет высокую форму, подобно стоящему рядом *кафу*, но снабжен в верхней части чертой.

4. **Дербент.** Надпись в южной городской стене над воротами Ортакапы. С этой надписи неоднократно снимались копии, однако наиболее точная копия издана вместе с неполным переводом Н. В. Ханыковым⁸. Рисунок копии с чтением текста и более точным переводом издал Л. И. Лавров⁹ (рис. 4). Надпись на двух плитах ракушечника (115×60; 50—55×60 см), состоит из трех частей (текст — в центре).

Прямоугольное центральное поле с плоскорельефной надписью образовано лентой заподлицо с остальной поверхностью, куфическая надпись нанесена здесь посредством выемки фона. Продолжение надписи идет вразброс по трем сторонам от центрального поля, надпись врезная. По краям вырезано в низком рельефе два шестилепестковых цветочка.

Почерк не растянут, прост, знаки чтения отсутствуют. Вершины букв срезаны то вправо, то влево, вертикали длинных букв не слишком высоки. Начальные *алифы* уходят

א) בשם אללה הרחמן הר' (ב) חים זה אעמל... (ג) ابن
... واحد بن ابو (د) على بن يونس [و]... بن عباد (ه) في
شهر رجب سنة

ك) من (ل) هجرة (م) النبي (ن) خمس (و) وثلثين (ز)
واربعما (ح) ية

ط) باسم الله الر' (ب) من الرحيم (ج) [لا] اله الا الله محمد
(د) [و] [س] سول الله... (ه) بعد... (و) وسلم
ز) رحمه (ب) الله (و) (ج)...

(1) Во имя Аллаха, милостивого, мило-

(2) сердного. Это работа...

(3) сына...¹⁰ и Ахмада б. Абу (?)

(4) *Али сына Йунуса [и] сына...*¹¹

(5) *в месяце раджаб в год*

(текст слева)

(1) *по* (2) *хиджре* (3) *пророка* (4) *пять*

(5) *и тридцать*

(6) *и четыре-* (7) *ста*

(текст внизу)

(1) *Во имя Аллаха ми-*

(2) *лостивого, милосердного*

(3) *[нет] бога кроме Аллаха, Мухам-*
мад

(4) *[по]сланник Аллаха*

(5) *...после...*

(7) *...и да приветствует*

(текст справа):

(1) *Да помилует его*

(2) *Аллах (3—5)...*

острым концом под строку, что не свойственно соседнему ламу. Лам, соединенный с двух сторон, связывается (как и в надписи 3) с последующей буквой посредством дуги под строкой, конечный лам (в слове *амила*) опущен также нижней частью ниже горизонтали, в то время как при отсутствии связки справа буква остается на строке (как и в надписи 3). Ба имеет два написания, в рельефной надписи в слове *бисми* — до уровня *алифа*, как бы продолжая зубцы *сина*, растущие вправо, во врезном же тексте *ба* в начальном положении трактуется ниже первого зубца *сина*. Йа в середине слова оформлен на манер высоких букв. Хā не имеет вычурных завершений, представляет собой горизонтальную черту с отходящей от середины дугообразной чертой. Ра и конечный нун одинаковы. Син резко убывает влево, но встречается и с равными острыми зубцами. Айн в начале слова имеет форму дуги, открытой справа и чуть уходящей под строку. Вав — на строке в виде цифры 9 с поворотом линии под прямым углом. Мим

круглый, в конечном состоянии снабжен отростком вверх. $\bar{X}a$ в начале слова дано в виде разделенного черточкой пополам треугольника, а конечное $x\bar{a}$ поднято высоко.

5. Дербент. Надпись расположена примерно в 400 м к югу от южной стены, близ цитадели. Эта могила известна под названием Джум-джум. Подробные сведения предыдущих авторов об этой могиле приведены у Л. И. Лаврова. Прорись надписей издана Н. В. Ханыковым и переиздана Л. И. Лавровым, он же издал фотографию общего вида памятника и уточненный перевод надписей¹².

Мы сделали обмеры памятника и сфотографировали его сохранившиеся надписи на торцовых частях полуцилиндрического надгробия (рис. 5, а—в).

Длинное, горизонтально поставленное надгробие полуцилиндрической формы имеет длину 345 см (верх) и 329 см (низ), высоту 81 см при ширине у основания 69 см. В плане надгробие имеет полукруглую форму. По обеим продольным сторонам надписи.

Данный памятник — один из самых ранних в Дагестане, отмеченный датой, а именно 469 годом хиджры (=5.VIII 1076—24.VII 1077 г.). Памятник приобретает особую ценность также и потому, что в нем представлены две разновидности куфи — простое и цветущее, а также два приема нанесения надписи (рельефная и врезная).

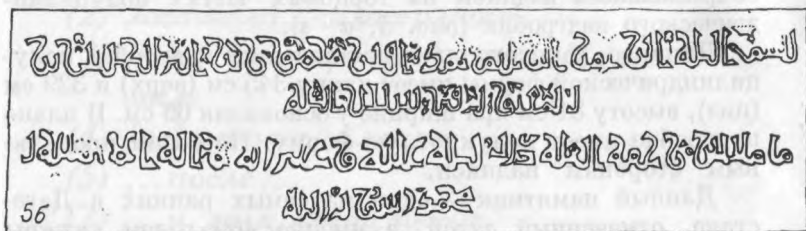
В настоящее время боковые эпиграфические полосы сильно стерты, улавливаются лишь очертания отдельных букв (рис. 5, а), торцовые же надписи (простой куфи, врезная надпись) хорошо сохранились (рис. 5, б, в).

Надписи на продольной стороне сохранили имя покойного

Если сравнить прорись этой надписи, изданную Н. В. Ханыковым (по рисунку Г. С. Твердохлебова), с фотографией надписи, то убедимся не только в том, что за 120 лет надпись значительно стерлась, но и в том, что копия была снята весьма добросовестно. Это позволяет использовать копию Г. С. Твердохлебова для выделения палеографических эталонов.

С точки зрения палеографии для надписи (речь идет о той части, которая нанесена в стиле цветущего куфи) характерны (рис. 5, а):

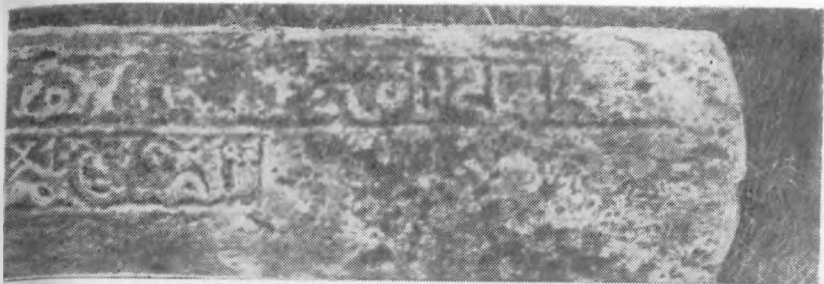
Алиф в начальной форме — это высокий ствол с острым в верхней части, обращенным вправо, и отходящим в нижней части под прямым углом небольшими отростками. Конечный *алиф* — точно такой, как и начальный, если не

بِسْمِ اللَّهِ الرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ هَذَا قَبْرُ مُحَمَّدِ بْنِ
 أَبِي الْحَسَنِ بْنِ (٢) الْمَقْتُولِ فِي سَبِيلِ اللَّهِ
 مَا مَبْشَرُ رَحْمَةِ اللَّهِ زَادَ اللَّهُ عَلَيْهِ وَعَلَى آلِهِ
 إِلَّا اللَّهُ وَ(٢) مُحَمَّدٌ رَسُولُ اللَّهِ

Во имя Аллаха, милостивого, милосердного. Это могила Махмуда б. Аби-л-Хасана, сына убитого за веру.

...Да помилует его Аллах, да увеличит Аллах [помилование] ему и его роду. Нет божества, кроме Аллаха, и Мухаммад посланник Аллаха¹³.

имеет связки справа (в слове *хаза*), или же более упрощенный, с чуть отогнутым влево верхом (в слове *илла*, вернее в лигатуре *лам-алиф*).

Лам — встречается неоднократно, с последующей буквой соединяется дугообразной линией, а не под прямым углом. Трактван высоко, с острым навершием, обычно обращенным влево, за исключением только второго *лама* в слове *Аллах*. Конечный *лам* нанесен на строке, обычное дугообразное завершение как бы искривлено в середине.

Ба — начальное или же срединное поднято высоко, на уровень *алифа*, чуть выше правого, самого высокого зубца *сина* в слове *бисми*. Только в слове *бн* эта буква выведена обычно, т. е. не поднята высоко вверх.

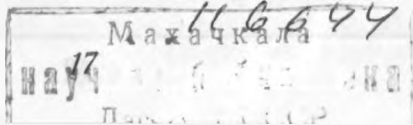
Та — дана один раз, в срединной форме, это невысокий вертикальный ствол с клиновидной вершиной. Надпись характеризуется также полным отсутствием диакритической пунктуации и знаков чтения. В отдельных только случаях для заполнения фона прибегают к растительному орнаменту.

Нун — в нашем тексте только конечный, и он полностью повторяет букву *ра*.

Йа — везде в срединной форме, чуть выше обычного, а в ряде случаев — на уровне *лама*.

Ха — написание этой буквы двояко в словах: *ар-рахман* *ар-рахим* и *рахимаху*, т. е. в позиции, когда *ха* не соединяется справа, она принимает форму, почти похожую на *ра*, конечный *нун*, но отличную только в своем начале; а в позиции, когда соединение двустороннее (в словах *Мухаммад*, *Махмуд*, *ал-Хусайн*) — это горизонтальная линия в сочетании с *з*-образной фигурой.

Дал — в слове *Мухаммад* повторяет точно *зал*, а в слове

Махмуд, т. е. в изолированном состоянии, полностью схож с *нун* или *ра*.

Ра — почти во всех случаях изящно изогнутая, «стремящаяся уйти» налево и вверх, *з*-образная фигура, часть которой поднята на уровень *алифа* и *лама*. Только один раз в слове начальная *ра* начертана просто, в виде полукруга.

За — полукруг с отогнутым чуть вправо «хвостом».

Син — встречается 4 раза, но начертания различны (возможно, не совсем точно скопированы). При всем этом, во всех четырех случаях *син* представляет собой букву из трех зубцов, обычно на горизонтали, постепенно уменьшающихся влево и не всегда соединенных между собой под прямым углом. *Шин* — это повторение *сина*.

Каф мы видим и в начальном и в срединном положении, он необычно высок, это подчетыреугольная или же с круглыми очертаниями фигура, «насаженная» на вертикальную черту.

Мим — то совершенно круглый, то подтреугольный, невысокий, в конечной позиции с высоко поднятым, а затем отогнутым влево «хвостом», как бы гармонируя и «подражая» буквам *ра* и *дал*.

Ха — начальная встречается лишь один раз в виде двух соединенных на горизонтали круглых или подчетыреугольных фигур. *Ха* конечная, во всех случаях — это подтреугольное основание с отходящим от него справа налево хвостом. С предыдущей буквой соединяется дугой, уходящей ниже букв, ею соединяемых.

Таким образом, в общих чертах палеографические особенности надписи 469 г. х. (=1076—1077 г.) дают возможность привлечь их в качестве эталонов в ходе датировки других надписей в стиле цветущего куфи.

Теперь обратимся к остальным врезным надписям надмогильного камня, нанесенным в стиле простого куфи (рис. 5, б, в). Текст и перевод их были также изданы Л. И. Лавровым, но фотографии не были опубликованы.

а) Поле с надписью обрамлено двумя параллельно идущими линиями. Само трапециевидное поле завершается полукруглой аркой с растительным навершием. Внутри — пальметта. Над верхними краями поля возвышаются полупальметты. Буквы высокие, глубоко врезаны, хорошо сохранились. Диакритические знаки полностью отсутствуют.

اللهم اذا (٢) جمعت الا (٣) ولين والا (٤) غرين
 فاغفر (٥) لعبد (٢) ا (٦) لفقير صا (٧) حب هذا
 القبر ر (٢) حمه الله (٣) سنة تسع (٤) وستين
 (٥) واربعما (٦) ية

а) Надпись на южной стороне

- (1) Боже, когда (2) соберешь пер- (3) вых
 и по- (4) следний, то прости (5) твоего
 раба (6) бедного обла-
 (7) дателя этой

б) Надпись северной стороны (это продолжение предыдущей надписи)

(1) *моилы! Да по-*

(2) *милует его Аллах!*

(3—6) *Четыреста шестьдесят девятый год.*

469 г. х. соответствует времени между 5.VIII.1076 и 24.VII.1077 г.

Характерные особенности начертания отдельных букв.

Алиф в начальной форме верхним острием скошен влево, а внизу чуть отогнут вправо под тупым углом (эта особенность не всегда прослеживается по копии Н. В. Ханыкова). *Лам* — по высоте равен *алифу*, вершины скошены влево, соединяется горизонтальной линией на строке, ни разу не опускаясь ниже горизонтали. Связка *лам-алиф* встречается дважды, вершины на одном уровне, срезами обращены внутрь. Ниже скрещенных криволинейных стволов образуется треугольник, лежащий на строке.

Ба в начальной и срединной формах имеет (как и *та*, *нун* и *йа*) невысокий прямой ствол, а конечный похож на *дал*. *Та* в конце имеет форму открытого слева прямого угла, а конечный *нун* — это расположенный на строке невысокий ствол с чуть скошенной влево вершиной и с продолжением под строку, еле выраженным. *Йа* везде состоит из прямого ствола, выше обычного, со срезом влево.

Джим, как *ха* и *ха*, — в виде наклонного ствола, соединенного под острым углом, открытым влево.

За — в соединении или отдельно (в начальной форме не встречается) — это две короткие параллельные линии, соединенные справа.

Каф — точное повторение *за* с коленообразным отростком сверху.

Сад — две горизонтальные полосы, закрытые с обеих сторон.

Ра имеет форму дуги, открытой влево, нижняя часть уходит под строку. Срез вершины еле заметен.

Син встречается три раза, зубцы скошены влево, соединены горизонтальной линией, уменьшение черточек влево едва заметно.

Айн во всех трех случаях встречается в срединной форме в виде треугольника с острыми углами, одним углом опирающегося на строку.

Фа, как и каф, вырезан в виде дугообразной петли, поднятой почти до уровня алифа и прилегающей к вертикальному стволу, всегда соединен с соседними буквами на строке горизонтальной линией. Вав полностью над строкой.

Мим — в центре всегда кольцообразен, соединяется по горизонтали, чуть опускаясь нижней половиной кольца под строку. В конечной форме встречается в тексте только один раз (в слове *аллахумма*) и вырезан своеобразно: кольца на строке, а ствол — под строкой, но идет с правой стороны, а не с левой, как обычно.

Ха — в срединной форме представляет собой кольца, разделенные дугой над две части. В конце — это сравнительно высокий треугольник с острыми углами, от верхнего угла которого отходит вверх и влево небольшой отросток.

6. Дербент. Небольшая надпись, обнаруженная Е. А. Пахомовым севернее городских стен. Фотография не была снята, но эстамп Е. А. Пахомова (он же представил чтение и перевод), опубликованный Л. И. Лавровым, доброкачественный (рис. 6).

في سنة ثلث وسبعين واربماية

В четыреста семьдесят третьем году¹⁴

473 г. хиджры = 22.VI 1080—10.VI 1081 г.

Такое чтение даты, т. е. 473 г., предложено Е. А. Пахомовым, но Л. И. Лавров предполагает, что «отсутствие диакритических точек одинаково допускает прочесть и

473 и 493»¹⁵. Палеографический разбор подтверждает правильность первой точки зрения. Дело в том, что буква *син* в сочетании с подставкой для *нуна* в слове *санат* (*год*) в данном случае имеет своеобразное написание, его стволы не соединены, как обычно, горизонтальной линией, так что первый зубец вырезан (или *дан* в рельефе) ниже двух других. Одним словом, вторая и третья вертикали даны над строкой. Слово, означающее цифру, мы можем поэтому уверенно читать как *семьдесят*, а не *девяносто*.

Характерно также, что *син* имеет зубцы одинаковой высоты, все они в верхней части скошены влево (как и в буквах *нун*, *са*, *ба*).

Вертикали всех букв имеют почти одинаковую высоту. *Ба*, *нун* и *йа* в середине не отличаются друг от друга, только *нун* и *ба* связываются с последующей буквой дугообразной чертой, а *йа* — по горизонтали. Конечный *нун* подобен *ра* из надписей 4 и 5. *Са* до сих пор еще в предыдущих надписях не встречалось, в данном случае буква встречается два раза. В начале слова, как уже отмечалось, имеет форму высокой вертикали, а в конечной позиции — это соединение двух черточек под прямым углом.

Айн трактован крупно, сразу бросается в глаза. Резчик придал букве форму треугольника острием вниз и снабдил ее «шапочкой».

Айн в конце слова снабжен петлей, высоко поднятой и загнутой полукругом влево.

Вав стоит отдельно под буквой и имеет форму *вава* из надписи 5.

В тексте особняком стоит слово *четыреста*. Создается впечатление, что обозначить эту цифру не входило в планы резчика, потому и места осталось мало, да и писать пришлось в два ряда. Почерк отличается от предыдущего текста, здесь больше курсива.

7. Сел. Гельмец (Рутульский район). Расположена в стене частного дома. Надпись (50×18 см) в 4 строки (рис. 7)

Это одна из самых ранних датированных строительных надписей, обнаруженных на территории Дагестана. Палеографически эта надпись имеет много общего с надписью 2 из сел. Ихрек (1016—1017 г.). Письмо весьма простое, без надстрочных и подстрочных знаков, кроме точек. Это первый текст, почти полностью снабженный точками. Характерно имя строителя *Уста сын Гайдана*: если первое слово мусульманское, то *кунья* (*сын Гайдана*) связана

قد عمل اسة ابن عيداز (٢) غفر الله عنه في سنة
 خمس (٣) مائة وتسع وعشرة سنة هجر (٣) رة
 النبي صلى الله عليه

(1) Построил (это здание Уста сын
 Гайдан (или Гайдāз) —

(2) — да простит его Аллах — в году
 пять-

(3) сот девятнадцатом по хидж-

(4) ре пророка — да благословит его
 (Аллах).

519 г. х. = 7.II—29.XII 1125 г.

с местным домусульманским именем. Само же слово может быть передано и как имя, и как профессиональное звание (мастер).

Надпись врезная, в четыре строки, без басмалы. Текст сразу же вводит имя строителя и его кунью.

Алиф, неоднократно встречаемый, выведен нижним концом под черту, концы высоких букв четко не выражены. Написание ба, букв этой группы, ха, та, дал, мим обычно. Джим представлен в виде крестика. Сад — две параллельные линии, ограниченные двумя косыми черточками.

Ра и *нун* выведены одинаково как одна буква. *Син* имеет уже тенденцию к убывающей влево высоте зубцов. *Айн* встречается во всех трех позициях. В начальной форме он встречается три раза, а в конце слова он выведен как треугольник с уходящей вниз вертикальной линией. *Фа*, *каф*, *вав* снабжены непременно треугольной петлей, а конечный *йа* сопровождает длинная черта с изломом, как и в следующей надписи (рис. 8) из селения Рутул.

8. Сел. Рутул (Рутульский район). Эта надпись обнаружена М.-С. Саидовым в селении Рутул в 1953 г. и доставлена им в Институт ИЯЛ. Впервые опубликована Л. И. Лавровым¹⁶. Издана прорись, надпись воспроизведена лишь с незначительными неточностями. Внешние и палеографические особенности не подвергались описанию. Фотография дается здесь впервые (рис. 8). Текст в пять строк нанесен на местный строительный камень (песчаник) четырехугольной формы (37×27 см)

Эта надпись — прекрасный образец каллиграфии.

Алиф — вершина ствола заострена то в левую, то в правую сторону в зависимости от стремления сохранить симметрию, а нижний конец чуть отогнут вправо.

Ба — встречается 4 раза, причем 3 раза подставка подпрямоугольная с небольшим заострением влево. Только в середине слова *ба* дается чуть выше соседних букв с лигатурой под резко прямым углом.

Нун — встречается 5 раз в самых различных позициях и начертаниях. В начале, в слове *хакаках* — это маленькая черточка, чуть заостренная влево и соединенная с горизонтальной чертой под прямым углом. В слове же *Налки нун* имеет более высокий ствол и лишен утолщения, но точка над черточкой хорошо видна, в слове *ибн* он имеет хвостик, высоко поднятый до уровня *алифа* и в пример ему заостренный вправо. Но конечный *нун* в слове *арбаинь*, который пришелся на самый край камня, выведен наподобие *ра* в насхе, но с точкой. Срединное положение в слове *сана* (год) обычно, как и в насхе.

Ха — встречается только один раз в слове *ал-мухarrам* в виде горизонтальной линии, пересекаемой другой клиновидной линией острием вниз (точно так же, как и надписи 2 из Ихрека). *Ха* — встречается три раза, причем в слове *ал-ханаках* в виде горизонтальной черточки, перечеркнутой изогнутой линией. Точка над буквой отсутст-

بِمَا أَمَرَ بَعِمَارَةَ هَذِهِ الْحَا (٢) نَدَاهُ عَبْدُ الصَّمَدِ (٣)
 ابْنُ نَلْكَ فِي شَهْرِ (٤) مُحَرَّمِ سَنَةِ خَمْسٍ وَارْبَعِينَ
 (٥) وَخَمْسِ مِائَةٍ

- (1) Из того, что приказал пост-
роить этот ха-
- (2) нака Абд ас-Самад
- (3) сын Налки (?) — в месяце
- (4) мухаррам года сорок пять
- (5) и пятьсот...¹⁷

Мухаррам 545 г. х. = 30.IV — 29.V 1150 г.

вует. В двух остальных словах написание *х*а обычно похоже на *насх*, имеет точку.

Дал — написание буквы в двух словах разнится в зависимости от направления лигатуры предыдущих букв.

Зал имеется в тексте только один раз, точно повторяет букву *дал*, но с точкой.

Каф — в обоих случаях написание одинаково, в виде двух горизонтальных полос, соединенных с правой стороны. Левый конец верхней полосы резко поднят вверх и вправо, завершаясь завитком в один или полтора оборота. Лигатуры различны: в одном случае — это горизонтальная линия, в другом — косой штрих.

Сад встречается один раз в слове *Абд ас-Самад* в виде двух горизонтальных линий, соединенных под острым углом двумя черточками. Он занимает место, отведенное примерно для трех букв.

Ра встречается в словах 5 раз, представлена тремя формами в зависимости от тяги к симметрии или же от начертания соседних букв. В первой строке в словосочетаниях *амара би имарат ра* трактовано в виде эффектно выведенной перевернутой *S* с вершиной, поднятой до уровня алифов с небольшим утолщением в конце нижнего завитка. В одном случае *ра* опущена чуть ниже горизонтали. В третьей строке в словосочетании *фи шахр* полукольцо основания *ра* резко поднимается прямо ниже уровня последующего алифа и на уровень предыдущего завитка. *Йа* высоко поднято под влиянием соседних *каф* и *фа* или же строки в целом. В четвертой строке в слове *ал-мухаррам* написание *ра* такое же, как и в первой строке, а в слове *арба'йн* написание *ра* обычное, т. е. как в *наске*. Точно как *ра*, но с точкой, выведен конечный *нун* в этом же слове.

Син встречается трижды, один раз в начале слова и два раза в конце. Начальный *син* — это три зубца, выведенные по убывающей (но не очень резко) высоте и соединенные горизонтальной черточкой. В слове *хамс* конечный *син* имеет зубцы, резко убывающие в высоте влево, а орнаментальный значок резко поднят вверх до уровня других букв в строке, так что он похож на *ра* в слове *шахр* с той лишь разницей, что в *ра* ствол обращен острием влево, а здесь вправо. Зубцы *синов* во всех местах чуть наклонены влево. *Син* в слове *хамсамиат* написан своеобразно, как в *наске*, без эффектно выброшенной петли, с учетом его положения в слове, которое можно написать и слитно,

и раздельно, а также того обстоятельства, что при слитном написании в строке осталось бы неиспользованное место. Вообще последняя строка написана как бы на скорую руку и без расчета на сильное впечатление. *Шим* снабжен тремя точками, небольшой наклон влево убывающей высоты зубцов еле заметен.

Айн трактован в середине слова в форме треугольника основанием вверх, а в начале — это горизонтальная линия с дугой.

Фа — в виде треугольника, одна сторона которого продолжена и соединена с горизонтальной линией, переходящей в *йа*.

Мим встречается в тексте 9 раз во всех положениях (в начале, середине и конце слова). Основное начертание в виде треугольного ушка. Конечная форма имеет продолжение как продолжение одной из сторон треугольника. В одном случае *мим* под влиянием соседних букв снабжен навершием. Во всех случаях буква имеет форму равно-стороннего треугольника острием вверх, чем и отличается от *айна*.

Ха также встречается во всех положениях. В слове *хазихи* — это два треугольника, соединенных основаниями. Но в слове *шахр ха* написано иначе — два четырехугольника, наложенных один на другой. Конечный *ха* в слове *хазихи* трактован как *мим*, а в слове *ханаках* он имеет форму треугольной петли с навершием, увенчанным ромбиком в соответствии с графическим изображением букв в строке.

Та марбута представлена в двух формах, с точками и без них.

Вав написан двояко: в первый раз наподобие предлога *фи* — это треугольник с завитком, который три раза ломается под углом и завершается полуоборотом. В другом же случае *вав* обычен — это треугольник с лигатурой. Эта буква, как и предлог *фи*, — на горизонтали.

Йа встречается три раза, все написания различны: в слове *Налки* под влиянием соседнего *кафа* завершается спиралью в полтора оборота; в предлоге *фи* под влиянием соседней буквы *йа* имеет высокое продолжение, похожее на *алиф*. Серединный *йа* в слове весьма необычен.

Выше мы указывали, что данная надпись весьма интересна с точки зрения палеографии. Она интересна также по части ее декоративных возможностей. В. А. Крачковская указывала, что со времени арабского завоевания

в Средней Азии куфи в той или иной стилистической обработке неизменно оставался одним из самых ярких элементов декоративного искусства¹⁸. Наша надпись также дает куфи, декоративные возможности которого автор, несомненно, хочет использовать с наибольшей полнотой. Прежде всего обращает внимание хорошо развитое чувство симметрии у писца, равномерное распределение строк по полю, а декоративные элементы распределены равномерно по строкам. В первой строке два *алифа* как бы гармонируют с последним *ал*. Оба *алифа* — это высокие стройные стволы с заострениями, обращенными в разные стороны. Буква *ра* дважды написана одинаково в виде опрокинутого S.

Во второй строке *ха* в слове *ханаках* и *мим* в составе имени *Абд ас-Самад* одинаково высоко подняты, расположены на одинаковом расстоянии от краев. Определенный член в виде двух стройных стволов занимает центр строки. В целях сохранения симметрии *сад* вытянут по горизонтали и гармонирует с таким же *каф*. Два *даля* как бы завершают эту гармонию.

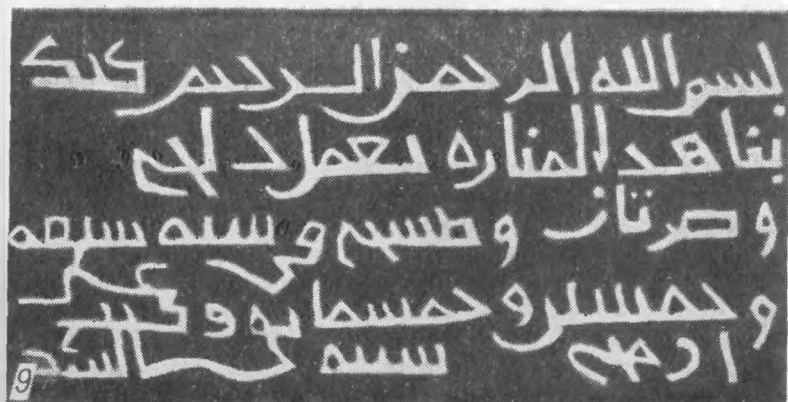
В третьей строке в интересах симметрии в конце строки нанесен *алиф*, относящийся к слову в следующей строке. Таким образом, по краям строки вытянулись вертикали четырех букв, а окончание *йа* как бы подражает начертаниям *алифа*, *нуна* и *ра*. В слове *Налки* и *каф*, и *йа* имеют одинаковую спиралевидную часть. В четвертой строке симметрия соблюдается путем поднятия букв вверх на одинаковом расстоянии друг от друга.

Важно также и то, что это самая ранняя из надписей, где соблюдены диакритическая пунктуация и знаки чтения.

9. Гельмец (Рутульский район). Арабский текст надписи и перевод были опубликованы Н. В. Ханыковым в «Археологических известиях» в 1850 г., а рисунок из альбома Н. В. Ханыкова вместе с текстом и переводом издан Л. И. Лавровым (рис. 9).

Дата здесь, как правильно отметил Л. И. Лавров, может быть прочитана двояко — 557 г. х. = 21.XII 1161 — 9.XII 1162 г. или же 559 г. х. = 3.XI 1163 — 17.XI 1164 г. В целом арабский текст разборчив, но ряд слов уверенно не читается (слово после басмалы в первой строке и вся последняя строка). Надпись в настоящее время не обнаружена.

Текст в четыре строки, уплотнен. Написанная после уже известной нам гильмецкой надписи 7 примерно через

بسم الله الرحمن الرحيم ضبط (٢) بنا هذا المئذنة بعمل
 حاجي... (٣) وصرتان وطسجي في سنة سبعة (تسعة)
 (٤) وخمسين وخمسمائة و (٥) كتي على ارمجي (٦) استند

- (1) Во имя Аллаха, милостивого, милосердного. Руководство
- (2) строительством этого минарета осуществляли Хаджжи...
- (3) и Сартан и Тасджй. В году семь (или девять)
- (4) и пятьсот пятьдесят. А писал Али
- (5) ...мастер¹⁹

40 лет, она характеризует как сходство, так и различие двух надписей, дает возможность проследить как устойчивые начертания букв, так и изменения в каллиграфии. В обоих случаях сохраняется чистота фона, соблюдаются диакритические знаки, сходно начертание большинства букв. Отличие заключается в том, что в данной надписи начальное *ба* в первой строке (*басмала*) вытянуто вровень с высокими буквами, хотя во второй строке это не соблюдается; *синь* имеют зубцы одинаковой высоты, в ряде случаев стволы букв чуть скошены влево; *ха* в начальной форме — это вытянутый четырехугольник, разделенный пополам; *вав* имеет завершение под строкой.

10. Рутул (Рутульский район). Текст и перевод надписи опубликованы Н. В. Ханыковым в 1862 г.²⁰, а рисунок вместе с переводом издан Л. И. Лавровым²¹. В настоящее время камень с надписью не обнаружен. Надпись в три строки

هذا بيت فوغان ابن صابی بناه (۲) کوتو ابومساک
البناء فی شهر ذی (۳) الحجة سنة اثنين وسبعین
وخمسماية

- (1) Это дом Фӯғана, сына Ҷабӣ. Его построил
- (2) Кӯтӯ Абӯ Мисак-строитель в месяце зи-
- (3) -л-хиджжа пятьсот семь(десять) второго года.²²

Зу-л-хиджжа 572 г. х. = 21.V—19.VI 1177 г.

Это уже вторая по возрасту датированная надпись из Рутула, но она отличается от более ранней (рис. 8)²³ строгостью букв, незамысловатостью, отсутствием рассчитанного на зрителей эффекта букв, простотой начертаний, свойственной простому куфи. В то же время можно найти много общего с начертаниями букв в надписи на рис. 8 из Рутула (1150 г.).

11. Дербент. Надпись (105×60 см) в южной стене (рис. 10), в части, примыкающей к воротам Дубари-капы. Рисунок, текст и французский перевод были изданы Н. В. Ханыковым в «Journal Asiatique» (1862 г.)²⁴, а Л. И. Лавров воспроизвел этот рисунок и дал русский перевод²⁵.

-
- (1) *Махмуд ал-катиб ал-Гилани*
 (2) *в мухаррам года восьмидесятого*
и пять- (3) сот

В нижнем левом углу

- (1) *Мухаммад б. (2) Махмуд и (3) Йусуф б.*
 (4) *Баба (?) б. Али, Ибрахим*²⁶.
-

Мухаррам 580 г. х.=14. IV—13.V 1184 г.

Это первая из Дербента надпись, написанная насхом, курсивным почерком. Надпись врезная, сделана как бы второпях.

Центральное поле надписи занято, как мы видим, именем *Махмуда ал-Катиб ал-Гилани*, профессионального, очевидно, резчика (*катиб*), в данные в нижнем левом углу имена относятся, вероятно, к мастерам-строителям. Вообще в дагестанской эпиграфике это первый случай, когда имя резчика так резко выделяется.

Фотография надписи (рис. 10) не издавалась. Сравнение снятой нами в 1976 г. фотографии с рисунком

Н. В. Ханыкова показывает, что рисунок в целом правильно отражает оригинал, но лишь некоторые отклонения имеются: не отмечены точки (они хорошо видны на фотографии), неточно передана в рисунке толщина букв, имеются неточности букв.

Рядом с данной надписью имеется еще четыре, одна из которых датирована (*Махмуд ал-Катиб, год пятьсот седьмой, написал*). Можно полагать, что все пять надписей относятся к одному времени и принадлежат одному резчику.

12. Дербент. Надпись (60×60 см) обнаружена Е. А. Пахомовым, который прочитал часть текста и предложил правильное чтение даты — 587 г. х.²⁷ Л. И. Лавров дал рисунок и более полный перевод²⁸, хотя две нижние строки остались непрочитанными.

أ) محمود الكاتب الكيلاني (٢) في محرم سنة ثمانين وخمس (٣) مائة
ب) محمد بن محمود و (٣) يوسف بن (٤) بابا (٥) بن علي ابراهيم
ج) محمود الكاتب (٦) سنة سبع (٣) [و] خمس مائة (٤) كتب

(1) *Махмуд-писец*

(2) *Год восемьдесят седьмой (или девятый)*

(3) *(и) пять (сот)*²⁹ (4) *написал...*³⁰

587 г. х. = 29. I 1191—17. I 1192 г. Л. И. Лавров предлагает еще один вариант чтения даты (589 г.)³¹, но цифра семь читается уверенно. Почерк, как и всех остальных четырех надписей, — насх. Е. А. Пахомов отметил, что в этой и предыдущей надписях речь идет об одном и том же лице³².

Представляет интерес, что Махмуд, уже отметивший свое имя в 580/1184 г., высекает вторично свое имя через семь лет. В надписи не отмечен характер произведенных работ. Е. А. Пахомов обратил внимание на то обстоятельство, что «... после XI в. надписи, кроме строительных над воротами, на стенах не встречаются... только в развалинах ворот Дубара-капы, в южной стене, выда-

рапано несколько записей более раннего времени, с датой конца XII в.»³³

13. Сел. Татиль (Табасаранский район). К северу от селения расположена местность под названием Миздан-гьул или Мирзна-гьул (гьул — селение). По рассказам старожилов, здесь раньше было расположено селение, жители которого перешли впоследствии в сел. Татиль. Азербайджанцы называют эту местность Эмузга пиллер, а само селение Эмузга. На этой местности, в заповедном лесу сохранилось старое кладбище, где наиболее ранние надмогильные плиты имеют куфические надписи. Могильник был закрыт оградой, от которой сохранилась только северная стена, длина сохранившейся части ограды 6 м, ширина 0,5 м, размеры отдельных плит $65 \times 52 \times 20$; $80 \times 50 \times 20$; $55 \times 45 \times 15$ см. Местность эта считается священной, раньше верующие приходили сюда для совершения обряда вызова или же прекращения дождя.

Здесь нами обнаружено и зафиксировано более 20 надмогильных плит. Две высокие плиты отличаются от других как своими формами, так и начертаниями надписей.

Первая плита ($165 \times 75 \times 20$ см) датирована 583 г. х., т. е. 1187 г. Фотография (рис. 11, а) и перевод изданы нами³⁴.

Текст центрального поля (рис. 11, детали б, в, г, д)

هذا قبر شيخنا (٢) لزا هذا العا (٣) بد القرار (٤) جمال
الدين (٥) يحيى شيخ يول (٦) سفي رحمهما (٧) الله امر بجا (٨)
رته شيخ سرسم (سر سفي) (٩) ازل امر توفيقه (٤) (١٠) في
شهر ربيع الا (١١) اخر سنة ثلث و (١٢) ثمانين وخمسماية

- (1) Это могила нашего шейха...
- (2) подвижника (аскета) набож-...
- (3) ного...
- (4) Джамал ад-Дина
- (5) Йахйа ибн Шейх Йу-
- (6) суфа — да простит их обоих
- (7) Аллах. Приказал воздвиг-

- (8) нуть его шейх С. р. с. м (вар.:
С. р. с. ф)
(9) вечность (?) приказ, счастье его (?)
(10) в месяце раби ал-а
(11) хир года три и
(12) восемьдесят и пятьсот³⁵.

Раби' ал-ахир 583 г. х. = 10.VI—8. VII 1187 г.

Кораническая запись (Коран, 112, 1—4), идущая по бордюру (рис. 11, е) вырезана в высоком рельефе (фон вынут), по своим формам она близка к П-образной эпиграфической полосе из Уркараха и надписи по штуку из Кала-Корейша (см. ниже). Надписи на калакорейшском михрабе и на данной плите сближает еще одно важное обстоятельство — обе надписи сделаны в стиле цветущего куфи. Таким образом, татильская надпись служит датирующим эталоном для многих недатированных арабских эпиграфических памятников подобного рода.

Текст центрального поля написан курсивным письмом

с сохранением элементов куфи. Татильская надпись 583/1187 г. — второй случай в дагестанской эпиграфике, когда в одном памятнике представлено сочетание двух стилей — куфи и насха.

14. Сел. Татиль (Табасаранский район). Рядом с плитой с надписью 13 расположено надмогильное сооружение «Мирзнан пирар» (рис. 12), давшее название самой местности. Оно имеет форму вытянутого прямоугольника сравнительно больших размеров (длина — 170 см, ширина — 160 см при высоте 90 см). Сложено сооружение из крупных плит ракушечника (по-табасарански —

«цІакІар») и песчаника («симс»). Вертикальная надмогильная плита ($156 \times 75 \times 20$ см), вставленная для прочности в выем каменного основания, несет надпись (рис. 12), повторяющую по своим начертаниям и характеру надпись 13 (рис. 11).

а) Эпиграфическая лента по всему краю каменной плиты содержит басмалу и часть престольного стиха Корана (2, 256).

Во имя Аллаха, милостивого, милосердного. Аллах, нет божества кроме него, живого, сущего, не овладевает им ни дремота, ни сон; ему принадлежит то, что в небесах

б) Центральное поле продолжает текст бордюра (1) и то, что на зе-

(2) мле. Кто [заступится пред
ним...]

(3) Это могила (4) имама 'Умк (?)

(5) ад-дина Абу (6) ...

В нижней части памятника написана строка, которая уверенно не читается, возможно, там обозначена дата. Очевидно, этот памятник несколько старше каменной

плиты с надписью 13, так как текст центрального поля также написан куфи.

Сравнение надписей 13 и 14 выявляет, помимо их принципиального сходства (форма надмогильной стелы, распределение текста по поверхности памятника, центральное поле, закрытое с трех сторон широкой эпиграфической полосой и завершающееся фестончатой аркой из трех полукружий, высокий рельеф с выбором фона, само содержание надписи, «цветущей куфи»), ряд немаловажных отличительных черт. Растительные орнаментальные мотивы этих двух памятников как бы поменялись местами: в надписи 13 они занимают в основном бордюр при сравнительной чистоте фона центрального поля, а в надписи 14 выявляется тенденция заполнить весь фон декоративными элементами при относительной чистоте фона П-образной эпиграфической ленты. Центральное поле надписи 14 сильно уплотнено. Выше уже отмечалось, что посвященный текст надписи 14 нанесен почерком куфи, в то время как подобный же текст надписи 13 написан с решающим преобладанием курсива при сохранении только элементов куфи. Ходовой религиозный трафарет надписи 13 полностью уместился по краю, а в надписи 14 коранический текст частично перенесен в центральное поле, где он занимает две верхние строки. Текст центрального поля надписей 14 и 13 занимает соответственно 12 и 5 строк.

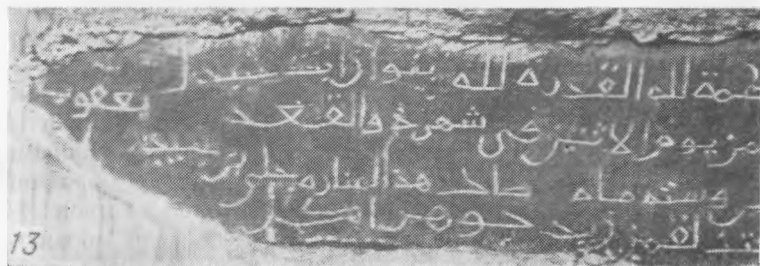
При всем этом оба памятника относятся к одному кругу, к одной школе каллиграфического искусства.

15. Сел. Цахур (Рутульский район). Эта надпись впервые была обнаружена Н. В. Ханыковым³⁶ и воспроизведена потом по его альбому Л. И. Лавровым³⁷. Прорисовка надписи была воспроизведена мною по эстампу, позже была издана фотография, технически плохо выполненная³⁸. Чтение предложено Л. И. Лавровым по не совсем точному рисунку в альбоме Н. В. Ханыкова

(1) Величие принадлежит Аллаху, достоинство принадлежит Аллаху, могущество принадлежит Аллаху, ... раб (божий) Йа'күб.

(2) Построили этот минарет в понедельник месяца зү-л-ка'да

- (3) *шестьсот тридцать шестого года.*
Исправил этот минарет А'ли б.
Сайдар
 (4) *а написал Лукман... Ихрекский.*

- (1) *العزة لله العظمة لله القدرة لله بنو... عبد*
 (2) *بنا هذا المئارة من يوم الاثنين في شهر ذي القعدة*
 (3) *سنة ستة وثلاثين وستة مائة [...]* *صاحب هذا المئارة*
 (4) *علي بن سيد ريعقوب* (4) *وكتب لقمن زيد جوهر ابر*

Фотография надписи (рис. 13) позволяет предположить более точное чтение.

- (1) *Величие принадлежит Аллаху, мо-
 ущество принадлежит Аллаху.*
Построили... Абдул (?)
 (2) *Построен этот минарет в поне-
 дельник месяце зи-л-када*
 (4) *шестьсот тридцать шестого года.*
Владелец этого минарета Али,

Зи-л-када 636=5.XI—4.XII 1239 г.

сын Сайдара Йакуб (или Сайдар
Йакуба)

(4) Написал(и) Лукман, Зейд, Джав-
хар, Абакар.

Это самая ранняя из обнаруженных в Цахуре надписей. Письмо начинает приближаться к насху с сохранением значительных элементов куфи. Лигатуры как угловатые, так и дугообразные. Надпись врезная, буквы не сопровождаются никакими излишними дополнениями. Буквы типа *ба* невысоки и близки к скорописи. Конечное *ба* открыто слева. *Джим*, *ха*, *зал*, *дал* имеют одинаковое начертание. *Сад* и *каф* — из двух параллельных черточек. *Каф* имеет небольшой отросток вверх. Конечный *нун* и *ра* также одинаковы, *ра* уходит под строку, стволы *сина* чуть снижаются влево. *За*, помимо подчетыреугольного основания, имеет дугообразный ствол. *Айн* и *мимы* — треугольники, а *каф* — ромбовидная фигура. Начальная *ха* курсивная, а в конечной форме — треугольник основанием на строке, как и *та марбута*.

Палеографически много общего с этой надписью имеет зрыхская надпись 615/1218—1219 г.³⁹

Примечательно то обстоятельство, что в соседнем Цахуру селении, Мишлеше обнаружена надпись 644/1247 г.⁴⁰ почерком насх без элементов куфи.

16. Сел. Рутул (Рутульский район). Текст этой надписи и перевод дважды издавались Н. В. Ханыковым. Л. И. Лавров издал рисунок, снятый с камня, и русский перевод⁴¹. Фотография надписи издается нами впервые (рис. 14). Надпись датирована 625 г. х., что соответствует времени от 12 декабря 1227 г. до 29 ноября 1228 г.

Надпись по своему почерку имеет много общего с надписью 15 из Цахура и надписью из Мишлеша. В почерке много дугообразных лигатур, однако в основном это куфи. Для высоких букв первой строки характерны стволы с клиновидным навершием, в других же строках это не наблюдается. Написание многих букв (особенно *син*, *ха*, *мим*, *вав*, *ра* и т. д.) сходно с надписью 15, конечный *нун* похож на *ра*, а конечный *ба* открыт слева. Только *ха* в начале слова в форме треугольников, разделенных черточкой, а конечный *мим* имеет завиток, отходящий от центра

основания треугольника. Последнее обстоятельство до сих пор еще не встречалось.

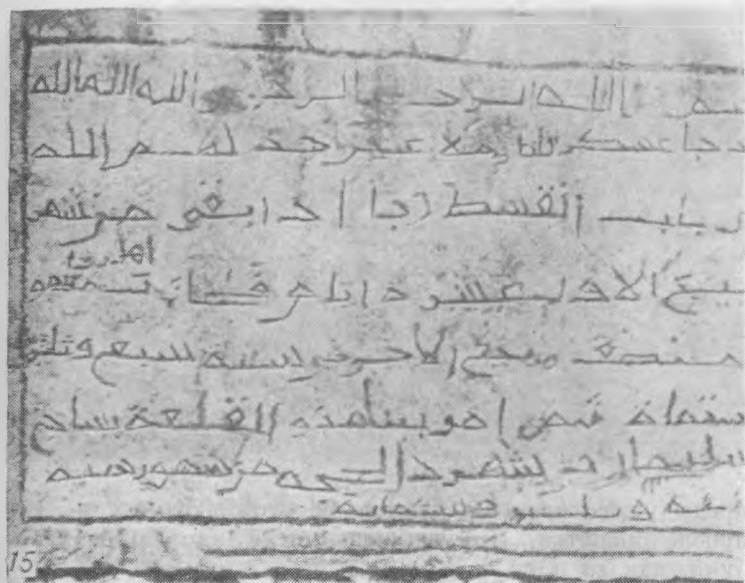
17. Сел. Рича (Агульский район). Эта надпись обнаружена в 1848 г. Н. В. Ханыковым, им же опубликованы тексты, французский и русский переводы, Л. И. Лавровым прорисовка по фотографии и новый перевод. Впоследствии он переиздал прорисовку и новое чтение ⁴². Фотография (рис. 15) издана нами ⁴³.

Каменная плита (67×46 см) вмонтирована в стену минарета ричинской пятничной мечети. Текст содержит 8 строк, последняя строка неполная. Это один из немногочисленных в Дагестане памятников эпиграфики, повествующих об исторических событиях, в частности о борьбе с монгольскими завоевателями

«Когда оставалось . . . 10 дней» рабй 'ал-аввал 637 г. х. = 20. X 1239 г. Середина раби ал-ахира 637 г. х. = ок. 15. XI 1239 г.

Зу-л-хиджа 638 г. х. = 13. VI—11. VII 1241 г.

Сравнительно большие размеры текста дают возможность подвергнуть характеристике почти все буквы арабского алфавита, причем во всех трех позициях (в начале слова, середине, в конце). Ричинская надпись 1241 г. сохранила в неизменном виде почти все начертания букв

- (1) Во имя Аллаха, милостивого, милосердного. Аллах! Аллах! Аллах!
- (2) Пришло войско татар, — да не будет им от Аллаха большего предела!
- (3) в Баб ал-Кист Риджу, когда оставалось от месяца
- (4) раби ал-аввал десять дней. Затем возвали с ними жители Риджи.
- (5) до середины раби ал-ахири года тридцать семь
- (6) и шестьсот (т. е. шестьсот тридцать седьмого). Потом построить эту крепость приказал Сабадж.
- (7) б. Сулайман в месяце зи-л-хиджа, (одном) из месяцев года.
- (8) шестьсот тридцать восьмого⁴⁴.

предыдущего времени. Однако некоторые изменения уже прослеживаются. Это наблюдается в написании таких букв, как *ха* и *ха*.

Написание *ха* приобрело новую, характерную для XIII в. черту: ромбовидная фигура наполовину уходит под черту; написание *ха* в середине слова приняло устойчивую форму — это две параллельные линии, соединенные в середине вертикальной черточкой. Буква *ра* также приобрела своеобразную форму — она имеет отросток влево.

О пребывании монголов в Дагестане и о борьбе с ними местного населения повествует также вторая надпись (73×45 см), вмонтированная в стену той же ричинской пятничной мечети. Надпись врезная, насх, без элементов куфи. Этот памятник был известен ученому Али Каяеву, который снял копию⁴⁵. Полный текст с переводом опубликован Л. И. Лавровым в 1958 г. и впоследствии перепечатан им же⁴⁶. Фотография (рис. 16) опубликована нами и Д. М. Атаевым⁴⁷.

Текст также содержит 8 строк

- (1) *Эту соборную мечеть Баб ал-Кист Риджи разрушило*
- (2) *татарское войско [в то время], когда разрушили Курд Риджу в месяце*

- (3) раби ал-ахир [одном] из месяцев
шестьсот тридцать седьмого года.
Потом, поистине,
 - (4) эмир преславный, великий, поддер-
живающий, победоносный, борец за
правое дело, стоящий на страже,
венец мира
 - (5) и религии Адам б. Абд ал-Малик
б. Мухаммад — да продлит Аллах
[его правление]!
 - (6) приказал построить эту мечеть
в месяце раби ал-аввал [одном] из
месяцев года.
 - (7) шестьсот сорок восьмого, и да бла-
гословит Аллах Мухаммад и весь
его род и да помилует Аллах, того,
кто помолится о милосердии к
нему
 - (8) после его смерти.
-

Раби ал-ахир 637 г. х.=31.X—28.XI 1239 г.

Раби ал-аввал 648 г. х.=3.IV—2.VII 1250 г.

Среди местного населения бытует рассказ о том, что эта надпись — поздняя копия первоначальной. Письмо действительно курсивное, нанесено почерком насх, но элементы старого письма еще сохранились. Это конечный *нун*, подобный *за*; *айн* и *син* — в слове *аскар*; вообще *син* во всех случаях имеет зубцы, соединенные под прямым углом, а *айн* в середине и в конце — треугольную петлю. Характерно расположение точки под буквой *ба* в первой строке. Поэтому вполне возможно, что эта надпись и является оригиналом, а не копией. Что насх в XIII в. бытовал наряду или рядом с куфи свидетельствует следующая надпись.

18. Сел. Рича (Агульский район). Прямоугольная песчаниковая плита (46×23 см) вставлена в северную стену, справа от входной арки. Прорисовка и перевод опубликованы нами ⁴⁸, переизданы Л. И. Лавровым. Фотография (рис. 17) публикуется впервые.

Поле каменной плиты состоит как бы из трех равных частей. Центральную часть занимает обрамленная плоской широкой лентой дискообразная островерхая фигура, в которую вписано изящно написанное куфическими буквами с элементами цветущего куфи слово *Аллах*. Вершины высоких букв высоко подняты, под их влиянием в интересах симметрии на этот же уровень поднята вертикаль конечной буквы *ха*. Две одинаковые буквы *лам* соединены длинной горизонталью и образовавшаяся пустота заполнена растительным узором из двух листьев, «насаженных» друг на друга. Таким образом, катиб создал своеобразный орнаментальный фон из буквенных и растительных элементов. Все буквы остроконечны, верхушки букв скошены в разные стороны и создают ритмический рисунок и подобие зеркального отображения. Рисунок, как и окружающий арабский текст, выполнен в низком рельефе с освобождением фона, оставленного везде свободным. Нет диакритических знаков.

Рядом с внушительными буквами «монументального» центрального поля весь остальной текст кажется мелким, ничтожным.

Основной текст расположен в правой и левой трети поля, причем первая носит сообщение о строительстве и о строителях или заказчиках, а вторая отведена только дате. Нет диакритической пунктуации, огласовки.

Текст равномерно распределен по поверхности поля, по 6 строк в каждой части. Слишком низкий рельеф надписей сгладил некоторые слова, и они уверенно не читаются. Почерк — насх.

(а) (۱) قد بنى هذا المسجد (۲) [۱] میر حداد ابن (۳)
 بساج و امر (۴) [عنه] حبی بنت (۵) حسام رحمه (۶) الله علیها
 (۷) (۱) سنة ثمان (۲) نية وسبعین (۳) سنة منه (۴) ع
 من هجرة النبی (۵) المختار صلى الله عليه وسلم

а) Правая часть

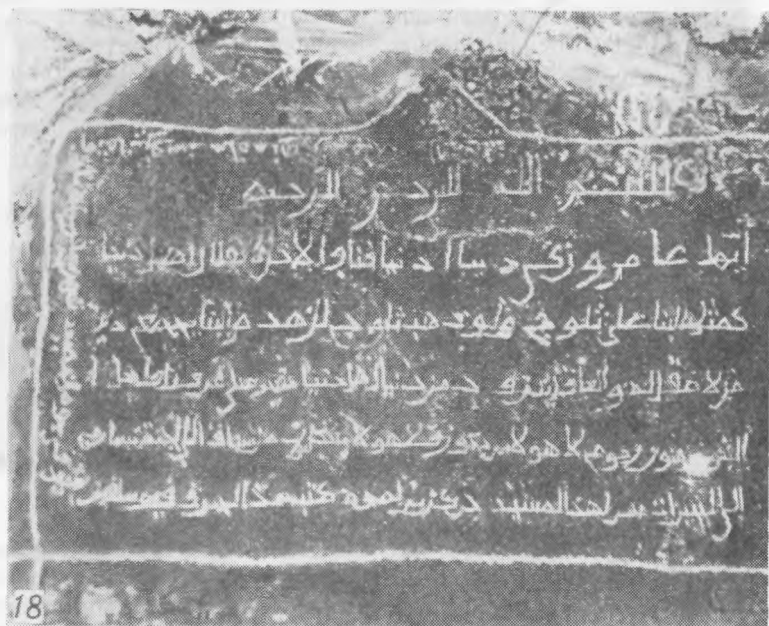
- (1) Построил(и) эту мечеть
- (2) [э]мир Х. д. л. сын
- (3) Бассаджа и же-
- (4) [на] его⁴⁹ Х.джй, дочь
- (5) Хусāма — да смилостивится А-
- (6) ллах над ними обоими.

б) Левая часть

- (1) Год во- (2) семь и семьдесят
- (3) и шестьсот (4) хиджры пророка
- (5) избранного, да благословит Ал-
- лах
- (6) его и приветствует.

678 г. х. = 14.V 1279—2.V 1280 гг.

Первоначально в моем переводе имя было прочитано как М. р. — х. д. л., но Л. И. Лавров предложил чтение: [А] мир Б. д. л. Мы согласны с интерпретацией первых двух сохранившихся букв как эмир, однако имя Б. д. л. не зафиксировано (в тексте: Х. д. л.). Подобное чтение

вполне допустимо и потому, что правый край камня чуть сколот, очевидно при вторичном использовании, вместе с первыми буквами строк.

19. Сел. Рутул (Рутульский район). Надпись 683/1284 г., рисунок по альбому Н. В. Ханькова издан В. А. Крачковской. Л. И. Лавров переиздал рисунок и уточнил перевод Н. В. Ханькова⁵⁰. Фотография издана впервые (рис. 18).

Надпись сохранилась до настоящего времени в южной стене рутульской мечети вправо от входа. Вырезана на прямоугольном строительном камне (62×42×9 см) и обрамлена в рамку. Резчик не рассчитал надпись по строкам и потому ему пришлось, помимо основных шести строк, пользоваться дополнительной строкой, направленной вверх и вправо по верхнему углу плиты. Почерк переходный от куфи к насху.

Сравнение фотографии с изданным рисунком показывает, что надпись была срисована со значительными отклонениями от оригинала. Перевод поэтому в ряде мест неточен, в ряде же случаев дано неточное чтение, хотя рисунок не дает к этому повода.

(١) بسم الله الرحمن الرحيم

(٢) ايها عامرون في دنيا الدنيا فنا والاخرة بقا ان اهل الدنيا

(٣) كمثل بنا على تلوج ولودهب تلوج ان هدم البنا يجمع دنيا

(٤) من لا عقل له والعاقل يتزود من دنيا اهل الدنيا مقيم على غرور واهل

(٥) البقا جمع لام لا يرحصون ولا هم لا يعلمون من يشتاقي الى الجنة تسارف

(٦) الى الخيرات عمر لهذا المسجد جركز بن ملو وكتب هذا الحرف فيوسون رشيد

(٧) في يوم الخميس شهر صفر سنة ثلث و

(٨) ثمانين وست مائة من هجرة محمد صلى الله عليه

Неточности при копировании:

Строка 1: в тексте оригинала зубцы *сина* и *ба* в слове *бисми* резко понижаются влево, в рисунке это важное обстоятельство не передано; в слове *ар-рахман* при снятии копии дополнена несуществующая подставка для *нуна*.

Строка 2: не отмечены диакритические знаки в слове *аййуха*, а также огласовка ряда согласных.

Строка 3: не везде обозначены точки; в тексте *ба* открыта слева, как это принято было в то время, при копировании же это обстоятельство не было учтено, потому что буква эта была принята за *дал* и соответствующим образом исправлена, и в итоге получилось совершенно непонятное слово *з. х. д.* (или *й. х. д.*) вместо *захаба*; отсюда и неточный перевод слов; последнее слово неясно, к сожалению, как в рисунке, так и на фотографии.

Строка 4 переписана неточно, отсюда неточный перевод. В частности, чтение слова *ман* как союза *ва* связано с тем, что не учтена традиция опускать корпус *нуна* под горизонталь; не отмечены точки под *йа* и *алиф* в конце строки.

Строка 5: везде слово *хум* прочитано как *хува*, т. е. не учтено, что в данном случае мы имеем дело со своеобразным начертанием *мима*, когда черта отходит от середины основания. Поэтому коранический текст

превратился в непонятное словосочетание. В тексте хорошо читается слово *ал-джанна* (*рай*), а в копии оно передано как *ал-джавахим*, причем при переводе оно было исправлено на *ал-джаханнам* (*ад*); точки не отмечены, в частности под *джимом*.

Строка 6: первое слово скопировано неточно, начертания искажены, и это дало повод к неправильному чтению слова *ила-л-хайрат*, значит, и неверному переводу, конечное *ба* и в этой строке передано неправильно⁵¹.

Неточности расшифровки текста и перевода.

Строка 2: вместо *аййуха амирун*, как это видно по рисунку, прочитано *ахл ал-амирун* и дан перевод «обитатели, населяющие. . .» (вместо «о живущие»).

Строка 3 расшифрована неточно, с соответственным переводом: «и если обрушится лед, то разрушится постройка» (вместо «если пойдут снега, то обрушится строение»).

Строка 4 переведена: «и нет истины во всем, что в нем, и остаются только руины и следы прежнего обитания в этом мире» вместо: «если у кого нет ума, то умный увеличит (добавит для него) в [этом] мире».

Строка 5. В тексте кораническая выдержка «нет, они не будут возвращены, нет, они не разумеют кто каждый раз. . .», в переводе же: «И они не жаждут вернуться и они не совершают для ада. . .»

Строка 6. В тексте «К добру», в переводе же «для жалости», в тексте — «построил эту мечеть», в переводе — «построил это здание».

Мы подробно остановились на изданной копии надписи и ее переводе, потому что рутульская строительная надпись 683/1284 г. занимает особое место среди памятников дагестанской арабской графики. Она дает не только один из значительных по своему объему текстов, но и представляет в распоряжение исследователей богатый материал по палеографии, здесь представлены многие возможные варианты начертаний, это вместе с тем своеобразный литературный памятник, текст хранит не свойственную предыдущим памятникам лирическую настроенность, своеобразное раздумье о тленности этого мира и вечности потустороннего, навеянное стихами Корана. Если учесть, что Рутул был в свое время обиталищем суфиев (надпись 8 о строительстве ханака, т. е. общежития суфиев в Рутуле в 545/1150 г.), то следует, очевидно, ставить в связь с этим

пессимистические нотки данной и других надписей из Рутула.

20. Рутул (Рутульский район). Надпись находится в стене старой рутульской мечети, недалеко от строительной надписи 625/1228 г. (рис. 14) и надписи 683/1284 г. (рис. 18). Обе эти надписи имеют вступление, окрашенное в пессимистические тона. Данная надпись (23×24 см) составлена под непосредственным влиянием указанных текстов. Об этом свидетельствует вступительный текст строительной надписи, буква в букву повторяющий текст надписи 1228 г. (рис. 14). Надпись (рис. 19) имеет 11 полных строк и датирована месяцем сафар 683 г. х., т. е. апрелем 1284 г.

В тексте не совсем ясным остается имя отца писца.

Рутульская строительная надпись возникла уже после строительства мечети и зафиксировала реставрацию части здания. Работа эта произведена по приказу Х.р.кār, сына С. 'м — одного из местных правителей с немусульманским именем. Это уже не первый случай, когда отдельная личность приказывает строить культовое или фортификационное сооружение. В 1241 г. в Риче строится крепость по приказу Бассаджа (рис. 15), в том же году — крепость по приказу «эмира прославленного, великого» И.г.р.л.з. В 1150 г. в Рутуле Абд ас-Самад сын Налки приказал построить ханаку (рис. 8), в 1280 г. в Риче строится мечеть по приказу Адама б. Абд ал-Малика (рис. 16). Все имена здесь немусульманские (за исключением Адама ибн Абд ал-Малика и Абд ас-Самада, но отец последнего также носил немусульманское имя Налки). Все это подчеркивает ту огромную роль, которую местные элементы (конечно, уже мусульмане, но носящие еще немусульманские имена) отводят религиозному фактору (строительство мечетей и реставрация их) в укреплении своей власти.

Большое число строительных надписей из Рутула, датируемых XII—XIII вв., свидетельствует об оживленной строительной деятельности, развернувшейся в это время в Рутуле.

Перед нами редкий случай, когда одно селение дает две надписи, изготовленные в одном и том же году (в апреле 1248 г.), в один и тот же месяц, вставленные в стену одной и той же мечети (рис. 18 и 19). В первом случае «построил (или реставрировал) эту мечеть Джарказ сын Ламу, написал эти буквы Йусуф, сын Рашида», во втором же случае «построил(и) эту стену Б.л.касим (Абу-л-Ка-

(١) الصهر ينقض والزمان جديد (٢) العيد يهصر
والذئوب يزيذ (٣) اراك في بحر الخطايا سايحا (٤) والله
ينظر والرقيب شهيد و (٥) بنا هذا الجدار بلقاسم
ومحمد (٦) بامر حركار بن سعم في يوم (٧) احد عشر
في شهر صفر سنة ثلثة (٨) وثمانين وستمئة من
هجر (٩) النبي محمد صلى الله عليه (١٠) وسلم كتب
هذا الحروف منصور (١١) ابن الدم رحمه الله ...

- (1) Жизнь сокращается, а время [как
всегда] ново.
 - (2) Раб[божий] не подчиняется, а грехи
возрастают
 - (3) Я вижу тебя в море заблуждений
плавающим,
 - (4) но Аллах видит [все] и страж—
свидетель.
 - (5) Построил [и] эту стену Б. л. к̄а-
сим (Абу л-Касим?) и Мухаммад
 - (6) по приказу Х. р. к̄ар сына С.'м
в день один-
 - (7) надцатый месяца сафар, в году
третьем
 - (8) и восьмидесятом и шестисотом
по хидж-
 - (9) ре пророка Мухаммада, да бла-
гословит его Аллах
 - (10) и приветствует. Написал эти
буквы Мансур
 - (11) сын Алд.м-да смилостивится
над ним Аллах.
-

сим?) и Мухаммад по приказу Х.р.кар, сына С.'м. . . Написал эти буквы Мансур, сын. . .». Это дает возможность конкретно рассмотреть вопрос о почерке текстов, об общем в них и расхождениях, о сложившихся уже трафаретах в рамках одного селения, о строительной практике.

То обстоятельство, что в стену одного здания вмонтированы две строительные надписи, может быть истолковано двояко: или строители (или заказчик) решили зафиксировать на камне как строительство здания в целом, так и

строительство отдельной стены, или же мы имеем дело с поздней реставрацией стены, когда в стену был вставлен камень из другого, разрушенного здания. Первые предположения кажутся нам более правдоподобными, тем более если учесть, что в строительной практике (правда, более позднего времени, XIX в.) это встречается.

Представляют интерес встречающиеся в тексте имена. Л. И. Лавров писал: «Строитель Черкес (Джаркас) был сыном, очевидно, того Ламу, который построил мечеть в этом селении (см. надпись 76). Если это справедливо, то перед нами свидетельство перехода профессии по наследству от отца к сыну. Интересно имя строителя. Оно отражает собою знакомство Южного Дагестана с адыгами в XIII в.»⁵²

Надпись, которая здесь упоминается, сохранилась в недостаточно четкой копии И. А. Бартоломея и датирована Л. И. Лавровым XIII в. Она начинается с формулы *«Владычество принадлежит Аллаху, единому, побеждающему»* и содержит примерно такой же текст, как и в надписи 20: *«О живущие в этом преходящем мире, а будущая жизнь вечна. Люди этого мира основываются на заблуждении. . . Этот мир подобен постройке на льду. Когда пойдут снега разрушается башня? . . Построил это. . . Ламу сын Мухаммада. . . этой мечети Ламу и Иса (?) — да простит Аллах их грехи. . .»*⁵³.

Таким образом, эта надпись и надпись 20 (рис. 19) также имеют одинаковый вступительный текст, точно как и надписи 16 и 19 (рис. 14 и 18).

Палеографически надпись 19 и 20 (рис. 18 и 19) при их несравненном сходстве имеют много различий. Сходство начинается в самой конструкции текста: необычная для дагестанской эпиграфики философского оттенка вступительная часть; сообщение о строительстве объекта, имя строителя и переписчика; дата. Начертания многих букв не имеют принципиальных отличий. Но все же, при одном почерке полукуфи, это две манеры письма, две школы, два характера резчика и писца. Надпись 20 более строга, официальна, буквы броски, стволы высоких букв стройно вытянуты вверх, создавая подобие симметрического ряда; конечные *нуны* резко выделяются, корпуса их брошены вниз наподобие дугообразной фигуры, совершенно не отличимой от *ра*; под их влиянием трактован конечный *йа*;

если буквы крупны, «монументальны», то стволы *сина* резко теряют в высоте по мере перехода влево, а при мелком тексте это различие не наблюдается; своеобразен *джим*, встречающийся во всех трех позициях, в начальной (он обычен, как в насхе), в срединной (это горизонталь, пересекаемая наклонной чертой) и в конечной (сочетание начального *джима* с чертой, уходящей вниз под острым углом); точно такое же завершение имеет конечный *айн*, *ха* придана форма двух спаренных треугольников, конечный *ба* открыт слева, а конечный *мим* имеет уходящий вниз и чуть сдвинутый влево хвост, отходящий от центра корпуса; и, наконец, низкие буквы заметно прижаты к горизонтали при заметном подъеме высоких.

Надпись 19 (рис. 18) менее торжественна, равномерно распределена по полю; при угловатости букв в целом наблюдается некоторая курсивность; срединная *ха* написана двояко: как в насхе, с двумя изломами под острым углом и как горизонталь с наклонной, соединенных крестобразно, причем первая форма встречается дважды — в слове *Мухаммад*, а вторая — в слове *хиджра*, *джим* в середине подобен *ха*, *сины* при почти равных стволах; *ха* двояко оформлена как в надписи 20 (рис. 19), или же курсивно, и оба раза на строке; *сад* встречается три раза, но в одинаковой форме; надпись не имеет диакритических знаков и огласовки.

Изучение способа написания текста на поверхности плиты (надпись 20) убеждает в том, что в роли писца и резчика выступало одно и то же лицо. Текст еще не был распределен по всему полю, а резчик уже начал свою работу. Три первые строки нанесены как бы щедро, растянуты, а потом катиб, сочетавший в себе функции резчика и писца, как бы опомнившись, что недостаточно места, стал уплотнять буквы, когда весь текст не уложился на горизонтальные строки, то часть текста была нанесена на левый край плиты.

21. Сел. Кочхоюр (Курахский район). В стене мечети имеется куфическая надпись, от даты которой сохранилось только слово *семьсот* (т. е. между 1301—1397 гг., значит, в пределах XIV в.). Надпись врезана в длинный речной камень-песчаник, имеет две строки (рис. 20)

С точки зрения письма эта надпись ценна и своеобразна.

«اله لسم الرحيم الرحيم
هد المسجد بي سم ناذاذ
(٢) عمرها اسمعيل ابن عبد الغفار
قد مزا سبع مائة وال

20

(١) الله بسم الله الرحمن الرحيم هذا المسجد
بي... يرناها (٢) عمرها اسمعيل ابن عبد الغفار قد
سبع مائة وال...

- (1) Аллах. Во имя Аллаха милости-
вого, милосердного. Эта мечеть
[построена] ру(ками) Й.р.на̇х̇а (?).
- (2) Реставрировал его Исмаил сын
Абд ал-Гаффара. Вот... семьсот
и...

Алиф написан в 6 вариантах: в виде высокого ствола с клинообразными утолщениями, обращенными то влево, то вправо; вертикали, нижняя часть которой опущена под горизонталь и слегка отогнута вправо; ствола со срезом, нижней частью чуть уходящего под строку; высокой вертикали без клинообразных утолщений; вертикали со срезом, уходящим под горизонталь.

Лам везде соединяется с последующей буквой горизонтальной линией. В конце слова наблюдается подстрочное продолжение ствола. Если алиф и лам рядом, то срезы повернуты в обратные стороны.

Ба — встречается в начале слова на высоте *алифа* и в середине под прямым или острым углом.

Ха — только в начальном положении, образуя острый угол, открытый слева. *Джим* встречается только один раз, высоко поднят, состоит из параллельных горизонтальных отрезков, соединенных косой линией, с предыдущей буквой соединен ломаной линией.

Дал имеет корпус из двух линий, одна из которых лежит на горизонтали и имеет на конце утолщение, а другая соединяется с ней справа, образуя косой угол. То же *ха*.

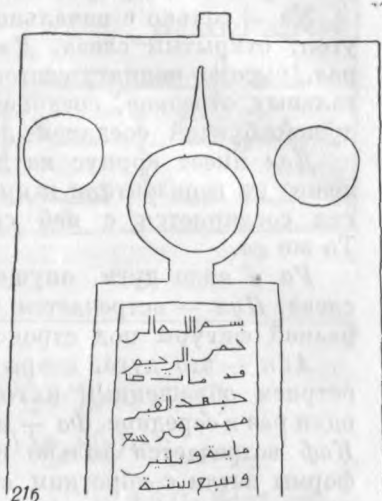
Ра в виде дуги, опущенной под строку и открытой слева. *Нун* — встречается только в конце в виде дугообразной фигуры под строкой.

Айн — это дуга, открытая справа, или треугольник, острием обращенный к горизонтали, а *гайн* встречается один раз в середине. *Фа* — имеет форму четырехугольника. *Каф* встречается только один раз в виде треугольной формы петли с коротким стволом, на строке. *Ха* в начале и середине имеет форму двух квадратов, соединенных между собой на строке.

Мим везде в середине слова имеет необычное написание в виде прямоугольника. Конечный *мим* также имеет добавочный рисунок, но конец буквы опущен под строку и отогнут влево под острым углом.

22. Сел. Архит (Хивский район). Близ Архита расположено два средневековых поселения — Келез-шегьер («Город крепости»), к юго-востоку от Архита, в лесу, на площади примерно в 6 га и поселение Хьран-кьил — на левом берегу Чирах-чая, напротив Архита. Близ обоих поселений сохранились могильники с куфическими и полукуфическими надписями, близ Келез-шегьер — 8 плит с надписями, а близ Хьран-кьил — 3, из которых имеет надпись только одна.

Среди 8 надписей в местности Келез-шегьер только две имеют даты. Надпись датируемая 737 г. хиджры (1336—1337 г.), нанесена на центральное поле (глубина около 3 см), переходящее в круг (78×53×14 см). Поле и круг обнесены широкой лентой. По краям круга — два солярных знака. Дневная поверхность плиты 78×53×14 см. Текст в 7 строк (рис. 21, а, б).

- (1) Во имя Аллаха милос-
 (2) тивого, милосердного,
 (3) Умер вла-
 (4) делец этой мошлы
 (5) Мухаммад в семь-
 (6) сот тридцать (7) седьмом году⁵⁴.

737 г. хиджры соответствует времени от 10.VIII 1336 до 29.VII 1337 г.

23. Сел. Архит (Хивский район). Плита также небольших размеров (73×55×13 см). Центральное поле врезано глубоко (3, 5 см) и завершается остроконечной фигурой. Надпись в 6 строк (рис. 22).

قد مات صاحب
 هذا القبر حبر غز
 يوم مسافر من ر
 مظاز في سنة
 سبع مائة واحد
 وادعير السنة

22

- (1) Вот скончался владелец
- (2) этой моилы Х.б.р.н.
- (3) в день (?)... [месяца] ра-
- (4) мадан в году
- (5) семьсот один
- (6) и сорок.

Месяц рамадан 741 г. х.=18.II 1340—19.III 1341 г.

Имя погребенного Х.б.р.н немусульманское, возможно, местное. В настоящее время местное население не помнит подобного имени. Третья строка начинается с текста, который трудно расшифровать, очевидно, текст написан неграмотно, первое слово разделено на две части и означает *день* (йаум). Слово в пятой строке читается как *семь-*

сот, хотя внешне напрашивается *девятьсот*, однако как почерк, так и точка, передвинутая под последний зубец, дают возможность предпочтения первого варианта. К особенностям текста относятся свободный перенос слов или отдельных слов (*ар-рахим, са-хиб, ра-мадан*).

Обе надписи близки по времени, их отделяет пять лет, начертание букв общее, особенно хочется отметить общие начертания для *сина, мима, дала, зала, кафа*, конечных *нунов, ха, та, марбута, вава* и ряда других букв. Характерно также, что открыты слева не только конечные *ба*, но и *та*; *вав* всегда на строке.

Однако надпись 22 (рис. 21) более эффектна, лигатуры растянуты, конечные *ра* и сходные с ними конечные *нуны* дают, повторяясь, ритмический рисунок, здесь больше угловатости; надпись 23 (рис. 22) отличается некоторыми курсивными линиями; впервые в эпиграфике буква *ра* начертана на строке в виде небольшой дуги, ближе к *далу*, даже к конечному *нуну*.

Внешний облик памятников тоже един — низкая, широкая плита, на восточной стороне которой врезана надпись в 6 или 7 строк, причем центральное поле резко углублено, завершается своеобразной, глубоко трактованной остроконечной фигурой, и все это в целом выдает схематически сделанную антропоморфную фигуру. Фон свободен, как и поверхность глубоких парных дисков. Впоследствии, как мы убедимся при характеристике архитских памятников того же круга, орнаментальный узор обогашается, покрывает не только «головку» центрального поля, но и часть поверхности лицевой части плиты, причем орнамент из ячеек-треугольников — глубоко и смело трактованный, занимает только отдельные участки поверхности плиты.

24. Сел. Тпиг (Агульский район). К западу от селения, на высоком правом берегу Чирах-чая расположено старое поселение. Оно занимает восточный склон горы, опускаясь к ущельям рек Чирах-чая и Зулерах. Площадь поселения около 40 га. Это был, очевидно, один из важных пунктов в системе обороны подступов к Тпигу в районе ущелья Чирах-чая. У слияния обеих рек, метрах в ста к северо-западу от поселения были обнаружены в 1972 г. во время дорожных работ остатки башни. Со слов очевидцев, башня была круглой в плане, сложена из двух сортов местного строительного камня (нецин гъван, т. е. «речной камень», и дагъар гъван, т. е. «скальный камень»). Вы-

сота сохранившейся части башни около 1 м, внутренний диаметр основания башни около 3 м, толщина стенок около 1 м.

Рядом с селением — старое мусульманское кладбище, с надгробными плитами, из которых на двух, расположенных рядом, сохранились надписи. Одна из плит отмечена датой. Плита (119×95×10 см) изготовлена из песчаника, имеет полукруглую верхнюю часть. Почерк — тонкий, размашистый нахс, с незначительными элементами куфи (алиф, лам). Текст надписи заключен в раму, образованную двумя тонкими линиями, идущими по краю плиты. Перевод надписи опубликован нами ⁵⁵. Текст написан неглубоко, строки как бы сливаются с поверхностью плиты, и потому фотография не дает четкого отпечатка. Текст в 9 строк

(١) الله (٢) بسم الله الرحمن الرحيم (٣) توفي الرجي
الى (٤) غفر الله وغفرانه (٥) سليمان بن عبد الله (٦)
خمس في شهر شوال (٧) في سنة سبع مائة وواحد
(٨) واربعين من هجرة النبي صلى [الله عليه وسلم]

- (1) Аллах
- (2) Во имя Аллаха, милостивого,
- (3) милосердного
- (3) Скончался добывающийся
- (4) прошения и пощады Аллаха
- (5) Сулайман, сын Абдаллаха
- (6) [в день] пятый месяца шаввāl
- (7) года семьсот первого
- (8) и сорокового по хиджре пророка
- (9) — да благословит [его Аллах и при-
ветствует].

5 шаввала 741 г. хиджры соответствует 24 марта 1341 г.

25. Сел. Хив (Хивский район). Хив (по местному — Гъуьгъвер) — один из старинных аулов Южного Дагестана, расположен на левом берегу реки Чирах-чай (местное название — Курук-вац). По преданию аул образовался путем слияния ряда мелких аулов. В настоящее время в окрестностях селения сохранились поселения: Чуру-гъул («разрушенное селение») к северу от Хива, Гасул-гъул — к северо-западу от Хива, Джурас — к западу от Хива, Гамагъ-накъвар (накъвар — кладбище) — к северу от селения, Калай-гъул — к югу от селения, в лесу. Здесь также сохранились, со слов сторожилов, надписи.

В селении Хив, на его западной окраине, по обе стороны дороги, идущей на Тпиг (центр Агульского р-на), расположено старое кладбище. Среди сохранившихся надмогильных плит (доломит) некоторые сохранили арабские надписи.

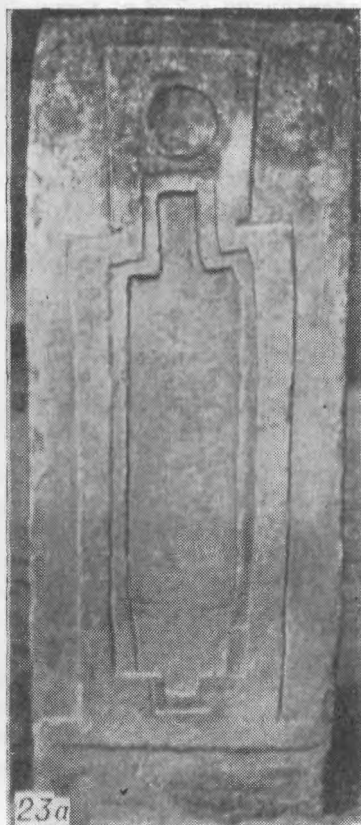
Четырехугольная плита высотой 2,20 м (дневная поверхность) имеет ширину 86×89 см (верх и низ). На восточной стороне плиты ⁵⁶ — центральное поле для надписи, обрамленное двумя параллельно идущими полосками, трактованными в разных плоскостях, образуя как бы две ступеньки к полю. Центральное поле увенчано подчетырехугольной шапочкой, причем характерно то, что ее правая сторона идет вниз параллельно краю плиты, а левая скошена внутрь. Центр шапочки занимает два концентрических круга, в разных плоскостях, ступенькой (рис. 23).

В кругу — врезная надпись со многими элементами куфи, особенно в передаче *мима*, *кафа*, конечного *нуна*. Однако уже появились элементы плавности в лигатурах, свойственные насху. Надпись в три строки

(1) *Это могила*

(2) *Камала, сына*

(3) *Амира.*

قد مات صاحب
 هذا القبر
 امير
 في سنة تسبع
 حاية و حسير
 و ثماز سنة
 مز هجرة ا
 ببر طر الله
 عليه

236

Текст центрального поля содержит 9 строк (рис. 23, фото и прорись)

- (1) Умер вла- (2) делец этой могилы
 (3) [Камал сын]⁵⁷ Амира
 (4) в году семь- (5) сот пятьдесят
 (6) восьмом году (7) по хиджре п-
 (8) ророка, — да благословит Аллах
 (9) его (и приветствует)⁵⁸.

758 г. х. = 25.XII 1356—13.XII 1357 г.

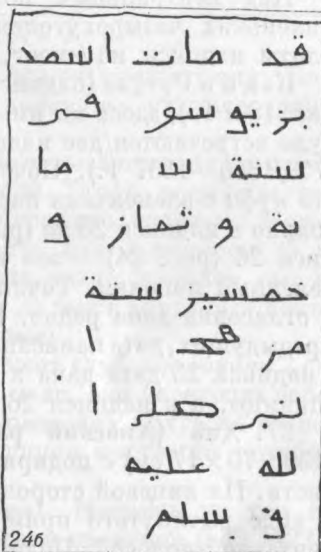
Как мы видим, надпись составлена в 758 г. хиджры, т. е. в 1356 г. или, скорее всего, в 1357 г. Это самая ранняя датированная надпись из Хива. Формула, которая здесь применена, вполне трафаретна, а имя погребенного, как и имя его отца, — чисто мусульманское. Надписи на тыльной стороне (западной) нет, как и на всех других памятниках дагестанской эпиграфики. В начертаниях букв много общего с архитскими надписями 22 и 23 (1336—1337 и 1340—1341 гг.). Единственное, на наш взгляд, отличие заключается в начальной передаче *ха*, без прямоугольных линий, плавно, курсивом, как и в других недатированных надписях Архита, которые также можно отнести ко второй половине XIV в., в курсивном написании средней и конечной буквы *йа*. В написании текста характерно то, что автор применяет перенос, а в ряде случаев не пишет *алиф*.

Западная сторона плиты имеет иной рисунок, но он также выполнен в трех плоскостях. Центральное поле прямоугольной формы, также глубоко врезано (2—3 см), обнесено ленточной полосой, чуть возвышающейся над полем. Надписи нет. Поле вытянутой формы, занимает половину плиты. Над полем, примерно на том же уровне, вырезано три круга, причем центральный (диаметр 26 см) больше крайних. Центральный круг состоит из двух концентрических кругов в разных плоскостях, причем внутренний круг, центральное поле, а также верхняя часть плиты и часть боковых полей выполнены на одном уровне, на глубине 2—3 см.

26. Сел. Хив (Хивский район). Надпись на прямоугольной плите (рис. 24, а), завершающейся прямоугольной головкой, левая сторона которой скошена внутрь. Размеры плиты: 159×81 — верх, а низ — 75×17 см. И плита, и центральное поле подтрапециевидны. Фотография надмогильной стелы, прорисовка арабского текста и русский перевод изданы нами ⁵⁹.

Центральное поле плиты также обрамлено ступеньками двух полос в разных плоскостях. Нижняя часть поля (30 см) уже верхней (33 см). Глубина центрального поля 3—4 см. На уровне первой «ступеньки» центральное поле переходит в невысокий шпиль, увенчанный большим кругом, входящим в другой круг. Центральный круг сопровождает три маленьких круга. Справа и слева плита имеет полосы (ширина — 6 см).

Центральное поле несет надпись в 9 строк, буквы врезаны неглубоко, трудны для чтения. На 2, 3 и 6 строках ряд букв не сохранился. Почерк насх, но *мим*, *син*, *шин*, *ха* трактованы угловатым письмом, причем *син* и *шин* имеют зубцы, постепенно снижающиеся влево.

- (1) Умер Ас.м.д, (2) сын Йусуфа.
- (3) Год с(емь) со-
- (4) т и восемь и (пя-)
- (5) тьдесят
- (6) по (хиджре) про-
- (7) рока — да благословит А-
- (8) ллах его
- (9) и приветствует.

758 г. хиджры падает на 25.XII 1356—13.XII 1357 г.

Западная сторона плиты трактована совершенно оригинально. Поле, занимая весь центр плиты (глубина — 2—3 см), как бы перехвачено двумя поясами-полосками, верхняя из которых выполнена под прямым углом к полю, а нижняя — наискось. Левый и правый края плит полностью, во всю длину плиты, сняты на глубину 2 см, образуя как бы своеобразное продолжение поля.

Над центральным полем — два круга и несколько маленьких четырехугольных выемок. Западная сторона плиты надписи не имеет.

Как и в Рутуле (надписи 19 и 20, отмеченные 683/1284 г., рис. 18 и 19), здесь мы имеем редкий случай, когда в одном ауле встречаются две надписи, датированные одним годом (758/1356—1357 г.). Почерк надписей также одинаков — это куфи с элементами насха. Начертание букв одинаково, только в надписи 25 *ха* (рис. 23) везде закруглено, а в надписи 26 (рис. 24) — это вытянутый прямоугольник, разделенный пополам. Точки в обеих надписях обозначены, а огласовка дана редко. В обоих случаях, как и во всех предыдущих, дата написана не цифрами, а словами, только в надписи 25 дата дана в таком порядке — сотни, десятки, единицы, а в надписи 26 — сотни, единицы, десятки.

27. Хив (Хивский район). Прямоугольная плита (150×70×17 см) с подпрямоугольным выступом в верхней части. На лицевой стороне углубленное центральное поле в виде вытянутого прямоугольника обрамлено широкой ленточной полосой. Поле не переходит, как обычно, в антропоморфную фигуру, над ним широкая горизонтальная полоса, которая отделяет центральное поле от круга в верхней части плиты. Центральный круг сопровождается тремя маленькими дисками.

Надпись в 10 строк, трудно читается, четкая фотография не получается. Мы переписали арабский текст

(١) في ثمان و (٢) سبعين و (٣) سبع مائة (٤) سنة
نور الله قبر (٥) الجميع (٦) المسلمين (٧) والمسلماء (٨) و
آيت رحمتك (٩) يا ارحم

*(1) в восьмом и (2) семьдесят и
(3) семьсотом (4) году. — да осве-
(5) тит Аллах моилу (6) всех
(7) мусульман (8) и мусульма-
(9) нок. Надели милостью твоею
(10) о самый милосердный.*

778 г. х. = 21.V 1376—9.V 1377 г.

Пачертания букв не отличаются от предыдущих. Благопожелательный текст второй половины надписи ранее не встречался.

Надпись центрального поля не называет имени погребенного, хотя текстом занято все поле. Такого рода эпитафия встречается в дагестанской эпиграфике впервые. Может быть, имя было врезано в круг, как в надписи 25 из Хива, однако в настоящее время следы надписи там не сохранились (в хивской надписи 25 текст круга был повторен в надписи центрального поля).

Западная, тыльная сторона имеет глубокое (около 2 см) обрамленное ленточной полосой поле, оно переходит через длинную «шейку» в два концентрических круга на разной глубине. Круг сопровождается двумя круглыми углублениями.

28. Сел. Хив (Хивский район). Надпись на том же кладбище датирована более поздним временем (833/1429—1430 г.)⁶⁰, чем две предыдущие (1356—1357 г.), но палеографически восходит к ним, и мы даем поэтому ее вслед за памятниками середины XIV в.

Надмогильная плита (150×76×18 см), как и предыдущий памятник, имеет своеобразную форму (рис. 25 а): четырехугольная плита с плечиками, переходящими в подпрямоугольный верх, левая сторона которого чуть скошена во внутрь. Левое плечо приподнято. Весь контур фигур напоминает стилизованный крест. Глубоко врезанное центральное поле, как и вся плита, имеет трапециевидную форму (30×25 см) узкой стороной вниз. Центральное поле переходит в длинную «шею», увенчанную большим кругом. Рисунок приобретает, таким образом, антропоморфные черты. Лицевая сторона имеет также симметрично расположенные розетки из 9 и 8 долек. Фотография памятника, прорисовка надписи и перевод изданы нами. Надпись центрального поля содержит 8 строк (рис. 25, б).

هذ القبر ابن هم
ابن رجب او ابن
صريع في سنة
تقيه مات و
ثلاثين و ثلاث
سنة و رحمه الله
عليه و للجميع
مسلمين

256

- (1) Это могила Ибрахима
- (2) сына Раджаба и сына
- (3) Мар'ям, в дату — (4) восемьсот (?)
- (5) тридцать третьем
- (6) году, — да смилостивится Аллах
- (7) над ним и над всеми
- (8) мусульманами.

833 г. х.=30.IX 1429—18.IX 1430.

В тексте очень слабо заметно слово, обозначающее сотни, но предложенное нами чтение наиболее предпочтительно (*восемьсот*), судя по обычному в таких текстах написанию сотен. Если это чтение правильно (833 г. хиджры), то надпись приобретает особую важность ввиду сохранения угловатости письма еще в первой четверти

XV в. Кроме всего прочего, это самая ранняя и редкая надпись в Дагестане, где наряду с именем отца умершего названо имя его матери. Хронологически данная надпись также впервые зафиксировала ставшую затем трафаретной благопожелательную формулу: *да смилостивится Аллах над ним и над всеми мусульманами*. Знаки чтения редко, но встречаются, в одном случае отмечена даже долгота. Почерк этой надписи палеографически трудно отличить от двух более ранних, нанесенных за 75 лет до этого. Только *ав* более курсивен, а *ха* полностью приобрел круглые начертания; не наблюдается также переноса части слов.

29. Поселение Гамагъ-накъвар (Хивский район). Это поселение, как уже указывалось, расположено к северу от селения Хив. В 1975—1976 гг. на этом поселении производила раскопки антропологическая экспедиция Института истории, языка и литературы им. Г. Цадасы Дагестанского филиала АН СССР под руководством кандидата исторических наук Ю. Г. Гаджиева, которая и обнаружила на поселении надгробные плиты.

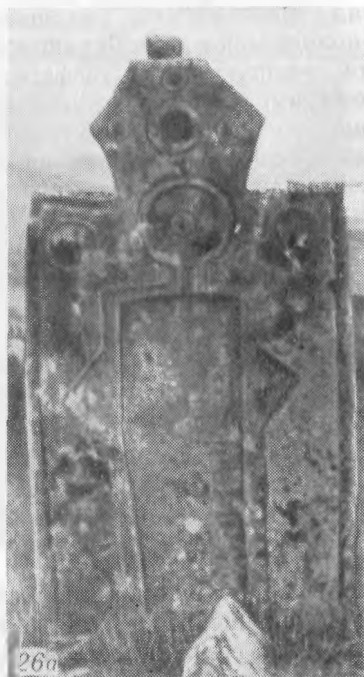
Могильник занимает большую территорию на широкой террасе, в то время как само поселение раскинулось на возвышенности. Надмогильных плит сохранилось около 20, но не все они несут надписи. По своему внешнему облику они сильно похожи на хивские надгробия, повторяя в целом те же две их разновидности: прямоугольные и антропоморфные.

Надгробная плита (179×94×18) представляет собой массивную антропоморфную фигуру (рис. 26, а), обе стороны которой трактованы при помощи различной ширины ленточных обрамлений и разных по величине солярных знаков и концентрических кругов. Строгих линий геометрические фигуры обработаны в различных плоскостях, как и в Хиве.

Углубленное примерно на 3 см подтрапециевидное (35×29 см) центральное поле занимает в длину одну треть поверхности. Надпись врезана неглубоко, в целом она хорошо читается, но текст фотографировать для четкого воспроизводства не удается.

Помимо вертикальной плиты, надгробие состоит также из длинной (около 2 м при толщине в 9 см) каменной плиты, уложенной горизонтально на ребро.

Надпись в 8 строк (рис. 26, б)

بِسْمِ اللَّهِ الرَّحْمَنِ
 الرَّحِيمِ
 هَذَا الْقَبْرُ مُحَمَّدِ
 ابْنِ عَبْدِ
 مَعْمَرٍ
 سَبْعُ مِائَةٍ
 وَثَلَاثِينَ
 لِسَنَةِ مِنْ هِجْرَةِ
 النَّبِيِّ صَلَّى اللَّهُ

266

- (1) Во имя Аллаха ми-
- (2) лостивого, милосердного
- (3) Это могила — Мухаммада
- (4) сына 'б.м.р. Ум[ер]
- (5) [в] семьсот
- (6) три и шестидесятом
- (7) году хидж-
- (8) ры пророка, — да благословит его
Аллах.

763 г. хиджры=31. X 1361 — 20.X 1362 г.

Почерк выдержан в стиле хивских и архитских надписей, отступления лишь единичны: вертикальное высокое *ба* в начале слова и высокие корпуса союза *вав*. Огласовка отсутствует, точки же расставлены почти во всех случаях (исключение: нет над цифрой три). Имя 'б.м.р. встречается в дагестанской эпиграфике впервые.

30. Поселение Гамагъ-наквар, близ сел. Хив. Надпись неглубоко врезана, имеет 10 строк трафаретного текста (рис. 27).

هذ القبر	(1) Это моги-
ر عمر	(2) ла 'Умара (?)
ابن قلمش	(3) сына К.л.ша
مات في سنه	(4) Он умер в да-
ة سبع	(5) ту семь-
مئة وثلاث	(6) сот и три
و سبعين	(7) и семидесятый
سنة من	(8) год хидж-
ة نبي صلى	(9) ры пророка, —
الله عليه	(10) Аллах его.

27

773 г. х. = 15.VII 1371—2.VII 1372 г.

В тексте допущено много переносов (*каб-р*, *сана-т*, *хиджра-т*); *ба* написано без черточки, предлог *фи* (*в*) передан только одной буквой *фа*, что несвойственно дагестанским надписям; конечное *йа* также передано просто небольшой чертой, уходящей вниз.

31. Поселение Гамагь-накъвар близ сел. Хив. Надгробная плита сравнительно крупных размеров (186×96 и 93×17 см). Надпись в 7 строк

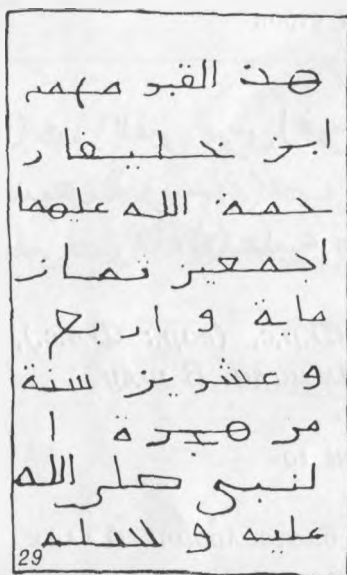
(١) هذا القبر فرس (فوس) ابن (٢) محمد في سنة
(٣) سبعمية وتسع (٤) عين ثلاث سد (٥) نة منهجرة
(٦) النبي صلى الله (٧) عليه وسلم

- (1) Это могила Ф.р.с. (вар.: Ф.в.с.),
сына (2) Мухаммада. В году
(3) семьсот и дев-
(4) яности (и) три го-
(5) да по хиджре
(6) пророка, — да благословит Аллах
(7) его и приветствует.
-

793 г. х.=9. XII 1390—28.XI 1391 г.

32. Поселение Гамагь-накъвар близ сел. Хив. Эпитафия на надмогильной плите (рис. 28) также нанесена полукуфи. Трафаретный текст в 9 строк (рис. 29).

- (1) Это могила Мухаммада
(2) сына Халїфā — ми-
(3) лость Аллаха над ними
(4) всеми. Восемь-
(5) сот и четыре
(6) и двадцатый год
(7) по хиджре п-
(8) ророка, — да благословит Аллах
(9) его и приветствует.

824 г. х.=1421 г.

В почерке появились дугообразные переходы, угловатость букв занимает господствующее положение. Для надписи характерно: новое начертание для *дала* (дуга, открытая сверху), *ра* (как *дал* в насхе), *хā* (горизонталь, накрест перечеркнутая дугой), *сина* (с резкой разницей в величине стволы, с сильным наклоном влево).

Эта надпись, как и хивская 28 (883/1429—1430 гг., рис. 25), — доказательство сохранения в ряде пунктов куфического письма в основных посвятительных текстах.

Имя *Халифа* встречается также в надписи из селения Курар Хивского района («хозяин этой могилы Халифа»), палеографически датируемой I половиной XV в.

К сожалению, ни в Хиве, ни в Архите не сохранились датированные надписи второй половины XV—XVII в. В селении Хив мы обнаружили надпись только 1121/1709—1710 г.⁶¹ По этому памятнику можно судить о том, насколько сильно изменился облик надмогильных

плит. Центральное поле значительно уменьшилось в размерах, основное внимание резчика сосредоточено уже на основной площади лицевой стороны за пределами надписи. Площадь эта сильно орнаментирована, вернее, полностью покрыта треугольно-выемчатой сеткой, дающей мелкие квадраты. Отсутствие промежуточных характеристик за 250 с лишним лет (от второй половины XV в. до начала XVIII в.) лишает возможности проследить пути и этапы изменения внешнего рисунка надгробных плит. При всех изменениях элементы, из которых складывалась композиция памятника XIV—начала XV в., сохранились (антропоморфность центрального поля, форма орнамента, дискообразные фигуры).

Выше мы дали описание десяти памятников: надписи 22, 23 из Архита (рис. 21, 22), 25, 26, 27, 28 из Хива (рис. 23—25), 29, 30, 31, 32 из Гамагь-наквар близ Хива (рис. 26—28). Все они датированы в пределах 1336—1337—1430 гг. Если же из этого списка исключить две надписи (29, 32), то остается восемь надписей, датированных в пределах XIV в., точнее, от 1336—1337 до 1390—1391 гг. Все эти надписи одного круга, они находятся в селениях, близко расположенных. Манера нанесения письма, как и весь облик надмогильной стелы, имеет много общего, палеографически они относятся к одной школе, носят отпечаток одной традиции. Все тексты врезаны некрупным почерком (в Архите резьба глубже, чем в остальных двух селениях), соотношение низких и высоких букв равно 1 : 2, подставки для букв типа *ба* резко выражены, текст снабжен точками, фон везде чистый, буквы не имеют в верхней части скосов, дополнений, соединение букв почти всегда дается под острым углом, такие буквы, как *мим*, *ха* в конечной позиции, *мим*, *вав*, начальные *фа* и *каф*, имеют основным элементом треугольник, *каф* всегда имеет ромбовидную форму, конечные *та* или *са* открыты влево; начальный или отдельный *вав* всегда полностью на строке, в то время как в конечной форме хвостик уходит под строку; конечные *нуны* всегда подобны *ра* с точкой; зубцы *сина* имеют наклон влево, уменьшаются, но не резко; конечное *ба* резко не выделяется; *ха* имеет двойное написание — два квадратика с общей стороной или же курсивом. Написание *алифа*, *лама*, *дала*, *зала* везде одинаково, они всегда на строке. Срединное *джим* или буквы этой группы — два парал-

лельных отрезка, соединенных косой чертой. Один только раз (надпись 22) *xa* передается как горизонталь в сочетании с косым отрезком. *Сад* и *дад* — также два отрезка, ограниченные обычно под прямым углом (только *дад* справа соединен косой чертой; *ра* в начале строки или же отдельно пишется уже) (надпись 23) на строке в виде полукружия. Конечный *йа* всегда имеет плавные переходы. Кроме всего этого, для всех надписей характерно отсутствие огласовки, перенос части слов, трафарет эпиграфии.

Изложенное выше единообразие начертаний, которое прослеживается в течение XIV в. в пределах хивской школы, послужит довольно обоснованным эталоном для недатированных надписей из того же района и, может быть, из селений, расположенных близко к Хиву.

Две другие надписи, описанные нами выше, т. е. надпись 28 из Хива (рис. 25) и надпись 32 с поселения (рис. 28), относятся к первой трети XV в., датированы соответственно 1429—1430 и 1421 гг. При первом взгляде эти надписи ничем не отличаются от предыдущих по начертаниям букв (рис. 29).

Однако некоторые отличительные признаки уже наблюдаются: подставка для букв группы *ба* резко не выступает; *син* передан и в манере XIV в. с резким наклоном влево и резким снижением зубцов влево (надписи и 32); конечная *ра* похожа по форме на полукружие наподобие начальной *ра*, но под строкой (надпись 28) или же передано двояко: обычно и по-новому — горизонталь на строке и соединенная с ним дугой параллельная линия (надпись 32); *ха* в середине имеет уже круглые очертания: нижняя половина уходит под строку (надпись 32) — эта особенность стала уже наблюдаться со второй половины XIV в., в частности в надписях 30 и 31; *зал* также принял (надпись 32) необычную форму — нижняя черта приняла дугообразную форму — *ха* в середине состоит из горизонтали с пересекающей ее дугообразной чертой (надпись 28); наконец, *нун* в конце слова приобрел отросток в верхней части (надпись 28).

33. Сел. Кала-Корейш (Дахадаевский район). Эта самая ранняя датированная плита из Кала-Корейша. Могильная плита была обнаружена А. А. Ивановым и М. М. Маммаевым на западном кладбище селения. А. А. Иванов опубликовал фотографию плиты (85×55 — верх и 50 — низ) трапециевидной формы с закругленным верхом⁶². По всему краю плиты, как это видно на фотографии (рис. 30, а), идет выполненная в сравнительно высоком плоском рельефе широкая эпитафическая лента. На фоне надписи, как отмечает А. А. Иванов, видны только отдельные элементы растительного орнамента, а не волнистый стебель со спиралевидными побегам, как это сделано на плите 802/1399—1400 г. Однако по большинству признаков автор справедливо причисляет калакорейшскую стелу к группе ранних плит Кубачи, большая часть которых «должны быть связаны с плитой 802/1399 — 1400 г. (№ 36) по форме, по композиции, характеру почерка, заполнению фона надписей растительным орнаментом, дополнительной проработке гравировкой элементов растительного орнамента, обработке фона центрального поля большинства плит точками». Отмечается также и отличие — калакорейшская плита имеет закругленную верхнюю часть.

Как писал А. А. Иванов, все надписи на этих памятниках читаются, «хотя историческое их содержание весьма незначительно».

Широкая эпитафическая полоса содержит трафаретную фразу из Абу-л-Атахия (вторая половина VIII—первая четверть IX в.):

Смерть — истина, жизнь — обман.

Смерть — чаша, каждый человек вкушает ее. Могила — двери, и каждый человек войдет в нее.

Что касается центрального поля, то оно также обведено по контуру надписью в низком рельефе, содержащем

дату. Правильное чтение этой надписи очень важно, ибо этот памятник как наиболее ранний из плит Кубачи и Кала-Корейша дает образец определенной группы.

На изданной фотографии надпись, т. е. посвятельный текст трудно разобрать. А. А. Иванов пишет, что там обозначен 783 г. х., т. е. 1381—1382 г. Такая датировка памятника и связь ее с кубачинскими плитами «первой группы», включающей и датированную плиту 802/1392—1400 г., привела автора к выделению «второй», более ранней группы памятников (они не датированы), которые при их несомненной связи с первой группой (трапециевидная форма, точечная обработка фона центрального поля, завиток на вершинах букв) имеют вместе с тем разительные отличия: широкие пояса по краю плиты не имеют надписей, это только подражания им, это эпиграфический орнамент; круглые медальоны центрального поля помещают слово «Аллах», почерк этих псевдонадписей восходит к одному из разновидностей насха XII—XIII вв., что на иранских бронзовых изделиях; фон надписей чист, без растительной орнаментации; широкая полоса с псевдонадписью идет по краю трапециевидной плиты, т. е. не имеет закруглений в верхней части, как это оформлено в плитах первой группы.

Исходя из всего этого, памятники второй группы датированы временем, более ранним, чем первой. Если первая группа отнесена в большинстве своем к последней четверти XIV—первой четверти XV в., то вторая — к первой половине XIV или даже, возможно, к концу XIII в.⁶³

Все это было бы правомерно, если бы надпись центрального поля калакорейшской надмогильной плиты действительно отмечала дату 783/1381—1382 гг. Нам кажется, что возможно и иное чтение даты. По эстампу (рис. 30, б), предоставленному в наше распоряжение М. М. Маммаевым (впоследствии я получил от А. А. Иванова фотографию с более четким изображением), посвятельный текст читается следующим образом

صاحب هذا القبر حسن ابن اتكن ... في
تاريخ سنة ثمانين وثلاث وسبع مائات من هجرة
النبي صلى الله عليه وسلم

Хозяин этой моилы Хасан сын Ат.
к.н... в дату (в) году восемьдесят и
тридцать и семьсот по хиджре про-
рока, — да благословит Аллах его и
приветствует.

Дату мы перевели точно, как написано в арабском тексте, т. е. [в] году *восемьдесят и тридцать и семьсот*. В тексте слова так и читаются: *саманин (восемьдесят)*, и для буквы *йа* имеется подставка; далее идет *саласин* (что можно перевести как *три*, если учесть, что для *йа* нет подставки, а конечный *нун* — это неточное написание падежного окончания; или же перевести как *тридцать*, учитывая, что имеется две точки для *йа*, хотя и нет подставки. Все эти неточности, допущенные при написании цифр, допускают двойное чтение: *восемьдесят и три и семьсот* — *восемьдесят и тридцать и семьсот*. Однако такое чтение текста должно быть скорректировано с учетом того правила, что при отсчете от единицы к сотням и т. д., сначала идут единицы, а потом последовательно десятки, сотни, тысячи (например 1979 — это девять и семьдесят и девятьсот и тысяча); когда же отсчет идет от тысяч к единице, то цифры располагаются в таком порядке: тысячи, сотни, единицы, десятки (тысяча девятьсот и девять и семьдесят). В обоих случаях единицы предшествуют десяткам. Таким образом, [в] году *восемьдесят и тридцать и семьсот* (вариант — [в] году *восемьдесят и три и семьсот*) может быть исправлено на [в] году *восемь и тридцать и семьсот*.

Таким образом, чтение *семьсот тридцать восемь* кажется нам более предпочтительным (738 г. х. соответствует времени от 30. VII 1337 г. до 19. VI 1337 г.). В таком случае памятник первой половины XIV в. несет в себе значительные различия по сравнению с теми недатированными памятниками Кубачи, которые отнесены к этому же времени. Нам кажется поэтому датировка памятников «второй группы» первой половиной XIV в. (или даже концом XIII в.) преждевременной.

33а. Сел. Кала-Корейш (Дахадаевский район). Памятник обнаружен М. М. Маммаевым, представляет собой четырехугольную трапециевидную плиту (130×80 и 70 см), широкая эпиграфическая полоса с закругленной верхней частью несет рельефную куфическую надпись — формулу единобожия. Буквы изящно вырезаны, вершины их снабжены полупальметтами, трилистниками и пятилистными пальметтами. Волнистый стебель имеет отростки, скрученные в спираль. Центральное поле имеет три медальона с вырезанными в плоском рельефе именами: *Аллах, Мухаммад, Али*.

В верхних углах — врезная надпись насхом, фиксирующая дату.

В верхнем правом углу (рис. 31)

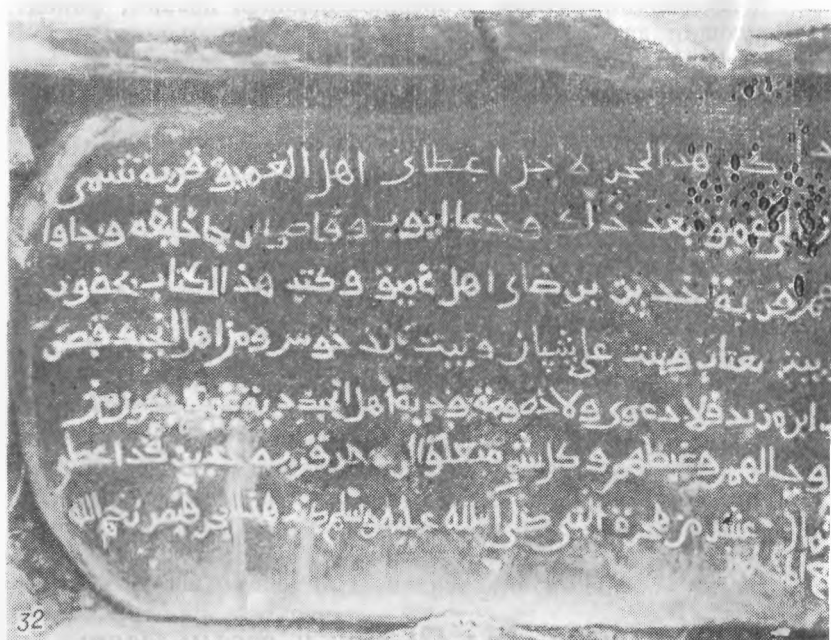
31

- (1) Дата. Год (2) три и восемьдесят
(3) и семьсотый
(4) год (5) по (6) хиджре.

В верхнем левом углу

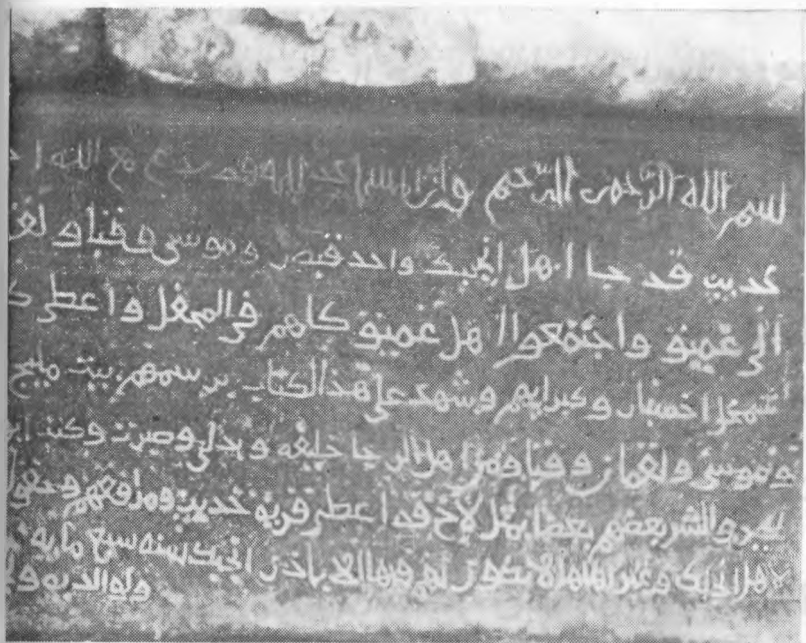
- (7) пророка. — да благословит его Аллах
(8) и приветствует, да осветит Аллах (9) его могилу до судного дня.

783 г. х. = 28. III 1381 — 16. III 1382 г.

34. Сел. Худуц (Дахадаевский район). Надпись на крупном речном камне ($71 \times 21 \times 10$ см), вставленном в стену минарета. Эстамп предоставил в наше распоряжение кандидат исторических наук М. М. Маммаев, а фотографию — кандидат исторических наук Б. Г. Алиев. В октябре 1979 г. мы познакомились с надписью на месте, сфотографировали ее (рис. 32). Перед нами ценный исторический документ — дарственная грамота. Текст состоит из 8 строк, из них 7 полных

Надпись, обнаруженная в сел. Худуц Дахадаевского района — один из самых ценных эпиграфических памятников, открытых за последнее время. Запись на камне поднимает завесу над рядом вопросов социально-экономической жизни и исторической географии территорий, расположенных севернее верховий Уллучая. К числу таких вопросов относятся: формы земельной собственности, роль

отдельного крупного аула, вернее сельской общины (в данном случае общины сел. Кумух) в перераспределении земельного фонда, точнее — роль сельской общины как коллективного собственника земли; взаимоотношения феодального правителя — шамхала и ряда крупных сельских общин; характер власти или влияния на упомянутой территории в начале XIV в.; взаимоотношения отдельных аулов; роль отдельных тухумов в экономической и социальной жизни села или крупных сельских общин; географическая номенклатура описываемого региона, вопросы исторической географии, складывания крупного села; социальная терминология; состав личных имен, как мусульманских, так и немусульманских (домусульманских), т. е. местных по происхождению; система записей актового материала и перенос его с одного материала на другой (с бумаги на камень). См. рис. 32, арабский текст и перевод его на русский язык.

(١) بسم الله الرحمن الرحيم وان للمساجد لله فلا تدع مع
الله احدا كتب هذا الحجر لاجل اعطى اهل الغميق قرية تسمى
(٢) خديز قد جا اهل انجبك واحد قبص وموسى وقبا
ولقمان الى غميق بعد ذلك ودعا ايوب وقاضى الرجا خليفه
وجاوا

(٣) الى غميق واجتمعوا اهل غميق كلهم فى المحفل واعطى
كلهم قرية خديز برضاى اهل غميق وكتب هذا الكتاب بحضور
(٤) شمخل اخسبار وكبراىهم وشهد على هذا الكتاب
برسمهم بيت مليح وبيت بغتار وبيت على شپيان وبيت
بذخوس ومن اهل انجبك قبص

(٥) وموسى ولقمان وقبا ومن اهل الرجا خليفه وبدلى
صرت (حبرت) وكتب ايوب ابن مزيد ولاد عوى ولا خصوصه
ودية اهل انجبك دية غميق يكون من

(٦) الخير والشر بعضهم بعضا بمثل لاخ قد اعطى قرية
خديز ومرافقهم وحقولهم وجبالهم وكل شى متعلق
الى حد قرية خديز قد اعطى

(٧) لاهل انجبك وغير اهلها لا يكون لهم فيها الا اذن انجبك
سنة سبع مائة وثمان عشر من هجرة النبى صلى الله عليه وسلم
كتب هذا الحجر قبص رحمه الله له
(٨) ولوالديه ولجميع المسلمين

-
- (1) Во имя Аллаха, милостивого, милосердного. Аллах един, не призывайте с Аллахом никого (Коран, XXII, 18). Этот камень написан по случаю отдачи жителями ал-Гумй-ка селения, называемого
- (2) Худйц. Пришел некий житель Ан.дж.б.к. [по имени] К.б.с. (Къубас) и [вместе с ним] Муса, К.ба и Лукман в Гумйк. После этого призывали [они] Аййуба и кади ар-Риджā (ричинский кади) Халифа, и пришли они [все вместе]
- (3) в Гумйк. Жители Гумйка собрались на месте сбора и [решили] все они отдать селение Худйц с согласия жителей Гумйка. Этот текст [был] написан в присутствии
- (4) шамхала Ах.сбāра и старшин (кубара) их (т. е. жителей Гумика). Эту запись засвидетельствовали своими подписями (расм — знак): дом (байт) Малйджа, дом Б.г.тāра (Багъутар), дом Али Чупāна, дом Б.з.хўса; из жителей [селения] Ан.дж.б.к. — К.б.с. (Къубас),
-

-
- (5) Муса, Лукман, К.бā; из жителей Риджā — Халифа, Будалай и С.р.т. (вар.: Х.б.р.т.). Записал Аййуб, сын Мазид. [После этого не остается] ни тяжбы, ни претензий. Дийа жителей Ан.дж.б.к. — дийа Гумйқа [чтобы] были
- (6) радости и несчастья общими, как у братьев (в тексте: подобно брату). И отдал[и] селение Худйу, достояние (хозяйство — марафик) их (т. е. жителей Худица), пашни их, горы их, пастбища их, и все, что связано с пределами селения Худйу. Было отдано [все указанное]
- (7) жителям Андж.б.к. [Всем остальным], кроме его жителей, нет [ничего] из этого, [иначе как] с разрешения жителей Ан.дж.б.к. В году семьсот восемнадцатом хиджры пророка — да благословит его Аллах и приветствует. Написал этот камень К.б.с. — да помилует Аллах его,
- (8) его родителей и всех мусульман.
-

718 год хиджры приходится на 5.III 1318—21.II 1319 г. К палеографическим особенностям текста относятся сходство в одном случае *ха* и *зала*, *зала* и *нуна*. В грамматическом, в частности в орфографическом плане, характерно также своеобразное написание *хаза* в сочетании со следующим именем, а также отсутствие конечной хамзы в ряде случаев.

Географическая номенклатура охватывает ряд существующих ныне, а также не существующих уже населенных пунктов. Это *Гумик*, *Худиц*, *Ан. дж. б. к.*, *Риджа*. *Худиц* — это современное селение *Худуц* (к западу от Кубачи) Дахадаевского р-на, местное население называет его Худейц; *Гумик* — это нынешний Кумух, районный центр Лакского р-на. Характерно, что селение названо Гумик, а не Гази-Кумук. *Ан. дж. б. к.* — ныне необитаемое поселение Анчибачи, близ Кубачи (жители Худуца называют поселение Анджибек). Со слов старожилов, селение Кубачи образовалось в процессе слияния 7 пунктов, среди которых называют и Анчибачила. *Риджа* — это селение Рича, известное еще по знаменитой надписи о борьбе ричинцев против монгольских отрядов.

В тексте встречается немало имен, как мусульманских, так и местных домусульманских: Муса, Лукман, Аййуб, Халифа, Али, Мазид наряду с *К. б. с.*, *К. ба*, шамхал *Ах. с. бар*, Багътар, Чупан, *Б. з. хус*, Будалай, *С. р. т.* (вар. *Х. б. р. т.*), сюда же относятся названия «домов» (возможно, тухумов) — дом (байт) Малиджа, дом Багътара, дом Али Чупана, дом *Б. з. хуса*.

Из социальных терминов встречается три: *кубара* (ед. ч. — *кабир*), что можно понимать в смысле сельских старшин; *кади* — в данном случае кади сел. Рича; *шамхал* — это самое раннее датированное упоминание гумикского правителя, шамхала, причем, термин дан не в «традиционной» форме, т. е. с намеком на Шам (Сирию).

Шамхал по имени — *Ах. с. бар* до сих пор не был известен. В хронологии кумухских шамхалов имя *Ах. с. бар* должно стоять вторым после имени, впервые выявленного Л. И. Лавровым. Само имя чрезвычайно редкое, сейчас оно не встречается. В письменных источниках оно встречалось дважды. В двух документах, относящихся к 1143/1730—1731 г. и зафиксированных на обложке сборной рукописи из Рукописного фонда Института

истории, языка и литературы им. Г. Цадасы (фонд араб. рукописей, № 843). Это имя записано в форме Ахс. б. р. или же Ахсувар (на эти документы мое внимание обратил кандидат исторических наук Т. М. Айтберов).

Особо важным представляется нам система передачи звуков местного (кубачинского) языка (или кубачинского диалекта даргинского языка) посредством арабских букв с дополнительными знаками: в слове Худиц (ХудейцІ) звук ц (цІ) передан через букву *за* с тремя точками внизу. В дагестанской эпиграфике (в письме вообще) это самая ранняя форма передачи буквы ц (цІ). В слове Чупан своеобразная форма *шина* (шин с тремя точками внизу) встречается также впервые.

Хроника из Худуца, датированная 718/1318—1319 г., предоставляет также в распоряжение исследователя ценный материал по истории политических и земельных отношений в Центральном Дагестане. В ней прослеживаются пути становления зависимых отношений жителей отдельного селения или группы населенных пунктов под эгидой Кумуха, точнее — жителей Кумуха. Жители Кумуха, или кумухская сельская община выступают как внушительная политическая сила. Они отдают с благославления шамхала и старшин (кабиры) само селение, их пахотные и пастбищные участки. Предоставление земельных участков или пастбищ в условное владение или же в аренду, оказание покровительства более слабым селам становятся одним из путей дальнейшего укрепления феодальных отношений в районах Дагестана.

Худуцкая хроника представляет собой вместе с тем первый зафиксированный на камне документ — дарственную грамоту. Она характеризует также формы коллективной эксплуатации, когда кумухская сельская община выступает в роли коллективного эксплуататора. Значительный интерес представляют данные об отдельных «домах» (бейт), очевидно, отдельных тухумах, расположенных в Кумухе.

35. Сел. Худуц (Дахадаевский район). Надпись нанесена на камень (36×30 см), вмонтированный в стену того же минарета, ниже надписи 34 (рис. 33). Текст нанесен обводом по контуру (рис. 33), почерком полукуфи. Текст в пять строк (начало первой и второй строк сбито)

(١) [بني] المئارة على ابن (٢) ... لاجل الله غفر الله له
 و(٣) لمن اعانه سنة سبع (٤) مائة وخمسة وستين
 سنة من (٥) هجرة النبي وكتبه حاجي

- (1) [Построил этот] минарет Али,
 сын
 (2) ... ради Аллаха, — да простит он
 его
 (3) и того, кто помог ему. Год семь-
 (4) сот шестьдесят пятый по
 (5) хиджре пророка. Написал это
 Хаджи.

765 г. х. = 1363—1364 г.

Эта надпись почерком полукуфи нанесена примерно через 47 лет после надписи 35, нанесенной насхом.

В селении Худуц сохранилось старое кладбище; наиболее ранняя эпитафия относится здесь ко второй половине XV в. Это надпись на трапецевидной песчаниковой плите (113×78 и 75 см).

*(1) Хозяин этой моилы Мухаммад,
сын Калбиза (ГьалбецI)*

*(2) В году восемьсот семьдесят (или
шестьдесят) седьмом*

867 г. х.=26. IX 1462—14. IX 1463 г.

877 г. х.=8. VI 1472—28. V 1473 г.

36. Сел. Ашты (Дахадаевский район), к югу от селения расположен могильник с надмогильными плитами, наиболее ранние из которых датированы XIV—XV вв. Наиболее старая надпись сохранилась на каменной плите, вставленной сейчас в каменную ограду, отделяющую дорогу от могильника. Плита прямоугольной формы, сохранившаяся ее часть имеет подтрапецевидную форму (72×82 и 80×4,5 см). По всему краю идет П-образная эпиграфическая полоса (она сохранилась частично). Центральное поле необычайной формы, надпись врезана в широкие растительные разводы почерком полукуфи (рис. 34)

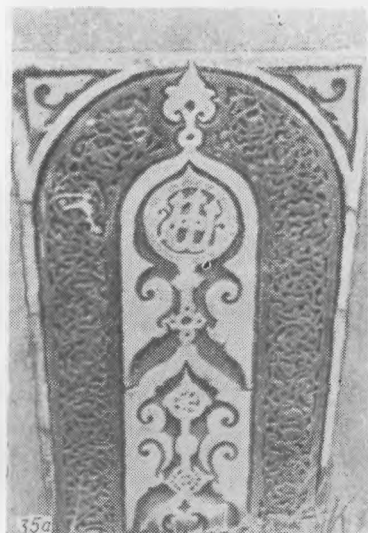
*Дата—год семь(сот) семьдесят чет-
вертый—да благословит его Аллах
и приветствует.*

التاريخ سنة اربع وسبعين وسبع [مائة] صلى الله عليه
وسلم

774 г. х.=1372—1373 г. Сохранилась, как мы видим, дата, а имени погребенного на сохранившейся части плиты нет.

37. Ашты (Дахадаевский район). На названном выше кладбище к югу от святилища Шайхла-хъал («дом шейха») имеется трапецевидная плита (148×98 и $82,7 \times 7$ см). Ее центральное поле обведено широкой, орнаментированной растительными мотивами лентой с закругленным верхом (рис. 35, а). Отсутствие эпиграфической ленты характерно для аштынских надгробий. Верхние углы плиты также покрыты растительным орнаментом, как и

توفي صاحب هذا القبر مرحوم على شابه على ابن
احمد في يوم الاثنين من جماد الاخير سنة سبعة
وسبعين وثمانماية من الهجرة

[Еще] юношей скончался хозяин этой
моилы прощенный Али сын Ахмада
[в] понедельник [месяца] джумада ал-
ахир восемьсот семьдесят седьмого
года хиджры.

Джумада ал-ахир 877 г. соответствует 3.IX 1472—
1.XII 1473 г.

основная часть центрального поля. В верхней части центрального поля — рельефный круглый медальон с врезанной круговой надписью по краям. В кругу крупным рельефом написано слово *Аллах*. Круговая надпись (рис. 35, б) отметила не только имя, но также день недели, месяц и год смерти.

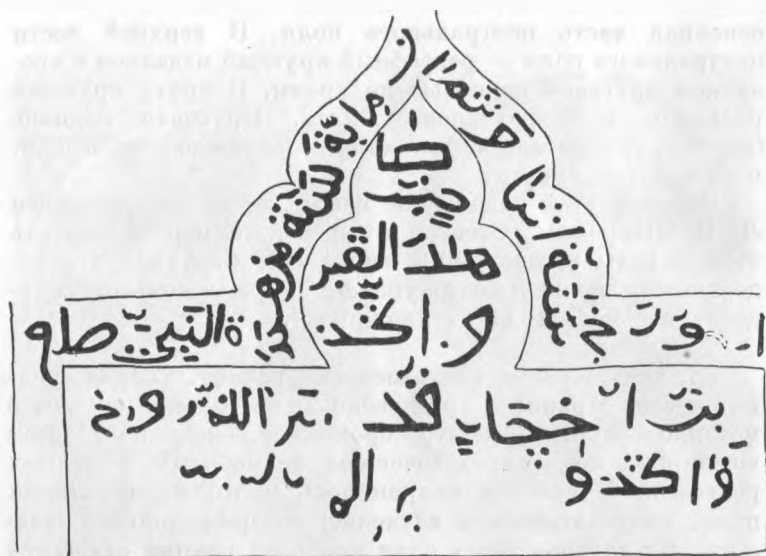
Рисунок этой надписи не совсем точно воспроизведен Л. И. Лавровым. Отсюда и перевод: «Умер обладатель этой могилы несчастный и юный Али б. Ахмад в понедельник в новолуние джумада-л-ахира восемьсот семьдесят восьмого года от хиджры»⁶⁴.

38. Сел. Кубачи (Дахадаевский район). Селение славится еще с раннего средневековья не только как центр металлообработки, центр бронников, медников, затем ювелиров, но и средоточием знаменитых каменных рельефов. В селении сохранилось много надмогильных плит, систематическое изучение которых только началось. Из датированных плит наиболее ранняя относится к 802/1399—1400 г. Из-за соображений палеографии эту надпись мы даем в числе памятников кубачинско-калакореишского круга раньше некоторых других, датированных более ранним временем. Эта плита впервые упоминается у Б. А. Дорна, прорисовка также найдена и издана им⁶⁵. Среди 32 арабских надписей, снятых с мечети, медресе, кладбища, даже со шлема, имелись и датированные. Б. А. Дорн пишет, что встречаются даты 807/1404, 881/1476, 1151/1738 гг. и имена, среди которых он приводит чисто мусульманские⁶⁶.

Под 881/1476 г. Б. А. Дорн называет именно интересующую нас плиту, как это видно из рисунка в альбоме. Л. И. Лавров также прочитал по эстампу Б. А. Дорна 881 г. хиджры⁶⁷. А. А. Иванов, ознакомившись на месте с памятником, уточнил чтение — это 802 г. хиджры, т. е. 1399—1400 г.⁶⁸, он же издал фотографию плиты. Надпись врезная, расположена в нижней части центрального поля, на широкой ленте в форме стрельчатой арки и на фоне ниже ленты.

М. М. Маммаев предоставил в наше распоряжение снятый им эстамп надписи (рис. 36).

В надписи в верхней части указана дата

В [дат]у году втором и восьмисотом по хиджре пророка, — да благословит его Аллах и приветствует.

Надпись на сильно углубленном фоне имеет 6 строк.

(1) صا (2) حب (3) هذا القبر (4) واكذ (5) ابن
 احيا قد... الله روح (2) واكذ

(1) Вла-

(2) делец

(3) этой могилы

(4) Bākīz (вар.: Fākīz)

(5) сын Ахича, — [да осветит] Аллах душу

(6) Bākīza и [всех мусульман].

Почерк насх с некоторыми элементами куфи. Характерно наличие не только точек, но и огласовок, более того, этих огласовок больше, чем нужно, — это, видимо, случай использования огласовок в орнаментальных целях. Надпись 802 г. х. из Кубачи впервые в эпиграфике дает полный набор огласовок — *фатху*, *кесру* и *дамму*, причем *кесра* вообще встречается впервые; несколько раз употреблен *ташдид*; долгота также обозначена. Свойственный кубачинскому языку звук (*kI*) передан через *каф* с тремя точками; над буквой *kI* стоит в первом случае *ташдид* и под *ташдидом* — *кесра*, хотя *кесра* должна стоять под буквой. Однако в слове *наби кесра* при удвоении буквы также стоит между знаком удвоения и буквой. Стало быть, *кесра* относится именно к этой букве. Учитывая все это, мы предпочитаем чтение имени как *ВакIуз* (или *ФакIуз*).

Второе же имя, *Ахича*, имеет после себя значки, вроде *даммы* (или *ра*, но это менее вероятно) и *тенвин кесры*. Возможно, это имеет отношение к самому имени, т. е. означает последнюю часть его, или же — это орнаментальный мотив. Во всяком случае, мы передаем только те буквы, которые уверенно читаются. Не существующая в арабском языке буква *ч* передана на персидский манер, т. е. *ха* с тремя точками внизу.

В почерке преобладают дугообразные лигатуры, но насх сохранил элементы куфи: *сад* имеет форму длинного прямоугольника; *ха* — два соединенных основаниями квадрата, один из которых под строкой; *каф* имеет как круглую петлю, так и треугольную.

Оба имени, т. е. имя «владельца могилы» и его отца, не мусульманские. Достоверное чтение имени затруднено. Имя погребенного и огласовка даны двояко: *ВакIуз* и *ВакIкIуз* (вар. *ФакIуз* и *ФакIкIуз*).

В первом случае точка слева должна отнестись к самой букве, то тогда это — *фа*, как и во втором случае.

39. Хунзах (Хунзахский район). До недавнего времени считалось, что в Хунзахе и прилегающих землях нет надписей ранее 934/1527—1528 г.⁶⁹ Правда, в литературе уже сообщалось о надписи 734/1333—1334 г. на камне, вложенном в стену бывшей мечети квартала Самилял, но оказалось, что это та же надпись 934 г. х., прочитанная неверно. В последнее время А. А. Ивановым и Т. М. Айтберовым выявлены две куфические надписи XII—XIII вв. в Хунзахе, в том же самом квартале Самилал⁷⁰.

Т. М. Айтберов обнаружил близ Хунзаха на кладбище Лъархал надмогильную плиту (134×62 см) с двухстрочной надписью.

(1) *Владелец этой плиты —*

(2) *Сафилав, сын Алиилиж, да простит их обоих Аллах. 796 г.⁷¹*

791 г. х. = 31.XII 1388—19.XII 1389 г.

Эти находки проливают новый свет как на историю ислама в аварских районах, так и на историю арабского письма и грамоты в нагорном Дагестане.

* * *

Мы дали краткое описание 39 датированных надписей, относящихся ко времени от X в. до 1472 г.

Описанные выше памятники дают возможность проследить в общих чертах эволюцию письма в Дагестане, точнее — в отдельных его районах, найти то общее, что свойственно всему эпиграфическому наследию X—начала XV в., выделить вместе с тем палеографические особенности, отличающиеся друг от друга одновременные надписи из различных районов.

Палеографические характеристики отдельных районов позволяют нам сделать попытку определить приблизительно время недатированных надписей, причем в каждом отдельном случае, если это представляется возможным, предпочтение отдается определенным эталонам, т. е. надписям, территориально наиболее близким.

Ниже мы даем текст и перевод куфических или же написанных насхом текстов недатированных памятников, обнаруженных в Дагестане за последние годы.

40. Сел. Кара-Кюре (Ахтынский район). Наиболее древние недатированные надписи сохранились в этом селении. Они обнаружены мною в 1957 г.⁷² В центре селения расположена старая мечеть, неоднократно подвергавшаяся разрушениям и неоднократно восстанавливавшаяся. В первоначальном виде мечеть представляла собой четырехугольное в плане здание, ориентированное с юго-запада на северо-восток. Два ряда колонн (по 3 колонны в каждом) поддерживали плоскую крышу.

Столбы круглой формы (кирпич, оштукатуренный сверху) имеют высоту (вместе с основанием) 3,6 м и расположены на четырехугольных (почти квадратных) базах высотой в 1,24 м и шириной в 1,2 м ⁷³. Базы столбов покрыты со всех сторон растительными мотивами, выполненными в высоком рельефе по штуку ⁷⁴. Верхнюю часть всех баз опоясывает широкая эпиграфическая лента, идущая над рельефным растительным орнаментом. Все надписи выполнены почерком куфи.

В ряде случаев центральное поле также несет куфическую надпись. Все эти надписи до сих пор не изучены. П. М. Дебиров издал прорисовки четырех панно, три из которых составляют стороны одной опорной базы, и фотографии двух из этих панно ⁷⁵. Эти панно несут пять самостоятельных надписей (рис. 37). Одна из них занимает верхнюю эпиграфическую полосу трех сторон базы ⁷⁶. Вторая же расположена в центральном поле, образуя вместе с двумя неширокими рамами стрельчатую арку. На этой же стороне в нижней половине центрального поля еще одна надпись. Четвертая надпись занимает верхнюю половину центрального поля, трактованную в виде картуша, обрамленного перлами. Пятая надпись идет по верхней части панно (с пятью соединенными между собой концентрическими кругами).

Вопрос о датировке надписей представляет значительные трудности. Надписи даты не имеют, а сообщения письменных источников (о них позже) противоречивы и нуждаются в коррективах на базе искусствоведческого и палеографического анализа.

П. М. Дебиров, обследовавший штуковые рельефы калакюринской мечети ⁷⁷, датирует их, как и всю мечеть в целом, в пределах X—XI вв. ⁷⁸

Датировка эта основана на трех основных моментах. Прежде всего это характер самых куфических букв. Исходным материалом служит здесь среднеазиатский материал, изученный В. А. Крачковской. Сдержанность и строгость форм, сжатость почерка с преобладанием вертикалей, стрельчатый *мим*, острота клиньев, отсутствие сплетений — эти признаки калакюринских надписей свойственны буквам куфического алфавита переходного периода X—XI вв. ⁷⁹. Во-вторых, пишет П. М. Дебиров, ссылаясь на работу Б. П. Денике, датируемым элементом орнаментики панно является бордюр с фризом из пуговицевидных выступов. Такой мотив «в привлекаемых нами

в качестве аналогов штукowych рельефов Средней Азии и Ирана наиболее характерен X—XI вв.» И, наконец, для датировки использован изданный нами список дагестанской хроники «Абу Муслим», где указано, «что строительство мечети в Каре-Кюре имело место в начале X в.»⁸⁰.

Мы видим, что при датировке памятника использован один из важных элементов декора («бордюры с фризом из пуговицевидных выступов», или «перлов»). Б. П. Денике, на сочинение которого в данном случае дана ссылка⁸¹, характеризует резной штук мазара Хаким ал-Термези в Термезе (IX в.); Афрасиаба (михраб IX в. и резные панели X в.); михраба мечети Шир-Кебир в Мешхед-и Мисриан (Северный Хорасан), датируемый в пределах IX—X вв.; дворца Термезских правителей, датируемый по совокупности данных стиля и эпиграфики (почерк насх) XI—XII вв.; мавзолея Султана Санджара в Мерве (1157 г.); Северного Мавзолея в Узгенде (1152 г.).

Из перечисленных выше памятников орнаментальный мотив пуговицевидных выступов («перлы», «сосочки») между двумя концентрическими окружностями встречается только в панелях городища Афрасиаб (X в.)⁸². Ни один из остальных памятников подобного круга не дает. Только на стенах и пилонах дворца Термезских правителей (XI—XII вв.) встречаются круги из плотно соединенных кружочков с точками посередине⁸³.

Стало быть, наиболее близкие аналогии — из Средней Азии, если иметь в виду кружочки из перлов, восходящие именно в X в., а не к X—XI вв.

Между тем, рамки и круги из перлов широко известны по более ранним памятникам — резной штук Варахши, изображения на тканях и росписях Пянджикента и Варахши, живопись Балалык-тепе, резные доски Пянджикента, штук из рабада Мерва⁸⁴.

Наиболее яркие примеры дает штуковой (алебастровый) декор Варахши (близ Бухары): круг из перлов, обрамляющих розетки полуколонн айвана; двойная цепочка перлов, или «пуговок», на скульптурных изображениях⁸⁵.

Все приведенные выше примеры уводят в Среднюю Азию. Мотив, состоящий из круга из перлов, или цепочки перлов, восходит к традициям ближневосточного искусства, имеет предшественников в скульптуре, стенной росписи, тканях⁸⁶. Пуговицевидные выступы, образующие круги или же идущие по периметру квадрата, весьма характерны

для резьбы по штукатурке из дворца в Самарре, временной столицы Халифата на восточном берегу Тигра, недалеко от Багдада (836—892 гг.)⁸⁷. Последний мотив наиболее близок орнаменту на Кара-Кюре.

Как известно, облицовка стен зданий резным штукатуром в качестве архитектурного декора была излюбленным и распространенным видом украшения в странах Ближнего Востока, особенно в Иране, Афганистане и в Средней Азии⁸⁸.

Наиболее ранние образцы штукатурного декора обнаружены в Ашшуре (совр. Ирак) и относятся к парфянскому времени (III в. до н. э. — III в. н. э.). Широкое распространение штукатурный рельеф получил в Сасанидском государстве — Дамган, Ктезифон, Киш⁸⁹, Каср ал-Хайр.

IX—XII вв. — время наибольшего расцвета штукатурных облицовок (Ближний Восток, Иран, Средняя Азия, Афганистан). Наиболее выдающиеся памятники расположены в Самарре, Афрасиабе, Рабат-и Малике, Узгенде, Рее, Мерве, в Баллисе, Рабат-и Балхе, Термезе (мазар Хаким ал-Термези, дворец Термезских правителей), Варахше, Наине, Хира, Мешхед-и Мисриане (Шир-Кабир)⁹⁰.

Для штукатурного панно из Кара-Кюры близкие аналогии дает орнаментальный штукатур Варахши (в 40 км от Бухары), Каср ал-Хайра (между Дамаском и Пальмирой), Афрасиаба (городище Самарканда), Самарры (близ Багдада), Пу-Гумбеда в Балхе (Афганистан), Мешхед-и Мисриана (Шир-Кабир, Северный Хорасан).

Первые два из них относятся к VIII—IX вв., однако штукатурный декор Кара-Кюры, имея ряд общих черт (кружок из перлов, цепочка перлов, сложные сочетания пальметт), отличается в основном от указанных памятников. Варахше и Каср ал-Хайру свойственно сочетание плоской орнаментальной резьбы с изображениями в высоком рельефе⁹¹. Кара-Кюра дает орнаментальный декор в высоком рельефе при полном отсутствии изобразительных мотивов. В Варахше и Каср ал-Хайре растительный орнамент «задает тон», а Кара-Кюре свойственно равное сочетание обоих видов орнамента. Как отмечал В. А. Шишкин, «отличительной особенностью алебастрового декора Варахши является отсутствие мелочной отделки, некоторая ее эскизность, что делает ее совершенно несравнимой с поздними образцами этого вида архитектурного декора, где именно тщательная, скрупулезная отделка каждой мелочи и каждой детали доведена до виртуозности»⁹².

Каракуринский плиточный декор наиболее близок самарскому (IX в.), афрасиабскому (X в.) и балхскому (Ну-Гумбед, X, даже IX в.). Орнамент во дворцах и жилых домах Самарры распадается, по классификации Херцфельда, на три стиля: первый стиль характеризуется плоскостной резьбой, сплошной заполненностью поверхности, орнамент, как геометрический, так и растительный, в частности волнообразные растительные побеги; второй стиль — это стиль глубокой резьбы, выполненной без трафаретов, растительные орнаменты вписаны в геометрические композиции, причем большую роль играет мотив пальметты; третий стиль близок второму, отличаясь особенной глубинностью и многоплановостью резьбы, здесь широко использован мотив виноградной лозы⁹³.

И по характеру резьбы (глубокий рельеф), и по характеру декора (растительный орнамент, вписанный в обрамляющие, формирующие поле геометрические фигуры, круги из перлов с точкой и «шерла» по периметру, волнообразные, изогнутые спиралями линии, мотив лозы и полупальметты) каракуринский орнамент имеет много общего с орнаментом второго и третьего стилей.

Наибольшую общность с каракуринским панно имеет резной плиточный Ну-Гумбеда в Балхе и (IX—первой половине X в.) панелей дворца Саманидов из Афрасиаба (X в.). Прежде всего, во всех трех памятниках бросается в глаза сходство геометрической основы композиции: крупные, геометрического построения фигуры, основанные на круге или на квадрате, образованных из пуговицевидных налепов-перлов. Сходны не только принципы композиции орнамента, но и основные орнаментальные мотивы (два concentрических круга или квадрат из пуговицевидных выступов с точкой посередине, виноградная лоза со спиралевидными завитками, с пятилопастным листом, мотив меандра)⁹⁴. Фигура пяти соединенных между собой кругов, как и основа для орнаментального построения характерна как ну-гумбедовскому, так и каракуринскому плиточному⁹⁵. И для панно каракуринской мечети, и для панелей дворца Саманидов (первый зал) характерно наличие в тимпанах круга и в поле стилизованных веток полупальметты⁹⁶.

Сравнение орнаментальных мотивов и геометрических членений панно Кара-Кюры и резного плиточного Самарры, Афрасиаба и Балха (Ну-Гумбед) позволяет, таким образом, датировать каракуринский плиточный X в.⁹⁷ Для последнего

утверждения большую роль играет сравнение нашего памятника с резным декором михраба мечети Шир-Кабир (кладбище Мешхед-и Мисриан, северный Хорасан), датируемым X в. Ряд орнаментальных мотивов, свойственных Мешхед-и Мисриану⁹⁸, но не присущих названным выше памятникам, встречается только в Кара-Кюре. Это сочетание, союз трех декорообразующих компонентов и насыщенности ими — растительными, геометрическими и эпиграфическими узорами. Скрученные в спираль стебли, шишкообразные фигуры с точечными углублениями и, наконец, возвышенные арки, образованные широкой куфической лентой, — все это характерно для штукавого резного орнамента обоих памятников.

Таким образом, каракуринские базы и их декоративные панно впитали в себя целый комплекс орнаментальных мотивов памятников резьбы по штуку VIII—X вв. на территории Ирана, Хорасана, Мавераннахра. В этой связи представляет интерес установленный факт, что «орнамент михраба Мешхеда Мисриан резко отличается от орнамента Мавераннахра, имея связь с культурой Ирана, он и в отношении последнего сохраняет своеобразие»⁹⁹. Это сказано о памятнике, расположенном в Северном Хорасане, исторически между Ираном и Мавераннахром. Тем более огромную важность приобретают как выражение оживленных историко-культурных контактов памятники из Кара-Кюры. Их штукавые рельефы впитали в себя мотивы многих памятников Ирана и Средней Азии.

Однако каракуринский штук при идентичности или схожести многих орнаментальных мотивов, основных принципов распределения украшений, при сходстве основы композиций с декором других памятников (прежде всего Самарры, Ну-Гумбеда, Афрасиаба Мешхед-и Мисриана) не являются их простым повторением. Мы еще не можем определить, какова связь каракуринского резного штука с местным художественным творчеством, но своеобразие художественного облика рельефов сразу же бросается в глаза (монументальность композиции; введение в орнаментальный строй дополнительных декоративных обрамлений; множество обрамляющих лент с линейным орнаментом; дополнительная обработка крупных форм при помощи штампов и фигурных резцов; обязательная эпиграфическая лента, образующая верхнюю часть панно; куфические надписи центрального поля; каплеобразные фигуры, то-

376

чечный орнамент; применение штампов и фигурных резцов, отсутствие раппорта)¹⁰⁰.

Каракюринские панно поражают как разнообразием орнаментальных композиций, так и неповторимостью каждого панно в отдельности при общих сходных принципах нанесения узора. В этом неповторимость памятника декоративно-прикладного искусства X в. из Кара-Кюры.

Данная датировка основана, как мы видим, на анализе орнаментальных мотивов и общей композиции кара-кюринских панно. Теперь обратимся к эпиграфическому материалу, также составляющему неотъемлемую часть орнаментального узора. Как уже выше указывалось, надписей 5. Не все они уверенно читаются, но некоторые из них нам удалось прочесть.

Первая надпись занимает верхнюю полосу трех панно (рис. 37, а, б, в), образуя эпиграфический ряд, представляет собой коранический текст.

*О верующие. Бойтесь Аллаха и ска-
жите сильное слово.*

Буквы крупные, высокие, нанесены изящно, являются как бы частью декора. Фон уже не свободен, шестидольные розетки занимают наиболее свободные места поля, некоторые буквы (*ха* и *мим* в середине) имеют растительное дополнение, а срединный *каф* снабжен сверху двумя удлиненными расходящимися листьями. Вертикали всех букв, как и поднятые высоко вверх орнаментальные дуги всех низких букв, свободных слева (*вав*, *зал*, конечный *нун*, *дал*), утолщены и снабжены тремя зубцами.

Центральное поле одного из панно (рис. 37, в) занимает формула единобожия, выведенная также монументально

(1) Нет бога, кро- (2) ме Аллаха.

Нижняя часть панно не сохранилась, и начертания некоторых букв трудно уловить. На том же панно — еще одна надпись, она передает архитектурные формы

стрельчатой арки. Надпись нам не удалось прочесть полностью. Читается только

Вот... сын... имя Аллах.

Почерк тот же, что и в предыдущих текстах. Только *мим* выведен островерхим, на уровне высоких букв (в середине) и снабжен также поднятым вверх «хвостом», завершающимся стилизованной полупальметтой. Текст не выделяет низких и высоких букв, низкие буквы искусственно подняты до уровня высоких.

Отдельное панно (рис. 37, 2) несет еще два текста. Верхняя эпиграфическая полоса сохранилась частично, надпись уверенно не читается (. . . *Сайид?*).

Текст центрального поля сохранился полностью, он помещен в картуши, обведенной по контуру перлами и соединенной с шестиугольником, расположенным ниже. Эта надпись, так же как и четыре предыдущие, нанесена рельефно путем углубления фона. Все буквы трактованы в равной величине, сильно уплотнены, равномерно распределены по всему фону. Больших свободных участков фона нет, тем не менее художник-декоратор нашел место для двух дисков — шести- и восьмилепесткового.

Арабский текст в две строки

(1) *Исхак сын Хасана*

(2) *уповает на Аллаха.*

Это самое раннее упоминание в арабских надписях имени мастера-строителя или заказчика строительных работ.

Палеографически буквы надписей повторяют уже знакомые нам выше начертания. Однако встречаются некоторые дополнительные штрихи: *vav* выбрасывает тонкий и гибкий побег с двулистником на конце, а конечный *лам* имеет при горизонтальной черте трилистник — из середины которого выходит изогнутая ветка с полупальметтой. Это предвозвестники цветущего куфи в Дагестане.

В тексте имеются также буквы, которые в предыдущих четырех надписях не встречались, — это *ха* (в начальном

и среднем положении), *айн* (в начале слова), *лам* (в конечной позиции), *йа* в конце слова.

Таким образом, панно дают такие тексты

يا ايها الذين امنوا اتقوا الله وقولوا قولا شديدا
لا اله الا الله

قد... بين... اسم الله
...سيد (?)

اسحق بن حسن على الله يتوكل

П. М. Дебиров предоставил в наше распоряжение эстамп еще одного панно (рис. 37, *д*) из этой же мечети. Верхняя эпиграфическая полоса пока еще не поддается чтению, хотя каждая буква в отдельности, как будто, различается.

В центральном поле указанной надписи 37 широкая эпиграфическая полоса, образующая стрельчатую арку, полностью читается

*Приступи к своей молитве и не будь
из беспечных.*

Подобная надпись одна имеется также в Ахты (ориентировочно — XIII в.).

Надпись центрального поля трудна для чтения. В строке 1 встречаются *син* и *айн*. После *сина* буква сбита, а после *айна* написана буква, которую не удастся уверенно определить. Может быть, это завершающая часть конечного *айна*?

Строка 2 начинается с *вава*, а затем следует сочетание букв точно такое же, как в конце слова *ал-гафиллин* из предыдущего текста. Далее идет слово, значение которого непонятно.

В строке 3 первое слово *са'ан* (вар.: *саган*, может быть, это имя *Ша'бан*?). Следующие две буквы также не определяются уверенно, возможны различные варианты их чтения.

Строка 4 читается полностью, это *ал-кави ва* («сильный

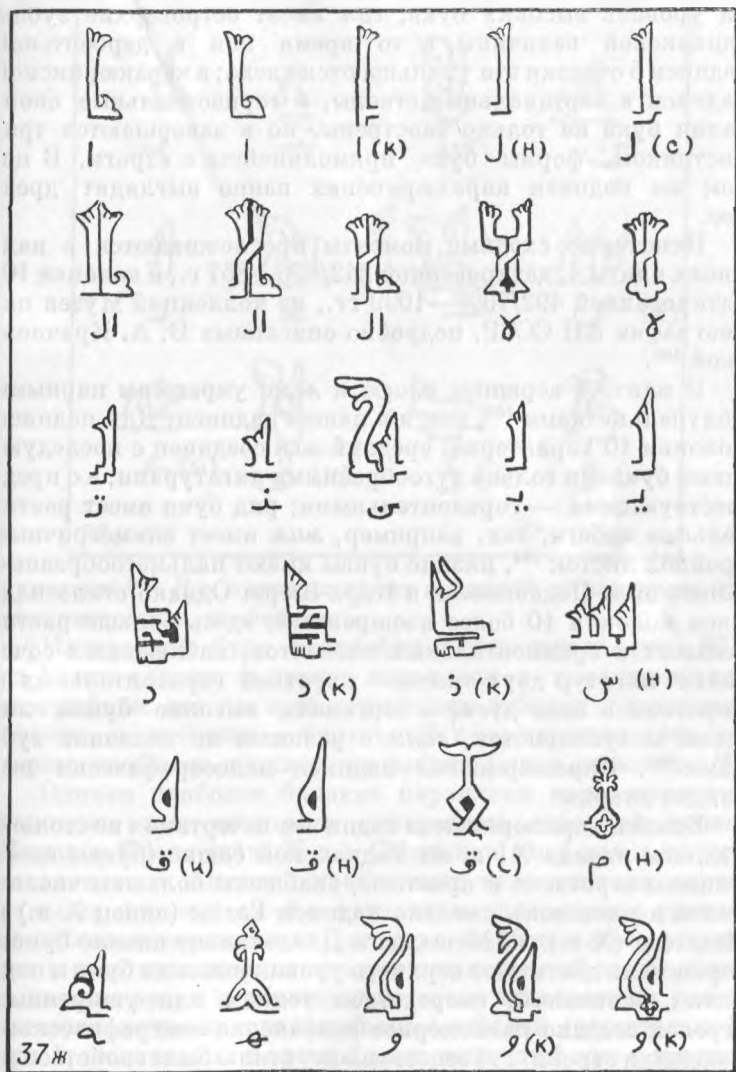
и»). В строке 5 различаются отдельные буквы. Возможно, это какой-то эпитет, по примеру предыдущей строки.

В левом верхнем углу помещено не уместившееся, видимо, в центральном поле слово *азим* (великий).

В 1980 г. мы сфотографировали еще одну надпись (рис. 37, е).

С точки зрения палеографии надписи Кара-Кюры уникальны (рис. 37, ж, з). Они не имеют прямых аналогий ни в Дагестане, ни за его пределами. Надпись михраба Искодара (X в.), мечети Данданакана (между 1096—1106 гг.), монументального портала Рабат-и Малик (1068—1080 гг.), Радканской башни (1016—1028), узгендских мавзолеев (XII в.), мешхед- и мисрианского минарета (1102—1103 гг.), даже близких, по нашему мнению, хронологически Шир-кабирского михраба (X в.), штука Афрасиаба (X в.), Сайрамской каменной колонки 1098/1099 гг. из собраний Музея палеографии АН СССР¹⁰¹ — ни одна из них, взятая отдельно, не может служить эталоном для датировки каракюринских надписей, хотя в надписях X—XI вв. встречаются сходные элементы. Не дают аналогий также описанные выше врезные надписи XI—XIII вв. из Дагестана. Только некоторые сходные черты дает рельефная

надпись 469/1076—77 гг. из Дербента (надпись 5). Общим для обеих надписей является убористый, уплотненный текст, заостренные вершины букв, особенно высоких, поднимающиеся вверх конечные формы букв, подстрочные ду-

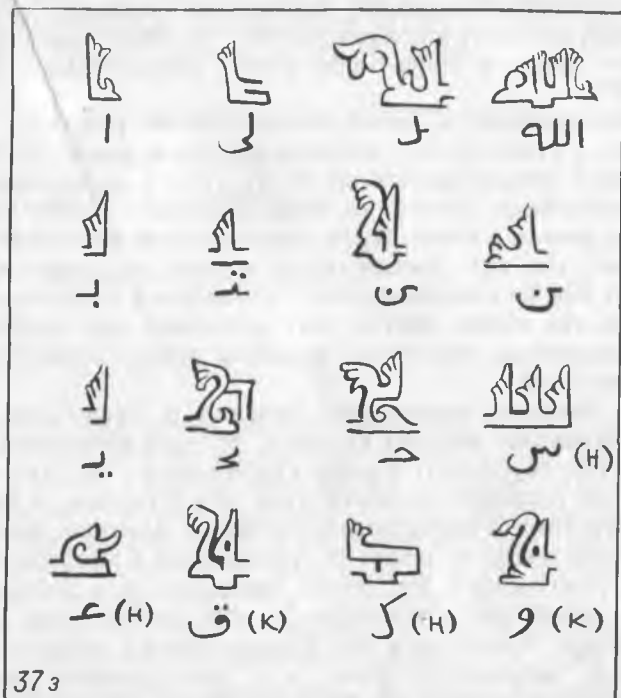

гообразные лигатуры. Однако существенны и различия. Каракюринские надписи имеют буквы, соединенные поворотом линий прямым углом, в дербентской они связаны дугообразными линиями: *вав* и *мим*, *каф* каракюринского панно снабжены высокими шпилями, поднимающими их на уровень высоких букв; *син* имеет островерхие зубцы одинаковой величины, в то время как в дербентской надписи 5 отрезки эти уменьшаются влево; в каракюринской надписи и вертикальные стволы, и горизонтальные окончания букв не только заострены, но и завершаются трилистником, формы букв прямолинейны и строги. В целом же надписи каракюринских панно выглядят древнее.

Некоторые сходные моменты прослеживаются в надписях плиты 4, датированной 242/856—857 г., и колонки 10, датированной 492/1098—1099 гг., из коллекций Музея палеографии АН СССР, подробно описанных В. А. Крачковской¹⁰².

В плите 4 вершины *алифа* и *лама* украшены парными полупальметками¹⁰³, как и в нашей надписи. Для надписи колонки 10 характерно: средний *лам* соединен с последующими буквами только дугообразными лигатурами, а с предшествующими — горизонтальными; ряд букв имеет растительные побеги, так, например, *мим* имеет симметричный тройной листок¹⁰⁴, низкие буквы имеют пальметообразные окончания. Подобное и в Кара-Кюре. Однако стиль надписи колонки 10 более изощренный, здесь больше растительных и орнаментальных элементов, наблюдается сочетание лигатур двух типов — коротких горизонтальных и коротких в виде дуги; в вертикали высокие буквы лишены полупальметок, *сины* с разными по величине зубцами¹⁰⁵. Каракюринские надписи палеографически выглядят старше.

Близки каракюринским надписям начертания не столько надписи начала XI в. на Радканской башне (буквы здесь лишены строгости и простоты, снабжены большим числом узлов и плетенок), сколько надписи Газны (конец X в.) и Мешхеда (X в.). «В Мешхеде и Данденакане низкие буквы вершинами достигают верхнего уровня высоких букв и поднятых окончаний, посредством тонких или уширенных стрелок создано равномерное заполнение эпиграфического пояса или строки. . . Газневидскому стилю была свойственна острота клиньев с типичным стрельчатым мимом. Вытянутая стрелка сглаживала впечатление пустоты над низкими

буквами» ¹⁰⁶. Для каркюринских надписей характерны эти отличительные особенности.

Начертания букв надгробия Сабук-тегина (ум. 977) из Газны находят и другие параллели в каракюринской эпиграфике: это *син* с заостренными зубцами одинаковой высоты, и особенно — начальный *айн*, верхняя дуга которого снабжена трехлистым растительным элементом ¹⁰⁷.

Однако наиболее близкие параллели каракюринским надписям дает штукаевая эпиграфика соборной мечети Наина в Иране (нач. X в.). Сочетание *алиф-лам* в начале слова в виде высоких, увенчанных трилистником вертикальных стволов: *алиф* в начальном положении с трехлепестными завершениями как при вертикальном стволе, так и при горизонтальном отростке; конечный *вав* с высоко поднятым вверх и обращенным влево трехчастным растительным мотивом; начальный *айн* с верхней «растительной» дугой; конечное *ха* в слове *Аллах*; конечный *нун* с красиво изогнутой и поднятой вверх дугой, завершающейся трилистником; медальоны, рассчитанные на заполнение фона;

точечные, пуговицевидные обрамления бордюра; мотивы меандра, пальметт и полупальметт — во всех этих деталях панели Наина и Кара-Кюры имеют поразительное сходство ¹⁰⁸.

Обнаруживается также стилистическое родство с надписями I стиля (X в.) колонны соборной мечети в Хиве. Почерк I стиля массивный и строгий, с преобладанием прямолинейных очертаний букв, с изящно заостренными сверху *мимом* и *вавом*. Куфи этого стиля не является «цветущим», так как растительные мотивы и письмо существуют как бы самостоятельно, органически не связаны ¹⁰⁹.

Все это вместе взятое дает основание при датировке каракюринских шутовых рельефов отдать предпочтение именно X в.

И, наконец, интересные сведения о Кара-Кюре дает один из списков местной хроники, условно названной «История Абу Муслима». Хроника начинается с событий в Сирии, она сообщает о смерти отца Абу Муслима, о походе Абу Муслима и строительстве мечети в Дамаске. Затем он совершил поход на север: «и сражался он с эмирами Ширвана, убил эмиров их; затем сражался он с Дагестаном 7 лет, после чего остановился в междуречьи, под горой Шалбаруз. И сражался Абу Муслим летом с областью Баб ал-кист, называемой Рича, а с наступлением зимы — с кафирами в Баб ал-абваб Дербенде. И построил он в Кара-Кюре мечеть, и назначил туда [правителем] своего сына Михтар Санджаба, после этой мечети он построил мечеть [в] Ахты и посадил [там] свою сестру, которую выдал замуж за Исхака Кандушкана. А затем похоронил Абу Муслим свою дочь в мечети Ахты; затем построил он мечети в Рича, после чего вернулся в Ширван. Выход Абу Муслима в Ширван и Дагестан из Дамаска имел место в 300 г. хиджры» ¹¹⁰.

300 г. хиджры падает на 912—913 г. Дата наиболее точно отражает время строительства мечети в Кара-Кюре, хотя другие списки «Истории Абу Муслима» указывают на более раннюю дату — 110 г. х., т. е. 728—729 г.

41. Сел. Архит (Хивский район). На поселении Хьранкыл. Здесь сохранился могильник, из немногочисленных надмогильных плит только одна имеет надпись.

Плита (62×37×9) имеет сильно углубленное центральное поле, но следов надписи на поле нет, возможно, там надписи вообще и не было, так как надпись нанесена по

краям плиты, глубоко врезана в камень. Имя «владельца» могилы не читается, так как плита глубоко ушла в землю. Читается только *басмала* и слово *сахиб*

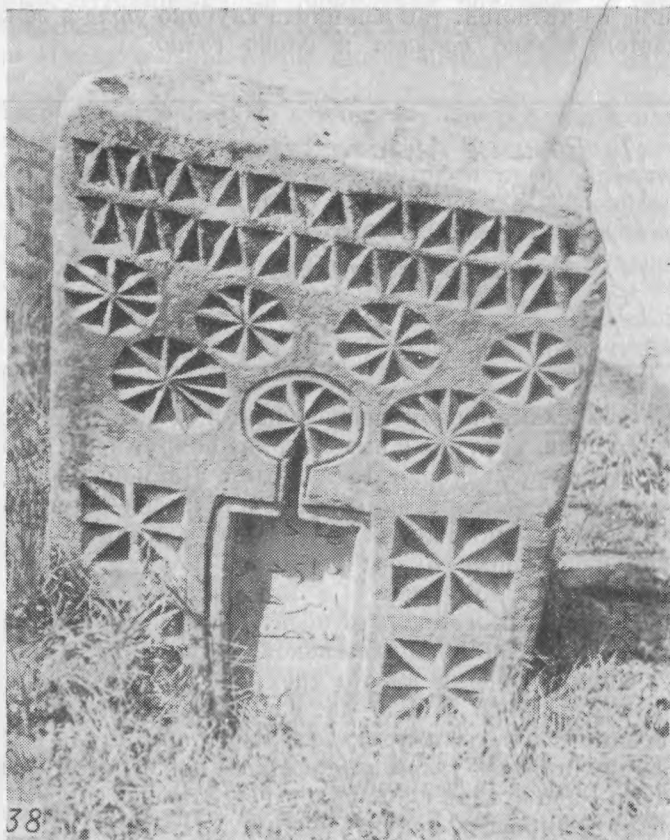
- (1) *Во имя Аллаха,*
 - (2) *милос — тивого,*
 - (3) *милос — сердного*
 - (4) *Аллах — Вла(делец)*
 - (5)...
-

Своеобразный прием расположения текста не в центральном поле, хотя оно и выделено, но вокруг него, с крупными буквами, глубоко врезанными в камень, — редкое явление в дагестанской эпиграфике и пока еще встречалось нам в табасаранских аулах, в частности в Хили-Пенджике (крупномасштабные буквы по краям поля и неглубоко врезанный мелкий текст — в центральном поле).

К особенностям текста относится высоко поднятое *ба* (впервые встречается в ричинской надписи 17, 1241 г.); *син* с двумя зубцами вместо трех, но зубцы одинаковой высоты (в надписи 7 1123—1124 г. из сел. Гельмец такое написание еще встречается); *ра* в виде горизонтали с отогнутым под прямым углом завершением под строкой (встречается в Риче в 1241 г., надпись 17). Эти особенности позволяют датировать надпись скорее XII—XIII вв., а не XI—XII вв., как мы считали раньше.

42. Сел. Архит (Хивский район). На могильнике у поселения КИелезшегьер («Город крепости»), рядом с описанными выше датированными памятниками (надписи 22, 23) 1336—1337 и 1340—1341 гг. обнаружено нами еще несколько стел с надписями. Одна из них представляет низкий массивный прямоугольный камень (100×66×14) с сильно углубленным центральным полем с врезной надписью (рис. 38). Арабский текст и русский перевод изданы нами (прорисовка П. М. Дебирова)¹¹¹.

Надпись в 4 строки (рис. 39)

38

ها ذا الق
دارد م
ابن حاج
رحمته

39

- (1) Это моги-
(2) ла Айдума
(3) сына Хаджи
(4) — милость
Аллаха . . .

Восточная сторона плиты, на которую нанесена надпись, своеобразно трактована: центральное поле помещено в нижней половине плиты, оно составляет часть антропоморфной фигуры, завершающейся розеткой в 8 долек. По бокам и над этой розеткой мастер скомбинировал целую систему таких же фигур (по одной — в 8 и 10 долек, остальные — в 8), в том числе и квадратных с треугольными углублениями.

Верхний край плиты занимает две полосы, образованных треугольно-выемчатым орнаментом. Такой же рисунок, дающий в целом квадрат, помещен и по бокам центрального поля. Этот памятник середины XIV в. сохранил те орнаментальные мотивы, которые впоследствии в изобилии будут встречаться в памятниках последующих веков. А пока архитские плиты — наиболее ранние из известных нам эпиграфических материалов, где орнаментальный рисунок выполнен в манере треугольно-выемчатой резьбы. Более того, это первые датированные памятники, отмеченные более или менее богатыми орнаментальными мотивами вообще.

К особенностям текста относится также свободный перенос слов или отдельных букв. Написание отдельных слов (*хаза*, *рахимаху*, *Аллах* и др.) весьма своеобразно с точки зрения грамматики. Это тем более странно, что текст вырезан красиво, сам характер письма свидетельствует о том, что у писца был немалый опыт в составлении подобных текстов.

Начертания букв повторяют начертания расположенных рядом двух надписей (22 и 23), датированных 1336—1337 и 1340—1341 гг., однако ряд черт позволяет отнести к более позднему времени, чем к первой половине XIV в.; это — появление некоторых элементов курсива; сравнительно большая насыщенность всей поверхности плиты орнаментальными мотивами; курсивная форма начального *ха* с подстрочным продолжением, что впервые наблюдаем в надписях 30 и 31 Хива (поселение Гамагь-наквар), датированных 1371—1372 и 1390—1391 гг. Следовательно и эту надпись мы можем отнести ко второй половине или последней трети XIV в.

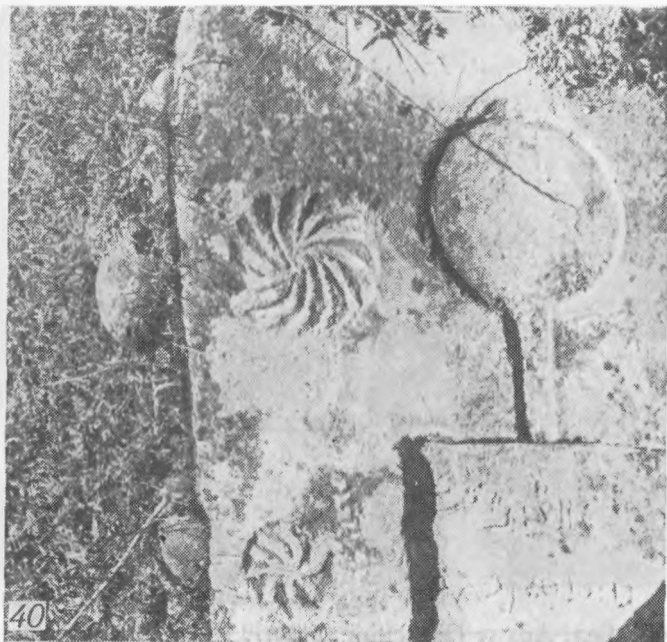
Три архитских надписи, расположенные рядом и отмеченные серединой XIV в., позволяют нам ознакомиться в общих чертах с палеографическими особенностями архитских надписей данного времени.

Теперь мы имеем локальную группу архитских надписей — две датированные надписи 22 и 23 (рис. 29) и одну недатированную (рис. 38) и можем представить в общих чертах особенности этой группы в пределах XIV в.

Палеографические особенности этой группы, если ее сравнить с письмом надписей из Цахура, Ричи, Рутула и других пунктов, позволяет выделить различные варианты письма в различных пунктах или отдельных районах в пределах определенных хронологических рамок. В Архите в середине XIV в. наблюдается преобладание куфических элементов письма, в то время как по большинству известных нам надписей этого времени или даже частично XIII в. (Хнов, Рутул, Рича и др.) составители текстов перешли в основном на *насх*, сохраняя куфи или значительные элементы его только в коранических текстах, помещенных обычно не в центральном поле, а по краям каменной плиты. Общая сводная палеографическая таблица по Дагестану в целом — дело еще преждевременное, ибо она может быть составлена только при учете всей суммы памятников, охватывающих все районы, где встречаются надписи XI—XIV вв., и при учете всех вариантов во времени. В целом же общая картина по Дагестану представляется пока единой, но с возможными отклонениями (вернее, с возможным сохранением старой манеры письма), как это мы видим в архитских надписях середины XIV в. Архит — не единственный пункт, где для середины XIV в. почерк *насх* не стал преобладающим. Находящееся рядом с ним селение Хив также сохранил эпиграфический материал XIV в. также со значительными куфическими элементами, хотя и с некоторой тенденцией перехода на *насх*. Возможно, оба населенных пункта обслуживала одна и та же школа писцов.

43. Сел. Архит (Хивский район). Надмогильная плита (высота 144 см, толщ. 14 см) на том же поселении. Плита опрокинута, левый край в земле, поэтому часть букв не читается. Текст нанесен на неглубоко врезанное центральное поле, имеет 3 строки

-
- (1) *Во имя Аллаха, милостивого,*
 - (2) *милосердного. Это — могила*
 - (3) *Балуша...*
-

В тексте отмечены не только точки, но и долготы в произношении (над словами Аллах и ар-рахман), ташдиды. Чтение имени Балуш (оно встречается лишь единственный раз в дагестанской эпиграфике) облегченно огласовкой. Буква группы *син* (*шин*) в конечной форме встречается впервые, она оформлена с завитком, дугообразно уходящим вниз и вправо под строку. Палеографически надпись сходна с надписями 22 и 23 и датируется серединой XIV в.

44. Архит (Хивский район). Сохранился только обломок плиты (67 × 60 см), на которой начертано только три строки. Плита не имеет углубленного поля для надписи. Надпись занимает всю поверхность плиты (рис. 40).

(1) *[Это могила* (2) *Аш.р.к,*
 (3) *сына Ибрахима*

По начертаниям букв, особенно *ха* в двойной лигатуре, надпись также можно отнести ко второй половине XIV в.

45. Сел. Архит (Хивский район). Рядом с надписью 44. Надгробная плита (рис. 41, а, б) трапециевидной формы (230×80 — верх и 68×15 — низ) имеет углубленное центральное поле, обведенное, как и все предыдущие архитские памятники (за исключением надписи 44), широкой полосой, отделяющей ступенькой поле от поверхности плиты. В верхней части плиты три широких углубления — диска. По всему контуру плиты идет парная полоса из квадратов, созданных путем соединений четырех треугольных углублений.

Текст (рис. 41) врезан широким, размашистым почерком, чувствуется опытная рука:

-
- (1) Во имя Аллаха,
 (2) милостивого, (3) милосердного,
 (4) Это могила (5) Раджаба, сына
 (6) Хамзы (?) — да смилостивится
 (7) Аллах над ним.
-

Структурно надпись повторяет надпись 36 из Архита (*басмала*, растянутое на три строки; имя и кунья — в две строки). Но почерк отличается от всех предыдущих дугообразными лигатурами, почти полным отсутствием горизонтальных соединений, резчик писал свободно, размашисто. Это уже новый стиль письма — насх. Датировать его трудно, ибо после 1429—1430 гг. (надпись 28 из Хива) отмеченных датой эпитафий нет. Однако выводить надпись за пределы XV в. также не представляется возможным, учитывая ее связи с памятниками XIV в. (*ба* под прямым углом, конечные *нун* и *ба*, плавно опущенные под строку и открытые слева). Это обстоятельство позволяет определить предварительную датировку — XV в., точнее — вторая половина XV в.

46. Сел. Гельмец (Рутульский район). Это селение уже дало две датированные надписи — 1123—1124 г. (надпись 7) и 1161—1162 г. или 1163—1164 г. (9). Нами обнаружено здесь еще две надписи. Одна из них вмонтирована в стену старой мечети. Это маленькая запись, состоящая из двух строк (рис. 42), по одному слову в строке. Текст надписи весьма интересен, хотя и очень краток

(1) *Алмуш* (2) *Хороший*

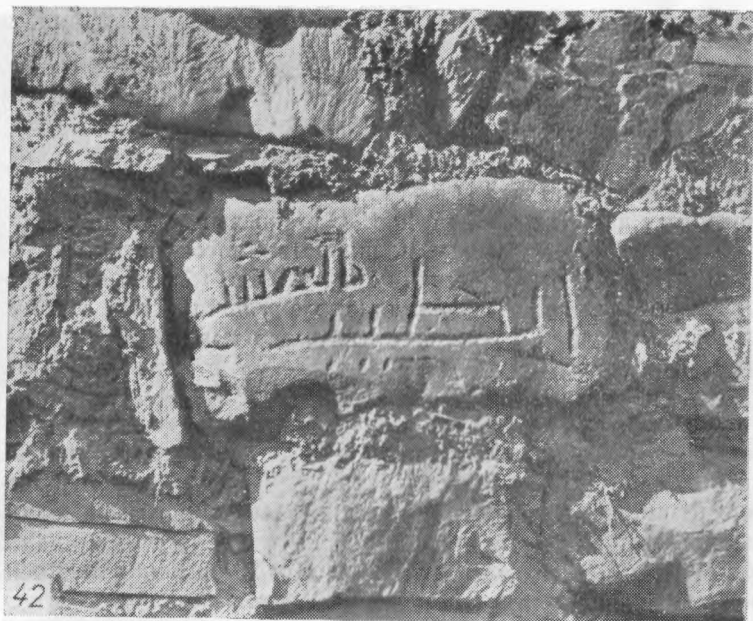
Имя Алмуш — тюркское по происхождению, и в нашей надписи это наиболее раннее упоминание тюркского имени. *Алиф* с отогнутым вправо под прямым углом и поднятым вверх дополнением встречается впервые, но дербентская надпись 5 от 469/1076—1077 г. дает наиболее близкую к нему букву. *Лам*, заостренный в вершине влево, также дают дербентская надпись 5 и надпись 8 из Рутула (1150—1151 г.). *Син* и *йа* в середине имеют аналогии в надписи 1123—1124 г. из Гельмеца (надпись 7).

Эти данные, а также простота стиля дают возможность предложить датировку — вторая половина XI — первая половина XII в.

47. Сел. Гельмец (Рутульский район). Надпись в стене той же мечети, сохранилась часть плиты. Текст в две строки (рис. 43). Текст первой строки уверенно не читается

(1) *Рука* (?) и... из этого...

(2) *от маленького или большого.*

48. Сел. Гельмец (Рутульский район). В нашем распоряжении имеется фотография, представленная кандидатом исторических наук А. И. Исламмагомедовым. Надпись в две строки, содержит формулу единобожия и басмалу

(1) Нет бога, кроме Аллаха, Мухаммад проро-

(2) к [Аллаха]. Во имя Аллаха. Истина.

Из первой строки во вторую перенесена буква, помещенная не в начале второй строки, а в середине, как бы расчленения строки на две части. Слово *Аллах* написано так, что оно обслуживает оба предложения. Соседний справа *мим* имеет поднятое высоко окончание в интересах симметрии. Подобное написание *мим* — редкое в дагестанской эпиграфии явление.

Эту надпись отличает своеобразное написание высоких букв (*алиф*, *лам*) с заостренными вершинами. *Син* также весьма характерен: он состоит из зубцов, расположенных по убывающей влево высоте. Буква *ха* аналогична этой же букве из надписи 8 из селения Рутул (1150 г.). Эти данные позволяют датировать надпись XII в.

49. Сел. Гельмец (Рутульский район). Надпись сфотографирована А. И. Исламмагомедовым. Текст состоит из одного слова (*Аллах*), написанного вычурно, в стиле цветущего куфи. В левой половине поля — изображение двух овалов — знак, до сих пор не известный на памятниках эпиграфики. Начертания букв весьма своеобразны, вершины всех букв снабжены флажками — треугольниками, причем *алиф* снабжен и горизонтальным листовидным выступом, как и конечная *ха*, снабженное еще дополнительно дугой, свернутой в спираль. Два соседних *лама* соединены горизонтально, прерываясь п-образным выступом. Прямых аналогий ни надпись в целом, ни отдельные буквы не имеют. Ориентировочно надпись датируется XII в.

Судя по надписям, сел. Гельмец предстает перед нами как один из старейших дагестанских аулов, в XI—XII вв. ислам уже занимает значительные позиции. В селении имелась группа грамотных людей, знающих арабский язык. Из данных, опубликованных Н. В. Ханыковым,

видно, что в середине XII в. здесь была мечеть и воздвигнут минарет (надпись 9).

Значительный интерес представляют для исследователей полуцилиндрические (или саркофагообразные надгробия), обнаруженные на территории Дагестана. Наиболее ранний датированный памятник такого типа обнаружен в Дероенте (он относится к 469/1076—1077 г., надпись 5). Подобного же рода памятники обнаружены в Уркарахе, Кала-Корейша, Кубачи, Белиджи, Гимейди, Рукеле, Метаги, Якрахе, Хилипенджике¹¹². Встречаются они и в Бурханканте, Нютюге, Хореле. Л. И. Лавров выделяет три обособленных района их распространения: дербентский, кайтаго-кубачинский и маджарский и считает, что «надписи, сохранившиеся на надгробиях, всегда относятся к XI—XII вв., в тех случаях, когда удастся прочесть дату, она не выходит за рамки XI в.»¹¹³

Из обнаруженных полуцилиндрических надгробий только одно имеет датированную надпись (указанная выше надпись 5). Хотя не представляется еще возможным категорически отнести все надгробия к XI—XII вв., надпись 5 дает ценный сравнительный материал для изучения недатированных саркофагообразных надгробий Дербента и других пунктов.

50. Дербент. В литературе неоднократно упоминался также один из древнейших могильников Дербента — Кырхляр («сороковник»)¹¹⁴. Наиболее подробное описание Кырхляра дано в рукописной работе П. И. Спасского¹¹⁵.

Как писал П. И. Спасский, «мусульмане сунниты свято чтут эти могилы и верят, что по молитвам погребенных в них святых посылается обильный дождь. Женщины, не имеющие детей, с молитвой подвязывают небольшие лоскутки к веткам растущих здесь кустов и верят, что у них будут рождаться дети»¹¹⁶.

Могильник огорожен каменными плитами, изготовленными из строительного местного камня.

Внутри Кырхляра расположено 4 ряда полуцилиндрических надгробий, ориентированных по направлению З—В. Надгробия различны по размерам, но все одинаковой формы (рис. 44).

В первом ряду (от западной стены) — 13 надгробий, во втором — 13, в третьем — 11, в четвертом — 6. Одно надгробие поставлено между первым и вторым рядами.

Таким образом, Кырхляр хранит 43 каменных сарко-

фагообразных надгробия. Из них несколько вплотную примыкает к стене.

Надгробия (рис. 44) представляют собой горизонтальные каменные сооружения, полые внутри, с полукруглым верхом. Они имеют четырехугольное основание, на котором и покоится саркофаг. Наиболее крупные надгробия (их около 10) расположены в первом и втором рядах. В части, обращенной к востоку, многие плиты чуть скошены внутрь. Размеры плит: длина верхней части сундука 3,25 м, длина нижней части сундука 3,1 м, высота 90 см (вместе с основанием), ширина основания 1 м, длина в верхней части — 3,5 м, длина у основания 3 м, ширина основания 1 м, высота — 0,8 м. Это два наиболее крупных надгробия. Имеются и меньших размеров (например, длина 1,8 м, высота 0,5 м, ширина 0,5 м).

Три надгробия дают в поперечнике стрелчатую арку, остальные — полуциркульную.

Все надгробия, со слов старожил, принадлежат арабам, погибшим в борьбе за ислам. Один из наших информаторов назвал имена Салмана и Рабиа, «которым принадлежат два самых больших надгробия». Существует и другое предание: два наиболее крупных надгробия поставлены условно двум арабским полководцам, которые «погибли и похоронены в другом месте».

Надписи на первых двух плитах из Кырхляра, описанных выше, стерлись безнадежно, хотя хорошо заметно, что по продольным линиям шли эпиграфические ленты почерком цветущего куфи.

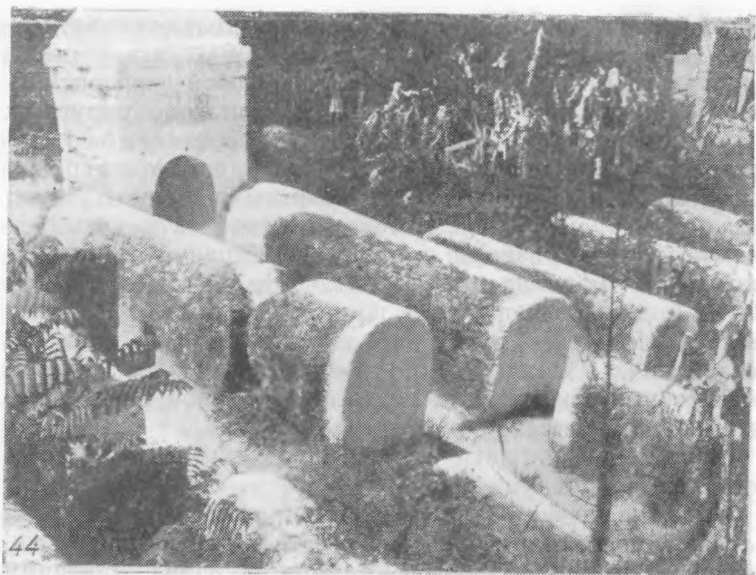
Х. Френ и Э. Эйхвальд хотя и видели надпись, но прорисовки их не опубликовали. Э. Эйхвальд сохранил только текст двух кырхлярских надписей.

(а) *[Во имя] Аллаха милостивого, миро[сердного]...*

Касим

(б) *Это могила ... [Ибра]хима сына...*¹¹⁷

Х. Френ указывал, что остальные надписи сохранились еще хуже, но по письму они схожи с указанными выше. По его словам, письмо продолговатое, «кудреватое» куфи,

оно утратило уже угловатые начертания, почерк возник не ранее IV в. х. (X в.). Стало быть, заключает он, не соответствуют действительности сведения «Дербенд-наме» о том, что Кырхляр относится к VII в. и хранит останки 40 арабских мучеников во главе с Салманом б. Рабиа, нашедших мученическую смерть в борьбе с хазарами ¹¹⁸. Ссылаясь на зафиксированную Кантемиром легенду о том, что кырхлярские могилы принадлежат огузам, некогда долгое время владевшим Дербентом, Эйхвальд считает, что «это наводит на мысль о сельджуках, которые завоевали в XI в. Грузию и другие кавказские страны, и наши надгробные надписи могут быть отнесены к этому или же XII в.» ¹¹⁹

Весьма любопытно и другое обстоятельство: в найденной М. А. Казембеком петербургской версии «Дербенд-наме» дается перечисление имен «50 мучеников» в борьбе за веру, и все имена (среди них и тюркские) снабжены тюркским титулом «султан» — султан Пир Али Дамасский, султан Чумга, султан Кух-хан, султан Хаджжи Шамс ад-Дин, султан Баба, султан Пир Ибадуллах, султан Пир Мурад Руми, султан Кучек и др. ¹²⁰

Таким образом, мы можем отнести Кырхлярский могильник к X—XII вв., скорее к XI—XII вв., имея в виду

не только такой надежный источник, как надписи, но также присутствующий здесь тюркский элемент и особенно само название «Қырхляр», тюркское по происхождению. Если это так, то этот могильник, связанный с именем «шахидов», еще раз подчеркивает значение X—XII вв. как времени интенсивной борьбы за исламизацию соседних Дербенту районов.

51. Сел. Уркарах (Дахадаевский район). Здесь сохранилось несколько саркофагообразных памятников. Впервые о них упоминает в литературе Е. И. Козубский («древние могилы особого вида около Кала-Корейша и Уркараха») ¹²¹. О них сообщает также Е. М. Шиллинг ¹²². В 1968 г. Р. М. Магомедов писал о 20 подобного рода памятниках ¹²³, но сейчас их сохранилось около 10 ¹²⁴. Расположены они в основном на старом кладбище близ родника, на местности «ватагъла иниц». Большинство могил не имеет сундукообразных надгробий, перекрыты одной горизонтально поставленной плитой. Полуцилиндрические надгробия сделаны не из местного камня, а из дербентского ракушечника, называемого в Уркарахе «цлуба къаркъа» («белый камень»). Эти надгробия представляют собой длинные горизонтально поставленные каменные монолиты с полукруглым верхом, покоящиеся на прямоугольной площадке высотой около 10 см. На четырех из них сохранились надписи.

а) Надгробие ¹²⁵ ориентировано на восток-запад. Длина основания плиты 2,5 м, ширина — 90 см при общей высоте этого памятника 55 см. В верхней части во всю длину тянется полоса в одну строку. Надпись рельефная, с буквами высотой до 10—12 см. Читается только часть басмалы, остальная же часть полностью стерлась.

С точки зрения палеографии интересно, что буква *син* выполнена чрезвычайно высоко, почти во всю высоту полосы, конечные *мимы* украшены высоко поднятым листовидным завершением, точно так же, как и начальное *ра*. Буквы *ба* и *син* имеют стволы с заостренным влево верхом, а петля *мима* круглая. Вершины стволов *алифа* и *лама* также заострены. *Син* состоит из трех стволов, высота которых убывает влево.

На противоположной стороне, южной, также имеется надпись (врезная), которая читается полностью (*да смилостивится над ним Аллах*). В тексте срединный *мим* имеет круглую форму, а конечная *ха* снабжена вершиной, заостренной вправо.

Полное совпадение начертаний букв с таковыми же дербентской надписи 469/1076—1077 г. позволяет датировать памятник из Уркараха XI в. или же в пределах XI—XII вв.

б) Второй камень стоит рядом с первым надгробием. Наземная часть имеет высоту 30 см, длину — 221 см. Надпись врезная, сильно стертая, нанесена в одну строку по верхней боковой части монолита. Высота букв от 4 до 10 см. Текст начинается с басмалы, но полностью не читается. Надпись также относится к XI—XII вв. Очевидно, прорисовка именно этой надписи издана Л. И. Лавровым¹²⁶.

в) В 1972 г. при строительных работах на месте древнего кладбища обнаружено полуцилиндрическое надгробие. Надпись только на торцевой части, врезная, написано только одно слово *Аллах*.

Характерно, что при стечении двух *ламов* острие вершин повернуто внутрь, а *алиф* не заострен. Буквы соединены по горизонтали.

г) Плита обнаружена при тех же обстоятельствах. Надпись глубоко врезана на торцевой части. Высота букв доходит до 20 см: оба *лама* имеют скошенные во внутрь верхушки, конечная *ха* поднята высоко, срединный *лам* соединен справа горизонтальной чертой, слева — дугой.

Оба последних памятника мы датируем в пределах XI—XII вв. Полуцилиндрические надгробия имеются также в сел. Джалган (близ Дербента), Хорель Магарамкентского района, Куг Хивского района, однако, по данным информаторов, надписи на этих памятниках не обнаружены. Близ селения Бурханкент Табасаранского района у родника, в местности «камни охраны» расположен мусульманский могильник с вертикально поставленными плитами. Рядом с ними — несколько полуцилиндрических. Надписей нет. Мы сделали обмеры одного из таких памятников: длина 2,2 м, общая высота — 56 см, ширина основания — 51 см. Ни один из подобного рода памятников не имеет надписи.

52. Сел. Кала-Корейш (Дахадаевский район). В местности «Бухъина цилда» («длинные надгробные камни») сохранилось несколько полуцилиндрических надгробных плит, поставленных, по преданию, на могилах арабов. По форме они напоминают надгробия дербентского

Кырхляра и Уркараха, но меньше размером. Надписи не сохранились, вернее, нет следов надписи.

На противоположной окраине селения, у дороги в сторону Кубачи лежат три горизонтальных надгробия. Одно из них (рис. 45, а) с изобразительными и геометрическими мотивами в низком плоском рельефе и с арабской надписью известно в научном мире, фотографии памятника опубликованы¹²⁷. В верхней закругленной части саркофага врезано два небольших текста. Расшифровка этих текстов и чтение предложено Л. И. Лавровым: *Во имя Аллаха, милостивого, ми[лосердного] и Это Хасан сын (?)*¹²⁸.

Если чтение первого текста (басмала) не вызывает сомнений, то чтение второй части, а именно имени, не совсем точно. По прорисовке надписи, опубликованной Л. И. Лавровым¹²⁹, видно, что он не располагал хорошим эстампажем или фотографией. Поэтому в прорисовке много неточностей: буква *мим* в начале *басмалы* в прориси снабжена высоко поднятой вверх, и потом опущенной дугой, в то время как окончание *мима* уходит прямо под строку (рис. 45, а), имени *Хасан* на памятнике нет, это скорее всего *Хайдар* или *Хайдан* (или же *Х л. д. р.*); неточно передан и *зал*.

Датировка надписи еще точно не определена.

Э. В. Кильчевская писала, что «вероятно, письма были высечены на саркофаге в период проникновения в Кала-Корейш ислама, т. е. примерно в X в.» Следовательно сам памятник был сделан еще раньше¹³⁰. Впоследствии это высказывание было уточнено: надписи были нанесены в период принятия в Кала-Корейше ислама (XI в.), сам же саркофаг можно считать выполненным в VIII—X вв.¹³¹ Э. В. Кильчевская считает, что по стилю письма они близки надписи стелы калакорейшской мечети, датированной Л. И. Лавровым временем не позднее XIII в. Л. И. Лавров датирует надпись в пределах XI—XII вв.

К сожалению, в нашем распоряжении нет датированных надписей ни из Кала-Корейша, ни из Кайтага для сопоставления с надписью на саркофаге из Кала-Корейша. Надпись 33 из Кала-Корейша и 38 из Кубачи относятся к другому типу, они более поздние. Поэтому мы привлекаем сравнительный материал из других районов Дагестана.

При палеографическом обзоре прежде всего следует обратить внимание на начертания таких букв, как начальное *ба*, *ра*, *зал* в конечной форме и начальное *ха*.

Начальное *ба* высокое, подобно алифу, при последующих зубцах низкого *сина* впервые нам встречалось в ричинской надписи 17 (1241 г.) и кочхюрской надписи 21 (XIV в.).

В нашей надписи начальная *ха* в слове *хаза* (*этот*) написана в виде разделенного пополам кольца, нижняя дуга которого лежит под строкой. Впервые такое написание *ха* встречается в надписи 15 из Цахура (1239 г.), а затем в рутульской (20, 1284 г.), хивской (30, 1371 г.) надписях.

Зал в виде утолщенной слева горизонтали, соединенной с косой линией под острым углом. Это мы впервые встречаем в кочхюрской надписи 21 (в пределах от 1301 г. — до 1397 г.). В той же кочхюрской надписи *дал* имеет отходящий от конца зубец, как и в калакорейшской надписи.

Буква *ра* в слове *ар-рахман* трактована в виде уходящей под строку дуги, свернутой в полкруга. Такое характерное написание зафиксировано впервые в ричинской надписи 17 (1241 г.), и близкое этому начертание дает кочхюрская надпись 21 (XIV в.). В буквах *ха* и *дал* продолжение горизонтали вправо от вершины угла встречается в первый раз и в рамках датированных надписей аналогий не имеет.

В целом, как нам кажется, надпись калакорейшского саркофага следует датировать XIII или началом XIV в.

В противовес существующему мнению о разновременном характере самого памятника и надписи на нем, т. е. признанию значительно более ранней датировки саркофага, искусствовед М. М. Маммаев не без основания считает, что обстоятельное изучение изображений, орнаментальных мотивов и арабской надписи и фиксация их «позволило установить синхронность изобразительных сюжетов и арабской надписи, что очень важно для уточнения датировки надгробья (XI—XII вв.) — одного из наиболее ранних монументальных памятников резьбы по камню в Дагестане»¹³².

Если признать одновременность самого памятника и арабской надписи, то и сам памятник следует датировать XIII или XIV в.

Теперь несколько данных о самом надгробном сооружении. Оно имеет длину 2 м при высоте (от основания) 57 см. Основание надгробия прямоугольное, длина его чуть больше 2 м, ширина 72 см. Торцовая часть саркофага имеет форму стрельчатой арки.

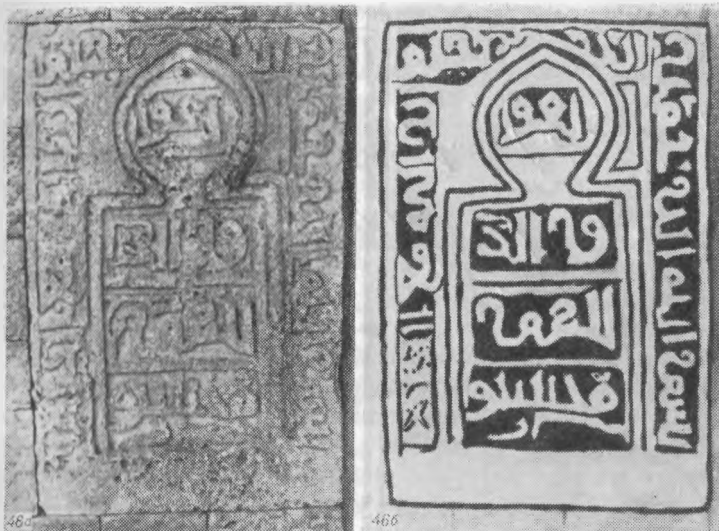
Рядом с этим надгробием расположено два подобных сооружения, они не орнаментированы, не имеют изображений. Один из этих саркофагов имеет в верхней части 198 см, а в нижней, у основания 178 см, т. е. торцовая часть скошена внутрь, высота памятника вместе с основанием 65 см, а само основание имеет длину 204 см, в ширину 84 см. Торцовая часть дает рисунок полуциркульной арки.

Таким образом, среди полуцилиндрических надгробий наиболее ранние зафиксированы в Дербенте, последовательно они проникли в Уркахрах, Кала-Корейш. Дербент выступает, таким образом, как основной центр, очаг производства и распространения данного типа памятников.

Саркофагообразные надгробия, вернее надписи на них, оказали влияние на почерк эпитафий на вертикальных плитах, в частности в тех именно пунктах (Дербент, Уркахрах), где обнаружено наибольшее число саркофагообразных надгробных сооружений.

53. Уркахрах (Дахадаевский район). Значительную ценность представляют надписи из Уркахраха (Дахадаевский район) ¹³³. Уркахрах — древнейший аул Центрального Дагестана, столица самостоятельного феодального владения еще в X в. Здесь сохранилось несколько куфических надписей, о некоторых из них уже писалось. В северную стену ныне действующей уркахрахской мечети вмонтировано 2 надписи, которые можно отнести к древнейшим в селении. Одна плита вставлена в стену слева от входа в мечеть (рис. 46, а, б). Плита (высота 103 см, ширина 65 см) обрамлена П-образно идущей надписью, а также имеет надпись в центральном поле, обведенном неширокой полосой и разделенном на три части горизонтальными полосками. Поле завершается «головкой» с чуть заостренным верхом. Всего центральная часть имеет 4 строки надписи. Надпись по краю читается полностью

Во имя Аллаха, милостивого, милосердного. Подлинно Аллах с теми, кто бла[гочестив].

Почерк надписей имеет много общего с надписями на саркофагообразных надгробиях Уркараха, Дербента, датируемых XI—XII вв. Конечные *нуны*, как и в надписях на саркофагообразных надгробиях, оформлены в виде изящно перевернутой буквы, *ха* так же трактованы в виде горизонтальной полосы, на которую опущен в середине завиток, причем *нун* начинается на высоте *алифа* зубцом, заостренным вправо, как и у *алифа* и *сина*. *Басмала* по палеографическим особенностям не отличается от такового на саркофагообразном надгробии. *Син* имеет зубцы постепенно убывающие влево. *Ба* вырезан на высоте *алифа* в начале *басмалы*. *Алиф* и *лям* в верхней части стволов заострены вправо, даже когда обе буквы стоят рядом. *Мим* в лигатуре снабжен круглым крючком. *Айн* подобен большому треугольнику вершиной вверх с хвостиком, отогнутым под углом вправо. Буквы не имеют значков ниже горизонтали. Буквы нанесены рельефом высотой около 1 см. Текст центрального поля нам еще не удалось уверенно расшифровать.

Во имя Аллаха, милостивого и милосердного. Помощь Аллаха е(дино)го.

(1) В(?) (2) ...

(3) тридцать (?) (4) правоверных

54. Сел. Уркарах (Дахадаевский район). Надпись (98 × 65 см) в стене той же мечети, вправо от входа (рис. 47). П-образная эпиграфическая лента идет в одну строку и начинается, как и в надписи 53, с басмалы. Форма центрального поля, высота букв и рельефа совпадают с надписью. Текст П-образного обрамления (рис. 47, а) и центрального поля (рис. 47, б).

По части палеографии написание отдельных букв обеих уркарахских куфических надписей в целом совпадает, но некоторые отличия имеются. Стволы *алифов* и *ламов*, когда эти буквы рядом, заострены в противоположные

стороны. В слове *Аллах* два *лама*, стоящих рядом, разделены пространством, а конечная *ха* вытянута до высоты *алифа*. Буква *сад* состоит из двух параллельных линий, соединенных под острым углом, а орнаментальная черточка дана в виде полукруга с листовидными концами. *Вая* имеет несколько написаний в зависимости от позиции. Петля *мима* не круглая, а заострена кверху. *Нун* и *йа* в середине слова имеют высокие подставки, а конечные *нуны* в двух строках центрального поля нанесены в виде дуги, открытой слева, т. е. наподобие буквы *за*.

П-образная полоса имеет тенденцию к симметрии, что выражается в наличии листочка, отходящего вправо от горизонтальной буквы *ха*, в некотором разрыве при написании слова *Аллах*, а также слова *наср*.

Оба уркарахских памятника отличает своеобразный стилистический прием — почти полное использование поверхности плиты, П-образная надпись по всему краю, центральное поле, ограниченное двумя параллельными полосками, и остроконечный верх, завершающий круг над центральным полем. По своей композиции уркарахские плиты не имеют пока аналогий в Дагестане. Наибольшую близость к уркарахским плитам мы наблюдаем в надписи 13 из селения Татиль Табасаранского района (585/1187 г.).

Однако наибольшее композиционное сходство уркарахские (а также и татильские) плиты обнаруживают с надмогильной стелой из Мазар- и Шерифа, доставленной из мазара Джаванмарди Кассаба. На центральном поле рельефная надпись упоминает имя покойного — шейх Али б. Ахмад б. Аълан (?) ал-Ислам (?). В самой южной части плиты вырезана дата 528/1133—1134 г.¹³⁴ Широкая по контуру эпиграфическая полоса почерком куфи без заполнения фона состоит из коранического текста (Коран, III, 16).

Заполнение всей лицевой стороны плиты, куфическая эпиграфическая полоса, начертание букв, центральное поле, разделенное на две секции, верхняя из которых имеет вид стрельчатой арки, а нижняя несет основной текст — все это свойственно обоим надписям. По аналогии с надписью из Мазар-и Шерифа уркарахские надписи несли, возможно, дату именно в нижней части ленты эпиграфического обрамления.

55. Сел. Кубачи (Дахадаевский район). Плита (136×50 и 46 см) обнаружена М. М. Маммаевым. Памятник по своей форме (закругленный верх, подтрапещевидный облик) сходен с плитой 738/1336 г. из Кала-Корейша (надпись 33). Широкая полоса занята плоскорельефным орнаментом, представляющим собой сочетания вершин арабских букв, завершающихся полупальметтой или трилистником. Орнамент же в целом растительный, а не эпиграфический, свойственный надписям 33а и 35 (конец XIV—начало XV в.), мотив волнистой лозы отсутствует. От центрального поля эта полоса отделена широкой лентой, в верхней закругленной части которой врезан арабский посвяtitельный текст. Круговая лента медальона в верхней части плиты также имеет врезную надпись — там зафиксировано имя покойного.

Надпись на ленте центрального поля (рис. 48).

48

а) ضاحِبْ هَذَا الْقَبْرِ لَكَ رَحْمَةُ اللَّهِ عَلَيْهِمْ أَجْمَعِينَ
 б) كَالْبِدِ ابْنِ قَيْحِ مَذْ

*Владелец этой моилы Л.к. (?) —
Милость Аллаха над ними всеми.
Текст на круговой ленте медальона
КІалб. џІ, сын Х.ч.м.з.*

Соединение букв выполнено как под прямым углом, так и курсивом. Со старыми надписями XII—XIII вв. этот памятник связывает также написание конечных *ба*, *нуна*, *зала*, начальных *ха*, *сад*. Однако в надписи прослеживаются черты более позднего времени: *каф*, насаженный непосредственно на строку; круглое ушко конечного *мима* и закругленная нижняя половина *мима*, находящаяся под строкой; начальная *ха* в виде круга, разделенного пополам горизонталью строки; *та марбута* также закруглена в верхней части; конечный *зал* написан в виде полукруга, открытого слева. Датирующим элементом является также наличие всех знаков огласовки — *фатхи*, *кесры*, *даммы* и попытка передать местные буквы.

Угловатость букв (*сад*, *каф*) перекликается с буквами надписи 35 из Кубачи (802/1399—1400 гг.), но и эта надпись нанесена насхом. Поэтому памятник датируется более ранним временем, чем, может быть, первой половиной XIV в.

Имена немусульманские. Имя погребенного мы читаем как *КІалбац*. Буква *каф* с тремя точками нам уже встречалась в кубачинской надписи 802/1399—1400 г. Там же есть и буква *ч*, переданная как *ха* с тремя точками внизу. Буква *дал* с тремя точками внизу (так, по нашему мнению, хотели отобразить букву *џІ*) встречается в дагестанской эпиграфике впервые, хотя хроника из Худуца (рис. 32) знает букву *за* с тремя точками внизу.

Чтение второго имени, т. е. куньи, также затруднено. Над первой буквой *ха* нанесены две точки, и непонятно, какое они имеют отношение к этой букве (возможно, это передача фонетической особенности звука). Огласована только одна буква, поэтому мы не можем предложить уверенное чтение. Можно предложить различные варианты чтения имени: *ХачІумаз*, *ХичІмаз*, *ХичІмаз* и т. д. Может быть, следует читать не «чІ», а «ч» — этот вариант также не исключается.

56. Сел. Кала-Корейш (Дахадаевский район). Надписи, обрамляющие нишу знаменитого калакорейшского михраба (49, а). Впервые об этом замечательном памятнике сообщил Б. А. Дорн, который воспроизвел наиболее крупную надпись¹³⁵. П. М. Дебиров дал подробный искусствоведческий анализ шукового михраба, издал его фотографию, а также прорисовки надписей (часть надписи на правой вертикальной полосе главного обрамления; вся сохранившаяся часть верхней половины эпиграфического обрамления; надписи на левой и правой колонках главной ниши михраба¹³⁶. П. М. Дебиров установил наибольшую композиционную близость и сходство орнаментальных мотивов с михрабами мечети Пир Хусейна (ханака на р. Пирсагат, 1256 г.) и мечети Шир-Кебир (Мешхед-и Мисриан). Он же обратил внимание на то, что П-образное главное обрамление михраба ханаки на р. Пирсагат имеет надпись в стиле «цветущего куфи», и как надписи Шир-Кебира, близких буквам радканского алфавита¹³⁷.

На основе всего этого, автор датирует михраб XII—XIII вв.

Необходимо отметить, что, имея много общего с буквами алфавита башни в Радкане 401—416/1016—1021 гг. с его узлами, плетенками, коленами высоких букв, высокими дугами низких букв калакорейшские надписи обнаруживают тем не менее наибольшее сходство с надписями П-образного обрамления михраба мечети на реке Пирсагат¹³⁸.

Здесь обнаруживается не только близость букв, но и единство буквенного и растительного орнамента, насыщенность фона растительными мотивами (при некоторых различиях в форме орнаментальных мотивов), а также (и это немаловажно) декоративный характер эпиграфики, преобладание декоративного, а не религиозно-пропагандистского начала¹³⁹. Мечеть ханаки на р. Пирсагат датируется серединой XIII в.¹⁴⁰

Правда, для сравнения можно было бы привлечь шуковую резьбу мечети X в. в Наине, где геометрический орнамент сочетается с растительным и с куфическими надписями, имеющими также и декоративное значение как часть общей орнаментальной композиции, где михраб имеет трехступенчатую структуру¹⁴¹. Однако сходство с михрабом Пирсагата более реально. Эпиграфические и

орнаментальные мотивы михраба мечети в ханаке на р. Пирсагат имеют много общего с оформлением резного михраба мечети Ибн Тулуна, построенной в 876—879 гг.¹⁴², и пирсагатский михраб служит в какой-то степени связующим звеном между михрабами мечетей в Египте (Каир, мечеть Тулуна) и Иране (Наин, 960 г.), с одной стороны, и калакорейшским михрабом; с другой.

Н. М. Дебиров выявил ряд деталей, которые приближают калакорейшский михраб к ширкабирскому (Мешхед-и Мисриан, Северный Хорасан, X в.)¹⁴³. В то же время имеется предположение о возможности общего источника декоративных приемов и для Наина и для Мешхед-и Мисриана¹⁴⁴.

Таким образом, при всех элементах сходства с другими памятниками наиболее близкие к калакорейшскому

михрабу аналогии дает михраб мечети на р. Пирсагат, датируемый серединой XIII в.

Вместе с тем следует обратить внимание на большую строгость букв надписей калакорейшского михраба по сравнению с пирсагатскими (растительным орнаментом покрыт не весь фон, фактически растительными мотивами снабжен не фон, а наверхия букв; в надписи же килевидной арки основного михраба растительные мотивы выражены еще слабее, к тому же листовидные наверхия букв, иногда скрученные в спираль, своеобразно трактованы, обработаны на манер гравировки металлических изделий).

В самом Дагестане сравнительного материала штучные резные надписи не дают. Каракюринские (надпись 40) и калакорейшские надписи фактически не сопоставимы. Однако интересный материал дает резьба по камню.

Монументальная надпись по контуру татильских плит (надпись 13, 1187 г. и надпись 14) также нанесена рельефом в стиле цветущего куфи, буквы ее также снабжены дополнительными растительными мотивами, но не занимающими весь фон, менее выразительными.

Все это позволяет датировать калкорейшский михраб второй половиной XII—первой половиной или серединой XIII в.

Датировка памятника XII—XIII вв.¹⁴⁵ кажется нам более обоснованной, чем XI—XII вв.¹⁴⁶

Теперь о переводе самих надписей. Эстамп Гиппиуса, изданный Б. А. Дорном, не точен во многих местах, поэтому Л. И. Лавров перевел лишь басмалу и формулу единобожия на правой полосе обрамления михраба и басмалу рамы, обрамляющей арку главного михраба.

Находившаяся в нашем распоряжении фотография дает возможность чтения сохранившейся во время фотографирования части надписи¹⁴⁷ (рис. 49, б).

Надпись на первой вертикальной полосе обрамления михраба выполнена, как и надпись всего внешнего обрамления в высоком рельефе, высота букв достигает 36—41 см, Надпись начинается на правой вертикальной полосе, продолжается в верхней полосе и заканчивается на левой, т. е. вся П-образная эпиграфическая лента занята связным текстом.

Текст правой полосы сохранился полностью

496

بسم الله الرحمن الرحيم الله لا اله الا هو الحي القيوم لا
تأخذه سنة ولا نوم له ما في السموات (١-٢) وما في الارض من ذا

Во имя Аллаха, милостивого, ми-
лосердного. Аллах. Нет божества,
кроме него

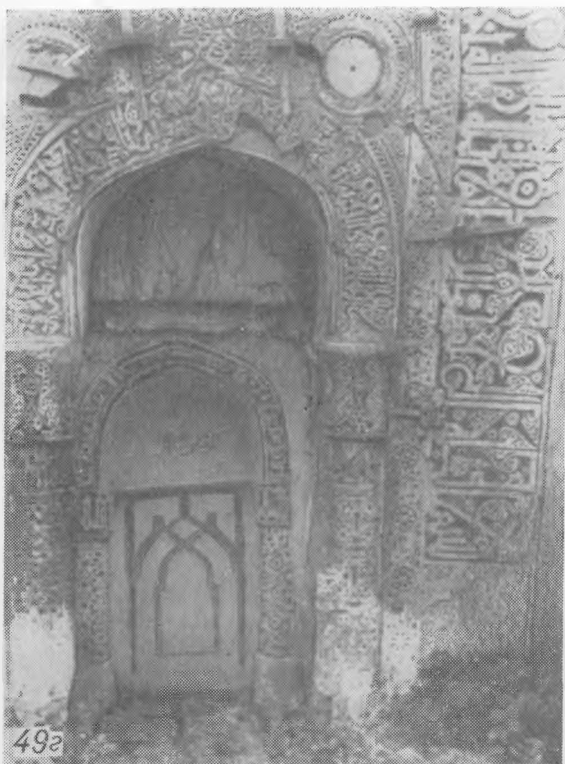

Надпись верхней полосы (примерно половина текста не сохранилась, но частично он поддается восстановлению, ибо на следующей полосе идет продолжение трафаретной коранической фразы)

*Живого, вечного; Не обладает им [ни
дремота, ни сон. Ему принадлежит
то, что в]*

И, наконец, на левой полосе идет продолжение текста (конец текста не поддается расшифровке)

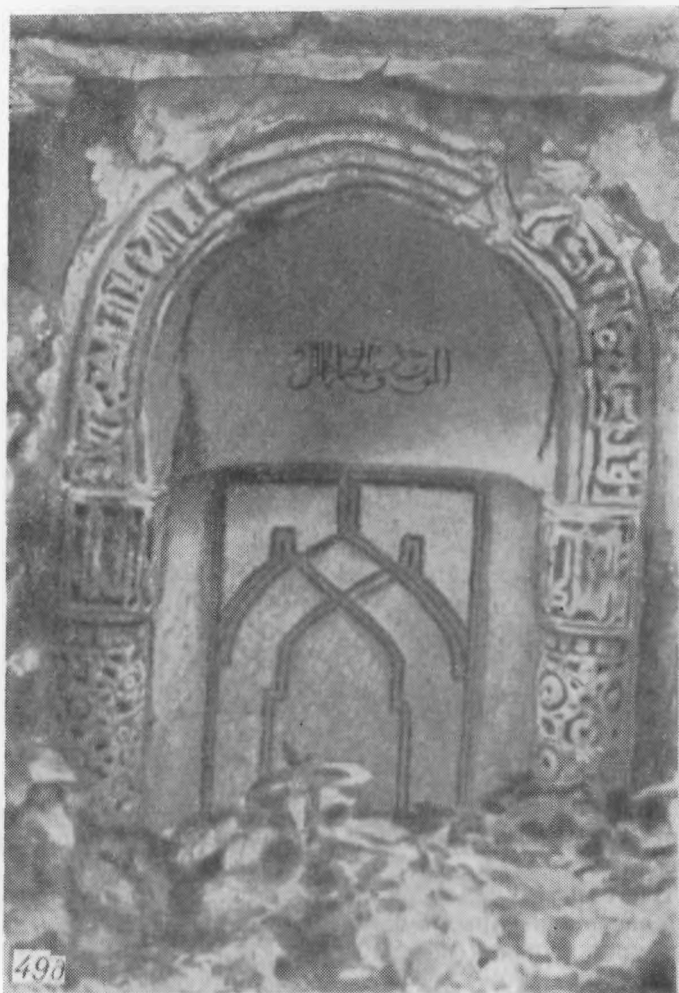
небесах и то, что на земле.

Таким образом, надпись зафиксировала коранический текст (Коран, II, 256), часть так называемого «престольного стиха».

Текст рамы над главной аркой читается полностью, хотя часть некоторых букв была отбита. Это полный текст 112 суры Корана (рис. 49, г)

Во имя Аллаха, милостивого, милосердного. Скажи, он, Аллах, един, он вечен. Он не рождает и не рожден, и не будет никого равного ему.

Надпись на левой колонке ниши михраба (рис. 49, з) уверенно не читается, а на правой зафиксирована формула единобожия.

Надписи колонок внутренней ниши (рис. 49, д) читаются: на левой колонке написано *О Аллах*, а на второй — *«Царство принадлежит Аллаху»*, причем слова

«принадлежит Аллаху» написаны над словом *царство* в перевернутом виде.

Полукруглую арку внутренней ниши также огибают лента надписи (рис. 49 д). В левой части — формула единобожия. В правой, по мнению Л. И. Лаврова, читается: *хаза амал. . . (это работа)* ¹⁴⁸, но это чтение не уверенное.

57. Сел. Кала-Корейш (Дахадаевский район). Надпись на каменной плите (174×97×8 см) с полукруглым верхом, поставленной у северной стены, внутри помещения мечети. Лицевая сторона стелы ориентирована, таким образом, на юг. Прорисовка надписи опубликована Б. А. Дорном в «Атласе», а Л. И. Лавров воспроизвел по фотографии точную прорисовку, расшифровал и перевел текст ¹⁴⁹. Фотография (рис. 50) издана нами. Мы не повторяем перевода надписи, только отмечаем, что плита указывает на «*владельца Кала-Курайша — А. х. с. б. р, сына Хиздана*». Как заметил Л. И. Лавров «владелец Кала-Курайша Ах. с. б. р б. Хиздан — это самый ранний, не известный по другим источникам предшественник и, возможно, предок уцмиев, однако, как видим, еще не носивший титула усми» ¹⁵⁰.

В написании букв характерно стремление везде отмечать точки, только над *зал* точка ни разу не поставлена, и эта буква передана как *дал*. Куныя прочитана как *ибн Хиздан*, но может быть и иной вариант (*Хиздар*).

Соединение букв под прямым углом встречается не часто, дугообразные соединения, отказ от явно подчеркнутой горизонтали, закругленные части отдельных букв — все это свидетельствует о позднем характере надписи, возможно, конца XIII или начала XIV в.

Имя А. х. с. б. р. нам уже встречалось в надписи из Худуца (шамхал А. х. с. бар), датируемой 718/1318—1319 г. Может быть, речь идет об одном и том же лице? Хронологически это допустимо, так как в обоих случаях речь идет о начале XIV в. В обоих случаях речь идет о представителях правящей верхушки (шамхал А. х. с. бар и «сахиб Кала-Курайша А. х. с. б. р.»). Это предположение важно также с точки зрения исторической географии, конкретнее территории Кумухского шамхальства в XIV в.

58. Сел. Цахур (Рутульский район). Огромное число надписей дает Рутульский район. Среди надписей — большое число датированных, в частности XIV в. Выше, при характеристике датированных надписей из Хива, Кала-Корейша, Кубачи, Архита и других мест мы не привлекли надписи из Рутульского района (из Хнова и Цахура), отмеченные XIV в., так как они составлены почерком насх при почти полном отсутствии элементов куфи. Поэтому датированные и несколько примыкающие к ним надписи мы даем в данном разделе.

Как известно, в Цахуре обнаружено большое число надписей XII—XV в. В последние годы нами выявлено и издано еще несколько неизвестных лапидарных текстов¹⁵¹.

Одна из этих надписей вмонтирована в стену частного дома, но это вторичное использование каменной плиты, ибо это надпись-эпитафия. Как рассказывают жители Цахура, на западной окраине селения раньше было расположено мусульманское кладбище с куфическими надписями. Данная надпись, вероятно, доставлена именно с этого кладбища.

Текст в шесть строк, написан полукуфи

-
- (1) *Это могила*
(2) *Зайда ибн Ахмада*
(3) *Каждый человек вку[шает]*
(4) *... смерть*
(5) *уготована* (6) *нам*
-

Палеографически надпись можно отнести к XIII в. Цахурские надписи нередко сопровождаются различными знаками. Текст данной надписи также сопровождается подковообразной фигурой.

59. Сел. Цахур (Рутульский район). Здесь в стене частного дома вставлен речной камень (рис. 51) с текстом в три строки:

-
- (1) *Владыка-Аллах, единый, побеждающий.*
 - (2) *Да благословит Аллах, лучший из создателей.*
 - (3) *Это могила Шари (?) сына Рахматуллаха.*
-

Между первой и второй строками — две буквы — н. *vā*, и слово *Мухаммад*.

Данная надпись — первая в Цахуре, снабженная огласовкой вообще, полной огласовкой в частности. Обозначены как все гласные, так и долготы. Имя *Шар* (*Шари?*) — немусульманское. Почерк этой надписи и надписи 15 (636/1239 г.) из Цахура (рис. 13) почти одинаков. Поэтому надпись датируем первой половиной XIII в.

60. Сел. Хнов (Рутульский район). Особую группу составляют надписи XII—XIV вв. из Хнова. Хнов — высокогорное рутульское селение, расположенное к юго-западу от сел. Ахты, на правом берегу реки Ахтычай, вернее у слияния рек Даличай и Борччай, образующих Ахтычай. Древность Хнова засвидетельствована данными

археологии — бронзовые браслеты, обнаруженные здесь в могильнике, датируются ранним средневековьем ¹⁵².

Первое упоминание Хнова в письменных источниках связано с событиями начала X в. По данным «Истории Абу Муслима» ¹⁵³, в это время в Хнове (в тексте—Хина) обосновался Халибан, внук Абу Муслима, предпринимавшего безуспешные попытки исламизации Южного Дагестана. В хронике Махмуда Хиналугского Хнов назван в начале XV в. в составе зависимых от Ширвана аулов — здесь обосновался Махмуд бек, внук Мухаммада бека, ставленника ширваншаха Ибрахима I Дербенди в Южном Дагестане ¹⁵⁴. Зависимость эта носила, можно предположить, временный и формальный характер, и местные правители вскоре стали вести самостоятельную политику. В середине XVI в. (1553 г.) мы видим хновцев вместе с рутульцами и цахурами в числе участников похода на Кахетию ¹⁵⁵. Самостоятельность Хнова хорошо прослеживается из сообщения шамхала русскому царю Федору Ивановичу (1597 г.), где в числе союзников шамхала наряду с такими областями, как Табасаран, Газикумух и другие, названы «рутульская рать» и «хинавская рать» ¹⁵⁶.

Находясь на путях, соединявших Дагестан с Северным Азербайджаном, Хнов сравнительно рано был исламизирован, а значительное число арабских надписей, сохранившихся здесь, говорит о проникновении арабской грамоты в среду местного населения.

В 1970 г. во время пребывания в Хнове мы сфотографировали и эстампировали (протирка) наиболее ранний из сохранившихся здесь памятников арабского эпиграфического наследия. Впервые о хновских надписях сообщил М. М. Ихиллов, посетивший аул летом 1957 г. Он писал: «Свидетельством раннего проникновения ислама на территорию Хнова служат найденные здесь куфические надгробные плиты XI—XIII вв.» ¹⁵⁷.

К сожалению, ни надписи, ни перевод не были опубликованы автором (кроме одной надписи, ошибочно датированной им VII в. вместо XV в.). Следует оговориться, что куфических надгробных плит XI—XIII вв. в Хнове не сохранилось.

В западной стене мечети действительно сохранилось несколько строительных надписей, нанесенных куфическим письмом или полукуфи. Эти надписи (их шесть) вмон-

тированы в стену в один ряд на уровне человеческого роста, образуя своего рода эпиграфический пояс — часть архитектурного декора западной стены. Все надписи врезные, носят характер благопожелания и могут быть отнесены к числу строительных, а не эпитафий. Нанесены они на местный строительный камень *чайлахад духул* (камень из поймы реки) — самый устойчивый против времени камень в Дагестане.

Ниже мы даем описание хновских строительных надписей. Надпись состоит из 4 полных строк (рис. 52).

- (1) *Во имя Аллаха, милостивого, милосердного.*
- (2) *Уповаю на Аллаха, да отгонит (?)*
- (3) *Нет божества, кроме Аллаха, Мухаммад его посланник.*
- (4) *Царство принадлежит Аллаху, единому, всепобеждающему.*

Текст легко читается, кроме двух последних слов второй строки. Одно из них состоит из трех букв (х. с. й.) Учитывая, что надпись в целом не имеет ни точек, ни надстрочных или подстрочных знаков, слово это можно прочитать как *хаси а* или же *хашийа* с переводом соответственно: *Да отгонит Аллах* и *да убоится Аллаха*. Второе слово сохранило *алиф* и *лам* и должно читаться *Аллах*.

Палеографические особенности надписи: отсутствие каких-либо диакритических знаков, наблюдается подстрочное продолжение алифа на одну треть его высоты, *алиф*, и *лам* представляют собой высокие стволы, вершины которых оформлены в виде слабо выраженных клиновидных утолщений срезом вправо (*алиф*) и влево (*лам*); в лигатуре *лам*—*алиф* стволы скрещены, образуя в нижней части треугольник; буква *ба* в слове *бисми* выведена высоко, на уровне *алифа*; конечное *та* состоит из горизонтальной черты, открытой слева; *дал* представлен горизонтальной линией в соединении со стволом под острым углом; *ха* дается двояко — в одном случае это точное повторение *дала* в другом же (в слове *Мухаммад*) — корпус имеет две горизонтали, верхняя из которых как бы преломляется, прежде чем соединиться с нижней — последнее начертание подсказано лигатурой справа; *ра* и *нун* отличаются друг от друга, уходят под строку и завершаются дугой, *нун* не имеет точки; *каф* имеет двоякое начертание, причем в конце слова нижняя горизонталь резко уходит вниз и вправо; *син* имеет зубцы, постепенно уменьшающиеся влево; *мим* всегда угловат, в конечном состоянии он снабжен дугой, уходящей под горизонталь и круто отбрасываемой влево и вверх; конечная *ха* — также треугольник, минуя связки, идет как на уровне строки, так и ниже, *вав* обнаруживает тенденцию к закругленности, его дуга находится ниже строки.

61. Сел. Хнов (Ахтынский район). Текст состоит из 5 строк (рис. 53).

Чтение текста не представляет особой трудности, если не считать неясного имени 'А. х. с., возможно немусульманского. Написание букв *ба* в начале надписи, *алифа*, *лама*, *ха*, *дала*, *ра*, *нуна*, *сина*, *мима* так же, как и в надписи 52, с той только разницей, что *ба* и *нун* снабжены точками, а *дал* и *нун* — небольшими отростками, уходящими влево. Клинообразные выступы на вершине *алифа* и *лама* ярко выражены; начальное *ба* во второй строке имеет половину высоты *алифа*, подчеркивая, что в пер-

-
- (1) Во имя Аллаха, милостивого, милосерд-
 (2) ного. Благословение Аллаха
 (3) справедливому и тому, кто вой-
 (4) дет в него (в здание?) Написал (и)
 'Умар,
 (5) 'А.х.с. и Мухаммад.
-

вой строке высокое *ба* сделано в интересах симметрии; нижний конец *алифа* отогнут вправо под прямым углом (это в одном только случае, в слове *Аллах*); конечный *ба* открыт слева; конечный *лам* нижней частью уходит под горизонталь; срединный *сад* — это две горизонтали, соединенные с обеих сторон; начальный *айн* имеет вид плавной дуги, открытой справа, как и в надписи 52; *каф* встречается два раза, но в одинаковой передаче — две параллельные черточки, соединенные справа под прямым углом; конечная *ха* во всех случаях соединяется таким образом; срединная *ха* дает фигуру из двух смежных квадратов.

62. Сел. Хнов (Ахтынский район). Эта надпись также состоит из 5 строк

-
- (1) Построил (это) здание *Хамма* сын
 - (2) *Мухаммада* и его сына (?)...
 - (3) *хйм. Почерк И.к.бā. Жизнь*
 - (4) *портится (?)*, а время [всегда
 - (5) *как] новое.*
-

В ряде мест текст труден для чтения. Если первая строка читается полностью, то во второй не поддается расшифровке имя сына строителя. В третьей строке первое слово, возможно, не сохранило начальной буквы, и можно только предположить, что это собственное имя Ибрахим. Имя писца трудно разобрать из-за обилия точек. Далее — слово *жизнь*, а четвертая строка, продолжая текст, начинается со слова, которое скорее читается как *Йафсуду* («портится, быть испорченным»). Последняя строка состоит из одного слова, разорванного на две части из-за неровностей на поверхности камня. Последние два слова (*ва заман джадид — время [как] новое*) полностью огласованы. Это выражение в дагестанской арабской эпиграфике уже встречалось, а именно в надписи 16 из Рутула 1228 г. («жизнь сокращается, а время [как] новое»), но в нашем тексте вместо «*йанкусусу*» стоит «*йафсуду*», а слово *заман* стоит без определенного члена, хотя и является подлежащим в именном предложении.

Начертание букв в основном совпадает с надписями 60 и 61. *Та марбута* в предыдущих двух надписях не встречалась. Здесь же — это треугольник с точками над ним, как и во многих описанных нами выше надписях XI—XII вв.; *хā* также встречается в хновских надписях и в виде горизонтальной линии, перечеркнутой крестообразно другой линией (подобно надписи 2 из Ихрека — 1016—1017 гг. и надписи 8 из Рутула — 1150 г.). *Та* в конце слова трактована в виде двух вытянутых по горизонтали линий, закрытых слева высоким стволем с отходящей от него черточкой влево: *джим* в начале слова изображен как *даль* и *ха*, с начертаниями *за* и *нуна* совпадают.

63. Сел. Хнов (Ахтынский район) Надпись имеет всего три строки (рис. 54)

-
- (1) Царство принадлежит Аллаху,
единому
 - (2) всепобеждающему, могущество при-
надлежит Аллаху
 - (3) Написал [этот текст] Умар сын
Мухаммада (?)
-

Первые две строки выведены красиво, стволы букв высокие, клинообразные выступы отчетливы. Если в первой строке сочетание *алиф—лам* дано отдельно, то во второй — эти буквы как бы перехватывают друг друга в центре. К этому приему переписчик прибегает и тогда, когда в нем нет особой необходимости (например, при одном только *алифе*), но это делается в целях усиления общего впечатления. Последние два слова в тексте (*ал-кадир ли-л-лах*) буквально следовало бы перевести *могучий, Аллаху*

Царство принадлежит Аллаху.

принадлежит, но, может быть, следовало бы писать *ал-кудрат ли-л-лах* и чтение было бы более правильным — *могущество принадлежит Аллаху*. Третья строка нанесена робко, мелкими буквами, возможно, она первоначально и не входила в замысел писца. Имя отца писца уверенно не читается. Единственный раз допущено отклонение от правил грамматики — слово *ал-вахид* (*единый*) написано без алифа долготы.

Палеографически надпись имеет много общего с надписями 60 и 61 (рис. 52 и 53) и надписью 62, но ряд букв нанесен своеобразно. *Каф* имеет вид ромбовидной фигуры с тремя отростками, а *фа* отличается от него только количеством точек. Мим в конце второй строки вытянут вверх под влиянием соседних высоких букв.

64. Сел. Хнов (Ахтынский район). Надпись состоит из одной строки (рис. 55)

Манера письма повторяет надпись 63 (рис. 54), но более усложнена, буквы подняты вверх, занимая поле во всю высоту; вплетение *алифа* и *лама* тоже повторено, но обе эти буквы сопровождаются декоративными элементами, сочетанием различных черточек, идущих под линию строки.

Выступы на вершинах букв увеличены, приобрели форму треугольников. *Мим* трактован весьма своеобразно — подчетыреугольная фигура, верх которой закрыт дугой с отходящей от нее вверх вертикальной линией. *Каф* изящен, верхняя его линия переломлена в середине, снабжена вершиной треугольником и выведена на высоту *алифа* и *лама*. Во всем чувствуется стремление резчика к симметрии и масштабности.

Как мы видим, ни один из пяти текстов не имеет даты, но при датировке этих надписей имеется возможность привлечь уже разобранные нами датированные, как и изданные датированные надписи из Ихрека, Рутула, Гельмеца, Цахура и Ахты. Рутульская надпись 1150 г. (надпись 8) имеет одинаковые с хновскими надписями начертания букв *алиф*, *лам*, *ха*, *ха*, *нун*. Надпись 1162 или 1164 г. из Гельмеца¹⁵⁸ дает одинаковое написание *ха* и *дала*, а также *ха* в виде двух смежных четырехугольников и высокое *ба* в слове *бисми*. Ахтынская надпись XI—XII вв.¹⁵⁹ точно повторяет *ха*, *мим* и *дал* из надписи 58. Цахурскую надпись того же времени украшают завитки и черточки, помещенные в вершинах букв. Вершины стволы рутульской надписи 1150 г. (надпись 8) заострены то вправо, то влево, как и в хновских надписях 60—62 (рис. 52, 53).

Все эти предположения позволяют нам датировать названные хновские надписи в пределах XII в.

65. Сел. Хнов (Ахтынский район). Здесь обнаружено еще несколько эпитафий. Одна из них (65×45 см) написана почерком полукуфи, текст полностью не сохранился (*владелец этой могилы покойный Хусайн, сын Мухаммада. Милость Аллаха... Он скончался в месяце мухаррам...*). Эту надпись можно отнести примерно к XIV в. Вторая надпись (54×29 см) имеет дату: (Басмала). *Владелец этой могилы покойный прощенный Али, сын Али (?) — да смилостивится Аллах над ним. Он скончался в месяце шаввал восемьсот шестидесятого года*.

Шаввал 860 г. хиджры начался 2 сентября 1456 г.

66. Сел. Шиназ (Рутульский район). Это один из наиболее древних дагестанских аулов, один из ремесленных центров раннесредневекового Дагестана. Арабский географ и историк Закария ал-Казвини (1203—1283 гг.) сообщает ценные сведения о Цахуре и Шиназе (Синас), причем жители Шиназа были искусны в изготовлении «кольчуг, панцирей и других видов вооружения»¹⁶⁰.

А. Н. Генко писал о существовании в Шиназе куфических надписей ¹⁶¹. Однако наиболее ранняя из известных до сих пор надписей относится к 1799 г. и опубликована Л. И. Лавровым. Нам удалось в самом Шиназе и его окрестностях обнаружить в 1971 г. несколько куфических надписей на камне.

Одна из этих надписей (рис. 57, а, б) — строительная — смонтирована в стену шиназской мечети. Сохранилась только часть текста

576
 ١٧٩٩

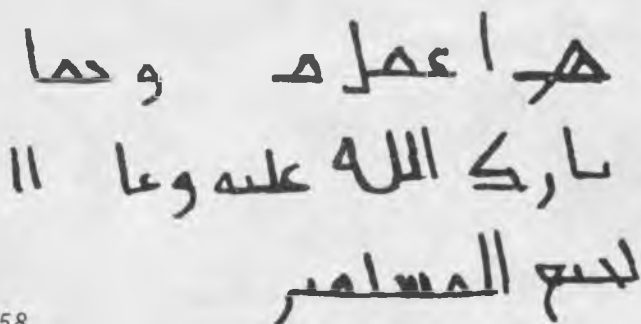
Это построил...

Это наиболее старая строительная надпись из Шиназа. Возможно, она относится к строительству мечети или минарета.

В южной стене минарета (у основания) также вмонтирована надпись (46×14 см), почерком полукуфи: *инна рахимаху* (Подлинно, да простит его). В той же южной стене минарета (47×12 см) рядом с упомянутой помещена формула единобожия.

67. Поселение Шугъа, близ Шиназа. Здесь остатки поселения. Среди развалин здания обнаружено 3 надписи. Фотографии отсутствуют, нами был сделан эстамп (рис. 58).

Одна из надписей врезана в каменную плиту (45×15 см)

-
- (1) Это построил М... и Хамā...
 - (2) Да благословит Аллах
 - (3) его и его семью и всех мусульман.
-

Как видно из рисунка, текст не имеет диакритических знаков. Буква *ха* дана в виде треугольника, разделенного черточкой на две части, а конечный *нун* в виде *ра*. В букве *син* зубцы почти одинаковы. Лигатура с конечным *ха* в слове *Аллах* уходит под строку, как и нижняя часть *лама*. Слово *ли-джам*⁵ написано без *мима*. Эти особенности позволяют датировать надпись XI—XII вв.

68. Поселение Шугъа, близ Шипаза. Надпись на песчаниковой плите (35×17 см), от которой сохранилась только часть (рис. 59).

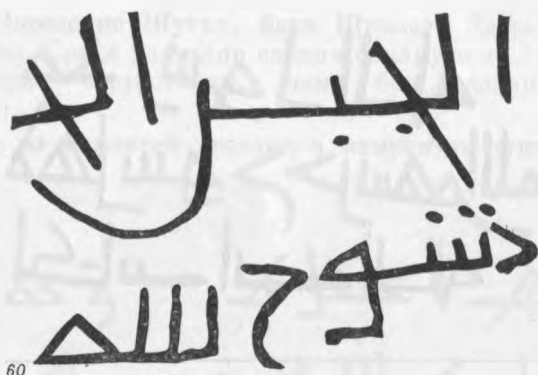
59

-
- (1) [Мухам]мад посланник Аллаха...
(2) Жителям С.в.х (или Сӯх) — да
убережет их Аллах
(3) Написал Абдаллах.
-

С палеографической точки зрения эта надпись также представляет интерес. Буква *ваз* выведена в виде треугольника с ломанной линией, уходящей под строку. *Лам* в конце слова написан двояко: нижнее колено или на строке или значительно ниже горизонтали. *Ха̄*, как и в предыдущей надписи, а также в надписи 1016/1017 г. из Ихрека (надпись 2), — это крупный треугольник основанием на строке, разделенный чертой на две части. *Син* с ровными зубцами или же, не в пример надписям XIII—XIV в., чуть убывающий вправо, находит аналогии в надписи 1 из Кочхюра, 2 — из Ихрека; *ба* конечное открыто слева, *ха* в конце слова *Аллах* соединяется остроугольной линией, уходящей под строку. Все буквы угловаты.

Комплекс этих признаков дает возможность датировать памятник XI—XII вв.

69. Поселение Шугъа, близ Шиназа. Песчаниковая плита небольших размеров (30 × 20 см) сохранила лишь часть текста. Буквы крупные, по два слова в строке (рис. 60).

(1) الجبل الح... (2) د شوح لله

Гора ал-Х... Шūх. Аллаху...

Буквы текста аналогичны таковым в надписи 66. С учетом этих обстоятельств, а также написания *джима* в виде горизонтали, «перечеркиваемой» косой линией (как и в надписи 2 1016/1017 г. из Ихрека), надпись можно датировать XI—XII вв.

Это единственная на поселении надпись, снабженная диакритическими знаками. К особенностям почерка относится написание *лама* единственное в дагестанской эпиграфике: ствол, на 2/3 уходящий под строку и завершающийся крупной дугой.

Все три надписи с поселения Шугъа представляют значительный интерес: первая из них — строительная, сохранила имя одного из самых ранних известных нам строителей. Вторая же надпись зафиксировала имя писца, катиба; текст надписи — не эпитафия и не строительный.

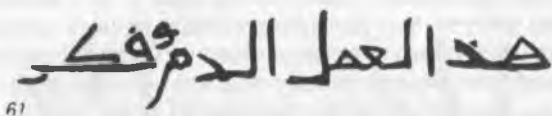
То обстоятельство, что надпись полностью не сохранилась, не дает возможности уверенно причислить ее к какой-либо категории. Слова текста *жителям С. в. х* (или *жителям Сух*) наводят на мысль о том, что надпись эта из разряда «деловых». Само слово *Сух* — это название селения, но отсутствие диакритических знаков лишает возможности установить точное чтение. Однако третья надпись, имея эти знаки, вносит ясность — речь идет о селении *Шух*, скорее всего о селении Шугъа, как и поныне называют это поселение жители соседнего Шиназа. Слово *гора* также весьма редкое в дагестанской эпиграфике.

70. Сел. Аракул (Рутульский район). Надпись вставлена в стену мечети и зафиксировала имя строителя. Текст на фотографии неясен, поэтому даю отдельно прорисовку надписи по эстампу.

-
- (1) *Сулайман сын Ахмада*
(2) *М.к.ш.р.*
(3) *...Аллах. Бог. Царство*
(4) *принадлежит Аллаху...*
-

Первая строка называет имя и кунью строителя (Сулайман сын Ахмада), оба имени — мусульманские. Вторая строка содержит только одно слово (*М. к. ш. р.*, или *М. к. шй*), оно полностью не расшифровывается. Может быть, это нисба. В имени буква *каф* дана с тремя точками, это своеобразная передача звука из местного языка, остальные строки содержат трафаретный текст.

71. Сел. Аракул (Рутульский район). Надпись (рис. 61) вмонтирована в стену мечети, нанесена почерком, характерным для XII—XIII вв., и зафиксировала имена двух строителей

(1) Это работа Ал.д.м. и Ф.к.р.

72. Сел. Амсар (Рутульский район). Надпись на местном строительном камне прямоугольной формы (38 × 16,5 см) содержит текст в 4 строки (рис. 62).

(1) Построил Абд ал-Малик этот дом (?)

(2) Подлинно, мечети (посвящены) Аллаху и не при[зывайте] никого

(3) кроме Аллаха.... Написал

(4) Иса, сын Хусайна.

73. Амсар (Рутульский район). Также строительная надпись (30 × 22 см) в стене той же мечети, рассказывает о неоднократном реставрировании мечети. Текст в 5 строк

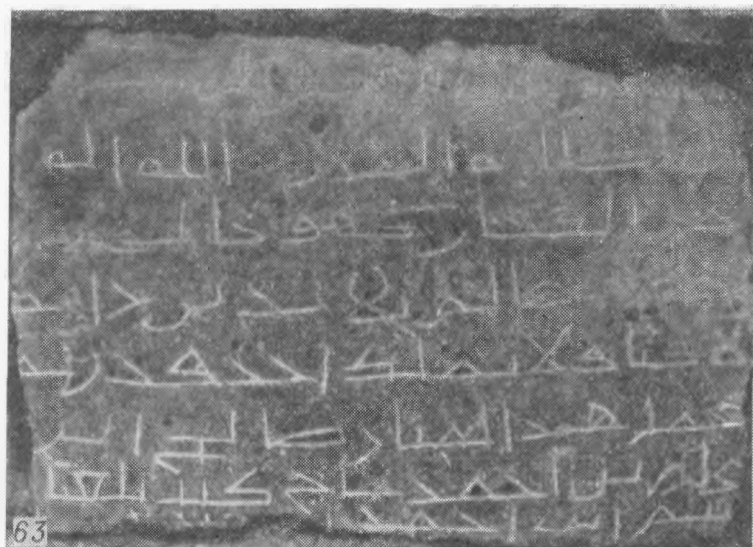
(١) قد جدد اربع مرآة واهلك (٣) اربع مرآة (٤)
(٥) كهو (٦) كاتب فعء

- (1) Возобновлен че-
(2) тыре раза и разрушен
(3) четыре раза... (4) ...
(5) Написал Ф.д.

В Амсаре обнаружены также две надмогильные плиты с текстами, которые также можно датировать в пределах XII—XIII вв.

74. Сел. Рутул (Рутульский район). Рутул в XII—XIV вв. принадлежал к числу таких аулов, где арабский язык получил сравнительно широкое распространение. «Наличие ханака в XII в. заставляет предполагать, что в Рутуле были тогда религиозные учебные заведения. Не удивительно, что среди жителей в XII—XIII вв. были грамотные по-арабски, которые оставили после себя ... надписи. Все это говорит о прочном утверждении ислама среди рутульцев в XII в.»¹⁶² Надписи Рутула выявлены и опубликованы Н. В. Ханыковым, а также М.-С. Саидовым и Л. И. Лавровым. Помимо датированной надписи, мною обнаружены еще 3 недатированных.

Одна из них (рис. 63) вмонтирована в стену частного дома. Текст ровный, в 8 строк, причем первые 5 строк — это обычный религиозный текст, 6—8 строки рассказывают о строительстве минарета и о строителе (вернее, духовном лице, финансировавшем строительство) минарета и о писце

(١) بسم الله الرحمن الرحيم (٢) الملك لله القدرة لله الوا
 (٣) حد القهار هو حالق (٤) ... عالم... (٥) ... ولا يملك احد
 قدرته (٦) عمل هذا المنار صالح ابن (٧) علي ابن احمد حاج كتب
 بلىقا (٨) سم ابن احمد ابن (?) محمد

(1) (Басмала)

(2) Царство принадлежит Аллаху,
 могущество принадлежит Аллаху
 еди-

(3) ному, всепобеждающему, Он —
 творец,

(4) ... всезнающий...

(5) ...нет ни у кого подобного ему
 могущества.

- (6) Построил этот минарет Салих сын
(7) Али, сына Ахмада Хаджжи. Написал (это) Б.л.к̄а-
(8) с.м. (Балакасум), сын Ахмада сына (?) ... Мухаммада¹⁶³.
-

Своеобразно написание двух букв — конечных *ха* в слове Салих и *джим* в слове хаджжи.

Это самое раннее сообщение о строительстве минарета, а также впервые упоминается хаджжи — паломник в Мекку и Мадину — «священные» города мусульман.

По почерку надпись кажется старше надписи 20 (Рутул, 683/1284 г., рис. 19) о строительстве стены двумя мастерами — Б. л. касимом (Абу-л-Касим? Балакасум) и Мухаммадом по приказу Х. р. кар. сына С. 'м. В данной надписи особо выделен писец — Салих, сын Балакасима, сына Ахмада, сына (?) Мухаммада (раньше это имя было мною прочитано неточно — Б.л.ф. н. с. м. вместо Б.л.кас-сим), но без указания на заказчика строительных работ. Здесь редкий случай, когда имя имеет три куньи. Имя строителя также дано с упоминанием имени его отца и дедушки. Надпись может быть отнесена к XII — началу XIII в.

75. Сел. Ахты (Ахтынский район). Надпись нанесена на речной камень (рис. 64), хранится в Ахтынском краеведческом музее, доставлена туда директором музея Ф. Дагларовым. Она весьма своеобразна, текст помещен в рамку, верхнюю часть плиты занимает слегка нацарапанная человеческая фигура, «заполненная» текстом.

Текст состоит из 10 строк, очень труден для чтения (но письмо типично для XIII в.). Эта трудность связана, может быть, с необычным принципом распределения слов, которого придерживается резчик (рис. 64).

Текст первых трех строк выглядит таким образом

Строка 1. Начинается со слова, которое следует читать как *эмир*, хотя нет подставки для *йа*, но отмечено долгое *и*; точка над последней буквой непонятна. Далее идет *алиф*, который «не к месту». Создается впечатление, что *алиф* перемещен в другое место в интересах симметрии. Следующее слово *х.д.* Может быть, это *хаза* (это), если

(۱) امیر اھذبغ ابن صا (۲) حب القبر (۳) حلو

учесть предыдущие *алиф* и точку? Далее — слово *б. г.* (?), вероятно, имя. Следующее слово читается *ибн*, (но оно снабжено лишней точкой. Последние две буквы это *са*, по всей вероятности, начало слова, перенесенного на вторую строку (*са-хуб*).

Строка 2 состоит из двух слов. Первое слово (вернее, полслова), как уже указывалось, — это *хуб*, второе — неразборчиво, но можно только предположить, что это неточное написание слова *ал-қабр* (могила).

Строка 3 содержит одно только слово: *Х.л.в*

Если в данном случае действительно имеет место рас-

пределение слов вразброс, то можно было бы следующим образом упорядочить текст

(1-3) صاحب هذا القبر امير بغ ابن حلع

Хозяин этой могилы эмир Б. г. (Аба-
га?) сын Х.л.в. (Хулаву?)

Однако все это (в том числе расшифровка) только предположение, нам не удалось найти еще убедительного чтения.

Строки 4—7 легко читаются, они содержат *басмалу*, но здесь также допущен своеобразный принцип: буква *алиф* оторвана от слова *Аллах* и перенесена в начало следующей строки (для симметрии), а *син* в слове *бисми* имеет только два зубца

Следующие три строки (8—10) не поддаются чтению (может быть, не арабский текст).

Имена, названные в тексте — Б.г.Х.л.в., — немусульманские, возможно, монгольские (Абага, Хулаву?). Оформление надмогильной плиты также необычно для Дагестана. Речь идет, в частности, о схематическом изображении человека.

76. Дербент. Плита с этой надписью обнаружена в Дербенте и доставлена в историко-этнографический музей Дагестанского государственного университета им. В. И. Ленина. Верхняя часть плиты отбита. Центральное поле с основной надписью со всех сторон окружено эпиграфической полосой, чтение которой весьма затруднено из-за повреждения букв. Центральное поле (сохранившаяся часть) имеет 4 строки (рис. 65).

الشيخ (٢) الامام قاضى (٣) القضاة (٤) احمد ابن (٥) الحسين
رحمه الله

- (1) Шейх (?)
- (2) имам, кади
- (3) кадиев
- (4) Ахмад ибн
- (5) ал-Хусайн — да смилостивится над
ним Аллах¹⁶⁴.

По внешним данным надпись сильно похожа на надписи 51 и 52 из Уркараха (XI—XII вв., рис. 46, 47), 13 и 14 из Татиля (середина XII в., рис. 11 и 12), надписи XI—XII вв. из Дербента, опубликованные Л. И. Лавровым¹⁶⁵ по рисункам Э. И. Эйхвальда, Н. В. Ханыкова, А. В. Комарова. Датировка надписи XI—XII вв. будет наиболее предпочтительной.

Содержание надписи само по себе весьма интересно. Речь идет об одном из представителей высшего мусульманского духовенства, которое в средневековом Дербенте занимало высокое общественное положение и играло немаловажную роль в духовной жизни городского общества. Ни по нарративным источникам, ни по данным эпиграфики нам еще не встречалось имени представителя мусульманского духовного мира, наделенного высокой и богатой титулатурой (*шейх, имам, кади кадиев. . .*). Нельзя не обратить внимания еще и на то обстоятельство, что на могиле Ахмада ибн ал-Хусайна, представителя высшего слоя служителей мусульманского культа и настоятеля соборной мечети, поставлена вертикальная стела, в то время как памятники на могилах представителей светской власти имеют форму саркофага.

В «Истории Ширвана и Дербенда» в связи с событиями 1069 г. упоминается большое число мечетей «пограничной области и ал-Баба». Арабский историк Закарийя ал-Казвини (1203—1283 гг.), автор географического сочинения «Асар ал-билад» («Памятник городов»), отмечал оживленную религиозную жизнь средневекового Дербента. Он писал, что в Дербенте имеются «железные ворота и много башен, (а) на каждой башне находится мечеть для тех, кто находится поблизости (т. е. соседей), и для тех, кто занят религиозными науками»¹⁶⁶.

Дербентская надпись является подтверждением этих сообщений.

77. Сел. Рича (Агульский район). Здесь обнаружено большое число надписей, среди которых важное место занимают строительные надписи.

Прорисовка и перевод одной из этих надписей изданы нами ¹⁶⁷. Фотография (рис. 66) ранее не издавалась.

-
- (1) Это работа Б.х.с.р. м̄ан сына
(2) Бас̄аджа (Абу Садж?) и его жены
Айшат, дочери Али и...
(3) Бакра, брата Али, сына Маймуна.
Это работа
(4) ...сына...
-

Надпись относится к XIII в.

78. Сел. Рича (Агульский район). Строительная надпись (41×36 см) также вмонтирована в стену мечети. Фотография (рис. 67), текст и перевод изданы нами ¹⁶⁸.

-
- (1) Это работа
(2) М.х.л.л. Нет божества
(3), кроме Аллаха, Мухаммад [посланник Аллаха].
-

79. Рича. Здесь обнаружено нами еще несколько надписей, не все уверенно читаются.

Надпись (59×22 см) в одну строку (рис. 68)

Работа Б.х.р.с. и Ш.л.д.

Здесь, очевидно, зафиксированы имена двух мастеров-строителей.

Надпись (38×25,5 см) в 6 строк вмонтирована в восточную стену мечети (не соборной). Камень имеет форму прямоугольника (рис. 68), правый угол и нижняя часть слегка отбиты, отчего пострадала последняя, шестая строка. Читаются только отдельные слова.

В третьей строке надписи читается только часть текста, часть текста написана на арабском языке.

- (1) *Имам шахид в*
 - (2) *...аскетов,*
 - (3) *правителя охраняющих*
 - (4) *да убережет его Аллах от всех...*
 - (5) *Аллах* (6) *...*
-

80. Сел. Тпиг (Агульский район). Это одно из старинных агульских селений. Первые сведения датированных текстов о Тпиге относятся к VIII в. (по другим спискам X в.). Это сообщение исторического сочинения «История Абу-Муслима» о том, что внук или правнук Абу-Муслима обосновался в селении Т.б.г (Тпиг) ¹⁶⁹. Следующие по времени данные нарративных источников относятся уже к середине XVI в. Эпиграфический материал значительно расширил хронологические рамки наших представлений об этом крупном населенном пункте. Л. И. Лавров издал прорисовку и перевод куфической надписи о строительстве какого-то здания (*«Это работа Сулаймана»*) ¹⁷⁰, построенного в XII—XIII вв. Так как сначала автор предполагал, что надпись обнаружена не в Тпиге, а в селении Рича, то сама надпись к какому-либо конкретному объекту не была приурочена. В 1963 г. эту надпись мы видели в Тпиге, и, со слов жителей селения, надпись эта обнаружена в стене крепости. Остатки этой крепости сохранились (рис. 69) в северной части Тпи́га, известной под названием Кел'а (т. е. «крепость»), местность эта вся застроена домами, от крепости осталась только часть стены. Раньше, как рассказывают, эта стена возвышалась над землей метра на четыре, но она была использована впоследствии при строительстве дома, так что теперь видимая часть крепостной стены выделяется над крышами домов только на 1 м. Толщина стены 106 см.

Крепостная стена была сложена из местного строительного камня породы «дагьар-гъван», обшита двумя панцирями из хорошо обработанного камня, а промежутки между ними заполнены забутовкой. Часть стены, скрытая застройкой, имеет высоту около 6 м. Длина сохранившейся части стены более 15 м, видны проемы для балок межэтажного перекрытия. Прослеживаются только два этажа. По рассказу хозяина дома, в глубине прослеживается каменная лестница, которая вела, очевидно, на верхний этаж. Угол внешней части крепости чуть закруглен, возможно, угловые башни крепости имели полукруглую форму. Надпись, как уже говорилось, сохранила имя строителя:

Это построил Сулайман. В ней только три слова, но она очень ценна — это наиболее раннее в Дагестане упоминание имени строителя оборонительного сооружения. Работы последних лет показали, что в XII—XV вв. в Дагестане строительное дело достигло большого размаха и во многих местах работали уста (или устады) — профессиональные мастера-строители. Сулайман, упомянутый в надписи, принадлежит именно к такой категории строителей.

Нами обнаружено еще 3 надписи, имеющие отношение к данной крепости (одна из них обнаружена в самой крепостной стене, одна находится в школьном музее, одна — у порога помещения, примыкающего к крепости). Обе последние надписи, как рассказывают жители Тпига, извлечены из крепостной стены. Надпись, обнаруженная в самой крепостной стене, содержит *басмалу*¹⁷¹ и относится к тому же времени, что и предыдущая надпись.

Вторая же надпись содержит очень ценную историческую информацию о выступлении местного населения против своих феодалов.

81. Сел. Тпиг (Агульский район). Надпись находится в школьном историческом музее, нанесена тонким почерком в песчаниковую плиту (она расколота на две части). Прорисовка надписи и перевод были изданы мною, затем Л. И. Лавровым)¹⁷². Текст (рис. 70)

(١) فقام علينا جميع المسلمين (٢) فقد خرب هذا
القرية وجعل (٣) هذا القلعة

(1) *Поднялись против нас все мусуль-*
мане]

(2) *И было [тогда] разрушено это се-*
ление, затем была построена

(3) *эта крепость.*

Л. И. Лавров предлагает иной вариант чтения: «Поднялись против нас все мусульмане. Затем было разрушено это селение и сделана эта крепость».

Палеографически эта надпись сходна с двумя предыдущими. Эта краткая, но весьма ценная надпись сообщает о трех событиях: о восстании недовольного населения, разрушении селения и строительстве крепости. Это единственное дошедшее до нас известие о восстании в средневековом Дагестане, зафиксированное на камне. Оно составлено от имени тех, кто вынужден был построить крепость после того, как подверглись нападению со стороны «всех мусульман». Мы не знаем ни конкретных причин, приведших к выступлению, ни названий селений, принимавших участие в восстании. Восстание было, очевидно, явлением из ряда вон выходящим, раз оно зафиксировано на камне. Оно заставило правящую верхушку Тпига приступить к строительству крепости. В восстании участвовали, как сообщает надпись, «все мусульмане», под которыми следует понимать зависевшие от Тпига соседние селения.

Нам кажется, что слова *поднялись против нас все мусульмане* не дают повода считать, что жители самого Тпига были немусульманами не в пример соседним селениям, уже мусульманским. Что касается нашего мнения о том,

что под «всеми мусульманами» следует понимать жителей селений, находившихся в зависимости от Тпига, и что тпигская надпись приводит типичный пример усилившейся борьбы отдельных сельских общин против феодальных притязаний правителя, то по этому поводу Л. И. Лавров пишет: «Однако надпись не содержит даже намеков для подобного толкования. Нужно обратить внимание на другое. Время, когда жил писец, и знание им арабской грамоты позволяют видеть в нем мусульманина. Если так, то почему же писец, говоря о врагах, которые разрушили его родное селение, не отметил их этническую, территориальную или политическую принадлежность и в то же время счел нужным указать, что они были его единоверцами? Вероятно, писец сочувствовал врагам и оправдывал их против Тпига. Это могло иметь место в том случае, если надпись рассказывала о событиях более раннего времени, когда жители Тпига еще не были мусульманами и с оружием в руках сопротивлялись обращению в новую веру. Надпись отмечает, что оборона тпигцами своего селения закончилась неудачей. Что касается крепости, то ее строительство не обязательно нужно приписывать тем, кто сопротивлялся «всем мусульманам». Слово «затем» может указать лишь на хронологическую последовательность событий»¹⁷³.

Вообще все эти предположения недостаточно аргументированы. Дело в том, что речь идет не о простом нападении на Тпиг, а о выступлении, восстании против Тпига. Поэтому в тексте и написано *ḵāma 'alāyā* (*выступили против нас*). Писцу не было, видимо, необходимости указывать на этническую и т. д. принадлежность врагов, так как речь шла о соседних селениях, этнически, территориально и политически единых с Тпигом. О сочувствии к врагам у писца нет и намека, тем более что в стену крепостного здания вмонтирован камень с надписью, выражающей официальную точку зрения, а не симпатии писца. Нет в надписи ничего о попытках исламизации Тпига (кстати, строитель крепости носит имя Сулайман). Необоснованна также мысль об отсутствии причинной связи между восстанием и строительством крепости.

82. Сел. Тпиг (Агульский район). Плита (100×30 см) положена у порога дома Ибрагимова Абумуслима, буквы сильно стерлись, левый край отбит, текст плохо читается (рис. 71). Нам удалось разобрать только часть текста

... اللهم تقبل منا صل... (٢) وذكو ومحمدا (٣) يحييا وذكوا بن

(1) О боже! Прими от нас мо[литву]

(2) ...и Закү... и Мухамма[д]

(3) ...Йахйа и Закү, сын (?)

По всей вероятности, в данном тексте речь идет также о строителях, возможно, о помощниках того Сулаймана, главного руководителя строительных работ, о котором уже повествовала надпись.

В Тпиге, в других местах также найдены нами две куфические надписи — одна на камне на примечетской площади (часть *басмалы*), другая — в стене сарая жительницы Тпига Раджабовой Аиши (*басмала, формула единобожия*, 35×18 см).

83. Сел. Буршаг (Агульский район). В этом селении также найдено нами несколько куфических надписей. Наиболее ценная из них — куфическая надпись на деревянном минбаре, находящемся в здании бывшей мечети. Надпись (рис. 72) представляет большую ценность как наиболее ранняя эпиграфическая работа по дереву в Дагестане. Более того, надпись впервые сообщает о мастере-строителе (помимо басмалы и 112 суры).

Весь текст надписи нам не удалось в свое время эстампировать, сделанные внутри помещения фотографии оказались нечеткими.

Мы приводим лишь часть текста.

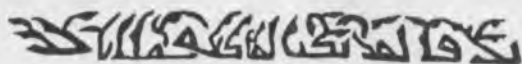
72

72

72

72

72

72

72

Аллах... (Басмала). Это работа Саида сына Али, — милость Аллаха над ними обоими и над всеми мусульманами.

По нижнему краю: басмала и 112 сура Корана.

84. Сел. Буршаг (Агульский район). Куфическая надпись вмонтирована в стену буршагской мечети, справа от входа. Сама мечеть построена, если судить по надписи на деревянном столбе, в середине XV в., возможно на месте старой мечети. По всей вероятности, данная надпись находилась сначала в стене старой мечети, а затем вторично использована. С этим и связана утеря части надписи. Судя по тексту, отсутствует только первая строка. Начертание букв подобно письму надписей 2 (Ихрек, 1016—1017 г.) и 7 (Гельмец, 1123—1124 г.), 64—66 из Шиназа. При начертании букв *ха*, *син*, *сад*, *вав* мы находим полное сходство. Исходя из этих соображений, надпись можно датировать XII в. Из сохранившихся 7 строк только последняя уверенно не читается.

[Нет божества],

(1) кроме Аллаха

(2) Мухаммад п- (3) ророк А

(4) лаха — да благословит А-

(5) ллах его и (6) приветствует (7) ...

85. Сел. Шари (Агульский район). Со слов старожилов, сел. Шари образовалось из следующих мелких населенных пунктов: Ирахъа — к западу от Шари; Газала — к северо-западу; Имбагъа — к востоку; Чуцла — к северо-западу от селения; Жилебача (Цепь юноши); Циладахна — выше Ирахъе; Далкуджа — рядом с Газала; Ишбагъе — к юго-востоку. В самом селении в стене мечети полукуфическая надпись (*басмала*).

Поселение Чуцла расположено, как уже указывалось, к северо-западу от селения Шари. На обоих склонах холма, спускавшегося к речке Чуцла, расположено кладбище, а юго-восточнее склона — четырехугольная в плане башня.

Надмогильные плиты двух типов. Первый — прямоугольной формы (одна плита) и второй трапециевидной (две плиты). Плиты трапециевидной формы имеют в верхней части чуть покатые «плечики», по контуру — эпиграфическую полосу (как рельефную, так и врезную). Так, например, один из подобных памятников (103×107 и 86×10 см) имеет широкую эпиграфическую полосу (низкий

плоский рельеф), отделенную от центрального поля орнаментальной полосой; в верхней части медальона помещено слово *Аллах* также в плоском рельефе, как и текст центрального поля. Этот тип чуть островерхих подтрапиевидных надмогильных плит характерен для поселения Чуцла и ряда других селений.

Надпись, которую мы даем ниже, тоже нанесена на плиту этого типа (рис. 73). Центральное поле занимает значительную часть лицевой стороны памятника, обведено двумя линиями, образующими овальную фигуру. По краям идет керамический текст. Верхняя часть памятника отбита.

Текст в 4 строки

(1) Хозяин этой (2) могилы Б.рк, сын
(3) Аййуба, — да смилостивится Ал-
лах (4) над ним.

Надпись по краю сохранилась лишь частью (формула единобожия). Надпись XII—XIII вв.

86. Сел. Фите (Агульский район). Здесь нами обнаружено кладбище с куфическими надписями Оно расположено на окраине селения, занимает площадь примерно в 4 га. Здесь зафиксировано 22 плиты.

Надгробная плита прямоугольной формы ($60 \times 64 \times 10$ см). Центральное поле углублено, надпись врезная, как и все другие надписи из Фите и других дагестанских аулов. Над центральным полем — шестидольчатая розетка, по бокам которой расположены два солярных знака — углубления. Поле имеет форму стрельчатой арки. Текст в 5 строк

*(1) Это могила (2) могила
(3) Ахмада, (4) сына (5) Ш.в.з(?)*

Имя отца Ахмада трудно читается, возможно, оно немусульманское.

87. Сел. Фите (Агульский район). Высокая четырехугольная плита ($215 \times 84 \times 15$ см) поставлена над каменным сооружением — горизонтально поставленными плитами, образующими надгробие. Длина горизонтальных плит — 2,79 м при ширине 0,65 м. Это одна из старинных форм надмогильного перекрытия. Надпись также углублена, центральное поле уходит вглубь примерно на 3 см уступом в две «ступеньки». Надпись имеет 6 строк трафаретного текста. Палеографические особенности свойственны для XII—XIII вв. Имя погребенного — немусульманское, а отец его носит имя мусульманское. Такое обстоятельство встречалось уже несколько раз.

*(1) Это могила (2) Ш.б.ш.н. сына
(3) Мухаммада, — ми- (4) лость Аллаха
(5) над ними (6) всеми.*

88. Сел. Фите (Агульский район). Плита чуть суживается книзу (69×54 и 51×15 см). Надпись в 6 строк (рис. 74, а, б)

هذه القبر
محمد
ابن شربش
رحمة
الله عليه
الجميع

- (1) Это могила (2) Мухаммада
(3) сына Ш.р.б.ш.р
(4)— милость
(5) Аллаха над ними (6) всеми.

Центральное поле обведено четырехугольной фигурой с острым выступом, увенчанном солярным знаком, по обеим сторонам которого высечены розетки из шести долек.

89. Сел. Фите (Агульский район). По своей форме и рисунку она повторяет надпись 88 ($57 \times 56 \times 11$ см). Плита глубоко ушла в землю, поэтому трудно установить первоначальные размеры дневной поверхности

- (1) Это могила (2) Рамазана
(3) сына Ш.р.б.ш.р. (4) милость
(5) Аллаха над (6) ними в-(7) семи.

90. Сел. Фите (Агульский район). Эта надпись нанесена на плиту ($70 \times 44 \times 12$ см) с остроконечным верхом. Из всех фитинских надписей именно эта посвящена женщине. — С. ф. м. дочери Ш. р. б.ш. р. Она также носит немусульманское имя, как и ее отец. Палеографические данные надписи свойственны XII—XIII вв.

- (1) Это могила (2) С.х.м. дочери
(3) Ш.р.б.ш.р. — ми- (4) лость Аллаха
(5) над ними (6) всеми.

91. Сел. Фите (Агульский район). Плита имеет размеры: 90×60×9 см. Врезная надпись в 6 строк. Имена погребенного и его отца немусульманские. Написание букв обычно для XII—XIII вв. Надпись составлена по сложившемуся в Фите трафарету (рис. 75).

هذ القبر
شيشن
ابن شيشن
رحمة
اله عليه
الرحمة

75

- (1) Это могила
(2) Ш.б.ш.н
(3) сына Ш.б.ш.н. —
(4) милость
(5) Аллаха над ними
(6) всеми.

92. Сел. Фите (Агульский район). Надгробная плита (195×127×5 см) с острым верхом, не носит никаких дополнительных знаков или украшений, плохо обработана. Текст содержит две строки арабского текста

- (1) Это могила Ш.б.с.н. (Ш.б.ш.н. —?)
сына Мухаммада, —
(2) милость Аллаха над ними.

93. Сел. Фите (Агульский район). Форма надмогильной плиты прямоугольная. Размер плиты $60 \times 47 \times 10$ см. Текст в 6 строк (рис. 76).

-
- (1) Владелец этой (2) могилы
(3) Будай сын Ахмада
(4) , — да смилостивится [Аллах]
(5) над ними (6) всеми.
-

94. Сел. Фите (Агульский район). Плита имеет 5 строк (135×58×10 см), врезанных почерком XII—XIII вв. (рис. 77).

-
- (1) Это могила (2) Хаджи сына
(3) З.н.к.р. — ми- (4) лость Аллаха
(5) над ними всеми.
-

Мы рассмотрели 9 надписей из Агульского селения Фите. Сами памятники, как уже отмечалось, по внешней форме делятся на два вида: четырехугольные или чуть трапециевидные плиты с углубленным в камень центральным полем и грубо обработанная тонкая песчаниковая плита со слегка нацарапанным текстом. Сами же тексты составлены по определенному трафарету: «это могила (имя и имя отца), да смилостивится Аллах над ними всеми».

Этот трафарет повторяется почти во всех надписях. Исключение составляет одна только надпись 93 (рис. 76), где текст начинается не со слова «это могила», а «владелец этой могилы».

По части арабской грамоты все надписи единообразны: слово *хаза* везде пишется без *алифа*, допускается перенос отдельных частей слов, даже одной буквы (*ра-хмат*, *а-джама'ин*), иногда разрыв слова совершенно неожиданный *ала-йхим*.

Почти все надписи из Фите, датированные нами XII—XIII вв., сохранили немусульманские имена: *Ш. б. ш. н.*, (*Ш. р. б. ш. р.*), *С. х. м* дочь *Ш. р. б. ш. р.*, *Ш. б. с. н.*, *Будай*, *З. н. к. р.* Будучи сами мусульманами они сохранили по преимуществу старые имена.

Разбор фитинских надписей показывает, что перед нами тухумное кладбище (наиболее раннее из известных в Дагестане): рядом похоронены братья и сестра: *Мухаммад сын Ш. р. б. ш. р.*, *Рамазан сын Ш. р. б. ш. р.* и *Ш. х. м* дочь *Ш. р. б. ш. р.*, Тут же плиты зафиксировали имя *Ш. б. ш. н* (или *Ш. б. ш. р*) сына *Ш. б. ш. н* (или *Ш. б. ш. р*), возможно, имя отца названных выше лиц.

95. Хив (Хивский район). В центре селения на площади сохранились весьма интересные памятники — минарет и каменные столбы. В литературе впервые на них внимание обратили Г. Н. Любимова и С. О. Хан-Магомедов. Они писали: «... мечеть, выходящая на эту площадь, не сохранилась; уцелел лишь полуразрушенный ее минарет. По периметру площади стоят небольшие каменные столбы различной высоты и формы, принадлежавшие отдельным родам. По рассказам местных старожилов, во время общеаульских собраний, созывавшихся на этой площади, члены каждого рода сидели у своего столба»¹⁷⁴. Здесь же даны два рисунка: минарет на старой площади (фотография) и старая площадь сел. Хив (фотография и план)¹⁷⁵.

Будучи в Хиве, мы также обследовали памятники этого селения.

Каменные столбы (рис. 78, а) изготовлены из местного доломита той же породы, которая шла на изготовление описанных выше хивских надгробий. Столбов всего сохранилось 17, из них 10 протянулись на южной стороне площади, по направлению с востока на запад на расстоянии примерно 20 м. На западной стороне сохранилось только 4 столба, на северной — 3. На восточной нет ни одного

камня. Со слов информаторов, часть камней увезена в сел. Кванциг, часть использована при строительстве хивской джума-мечети. Столбы различной высоты (от 50 до 130 см) при гладкой нижней половине несут в верхней части рельефный рисунок (как геометрический, так и растительный), ни разу не повторяющийся.

Местные жители дают различные объяснения функциональному назначению столбов. Выше уже говорилось, что они служили своего рода «тухумными камнями». Существует и другое мнение: нам рассказывали, что мечеть имела крытую галерею (балкон), поддерживаемую деревянными столбами, опиравшимися на эти каменные базы. Последнее мнение кажется нам наиболее правдоподобным.

Хивская мечеть — уже третье по счету культовое сооружение из Дагестана (наряду с мечетями из Кара-Кюры и Кала-Корейша), которые сохранили старый эпиграфический материал. Мечети Кара-Кюра и Кала-Корейш сохранили, как уже сообщалось, по два ряда колонн по основной оси.

Как известно, «самым ранним созданием мусульманской архитектуры была мечеть», причем для молитв использовались христианские базилики, но уже в VIII в. тип колонной мечети вполне сложился, и он вытесняет во многих странах купольные мечети ¹⁷⁶.

Одним из самых ранних примеров колонной мечети служит мечеть Амра, основанная Амром ибн ал-Асом в Фустате: двор мечети был окружен колоннадой из круглых колонн, которая со стороны михрабной стены образовала колонный зал. Однако образцом для строительства культовых сооружений, особенно в X—XIII вв., служила мечеть Омейядов в Дамаске. Построенная в 705—715 гг. по приказу халифа Валида на месте христианской базилики мечеть Омейядов в Дамаске имела колонный зал (колонны — круглые) и аркаду вокруг внутреннего двора. Иракским вариантом колонной мечети считают большую мечеть халифа Мутавакия (IX в.) в Самарре — прямоугольный двор мечети окружен галереями с колоннами в несколько рядов и с плоскими перекрытиями ¹⁷⁷. Тип колонной мечети становится каноном мусульманских культовых сооружений — мечетей ¹⁷⁸.

Каракюринская и калакорейшские мечети представляют собой типы колонных мечетей (круглые колонны, в первом случае — кирпичные на квадратных базах,

во втором — фигурные, сплошь каменные), но лишённые, по всей вероятности, дворов, окруженных колоннадой. Хивская же мечеть может быть отнесена к типу дворовых, и в качестве аналогий могут быть привлечены некоторые культовые сооружения Средней Азии.

По описанию арабских географов (ал-Истахри, Макдиси), многие среднеазиатские города в IX—X вв. имели в шахристане, близ базара, мечети. Судя по характеристике мечетей, данной этими авторами («почти вся она крытая», «с навесом», на «деревянных колоннах»), многие из них напоминали по своей композиции арабские дворовые мечети¹⁷⁹. Ранние арабские мечети (т. е. так называемые дворовые) обладали пространственной композицией — открытый двор по периметру был окружен галереей на столбах (Чор-Сутун в Термезе, Магоки-Аттари)¹⁸⁰.

Вполне возможно, что хивская мечеть была построена по тому же самому типу первых среднеазиатских мусульманских культовых сооружений. Каменные столбы составляют, стало быть, неотъемлемую часть самой мечети как опорные базы для деревянных колонн.

Что касается времени строительства мечети, то в решении этого вопроса может оказать помощь эпиграфический материал, конкретнее — единственная надпись на одном из каменных столбов западного ряда.

Надпись (рис. 78, б) нанесена на верхнюю часть каменной базы, содержит две строки простым угловатым почерком. Она плохо читается, хотя и глубоко врезана. Единственное слово, которое можно разобрать уверенно, — это *амила* (*сделал построил*) в начале второй строки. Значит, эта надпись относится к строительству сооружения, в данном случае мечети. Если предположить, что первая строка содержала, как обычно, название объекта постройки, то вторая должна зафиксировать после слова «*построили*» имя строителя. Возможен и другой вариант чтения второй строки в целом: *'амила ахджар*, т. е. *сделал камни*. Тогда первая строка должна содержать имя строителя, хотя такое построение текста необычно для арабского языка. Но как бы там ни было, сам почерк, написание отдельных букв характерны для эпиграфических памятников XII—XIII вв., к какому времени мы и можем отнести строительство хивской мечети.

96. Сел. Джули (Табасаранский район). К востоку от селения расположено кладбище «Аскан наквар» («Нижнее кладбище»). Здесь расположена надмогильная плита

... العاله
عمر الما

786

«стеловидной формы» — подтрапециевидная плита с ярко выраженными плечиками и верхним и боковыми полукруглыми выступами. Надпись издана несколько раз; но датировка надписи произвольна. Э. В. Кильчевская и А. С. Иванов датируют ее IX—X вв.¹⁸¹ Этой же датировки придерживается и П. М. Дебиров¹⁸². Л. И. Лавров

относит этот памятник к текстам «не позднее XIII в.»¹⁸³, и это предположение наиболее близко к истине. Написание отдельных букв надписи весьма сходно с надписью из Рича. Особенно это относится к таким буквам, как *ха*, *зал*, *ра*, *син*, *айн*, *ха*. Эти особенности позволяют датировать джулинскую надпись XII—XIII вв. Текст читается уверенно (за исключением имени), хотя и не во всех деталях соответствует правилам грамматики. Плита имеет высоту 276 см, при ширине 165 (верх) и 135 (низ); толщина 23 см. Высота букв от 4 до 9 см. Центральное поле также трапециевидное (132×51 и 45 см).

Текст в 6 строк

(1) Это мошла

(2) Исма'ила К.ш.н.

(3) б.л.в.з.д. (вар.: б.л.в.з.х.ли)

Во имя

(4) Аллаха, милостивого, милосердного

(5) О боже. Благослови Мухаммада и

(6) и род Мухаммада.

Имя полностью не читается (кроме первой части Исмаил). Третью строку Л. И. Лавров прочитал *сын Уза, он молился*. В тексте же стоят буквы Б. л. в. з. д. ли (вар.: Б. л. в. з. х. ли), поэтому предложенное чтение нельзя считать точным.

97. Сел. Джули (Табасаранский район). Памятник «приземист» (120×78×16 см), как и все надгробия XIII—XIV вв., его центральное поле занимает почти половину лицевой поверхности плиты, а остальная же часть сплошь покрыта орнаментом—богатая система треугольных углублений дает эффект шестиугольников. Надпись нанесена письмом, характерным для времени не позднее XIV в. Имя погребенного — мусульманское, а его отца—нему-сультманское. Надпись в три строки

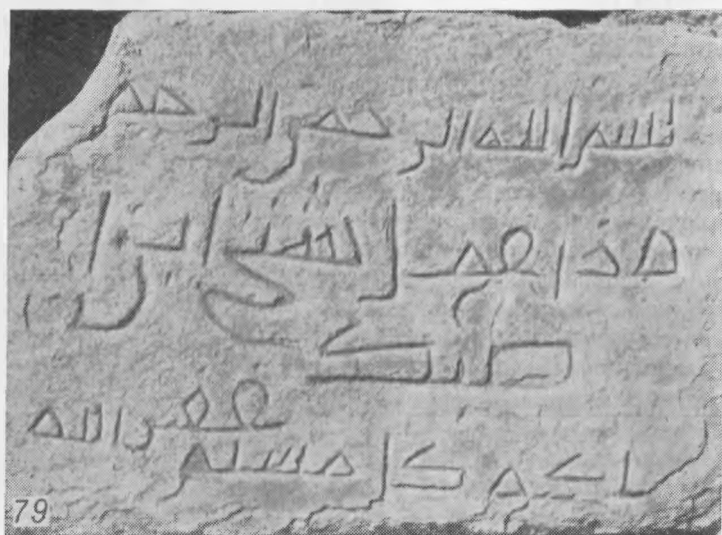
(1) *Это мошила*

(2) *Мухаммада сына* (3) *М.к.н*

98. Сел. Шимихюр (Курахский район). Это одно из старейших селений Южного Дагестана. Над селением и речкой Веґьре-вацІ возвышается гора, на которой сохранились остатки четырехугольной башни. Местность называется КІелед хур (кІеле—башня). Высота башни 12,5 м. Основание прямоугольное (368×471 см), сохранившаяся часть башни имеет в одну сторону 2,87 м, в другую — 3,81 м. Сама башня расположена на квадратной площадке (7,5×7,5 м). Каменные блоки больших размеров. Использован в основном скальный камень («чахра къван»), а также речной камень («вацІун къван»). Башня имеет 4 этажа, сохранилось 6 смотровых щелей, обращенных в сторону реки Веґьрен-вацІ. Башня расположена у слияния рек Веґьре-вацІ и Кусна-ВацІ при ущелье ЧирчІиркІам. С башни просматриваются ущелья вплоть до селений Хпедж, Хпюк, Урсун.

Существует легенда, что от башни до реки Веґьре-вацІ шел подземный ход до родника Регъвер-булах. Рассказывают также, что в стене крепости была раньше персидская надпись.

Надпись (рис. 79) находится в мечети, текст (52××32 см) состоит из 4 строк

(1) (Басмала)

(2) Это построил Ш.н.х (шейх?) сын И-

(3) сабека

(4) да простит Аллах их и каждого
мусульманина.

Датируется XII—XIII вв.

99. Сел. Шимихюр (Курахский район). Со слов старожилов селение Шимихюр образовалось из мелких селений: Гъанар-хуър (гъанар—«пимб») к востоку от селения, близ пира; Алян-хуър, к востоку от селения, здесь сохранились могилы; Мегъадра-хуър — к западу от селения, сохранились здесь остатки зданий, водопровода, есть кладбище, но надписей нет.

Из селения Гъанар в Шимихюр доставлен камень (рис. 80)

(1) (Басмала) (2) Он Аллах

(3) Великий...

(4) Един, Аллах вечен, (5) ...

100. Сел. Ашага-Сталь (Сулейман-Стальский район). Здесь сохранилось старинное кладбище со значительным числом полукуфических надписей. Данная надпись, одна из интереснейших как по письму, так и по именам, здесь встречающимся

(1) Во имя [Аллаха],

(2) милостивого, (3) милосердного.

(4) Эта (5) могила (6) Зүлї, (7) сына

(8) Б.р.кї (Берке?)

(9) 'в н.т.л

Для палеографии характерно два момента: своеобразное начертание и соединение *ха* в конце слова *Аллах* и начертание *ра*, везде схожее с *ваз*. Имена немусульман-

ские. *Б. р. к̄й* — это, возможно, монгольское имя *Берке* или *Беркай*. Сочетание круглого и угловатого письма позволяет датировать надгробие XIII в.

В Ашага-Стале нами выявлено еще 5 подобного рода памятников. Встречаются имена *А. д. к. ш*; *З. р. м*, сын *Али*; *Мухаммад*.

Форма всех ранних ашага-стальских надмогильных плит при их различиях имеет общие моменты: прямоугольная плита (без трапецевидности); антропоморфное центральное поле; верхняя часть лицевой стороны с двумя или тремя углубленными дисками или многодольчатыми розетками; свободная от орнамента основная часть боковых вертикалей.

Только несколько надмогильных памятников состоит из горизонтальной плиты (длина одной из них 236 см) и вертикальной при ней.

В соседнем селении, Орта-Стале, в центре селения сохранился могильник с несколькими плитами, в надписях которых встречаются немусульманские имена — *М. з.-джух*, *Д. в. м. ра*, сын *Асвара*.

Следующая группа надписей, обнаруженных нами в основном на старых разрушенных поселениях (Хили—Пенджик, Бурханкент), привлекается нами главным образом с точки зрения их значения в изучении важного вопроса средневековой истории Дагестана—процесса образования крупных населенных пунктов. Надписи позволяют проследить хронологические рамки и характер складывания больших сельских поселений, формирующихся по территориальному признаку.

101. Сел. Бурханкент (Табасаранский район). Близ сел. Бурханкент, к востоку от него, в местности Ерсигуль («Старое селение») расположен старый могильник. На плитах сохранились арабские надписи. Они просты, кратки, трафаретны. Надпись на плите (92×56×11 см) помещена в поле, глубоко врезанном в виде антропоморфной фигуры. Нет ни вступительного текста, ни благопожелательной формулы. Ни одна из сторон плиты не имеет орнаментальных мотивов. Надпись в две строки

(1) Это могила (2) Д.м.р.р

Дано только имя, без куньи, имя немусульманское. Буквы закруглены, почерк близок к пасху.

102. Сел. Бурханкент (Табасаранский район). Плита небольших размеров ($82 \times 58 \times 16$ см), центральное поле оформлено в виде вытянутого прямоугольника с острокопечным верхом (рис. 81). Текст также прост и состоит из двух строк с упоминанием только имени

(1) *Это могила* (2) *Х.дж.р*

103. Сел. Бурханкент (Табасаранский район). Внешние данные памятника таковы, как и в предыдущих трех памятниках из Бурханкента. Надпись также в две строки, но с диакритическими знаками (рис. 82).

(1) *Это могила* (2) *'Абдала.*

Все три памятника эпиграфики, рассмотренные выше, принадлежат к одному типу: надмогильная стела массивна, хотя и невысока, углубленное центральное поле является обязательным компонентом композиции. Почерк тяготеет к насху, написание буквы *зал* свойственно только для данной группы (точка помещена не над буквой, а внутри нее). Все надписи двухстрочные с упоминанием только имени. Декоративный момент отсутствует, западная сторона стел не содержит никаких данных и грубо обработана. Как правило, текст занимает только верхнюю часть поля, центральная и нижняя части свободны.

104. Сел. Бурханкент (Табасаранский район). Здесь встречаются также памятники иного типа: высокая каменная стела сплошь покрыта геометрическим орнаментом при сохранении вытянутого в длину центрального поля, также занятого, как и в предыдущих бурханкентских памятниках, только в своей верхней части. Центральное поле антропоморфно, а резьба вокруг него — треугольно-выемчатая, как и в памятниках Архита, датированных серединой XIV в. Письмо с преобладающими элементами куфи. Таким образом, отличаясь от архитских и перечисленных выше бурханкентских памятников своими размерами и особым расположением текста в верхней части поля, данный тип надмогильных плит содержит в себе в то же время элементы и тех и других (антропоморфное центральное поле, трактованное ниже плоскости камня, геометрический орнамент, выполненный в треугольно-

выемчатой резьбе, с той только разницей, что лицевая часть плиты полностью покрыта этим орнаментом). По части письма этот памятник близок к архитским. Наличие басмалы также роднит его с эпитафиями Архита. Текст содержит 4 строки, но последняя строка не поддается чтению

-
- (1) *Во имя Аллаха, милостивого,*
(2) *милосердного. Это могила*
(3) *Касар, дочери* (4) ...
-

Надпись датируется XIV в.

105. Сел. Бурханкент (Табасаранский район). Плита расположена близ названного поселения Ерси-гъул, в местности Пирар («Святылища»), Плита (140×54×11 см) чуть трапециевидная (верх 60 см, низ 54 см). Плоскостной узор — это сочетание квадратных фигур из треугольных углублений. Влево от центрального круга размещен круг с расходящимися лучами. В верхней части плиты также размещена розетка в форме правильного круга. Плиты с надписями 104 и 105 — прообразы преобладающего количества надмогильных памятников Табасарана в XVII—XIX вв. П. М. Дебиров, касаясь оформления центральной части композиционной схемы украшения и орнамента всей лицевой поверхности, отмечал, что южнотабасаранские мастера вводят именно в XVII—XVIII вв. очень много новых мотивов. «Главный компонент геометрического узора — квадрат, дважды пересеченный крестообразно прямыми линиями или составленный из четырех листовидных фигур, — теперь соединен с рядом таких же фигур, образуя линейный узор, развивающийся и по вертикали и по горизонтали, фигуры эти, уменьшаясь в размерах, создают обобщенный плоскостной узор. . . Органически сливается с общим рисунком даже розетка. . . Верхняя половина лицевой поверхности, как и раньше, украшается розетками, имеющими форму правильного круга, из центра которого расходятся прямые или кривые лучи. . . Вся остальная поверхность (кроме центрального поля и розеток) покрывается геометрическим узором, составленным из квадратов, треугольников и сложных «елочек»¹⁸⁴.

Наши памятники 104 и 105 показывают, что усложнение узора на базе сети квадратов, составленных из тре-

угольников, с охватом всей лицевой поверхности, кроме центрального поля, с системой розеток, расположенных не только над центральным полем, но и по сторонам его, — хронологически связано с более ранним временем, чем XVII—XVIII вв., а именно с XIV—XV вв. Следующая надпись также служит подтверждением этой мысли.

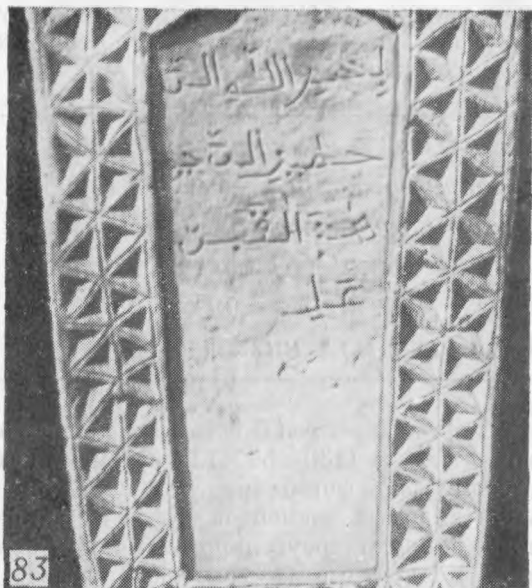
106. Сел. Бурханкент (Табасаранский район), местность Пирар. Плита заметно трапецевидной формы, полностью покрыта орнаментальным узором — треугольные углубления, создающие систему шестиугольников вокруг центрального поля (рис. 83). Поле имеет форму стрельчатого арочного проема. В верхней половине плоскости плиты помещена розетка, полностью перекрытая теми же треугольными углублениями. Надпись занимает верхнюю половину поля, по характеру письма повторяет архитские надписи середины XIV в. — к этому времени мы относим и этот памятник. Содержание надписи обычно для эпитафий из Бурханкента (упоминание только имени) с басмалой, занимающей две первые строки

-
- (1) *Во имя Аллаха, ми-*
(2) *лостивого, милосердного*
(3) *Это могила* (4) *Али*
-

Почерк надписи аккуратный, сохранены диакритические знаки, отмечены даже долготы и тепдиды.

Подобная трактовка восточной стороны памятников уже в XIV в. характерна не только для Нижнего Табасарана. В Верхнем Табасаране, в частности в Джули, мы также находим памятники XIV в., выполненные в манере треугольно-выемчатой резьбы.

107. Сел. Бурханкент (Табасаранский район), местность Пирар. Плита (рис. 84) сравнительно больших размеров (170×62×12 см), имеет трапецевидную форму (верх 62, низ 56 см). Плита по бордюру ограничена П-образной орнаментальной полосой. Основной (вернее, единственный) компонент узора — большие круги, поставленные рядом, чуть покрывая друг друга. Центральное поле вытянуто в длину, антропоморфно. Оформление лицевой поверхности сочетанием кругов — новое явление в орнаментальных мотивах Табасарана, и данный памятник является первым во времени. Текст надписи составлен

угловатым полукуфи (XIV в.), не в пример другим бурханкентским памятникам занимает все поле. Из 9 строк надписи только одна не читается.

- (1) Во имя Аллаха, ми-
(2) лостивого, мило-
(3) сердного. Это (4) могила Ибра
(5) хима сына (6) Султана.
(7) (8) — милость
(9) Аллаха над ним.
-

108. Сел. Бурханкент (Табасаранский район), местность Пирар. Плита ($130 \times 59 \times 12$ см) имеет центральное поле антропоморфной формы (рис. 85) на глубину 1,5 см. Надпись без видимых элементов куфи. Вся лицевая сторона сплошь покрыта треугольно-выемчатым орнаментом, образующим квадратные фигуры. Сохранилось 4 строки

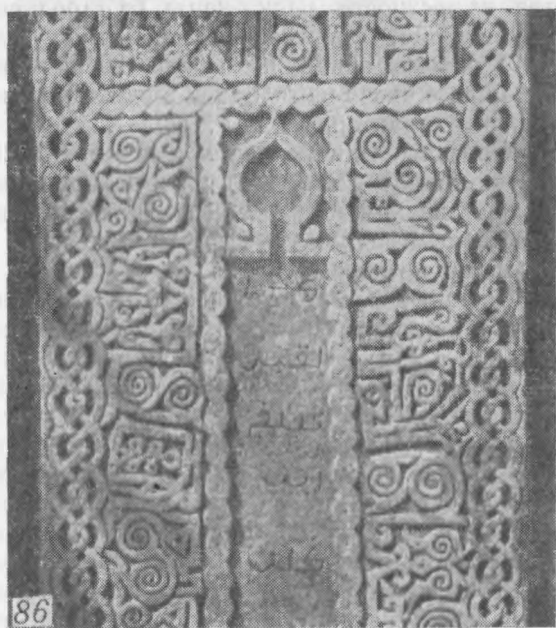
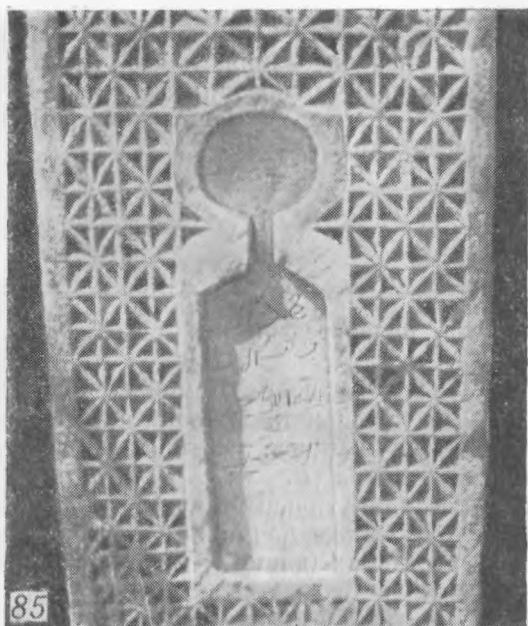
- (1) Это могила (2) Зайда. Царство
(3) принадлежит Аллаху единому,
(4) побеждающему.
-

109. Сел. Бурханкент (Табасаранский район), местность Пирар. Четырехугольная надмогильная плита ($130 \times 78 \times 10$ см) имеет лицевую часть, весьма оригинально трактованную (рис. 86). Центральное поле, занимающее нижнюю половину плиты, завершается островерхим «кругом», обрамлено полосой в плетенку; жгутобразная композиция идет по периметру. Значительное место занимает П-образная лента под цветущее куфи.

Текст центрального поля из 5 строк

- (1) Это (2) могила (3) Т.б.л.л.
(4) сына (5) Ф.л.н. (вар.: Ф.л.з).
-

Надпись можно отнести к XIV—XV вв.

110. Сел. Бурханкент (Табасаранский район), местность Пирар. Трапецевидная плита имеет размеры: 141×66 и 53×13 см, вычурная эпиграфическая П-образная полоса включает в себя поле антропоморфной формы. Из пяти строк сохранились 4

(1) Это (2) могила (3) Б.з.дж
(4) дочери.

Эта надпись палеографически имеет много общего с 109.

Близ родника, в местности «Камни охраны» также расположен старый могильник. Мы описали 7 надписей и сделали обмеры памятников. В надписях встречаются и немусульманские имена (Р. дж; С. р. х, дочь Ш. р; ал-Б. с. к.). Наряду с прямоугольными надмогильными плитами здесь сохранилось также полуцилиндрическое надгробие наподобие дербентских (длина — 220 см, ширина — 51, высота — 45 см).

111. Хили-Пенджик (Табасаранский район). К востоку от селения в местности «Иски-кент» («Старое селение») имеется кладбище, занимающее большую площадь. Здесь в 1971 г. нами обнаружено более 20 надмогильных плит. Наибольшее число памятников имеет текст, написанный полукуфи, характерный для XIII—XIV вв. Эти надписи не датированы. Однако надписи XV в. (их 2) имеют даты — 786 г. хиджры, т. е. 1471 г., и датированные тексты составлены насхом, без элементов куфи. Стало быть, тексты, составленные полукуфи, мы уверенно можем датировать самое позднее XIV в.

По своей внешней форме наиболее ранние плиты имеют много общего с архитскими и бурханкентскими плитами: небольшая высота при сравнительно значительной толщине, центральное поле, заглубленное в плоскость камня на 2—3 см, антропоморфность поля, занимающего почти половину поверхности каменной плиты. Как и в хивской надписи XIV в., надписью снабжена также «головка» центральной фигуры. Композиционно наши надписи сходны с архитской XI—XII вв. (надпись 46) — коранический текст находится за пределами центрального поля.

Одна из этих плит ($75 \times 60 \times 20$ см) из серого песчаника (рис. 87) производит впечатление монолитности, несмотря

на сравнительно небольшие размеры. Центральное поле содержит текст с именем погребенного (*это могила Раджаба*), а на основной поверхности врезной текст — *басмала* и *формула единобожия*.

112. Сел. Хили-Пенджик (Табасаранский район). Высокая плита (210×90 (80) $\times 20$ см) чуть трапецевидной формы (рис. 88). Антропоморфное центральное поле обведено П-образно двумя рядами орнаментальных лент (мотивы бегущей волны и жгутообразная полоса). Центральное поле имеет надпись переходного характера (XIV—XV вв.).

(1) *Это могила* (2) *Ф.л.за, сына*
(3) *А.с.м...* (4) *Во имя Аллаха*
(5) *милостивого, (6) милосердного.*

113. Сел. Хили-Пенджик (Табасаранский район). Надгробная плита чуть суживается книзу (119×75 (60) $\times 15$ см). Глубина антропоморфного центрального поля 4 см. По верхнему краю идет орнаментальная полоса. В верхней же части — 4 астральных знака. Надпись центрального поля не сохранилась. Глубоко врезанный в камень текст — *басмала* и выдержки из Корана (*сура 112* и др.) (рис. 89).

114. Сел. Хили-Пенджик (Табасаранский район). Надгробная плита (170×80 (75) $\times 12$ см) снабжена в верхней части орнаментальной полосой — ряд соприкасающихся кругов. Центральное поле занимает значительную площадь. По краям — геометрический орнамент, имитирующий арабские буквы (рис. 90).

Сохранился только текст в верхней части антропоморфного центрального поля (*басмала*).

Выше уже указывалось, что надписи из Архита, Хива, Хили-Пенджика, Тпига (Зулер), Бурханкента и других поселений помогают в какой-то степени воссоздать процесс складывания крупных населенных пунктов. Не касаясь характера этих поселений, мы хотим обратить внимание на хронологические рубежи этого важнейшего процесса. Эпиграфический материал показывает, что если в X—

XIV вв. происходит складывание крупных населенных пунктов, то наиболее интенсивно это имело место в XIII—XIV вв. Но это не значит, что процесс селообразования в это время был завершен. Забрасывание селений и переход на другое место были завершены позже, хотя это и не принимало размеров, наблюдаемых в XIII—XIV вв.

Данные названного выше поселения близ Хили-Пенджика весьма интересны в этом отношении. Здесь надписи XIII—XIV вв. встречаются в большом количестве, а XVI—XVII вв. — лишь единичны. Вероятнее всего, в XV в. основная часть жителей сельской общины уже перешла на новое место (в селение Хили-Пенджик), а часть или же отдельный тухум долгое время оставались на старом месте. Таким образом, складывание крупного населенного пункта нельзя рассматривать как единовременный процесс, когда 5 или 7 маленьких аулов согласно объединяются. Полевой материал, в частности эпиграфический, показывает, что этот процесс прошел несколько вариантов. Наиболее обычный вариант — несколько маленьких поселений переходит в другой населенный пункт, занимавший по отношению к ним центральное положение, причем сам переход растягивался во времени иногда на 2—3 столетия. Так, например, селение Тпиг образовалось из 5 селений, остатки которых сохранились до сих пор — это поселение Джафуг (здесь наиболее поздние надписи относятся к XV в.), Зулер (см. надписи, относящиеся к XIV в.), Фурдук (по определению Ш. М. Ахмедова, погребальный обряд могильников характерен для X—XI вв.) и др. В самом же Тпиге наиболее ранние надписи относятся к XII—XIII вв., а археологический материал, как сообщает Л. И. Лавров, уводит нас к VIII в.¹⁸⁵

Однако наиболее полная картина о процессе образования крупных поселений на базе мелких возможна при полном учете как археологического, так и эпиграфического материала, собранного во всех районах Дагестана.

Мы уже дали ряд новых недатированных надписей, относящихся в основном к X—XIV вв. Все они написаны куфи или «под куфи». Выше также указывалось, что описание ряда надписей, датированных XIV в., мы дадим после характеристики недатированных. Таких надписей, имеющих дату — несколько, они из юго-западных районов Дагестана, именно из Цахура и Хнова.

91a

91b

115. Цахур (Рутульский район). Эта надпись также из селения Цахур, расположена в верхней части селения у местного святилища. Весьма интересно то, что надпись нанесена на камень, имеющий форму креста (рис. 91, а, б). Близость Грузии и заметное распространение в этом районе христианства делают вполне понятным такого рода «дань» христианству. До сих пор нам были известны из аварских районов кресты X—XIII вв. с грузинскими или аварскими буквами. Цахурская арабская надпись на кресте — единственная пока в Дагестане. Крестообразный камень из Цахура имеет высоту 1,1 м при ширине 63 см (верхняя часть) и 47 см (нижняя часть). Текст содержит 12 строк, из которых 8 посвятительных, а четверостишие — одно из ранних в памятниках эпиграфики

-
- (١) بِسْمِ اللّٰهِ الرَّحْمٰنِ الرَّحِیْمِ لَا اِلهَ اِلَّا اللّٰهُ مُحَمَّدٌ رَّسُوْلُ اللّٰهِ
 (٢) هٰذَا الْقَبْرُ شَهِیْدِ الْمَرْحُوْمِ چَكُوْن ابْنِ قَدْرِیْمِکِ
 (٣) نُوْرُ اللّٰهِ قَبْرُهُ وَجَعَلَ الْفَرْدُوسَ مَاوَاهُ
 (٤) الْمَوْتِ کَاسٍ وَنَاسٍ شَارِبِهَا وَالْقَبْرِ بَابُ
 (٥) وَکُلِّ نَاسٍ دَاخِلُهَا لَوْ خَلَدَ اللّٰهُ فِی الدُّنْيَا اَحَدًا لَّخَلَدَ اِلَّا
 (٦) نَبِیًّا وَالرَّسُلَا وَقَدْ شَهِدَ فِی یَوْمِ الْخَامِسِ وَالْعِشْرِیْنِ
 (٧) مِنْ شَهْرِ رَمَضَانَ یَوْمِ الْاَحَدِ سَنَةِ ثَمَانٍ وَسَبْعِیْنِ وَسَبْعِمِائَةٍ
 (٨) فِی قَرْیَةِ زَیْلِ

- (1) *Именем Аллаха, милостивого, милосердного. Нет бога, кроме Аллаха, Мухаммад посланник Аллаха.*
 - (2) *Это могила мученика в борьбе за веру (шахид), покойного Чакуна сына Кадир-бека, —*
 - (3) *да осветит Аллах его могилу и сделает раем его пребывание.*
 - (4) *Смерть — чаша, и каждый человек отведаст ее. Могила-ворота,*
 - (5) *всякий войдет в них. Если Аллах сделал кого-либо вечным в этой мере, то про-*
 - (6) *роков и посланников. Он пал мучеником (шахида) в двадцать пятый день*
 - (7) *месяца рамадан, в воскресенье, семьсот семьдесят восьмого года*
 - (8) *в селении Зиль.*
-

Фотография части каменной плиты с надписью, арабский текст и перевод этой надписи были изданы мною¹⁸⁶. Л. И. Лавров, перепечатавший этот текст, предложил на основе полученной от меня фотографии иное чтение и перевод 8-й строки: . . . в (?) год мыши (вместо в селении Зил). Далее Л. И. Лавров заключает: «Надпись интересна и как редкий на Кавказе памятник, содержащий, кроме даты по хиджре, и указание на год тюркско-монгольского летоисчисления с помощью двенадцатилетнего животного цикла»¹⁸⁷. Публикуемая нами фотография хорошо иллю-

لا اله الا الله محمد رسول الله

مذکور کدی از دیوان هو راجل
نثار جیل زین الفرسا روم العنا
کیر رحمة الله علیه وقع الوفات فی
شهر رجب سن ۱۰۰۰ و ۱۰۰۱

اولیاد او می ۴۴ کوی همکارانند
نمی و ریند چون سر دانی که داند
میکشود و می کشد می کشد می کشد
۹۱۵

مذکور کدی از دیوان هو راجل
نثار جیل زین الفرسا روم العنا
کیر رحمة الله علیه وقع الوفات فی
شهر رجب سن ۱۰۰۰ و ۱۰۰۱

میکشود و می کشد می کشد می کشد
میکشود و می کشد می کشد می کشد
۹۱۶

میکشود و می کشد می کشد می کشد

میکشود و می کشد می کشد می کشد

стрирует необоснованность нового чтения 8-й строки, стало быть, и мнение об летоисчислении с помощью двадцатилетнего животного цикла. Ценно также упоминание титула бека (КаDIR-бек). Как известно, до сих пор письменные источники называют имя цахурского правителя только с середины XVI в. — это Ади-Куркулубек, названный в грамоте на имя цахурских правителей под 1562 г.¹⁸⁸ Теперь уже представляется возможным документально подтвердить наличие сословия беков в Цахуре в середине XIV в.

116. Хнов (Ахтынский район). О хновских надписях XII в. мы уже выше писали. Однако строительная деятельность в Хнове, жизнь категории всадников и другие социальные моменты хорошо прослеживаются в надписях XIV или середины XV в., сохранившихся в преобладающем своем большинстве на хновском кладбище к западу от селения. Все хновские надписи XIV в. написаны насхом, и элементы куфи в них почти не улавливаются.

Следующие надписи писаны нами с надгробных плит на кладбище, расположенном на западной окраине селения. Три надгробия датированы: 1383, 1405 и 1450 (или 1452), два надгробия не сохранили дат, которые должны были быть указаны в уничтоженных временах нижних строках текста. Учитывая, что 5 надписей расположены рядом, а также полное сходство почерков, недатированные надписи также можно отнести ко второй половине XIV — середине XV в.¹⁸⁹ Не меньшую роль играет при этой датировке тематическое и стилистическое родство эпитафий.

Самая ранняя датированная надпись нанесена на четырехугольную плиту со скошенным верхом (рис. 91, а, б, — верхняя и нижняя части). Высота стеллы 145 см, при толщине в 15 см. В верхней части плита чуть шире основания (80×75 см). В верхней части плиты — изображение подковы. За 6 строками арабского текста — четверостишие на персидском языке — самый ранний памятник персидского языка на камне, зафиксированный в Дагестане. Персидский текст нанесен тем же почерком (насхом), что и арабский. Арабский текст гласит

(١) الملك لله الواحد القهار
 (٢) لا اله الا الله محمد رسول الله حقا
 (٣) هذا قبر كدى ابن ديوان هو رجل
 (٤) شاب جميل زين الفرسان نجم العسا
 (٥) كير رحمه الله عليهما وقع وفاته في
 (٦) شهر رجب سنة اربع وثمانين وسبعمائة

- (1) Царство принадлежит Аллаху, единому, всепобеждающему.
- (2) Нет бога, кроме Аллаха, Мухаммад — посланник Аллаха. Истина.
- (3) Это могила К.дй (К. дай), сын Дивана, (а) он человек
- (4) молодой (юноша), красивый, украшения всадников (зайн-ал-фурсан), звезда войск (надж ал-асакир).
- (5) — милость Аллаха над ним. Скончался он в
- (6) месяце раджаб семьсот восемьдесят четвертого года.

Раджаб 784 г. х. начался 10 сентября 1383 г. Далее идет стих назидательного характера на персидском языке (перевод доктора филологических наук М.-Н. О. Османова):

مردمی غافلند از عقی همه گویی بختگان مانند
 ضرر غفلتی که می ورزند چون بمیرند انگهی دانند
 در بلیت جزع مکن که جزع بتمامت کند رنجور
 هیچ رنجی تمام تر زان نیست که از ثواب خدای مانی دور
 نیک بخت آنکسی بود که دلش آنجه نیکی از دست بیزیرد
 دیگران را جویند داده شود او از آن بند بهره بی گیرد

(1) [Какая-то часть] людей не ведает о загробной жизни. Все, кажется, похоже на спящих. Вред неведения, которому они подвергались, — когда умрут — они узнают.

(2) В беде не унижайся, ибо унижение заставит целиком твое сердце страдать. Нет страдания более законченного, чем оно, поскольку ты лишаешься божественного воздаяния.

(3) Блажен тот, чье сердце приемлет то, в чем заключено добро. Во вторых, тот, кому дан совет, он из этого наставления извлечет пользу.

117. Сел. Хнов (Ахтынский район). Надпись на каменной плите (80×32×14 см) в 11 строк полностью сохранилась (рис. 92).

(١) بسم الله الرحمن الرحيم (٢) صاحب هذا القبر (٣)
المرصوم المغفور فقيهه (٤) رحوه بن محمد (٥) رحمه الله
عليهما (٦) كان هو الراجي (٧) غفر الله وغفرانه (٨) ووقع
وفاته في (٩) شهر المحرم سنة (١٠) ثمان وثمانمائة (١١) من
الهجرة

- (1) Во имя Аллаха, милостивого, милосердного
 - (2) Владелец этой могилы
 - (3) покойный, прощенный законовед (фақӣх)
 - (4) Р.хӯҳнӣ сын Мухаммада, —
 - (5) да смилостивится Аллах над ними обоими, —
 - (6) ищущий
 - (7) прощения Аллаха и его снисхождения. (8) Он скончался
 - (9) в месяце мухаррам в году
 - (10) восемьсот восьмом (11) хиджры.
-

Мухаррам 808 г. хиджры начался 29 июня 1405 г.

Приведенный выше текст центрального поля обведен со всех сторон широкой эпиграфической полосой.

В верхней части плиты — вырезано слово *Аллах*, помещенное в треугольник, увенчанный трилистником.

118. Хнов (Ахтынский район). Надпись нанесена на каменную плиту, верхняя часть которой сужена и закруглена (рис. 93, а, б). Поле для посвятительного текста занимает небольшую часть нижней половины плиты. Центральное поле обведено двумя широкими полосами, внутренней — растительной и внешней — геометрической (плетенка из двух одножелобчатых лент). В верхней части плиты арабский текст с буквами, концы которых переходят в растительные мотивы, можно различить слова *Аллах*, *ал-мүлк*.

Завершает всю композицию образованный узкой лентой круг с вписанным в него словом *Аллах*.

Текст центрального поля состоит из 10 строк

- (١) صاحب هذا القبر المرحوم المفقور (٢) امير
ابكور بن تحس مان (تحس مان) بن بغال (٣) بن سيف
الدين بن قرنين رضوان الله (٤) عليهم اجمعين هو
رجل تقى و (٥) تقى وصفى وسخى ومحبوب العلماء (٦)
والغرباء ومرحوم الايتام المساكين (٧) والفقراء وقع
وفاته في يوم الخميس (٨) من شهر الله المبارك شوال
في سنه (٩) ثلث (ست) وخمسين وثمانمائة سنة
(١٠) من هجرة النبي عليه السلام

- (1) Владелец этой моилы покойный,
прощенный
- (2) эмир Абкур, сын Т.х.с.мāна
(Т.хсмāз), сына Б.āла
- (3) сына Сейф ад-Дйна, сына К.рнай-
на, — да будет благосклонен Аллах
- (4) к ним всем. Он [был] мужчиной
чистым,
- (5) праведным, искренним, щедрым,
любимым учеными
- (6) и чужеземцами, милостивый к си-
ротам, бед-
- (7) ным и нуждающимся. Случилась
кончина его в четвери
- (8) благословенного месяца шаввал в
- (9) восьмьсот пятьдесят третьем
(в ар.: шестом)
- (10) хиджры пророка — мир над ним.

Шаввал 853 г. х. начался 17 ноября 1450 г., а шаввал 856 г. начался 15 октября 1452 г.

Текст, как мы видим, в основном читается, но в ряде случаев возможны варианты чтения. Имя эмира встречается впервые и дано при этом без огласовки, и мы еще уверенно не знаем, как его читать. Имя его отца также до сих пор не встречалось, и точное чтение его также невозможно предложить. Здесь допустимы различные варианты расшифровки и чтения: *Т. х. с'мāн*, *Т. х. с.рмāн*, *Т.х.смāз* и т. д.). Имена Бугāl и К.рнайн также встречается в дагестанской эпиграфике впервые.

Дата точно не читается, потому что слово, означающее единицу, плохо сохранилось, и возможны чтения *ситт* или *салас* (шесть или три). В зависимости от избранного чтения дата может быть или 853 г. х. или 856 г.х., т. е. 1450 или 1452 г.

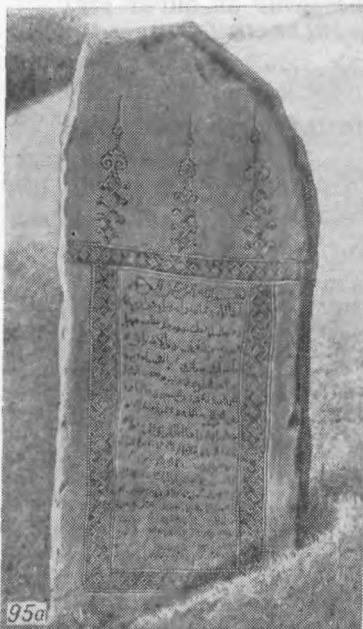
119. Хнов (Ахтынский район). Надгробная плита (80×35×25 см) имела 9 строк, из которых две уже невозможно было разобрать. Как можно понять из текстов, последняя строка была посвящена дате (рис. 94).

(1) بسم الله الرحمن الرحيم (2) صاحب هذا القبر المرحوم
 (3) امير سيف الدين بن عجوج (4) ... (5) شاب جميل
 (6) وليح ذو راي (7) وتديير ... فقة (8) فارس مهين وصورة
 (9) وقع وفاته في شهر محرم ...

- (1) Во имя Аллаха, милостивого, милосердного.
- (2) Владелец этой могилы прощенный
- (3) эмир Сайф ад-Дин, сын 'Аджуджа
- (4) ...
- (5) Юноша красивый, прекрасный, разумный,
- (6) предусмотрительный, ... удачный,
- (7) искусный всадник...
- (8) Он скончался в месяце мухаррам
- (9) ...
-

120. Хнов (Ахтынский район). Это самая большая надпись, она состоит из 19 строк (рис. 95, а, б). Плита небольших размеров ($90 \times 31 \times 25$ см). Лицевая сторона разделена горизонтальной полосой, образованной соединениями ломаных линий, на две половинки. Нижняя, обведенная широкой полосой с трех сторон, составляет поле для посвятительной надписи. Верхняя носит три вертикальные полосы, образованные из сочетания геометрических и растительных мотивов. Текст состоит из 19 строк, но уверенно читается только 8

95a

95b

(١) بسم الله الرحمن الرحيم (٢) البقا الله هذا
 قبر امير ابكر ابن چكوك (٣) رحمه الله عليه هو رجل
 شاب جميل (٤) قوى سخي شغيق زين الاشرف و
 رأس الفريسان ونجم العساكير و (٥) صاحب الراي
 والتدير ومحب الفقر (٦) والسفلة وزين المسجد
 والمحامدة (٧) وراحمي الى رضا الله وغفرانه غفر الله
 له ذنوبه (٨) ما بتل الله احدا بالفراق ان... الفراق
 من المراق... غير الفراق (٩) الموت ساعة ثم تقى فراق

95a

-
- (1) Во имя Аллаха, милостивого, милосердного.
 - (2) Вечность (принадлежит) Аллаху. Это могила эмира Абакара, сына Чакӯка.
 - (3) — да смилостивится Аллах над ним. Он был юноша красивый,
 - (4) сильный, щедрый, сострадательный, краса благородных (зейн ал-ашраф)
 - (5) глава всадников (ра'с ал-фурсан), звезда войск (наджм ал-асākīр)
 - (6) разумный, предусмотрительный, любящий бедных
 - (7) и низких [по положению] (муҳибб ал-фуқарā, ва-с-сафала), украшение мечети и джамаата,
 - (8) добивающийся благосклонности Аллаха и милости его, — да простит Аллах ему грехи его, —
 - (9) Аллах никого не обделяет разлучением (фирак)... Раз-
 - (10) лучение...
 - (11) ...Смерть — час. Затем — богобоязненный. Разлучитель любимого...
-

121. Хнов (Ахтынский район). К категории перечисленных выше надписей можно отнести также недатированную надпись. Надпись (рис. 96) врезана в заостренное в верхней части поле, отделенное от краев полосой с геометрическим орнаментом. В верхней части изображение подковы, как и в надписи 784/1383 г. Надпись в 7 строк

(١) بسم الله الرحمن الرحيم (٢) [١] لبقا هذا القبر حا
 (٣) خلق ابن دماث (جمك) ر (٤) رحمة الله عليهم
 و... (٥) قل هو الله احد الله (٦) صمد لم يلد ولم يولد ولم يكن
 له كفوا احد زيل

(1) *Во имя Аллаха милостивого, милосердного.*

(2) *Вечность. Это могила Хā*

(3) *х.л.к., сына Д.м.кI (Дж.м.кI) — ми-*

4) лосердие Аллаха над ним...

(5—7) (текст суры 112 Корана).

Между строками 3 и 4 нанесено слово, которое разобрать не удалось.

Надпись можно отнести к XIII—началу XIV в.

122. Хнов (Ахтынский район). Это единственная эпитафия почерком полукуфи. Текст нанесен на прямоугольный камень, совершенно лишенный орнаментальных мотивов, лишь тонкая линия отделяет центральное поле для надписи.

Текст имеет 6 строк (рис. 97).

Имена точно не расшифровываются. Чтение *Н.сā.*, *Сулайман* предположительное. В конце второй строки стоит значок или буква, которую не удалось разобрать. Имена *Мамад* (от Мухаммада?), *С.хй Н.сā* встречаются нам впервые. Впервые встречается также выражение *Владычество принадлежит Аллаху* (в тексте *ас-султан-аллах*). Впервые на надгробных сооружениях записано имя писца.

По палеографическим особенностям надпись можно отнести к XIII в.

Почти все разобранные нами выше хновские надписи — это надписи, так сказать, одного ряда. Общность в них поразительная — начиная от материала и почерка, кончая трафаретами фраз и формой изложения текста. Все надписи врезаны в камень, почерк — убористый, круглый, невысокий насх. Начало текста с «басмалы» — обычное явление. Нередки формулы вероисповедания. Имя погребенного обязательно вводится термином «сāхйб».

Чрезвычайный интерес представляют имена и термины надписей, хотя основное число имен уже мусульманские,

-
- (1) Во имя Аллаха милостивого,
 (2) милосердного. Это могила
 (3) Мамада, сына С.х̣й — милость
 (4) Аллаха [над ними]. Царство при-
 надлежит Аллаху, единому,
 (5) всепобеждающему. Владычество
 принадлежит Аллаху
 (6) Написал эти буквы Н.с̣а (?) сын
 Сулаймана (?)
-

но нередко еще встречаются исконно местные имена — Бугал, 'Аджудж, К.дй, Чакук, Р.хух. нй.

Терминология надписей также богата — эмир, всадник, глава всадников, украшение всадников, звезда войск, факих, любящий бедных и низких. Термин эмир зафиксирован три раза как титул (эмир Абкур, сын Тахс.мана; эмир Сейф ад-Дин, сын Аджуджа; эмир Абакар, сын Чакука. Титул этот, хотя и редко, но встречается также в надписях из Рича (1250), Мишлеша (1247 г.), Рукела (1305 г.)¹⁹⁰ и Ахты (надпись 75).

Сопоставление надписей позволяет предположить, что эмир выступает как носитель высшей власти в ауле, причем власти гражданской. Возможно, власть эмира простиралась на ряд соседних аулов, как это имело место в XIII в. в Риче (эмир преславный, великий, поддерживающий, победоносный, борец за правое дело, стоящий на страже, венец мира и веры Адам. б. Абд ал-Малик б. Мухаммад). Очевидно, эмиры также принимали участие в походах в составе «хинавской рати», поставленной впоследствии по своему значению рядом с «горскою ратью, да рутульскою ратью...», да табасаранскою ратью, да исминскою ратью, да карабудацкою ратью, да илперинскою ратью, да казыкумцкою ратью»¹⁹¹. Потому Сейф ад-Дин («Меч религии») назван «искусным всадником».

Всадники составляли влиятельную общественную группу и представляли собой привилегированную категорию хновского общества. Отряд всадников возглавлял эмир, «глава всадников» (ра'с ал-фурсан), достоинства которого подчеркнуты также термином «звезда войска» (наджм ал-асакир). Эмиры также становились всадниками (эмир Сейф ад-Дин... искусный всадник), но не в качестве главы всадников.

Все трое юношей-всадников, о которых сообщают приведенные выше хновские надписи, погибли, очевидно, за пределами аула во время похода. Весьма примечательны элементы панегирика (юноша красивый, прекрасный, разумный; юноша красивый, сильный, щедрый) по адресу молодых всадников, что и в какой-то степени перекликается с текстом надписи из шамхальского кладбища в Кумухе (юноша прекрасный, благородный, самый щедрый, славнейший, получивший прощение, счастливый, мученик, убитый в сражении с неверными Черкес-Мухаммад сын Амал Мухаммада, 1552—1553 гг.)¹⁹². Из всех надгробий шамхальского стиля в Кумухе только плита на могиле

юноши, погибшего на чужбине при совершении похода, несет в себе текст с подобного рода восхвалением достоинств погребенного.

В надписях нашли отражение представления хповского общества о различных категориях людей, в частности в них зафиксирован идеал человека, воина и правителя; воин — это юноша *красивый, сильный, удачный, искусный всадник, украшение всадников, звезда войск*; правитель — это человек *щедрый, внимательный к ученым, разумный, предусмотрительный, любящий бедных и низких, украшение мечети и джамаата*. Иногда один человек объединяет в себе все эти качества, это в том случае, если он выступает в роли и воина и руководителя.

Термин *факих* также пока единственный в дагестанской эпиграфике. Это законовед, а возможно и преподаватель местной мусульманской школы. Последнее предположение может быть подтверждено также известным сообщением автора XIII в. Закарийа ал-Казвини о Цахуре, где преподаватели мечети также назывались факихами: «при медресе имеется учитель (мударрис) и факихи. И полагается каждому факиху медресе [в качестве платы] ежемесячно один баран и определенное количество сульта. Рассказывают, что они перевели „Мухтасар“ ал-Музани на лакзанский язык, как и „Книгу имама аш-Шафии“ и занимаются ими обеими»¹⁹³.

- ¹ Лавров Л. И., 1958, с. 325, рис. 1; *Он же*, 1966, с. 57, 265 (табл. I, рис. 2).
² *Decku Moris von*, 1906, S. 274.
³ Лавров Л. И., 1957, с. 375—374; *Он же*, 1966, с. 58, 265 (рис. 5).
⁴ Лавров Л. И., 1966, с. 58, 59, 265 (табл. I, 6).
⁵ Там же, с. 28.
⁶ Лавров Л. И., 1966, с. 28, 38.
⁷ Там же, с. 58, 59.
⁸ *Khanikoff N.*, 1862, p. 109, 110, fig. 3.
⁹ Лавров Л. И., 1966, с. 59, 265 (табл. I, 7).
¹⁰ Н. В. Ханыков читал: *Лутфуллаха, сына Бу Хасана*.
¹¹ В чтении Н. В. Ханыкова: *Н. м. н., сын Н. мана (Буад)*.
¹² Лавров Л. И., 1966, с. 61, 62, 174—176, 266 (табл. II, 10).
¹³ Лавров Л. И., 1966, с. 61.
¹⁴ Лавров Л. И., 1966, с. 62, 267 (табл. III, 11).
¹⁵ Лавров Л. И., 1966, с. 62.
¹⁶ Лавров Л. И., 1960, с. 32, 33, рис. 5; *Он же*, 1966, с. 63—64, 267 (табл. III, 16).
¹⁷ Там же, с. 63—64. Палеографически рутульская надпись имеет много общего с надписью на миске XII—XIII вв. из собрания Гос. Исторического музея, см.: *Федоров-Давыдов Г. Ф.*, 1960, с. 89, 90.
¹⁸ *Крачковская В. А.* Эволюция куфического шрифта в Средней Азии, с. 96.
¹⁹ Лавров Л. И., 1963, с. 272, рис. 6; 1966, с. 64, 267, рис. 17.
²⁰ *Khanikoff N.*, 1862, № 8.
²¹ Лавров Л. И., 1966, с. 65, 267, рис. 19.

- 22 Там же.
- 23 Там же, с. 63, 64.
- 24 Khanikoff, 1862, № 10.
- 25 Лавров Л. И., 1966, с. 66.
- 26 Там же.
- 27 Пахомов Е. А., 1929а, с. 2
- 28 Лавров Л. И., 1966, с. 64, 267, рис. 21. В прорисии имеются неточности.
- 29 Лавров Л. И. считает (1966, с. 64), что цифра пять не обозначена на кампе, она действительно имеется, как отмечал Е. А. Пахомов (1929а, с. 25).
- 30 Лавров Л. И., 1966, с. 64.
- 31 Там же.
- 32 Пахомов Е. А., 1929а, с. 25.
- 33 Пахомов Е. А., 1929а, с. 21.
- 34 Шихсаидов А. Р., 1974, с. 114 (рис. 10), 135; 1976, с. 39.
- 35 Там же.
- 36 Крачковская В. А., 1946, с. 38.
- 37 Лавров Л. И., 1966, с. 80; 275, табл. XI, 70.
- 38 Шихсаидов А. Р., 1950, с. 140, 141; Он же, 1976, с. 136, 137.
- 39 Лавров Л. И., 1966, с. 78, 273, рис. 67.
- 40 Там же, с. 81, 82, 276, рис. 74.
- 41 Там же, с. 79, 275, рис. 69.
- 42 Лавров Л. И., 1966, с. 81, 276, рис. 72.
- 43 Шихсаидов А. Р., 1974, с. 7.
- 44 Лавров Л. И., 1966, с. 81.
- 45 Каяев Али. Материалы по истории лаков. — Рук. фонд ИИЯЛ д. 642, л. 271.
- 46 Лавров Л. И., 1966, с. 83, 276, рис. 75.
- 47 Атаев Д. М., Шихсаидов А. Р., 1964, с. 20.
- 48 Шихсаидов А. Р., 1964, с. 112, 113, рис. 9; Лавров Л. И., 1966, с. 85, 277, рис. 81.
- 49 Эти слова Л. И. Лавров прочитал как *амара бихи* (приказал ему). В действительности же следует читать *имраатуху* (его жена).
- 50 Лавров Л. И., 1966, с. 86.
- 51 Лавров Л. И., 1966, с. 86, 277, рис. 82.
- 52 Лавров Л. И., 1966, с. 140.
- 53 Лавров Л. И., 1966, с. 84. Мы внесли в текст перевода незначительные изменения.
- 54 Шихсаидов А. Р., 1973, с. 104, рис. 1.
- 55 Шихсаидов А. Р., 1973, с. 105.
- 56 Фотография восточной стороны надписи и перевод текста изданы: Шихсаидов А. Р., 1969, с. 94.
- 57 Слова, взятые в скобки, восстановлены по надписи в кругу.
- 58 Фотография, прорисовка и текст русского перевода изданы нами. См.: Шихсаидов А. Р., 1969, с. 93, 94, рис. 94; Он же, 1974а, с. 147—150, рис. 20, 21. Дата надписи мной была прочитана неверно, как 753 г., хотя в прорисовке ясно видно 758 г.
- 59 Шихсаидов А. Р., 1974а, с. 150—151, рис. 23, 24.
- 60 Шихсаидов А. Р., 1974а, с. 151—153, рис. 26, 27.
- 61 Шихсаидов А. Р., 1974а, с. 154—156, рис. 29.
- 62 Искусство Кубачи, 1976, с. 173, рис. 126.
- 63 Искусство Кубачи, с. 172.
- 64 Лавров Л. И., 1980, с. 46, табл. VII, № 740. Фотография памятника издана П. М. Дебировым (Дебиров П. М., 1966а, с. 166, рис. 134), но памятник ошибочно отнесен к XVII в.
- 65 Дорн Б. А., 1864, с. 308; 1895 табл. XVII, рис. 1.
- 68 Дорн Б. А., 1864, с. 308.
- 67 Лавров Л. И., 1966, с. 368.
- 68 Иванов А. А., 1976, с. 170, 175.
- 69 Лавров Л. И., 1966, с. 116.
- 70 Айтберов Т., Иванов А. А., Казанбиев А. Д., 1978, с. 45, 46.
- 71 Там же, с. 45.
- 72 Шихсаидов А. Р., 1959, с. 181, 182.
- 73 Шихсаидов А. Р., 1959, с. 176, 177; Дебиров П. М., 1966, с. 14, 15.

- ⁷⁴ Описание штукатурных рельефов мечети — см.: Дебиров П. М., 1966, с. 15, 16.
- ⁷⁵ Дебиров П. М., 1966, с. 40—44, рис. 5, 6, 7, 8, 9; Он же, 1966а, с. 15, рис. 41 (прорисовки взяты нами из книги П. М. Дебирова)
- ⁷⁶ Эта надпись, нанесенная на сторонах базы, была воспринята как 3 самостоятельных текста, и поэтому порядок расположения прорисовок в книге П. М. Дебирова неточен. Рисунки следовало бы расположить в следующем порядке — 7, 8, 6.
- ⁷⁷ Дебиров П. М., 1966, с. 14—17.
- ⁷⁸ Там же, с. 17. В более ранних работах П. М. Дебиров дает такую датировку: IX—X вв. (Дебиров П. М., 1964, с. 210), VIII—IX вв. (Дебиров П. М., 1966а, с. 116). Л. И. Лавров относит надписи к XI—XII вв. (Лавров Л. И., 1980, с. 29).
- ⁷⁹ Крачковская В. А., 1949б, с. 17.
- ⁸⁰ Дебиров П. М., 1966, с. 17.
- ⁸¹ Денике Б. П., 1948, с. 30—70.
- ⁸² Денике Б. П., 1948, с. 40.
- ⁸³ Денике Б. П., 1948, с. 46; Он же, 1939, табл. XXII—XXIII.
- ⁸⁴ Ремпель Л. И., 1961, с. 72, 75; Шишкин В. А., 1963, с. 201, 202, 223, рис. 111, 112, 115; Воронина В. Л., 1951, с. 57; Столярова Н. П., 1974, с. 242—244; рис. 4, 6, 7. Ср. также более поздние памятники: стволы деревянных колонн из Оббурдона (IX—X вв.), стволы деревянных колонок Искодарского михраба X—XI вв., капители резных колонн из Соборной мечети в Хиве X в. (Воронина В. Л., 1973, с. 46—48, рис. 33—37).
- ⁸⁵ Шишкин В. А., 1963, с. 77, 170, 177, 179, 182, 183, рис. 32, 93, 96, 103, 104.
- ⁸⁶ Денике Б. П., 1948, с. 38; Шишкин В. А., 1963, с. 208—210, 221—223; Sarre Fr., 1925, S. 105; Dimand M. S., 1944, p. 15, fig. 7.
- ⁸⁷ Herzfeld E., 1923, S. 110—112, LXII; Herzfeld, 1927, tabl. LXI, LXIII, LXVI, LXIII, LXVI, LXVII—LXXX.
- ⁸⁸ Денике Б. П., 1948, с. 29.
- ⁸⁹ Денике Б. П., 1948, с. 30, 34; Шишкин В. А., 1963, с. 208, 209.
- ⁹⁰ Архаров И., Ремпель Л., 1971; Денике Б. П., 1948, с. 30; Салль Жорж, 1939; Пугаченкова Г. А., 1970; Шишкин В. А., 1963; Котов Г. И., 1939.
- ⁹¹ Шишкин В. А., 1963, с. 210, 211
- ⁹² Там же.
- ⁹³ Денике Б. П., 1948, с. 75—77.
- ⁹⁴ Денике Б. П., 1948, с. 40; Архаров И., Ремпель Л., 1971, с. 32—41; рис. 11—19; Пугаченкова Г. А., 1970, с. 248, рис. 5; Дебиров П. М., 1966, с. 16, 40—44, рис. 5—9.
- ⁹⁵ Пугаченкова Г. А., 1970, с. 248, рис. 5; Дебиров П. М., 1966а, с. 15, рис. 41.
- ⁹⁶ Архаров И., Ремпель Л., 1971, с. 34—39, рис. 12—16; Дебиров П. М., 1966, с. 40—44, рис. 5—9.
- ⁹⁷ Ср. также с мечетью Магоки-Аттари в Бухаре, датируемой X в. (куфические надписи, пальметты, трилистники, перлы, шести-восьмилепестковые розетки, археологические находки), см.: Прибыткова А. М., 1973.
- ⁹⁸ Прибыткова А. М., 1973, с. 127—132, рис. 7—10.
- ⁹⁹ Там же П. М. Дебиров справедливо отметил, что массивные опоры Кара-Кюря напоминают формы опорных колонн мечети Ну-Гумбед в Балхе, которая датируется IX—X в. Однако датировка памятника в целом X—XI в.

- сохраняется (Дебиров П. М., 1976, с. 92—93).
- ¹⁰⁰ Дебиров П. М., 1966, с. 15, 16
- ¹⁰¹ Крачковская В. А., 1949б, 1929; Ершов С. А., 1947; Массон М. Е., 1953; Вяткин Е. Л., 1927; Прибыткова А. М., 1973.
- ¹⁰² Крачковская В. А., 1929.
- ¹⁰³ Там же, табл. X, 1.
- ¹⁰⁴ Там же, табл. X, 15.
- ¹⁰⁵ Крачковская В. А. Арабские надгробия музея палеографии, с. 92—103.
- ¹⁰⁶ Крачковская В. А. Эволюция куфического письма в Средней Азии, с. 17—18.
- ¹⁰⁷ Flury S., 1925, табл. VII.
- ¹⁰⁸ Flury S., 1930, p. 44 (fig. 1), табл. X, p. 52 (fig. 52); Roire A. U., 1939, p. 1272, 1275 (fig. 458); Flury S., 1939, p. 1744 (fig. 599); Roire A. U., Ackerman P., 1939, p. 2710 (fig. 94, a, b), 2717 (fig. 917, a—d), 2719 (fig. 919), 2720—2721 (fig. 920, 921).
- ¹⁰⁹ Воронина В. Л. Стиль надписей колонны соборной мечети в Хиве — НЭ, 1960, вып. II, с. 81—82.
- ¹¹⁰ Шихсаидов А. Р. Ислам в средневековом Дагестане. Махачкала, 1969, с. 153—154.
- ¹¹¹ Шихсаидов А. Р. Распространение ислама в Южном Дагестане, с. 144.
- ¹¹² Лавров Л. И., 1966, с. 179.
- ¹¹³ Лавров Л. И., 1966, с. 179.
- ¹¹⁴ Котов Ф., 1958, с. 35; Олгарий А. О., 1906.
- ¹¹⁵ Спасский И. П. Памятники старины гор. Дербента и его окрестностей. — Рук. фонд Ин-та, ИЯЛ, ф. 1, д. 284, с. 35—36; См. также: Хан-Магомедов С. О., 1979, с. 194—199.
- ¹¹⁶ Спасский И. П. Памятники старины гор. Дербента, с. 35.
- ¹¹⁷ Frähn Ch. M., 1838, S. 220, 221; Френ Х. Д., 1837.
- ¹¹⁸ Frähn Ch. M., 1938, S. 221—222.
- ¹¹⁹ Ibid., с. 224.
- ¹²⁰ Derbend-Nameh, 1851, p. 86, 90.
- ¹²¹ Козубский Е. И., 1902, с. 160.
- ¹²² Шиллинг Е. М., 1949, с. 7—8.
- ¹²³ Магомедов Р. М., 1968, с. 84.
- ¹²⁴ Обстоятельно о них: Шихсаидов А. Р., 1974, с. 124—126.
- ¹²⁵ Фотография надгробия издана П. М. Дебировым (Дебиров П. М., 1966, с. 132). Описание памятника и перевод текста см.: Шихсаидов А. Р., 1974а, с. 125, рис. 1, 2.
- ¹²⁶ Лавров Л. И., 1966, с. 275.
- ¹²⁷ Башикиров А. С., 1926, с. 53—63, табл. VII и VIII; 1931, табл. 32, 39, 40; Кильчевская Э. В., 1962, 22, табл. II, рис. 7—9, 1968, с. 53, 57, рис. 21—23.
- ¹²⁸ Лавров Л. И., 1966, с. 77.
- ¹²⁹ Лавров Л. И., 1966, с. 274, табл. X, рис. 61.
- ¹³⁰ Кильчевская Э. В., 1962.
- ¹³¹ Кильчевская Э. В., 1968, с. 55—57. Справедливое возражение на мнение о домусульманском происхождении памятника, см.: Лавров Л. И., 1966, с. 179.
- ¹³² Маммаев М. М., 1978, с. 51.
- ¹³³ Шихсаидов А. Р., 1974а, с. 128—129, рис. 4, 5.
- ¹³⁴ Мухтаров А., 1980, с. 90, 91 (рис. 29).
- ¹³⁵ Атлас к путешествию Б. А. Дорна, отд. 1, табл. XVII, рис. 1.
- ¹³⁶ Дебиров П. М. Архитектурная резьба Дагестана, с. 17—57, рис. 13—17.
- ¹³⁷ Там же, с. 23—26.
- ¹³⁸ Усейнов М. А., 1950, с. 55, рис. 56; Денике Б. П., 1948, с. 86, рис. 81; Бретаницкий Л. С., Веймарн Б. В., 1976, с. 59, рис. 27.
- ¹³⁹ Бретаницкий Л. С., Веймарн Б. В., 1976, с. 59.
- ¹⁴⁰ Денике Б. П., 1948, с. 89; Усейнов М. А., 1950, с. 54.
- ¹⁴¹ Дебиров П. М., 1966, с. 26.

- 142 Прибыткова А. М., 1973, с. 130.
- 143 Дебиров П. М., 1966, с. 26.
- 144 Прибыткова А. М., 1973, с. 130.
- 145 Дебиров П. М., 1966, с. 27.
- 146 Лавров Л. М., 1966, с. 77.
- 147 В настоящее время михраб не существует. Его остатки были варварски разрушены «для реставрации».
- 148 Лавров Л. И., 1966, с. 77.
- 149 Там же, с. 111—112, 193, 285 (рис. 268).
- 150 Лавров Л. И., 1966, с. 193.
- 151 Шихсаидов А. Р., 1974. Перепечатка этих надписей: Лавров Л. И., 1980.
- 152 Ихилов М. М., 1959, с. 276.
- 153 Khanikoff N., 1862, p. 86, 90.
- 154 Акты, 1868, с. 1076—1077.
- 155 Фон-Плотто А. И.
- 156 Веселовский Н. И., 1892, с. 27.
- 157 Ихилов М. М. 1959, с. 277.
- 158 Лавров Л. И., 1966, с. 267, табл. III, 17.
- 159 Там же, с. 279, табл. XV, 122. Подробное палеографическое описание хновских надписей — см.: Шихсаидов А. Р., 1974, с. 263—267.
- 160 Cawini Zakarija Ben Muhammad, 1848, p. 405.
- 161 Генко А. И., 1941, с. 98.
- 162 Лавров Л. И., 1966, с. 176.
- 163 Шихсаидов А. Р., 1974, с. 139—141, рис. 15.
- 164 Перевод основного содержания текста опубликован: Шихсаидов А. Р., 1976, с. 38.
- 165 Лавров Л. И., 1966, с. 72, 721 (рис. 44).
- 166 Cawini, 1848, с. 340.
- 167 Шихсаидов А. Р., 1964, с. 115, рис. 16.
- 168 Там же, рис. 15.
- 169 Khanikoff N., 1862, p. 85, 86 (араб. текст); Лавров Л. И., 1966, с. 177; Шихсаидов А. Р., 1961, с. 150—151.
- 170 Лавров Л. И., 1966, с. 97, 280, рис. 131.
- 171 Шихсаидов А. Р., 1964, с. 121; Лавров Л. И., 1966, с. 97.
- 172 Шихсаидов А. Р., 1964, с. 120, 121, рис. 16; Лавров Л. И., 1966, с. 98, 280, рис. 133.
- 173 Лавров Л. И., 1966, с. 192.
- 174 Любимова Г. Н., Хан-Магомедов С. О., 1956, с. 74.
- 175 Там же, с. 74, 75, рис. 67, 68.
- 176 Алпатов М. В., 1948, с. 243.
- 177 Всеобщая история искусств, 1961, с. 15—29.
- 178 Там же, с. 16.
- 179 Прибыткова А. М., 1958, с. 134—136.
- 180 Там же, с. 136.
- 181 Киличская Э. В., Иванов А. С., 1959, рис. 4.
- 182 Дебиров П. М., 1966а, с. 135, рис. 72.
- 183 Лавров Л. И., 1966, с. 99.
- 184 Дебиров П. М., 1966а, с. 42.
- 185 Лавров Л. И., 1959, с. 175.
- 186 Шихсаидов А. Р., 1974а, с. 137—139, рис. 13, 14.
- 187 Лавров Л. И., 1980, с. 34, 94.
- 188 Акты, 1868, с. 1085.
- 189 Указанные ниже надписи из Хнова (текст и перевод) изданы нами, см.: Шихсаидов А. Р., 1974. После повторного ознакомления с надписями и расчистки нижней части плит мы внесли ряд уточнений и дополнений в прежнюю расшифровку и чтение. Фотографии издаются впервые.
- 190 Лавров Л. И., 1966, с. 82, 83, 115.
- 191 Веселовский Н. И., 1892, с. 27.
- 192 Шихсаидов А. Р., 1960, с. 158.
- 193 Cawini, 1848, p. 405.

НАДПИСИ XV—XVII ВВ.

Данная глава посвящена в основном описанию памятников XV—XVII вв., еще не отмеченных в нашей литературе. Подобного рода памятники обнаружены во всем Дагестане и, как правило, не на старых, заброшенных поселениях, а на окраинах ныне функционирующих населенных пунктов. Связано это, как уже отмечалось, с процессом селообразования, когда в XV в. этот процесс в основном завершился. Крупный аул, сложившийся в основном к XV в., в последующем, особенно к XVIII—XIX вв., значительно разросся, занимая все большую территорию, в том числе и ту, что была занята надписями-эпитафиями XVI—XVIII вв. Это один из вариантов объяснения вопроса, полная же ясность будет внесена после детального изучения всех сохранившихся надписей.

Учитывая, что хронологически работа охватывает сравнительно небольшой этап и что в пределах XVI—XVII вв. палеографические особенности четко не прослеживаются, мы решили дать описание надписей по отдельным аулам.

Наибольшее количество надмогильных памятников XVI—XVII вв. обнаружено в Кумухе, столице Газикумукского шамхальства. Впервые о Кумухском шамхальском кладбище сообщил Али Каяев, прочитавший две надписи и давший их текст в работе «Материалы по истории лаков», до сих пор не опубликованной. М.-С. Саидов опубликовал ряд надписей из Кумуха в статье «О некоторых памятниках материальной культуры в лакских районах ДАССР», опубликованной в III томе «Ученых записок Института ИЯЛ» (Махачкала, 1957). Однако основательное изучение памятников так называемого «шамхальского стиля» связано с именем Л. И. Лаврова, который в названной выше работе «Эпиграфические памятники Северного Кавказа» воспроизвел арабский текст (с русским пе-

реводом) многих памятников XVI—XVII вв., обнаруженных им в Кумухе. Однако многие памятники Кумуха остались незафиксированными, а те, которые зафиксированы, описаны неполно. Первоначально мы имели в виду дать в данной работе полное описание всех памятников «шамхальского стиля» в Кумухе, включая и прочитанные и комментированные. Однако объем данной работы не позволил нам это реализовать, поэтому мы даем только новые, ранее неизданные надписи Кумуха.

Значительную ценность представляют надписи-эпитафии из Маджалиса, Хури, Тарки, Хнова и других населенных пунктов.

123. Ссл. Хнов (Ахтынский район). В западной стене мечети в правом нижнем углу в фундамент вмонтирован камень (35×26 см) со следующей надписью в 7 строк (рис. 98).

(۱) صاحب هذه المنارة وعامرها حمى بن ابكر
بن چكوك

(۲) بن بزكوج بن حمى بن موى بن حمى وزوجته
فاطمة

(۳) بنت عرب بنيتها لاجل الله تعالى خوفا من
النار

(۴) طمها الى الجنة عاملها استاذ خزسان (خزسان)
بن خليف

(۵) وابنه موى الراخورى وكاتب الخط سليمان

بن محمد
(۶) وكانت الواقعة في شهر شوال سنة ثلث

وثمانمائة هجرة

(۷) وفي هذه السنة وهب كوركى ملك قرية كيش
الخناوى

-
- (1) Владелец (сахиб) этого минарета
и его строитель ('āмир) Ḥаммā,
сын Абакара сына Чакӯка,
- (2) сына Базкӯха, сына Ḥаммā, сына
Маммā, сына Ḥаммā, и его жена
Фатима,
- (3) дочь 'Араба. Построили они этот
минарет ради Аллаха великого из
страха перед [адским] огнем и
- (4) желая рая. Строитель ('āмил) ми-
нарета устаз Ḥ. зсāз (или Ḥ. зсāн,
Ḥ. нсāн), сын Ḥалифа
- (5) и его сын Маммā аз-Зāхūrī (Ца-
хурский). Писец (катиб) этих строк
Сулайман сын Мухаммада
- (6) Имело место это событие в ме-
сяце шаввал восемьсот третьего
года хиджры.
- (7) В этом же году подарил Кӯркī
(Гӯрī) мулк селению Кīш ал-Ḥи-
нāв.
-

Эта надпись датирована началом XV в. — шаввал 803 г. хиджры начался 15 мая 1401 г.

Текст написан насхом, только в одном случае сохранена старая традиция — конечный *нун* опущен под линию наподобие буквы *ра*. Поэтому и чтение имени имеет несколько вариантов — *Х.з.сāз*, *Х.з.сāн*, *Х.н.сāн*, *Х.н.сāз*. Для передачи буквы *ч*, отсутствующей в арабском языке, использована *ха* с тремя точками на персидский манер. Текст врезан красивым почерком. Чтение последней строки немного затрудняется самой необычной конструкцией предложения. Само сочетание *Киш ал-Хинав* в обозначении названия селения остается не полностью понятным — селение названо «*Киш ал-Хинав*» — старожилы не помнят, чтобы раньше *Хпов* (местное — *Хинав*) так именно и назывался.

Большой интерес представляют собственные имена и титулатура, зафиксированные в надписи. Имя владельца (*сахиб*) минарета и строителя его дано с сохранением родословной (7 имен) — явление чрезвычайно редкое, если не единственное в дагестанской эпиграфике по отношению к владельцу или строителю (в пределах X—XVIII в.). В его родословной много немусульманских имен (*Хамма*, *Чакук*, *Базкух*), имена мастера (*Х.зсāз*, или *Х.зсāн*) и дарителя (*Гургй*) также немусульманские — явление чрезвычайно интересное с точки зрения происхождения представителя местной верхушки, если, конечно, о таковом в надписи идет речь. Во всяком случае, речь идет о богатом покровителе в деле строительства культового сооружения, подобно тому как это неоднократно уже встречалось в дагестанской строительной практике, когда феодалы или правители назывались *сахибами* (в частности, надпись из сел. Ахты не позднее XIII в. о владельце крепости *Д.р.й сын С.йб*; надпись из Ахты о владельце крепости *ширваншахе Халиллуллахе*¹; надпись из Цахура о владельце минарета *Алй, сыне Сайдара*².). Еще одна деталь: в тех случаях, когда местный правитель или же представитель феодальной знати не назван в надписях *владельцем*, его привилегированное положение подчеркивается его правом «приказывать»: надпись 1241 г. из Рича: *...приказал построить эту крепость Бассāдж сын Сулаймана*; надпись 1250 г. из Рича: *...потом поистине эмир преславный, великий, поддерживающий, победоносный. . . Адам ибн Абд ал-Малик. . . приказал построить эту мечеть*³ и т. д.

Характерно также и то, что отцы с мусульманскими

именами дают своим сыновьям местные имена без куньи — это имя дарителя — просто *Гургй*. Из имен наиболее распространенным оказалось *Хамма*, уже встречавшееся нам в хновской надписи XII в.

Хновская надпись 1401 г. — самая богатая в дагестанской эпиграфике по количеству зафиксированных там терминов — *сахиб*, *'амир*, *'амил*, *устаз*, *катиб*, *мулк*.

Термин «*сахиб*» (*владелец, хозяин*), как уже указывалось, в строительных надписях Дагестана уже встречался несколько раз: две надписи XII и XV вв. из сел. Ахты, надпись 1239 г. из Цахура; надписи XII—XIII вв. без указания объекта постройки.

Во всех этих случаях слово *сахиб* вводит, по всей вероятности, имя не профессионального строителя, а богатого покровителя, финансировавшего строительство, а ахтынская надпись XV в. прямо указывает на известного правителя Ширвана ширваншаха Халилуллаха. *Сахибом крепости* могло назвать себя только лицо, власть и могущество которого было общепризнано.

Что касается хновской надписи 1401 г., то по части сочетания *владелец минарета* ей предшествует только одна надпись из Цахура (1239 г.). Кроме этих двух лапидарных текстов, мы не знаем ни до, ни после XV в. случая, когда был бы назван *владелец минарета*. Однако в нашей надписи речь идет не только о представителе состоятельной верхушки хновского общества, не только о богатом покровителе в строительстве культового сооружения, но и о непосредственном участии в строительстве (*'амир*).

Этот последний термин *амир* в строительных надписях Дагестана до сих пор не встречался. По всей вероятности, под ним не скрывается профессиональный титул мастера. И то же самое можно сказать о другом термине — *'амил*, также впервые встречаемом в надписях на камне.

Профессиональное звание мастера отмечено титулом *устаз* (устад). Л. С. Бретаницкий и А. В. Саламзаде, изучая профессиональные звания зодчих и мастеров архитектурного декора, пришли к выводу о том, что термин *устад* широко применялся с XI в. вплоть до настоящего времени и что «звание устада более характерно для мастеров тебризской и ширвано-апшеронской архитектурных школ»⁴. Звание *устад* было наиболее универсальным среди профессиональных званий зодчих и мастеров-строителей. Этим званием «...характеризовался человек творческого труда, достигший высокой квалификации. . . оно обладало и зна-

чительностью непосредственно профессионального звания. При этом не следует забывать, что в условиях феодального общества мастерами, получившими задание на самостоятельное возведение ответственных сооружений — мавзолеев, караван-сараяв, мечетей, т. е. памятников, строительные надписи которых сохранили имена мастеров-уставов, могли быть лишь лица, прошедшие соответствующие ступени профессионального ученичества. Несомненно, что званием устада обладали зодчие, достигшие определенной степени признания и имевшие учеников. Это и давало зодчим-строителям подобного профессионального «ранга» право именоваться устадами⁵.

Если *Х.з.саз сын Халифа* в надписи из Хнова выступает в качестве строителя-профессионала, то в лице его сына *Мама аз-Захурӣ* мы можем, вероятнее всего, видеть ученика, шагирда (кстати, термин *шагирд* также встречался в эпиграфическом материале только один раз — Тпиг, 1114 г. х.). Нельзя не обратить внимание на нисбу *Мамма*⁶ — *аз-Захурӣ*, т. е. *Цахурский* или из Цахура. Обычно в строительных надписях нисба отмечается в тех только случаях, когда строитель не является жителем данного селения. В хновской надписи отец не имеет нисбы, тем самым он признан за жителя Хнова, в то время как сын назван «Цахурским». Возможно двойное толкование этого места текста: или перед нами случай, когда сын жителя Хнова обосновался в Цахуре к северу-западу от Хнова; или же и отец, и сын приглашены на строительство минарета из Цахура. В последнем случае нисба — *аз Захурӣ* относится к ним обоим и соответствующее место надписи следует читать: «строител(и) минарета устāз *Х.зсаз сын Халифа и его сын Мамма Цахурские*».

Интересна также форма написания термина *устаз*, известная нам до этого только по рутульской надписи 1228 г.⁷, в то время как остальные надписи знают форму *устāд* или *устā*⁸.

Хновская надпись 1401 г. предстает перед нами как наиболее раннее засвидетельствование термина *мулк* в эпиграфическом материале. В письменных источниках по истории Дагестана (до XV в.) термин *мулк* чрезвычайно редок. Нам известно, он встречался, помимо хновской надписи, еще только в дагестанской исторической хронике «Тарих Дагестан», составленной в основном в начале XIV в. При перечислении доходов, поступавших с различных дагестанских земель в пользу газикумукского

шамхала, автор «Тарих Дагестана» подчеркивает, что «...Джурми — это его (т. е. шамхала) мулк» и что «Цахур и Голода — оба мулк шамхала»⁹.

Как указывал И. П. Петрушевский, в развитых феодальных обществах, сложившихся после распада Халифата, в частности в Иране, «термином мулк или милк... стали обозначать как мелкую крестьянскую земельную собственность... так и феодальное имение, если землевладелец владел им на правах безусловной собственности, не связанной со службой государству, свободно отчуждаемой и передаваемой по наследству вместе с находящимися на данной земле крестьянскими хозяйствами»¹⁰. Частновладельческие земли как свободно отчуждаемая безусловная собственность независимо от их величины и социального положения собственника этих земель назывались *мулком* и в Дагестане.

Значительный интерес представляет имя того, кто подарил мулк, — Гург (Георгий).

В хновской надписи в какой-то степени нарушена сложившаяся в дагестанской эпиграфике традиция — упоминать имя строителя, если нет имени богатого покровителя, и, наоборот, опускать имя мастера и декоратора письма, если отмечается участие феодала (светского или духовного) в строительстве того или иного сооружения¹¹. Данная надпись — единственная в своем роде, зафиксировавшая в одно и то же время имя покровителя, его жены, мастера-строителя и его сына — помощника, писца.

Жена владельца минарета — *Фатима*, дочь 'Араба выступает как соучастница-покровитель в строительстве минарета. Фактически и она *владелица минарета* наравне с мужем, хотя в тексте это особо не подчеркнуто — арабское предложение просто начинается со слова *владелец*.

Раньше уже отмечалось, что в XII—XIV вв. дагестанские надписи сообщают о немалочисленных примерах активного участия женщин в сооружении зданий, прежде всего культовых сооружений¹². В. В. Бартольд приводит много примеров участия женщин в общественных и государственных делах, в финансировании построек в начальный период ислама. «Примеры более деятельного и властного вмешательства женщины в государственные дела появляются тогда, когда в сферу мусульманской культуры стали входить народы, быт которых походил на быт домусульманских арабов, в особенности среднеазиатские кочевники. Орхонские надписи VIII в. свидетельствуют об

уважения к женщине у домусульманских турок»¹³. Дагестанские надписи также зафиксировали роль женщины в строительной практике, хотя в основе положения женщины в домусульманском обществе и не лежали традиции кочевого быта, о которых писал Бартольд В. В. Он особо подчеркнул еще одно обстоятельство: «... эволюция ислама как религии также шла в направлении постепенного ограничения прав женщины»¹⁴. Эта эволюция не могла не отразиться и на эпиграфическом материале. Имя женщины упоминается все реже и реже. Хновская надпись 1401 г. — одна из последних для XV—XVII вв., где имя женщины и роль ее в строительстве сооружения специально оговорены.

Имя отца *Фатимы* — '*Араб*' также дает повод к размышлению. В данном случае это собственное имя, а не этнический термин, но полностью ли потеряна связь личного имени с этническим термином? Что все это не случайно, подтверждается и на другом примере, из той же надписи — даритель мулка, по всей вероятности бывший христианин, носит имя *Гурги*, которое одинаково звучит, если речь идет о личном имени или же об этнической принадлежности (*грузин*). Уже указывалось, что в некоторых надписях этническая принадлежность прямо подчеркивается (*араб Абакар*). Весьма любопытную аналогию дает надпись из Хунзаха, опубликованная и переведенная Л. И. Лавровым, датировавшим ее по внешним данным I половиной XVI в.¹⁵ Л. И. Лавров передал эту надпись следующим образом: *Обладатель этой могилы Гавургау Иван сын Гавургая, по прозвищу Бахсан*. Возможен и другой вариант чтения и перевода с учетом того обстоятельства, что в надписи нашли отражение обе традиции — аварская и арабская. В таком случае текст следует читать: *Обладатель этой могилы Гургйлау Ивāн сын Гургй* с передачей утвердившейся по-аварски формы «*Гургйлау Иван*», т. е. «сын *Гургй Иван*».

Если вернуться к хновской надписи 1401 г., но уже с привлечением сравнительного материала из Хнова и Хунзаха, то наиболее интересными нам кажутся три обстоятельства:

1. Имя '*Араб*' в надписи 1401 г., несомненно, носит отголоски этнической (не местной, а арабской) принадлежности жены *владельца минарета*, т. е. Фатимы и ее отца.

2. Еще в XV—XVI вв. переход христианских элементов в ислам имел место.

3. Иноэтнический элемент (арабы и бывшие христиане) играл немаловажную роль в социальной жизни отдельных

аулов, возможно и в феодализационном процессе (Гургилу Иван сын Гурги, по прозвищу Бахсан, владелец слуг, имущества и богатства).

На основе рассмотренных нами надписей Хнов предстает перед нами как один из интереснейших дагестанских аулов, возможно, центр одного из политических образований, существовавшего независимо в XII—XVI вв. Надписи поднимают завесу над совершенно неизвестными до сих пор сторонами жизни хновцев, проливают свет на ряд вопросов социальной структуры хновского общества, его военной организации, внешних контактов, идеологических представлений и успехов в области культуры в XII—XV вв.

124. Сел. Хнов (Ахтынский район). Недалеко от селения Хнов, на окраине дороги расположен пир (святилище) — небольшое однокамерное сооружение. Внутри пира, в западной стене вмонтирована каменная плита с арабской надписью в 8 строк (рис. 99)

- (١) هذا القبر المرحوم المغفور محمد
 (٢) ابن اسد بن مقلن ابن قرنين
 (٣) ابن عرب ابكر بن تحسمان
 (٤) ابن بغل بن سيف الدين بن
 (٥) قرنين وسيف الدين ومقلن
 (٦) هما ابنا لقرنين واتفق و
 (٧) فاته في سنة اربع وخمسين
 (٨) ثمانمائة

(١٠-٩) من هجرة النبي صلى الله عليه و سلم

- (1) Это могила покойного, прощенного Мухаммада,
 (2) сына Асада, сына М.к.л.к.н. сына Карнайна
 (3) сына 'Араб Абакара (араб Абакара), сына Тахсмана,
 (4) сына Бугала, сына Сайф ад-Дина, сына
 (5) Карнайна, а Сайф ад-Дин и М.к.л.к.н.
 (6) они оба сыновья Карнайна.
 (7—8) Случилась смерть его в восьмисот пятьдесят четвертом году
 (9) хиджры пророка, — да благословит
 (10) Аллах его и да приветствует.

854 г. х. = 14.XI 1450 — 2.XI 1451 г.

Эта надпись в свое время была частично прочтена и издана М. М. Ихилковым, датировавшим памятник 54 г. хиджры, т. е. 675 г.¹⁶ Л. И. Лавров, хотя и не видел этой надписи, в своих «Эпиграфических памятниках» справедливо высказал сомнение в верности прочтения даты надписи и предложил другую дату — 1034 г. хиджры, т. е. 1644—1645 г., предположив, что это хотя и редко, но встречающееся в дагестанской эпиграфике явление, когда слово *тысяча* в датах опускали. Однако в надписи слово *восемьсот* читается, и поэтому дата 1644—1645 гг. также неточна. В чтении имен мною были допущены неточности, которые удалось устранить при повторном посещении мною сел. Хнова в 1974 г.

Родословная Мухаммада содержит 9 имен (*Мухаммад, сын Асада, сына М.к.л.к.н., сына Карнайна, сына 'Араб Абакара, сына Тахсмана, сына Бугала, сына Сайф ад-Дйна, сына Карнайна*). Для нас наибольший интерес представляет в этой цепи имя *'Араб Абакар* (или *араб Абакар*) — попытка подчеркнуть, что святилище связано с именем араба по происхождению. Вполне вероятно, что именно Абакар и прибыл со стороны в Дагестан, после чего (вернее, после смерти) он и стал называться у местного населения араб Абакаром, указывая на его этническое происхождение. Сохранилась надпись — эпитафия на могиле этого Абакара (в тексте: *Абкур*) — *владелец, этой могилы покойный, прощенный эмир Абкур сын Тахсмана, сына Бугала, сына Сайф ад-Дйна, сына Карнайна*. Как мы видим, речь идет об одном и том же Абакаре, который при жизни был *эмиром Абакаром*, а в надписи на могиле его потомка (праправнук) назван *араб Абакаром*.

В связи с именем *Мухаммада, сына Асада. . . сына Араб Абакара* встает также вопрос о социальном статусе лиц, над могилами которых воздвигаются культовые сооружения типа «пиров», о социальном положении лиц, становящихся «пирами» («святыми»), о продолжавшемся еще в XII—XVII вв. процессе проникновения арабских элементов в Дагестан. Для этого привлечем несколько надписей и записей, обнаруженных мною в 1958 г. в сел. Лгар (или Пиркент) Ахтынского р-на

— *Переселился [т. е. скончался] шейх
Джунейд, живущий в Хазри да
освятит Аллах его душу — после*

шестьсот пятьдесят первого года. После кончины его прошло [около] тридцати лет.

Переселился из мира тленного в мир рая шейх ал-Багдади, сын шейх... мана Мйр Сулайман после пророка, — да благословит Аллах его и его семью и да сохранит, да освятит Аллах душу его, — [в] шестьсот восьмидесятом году.

651 г.х.=3.II 1253—20.II 1254 г., 680 г.х.=22.IV 1281 — 10.IV 1282.

Запись на этом не заканчивается. Продолжение ее связывает тематически сообщение XIII в. о событиях, имевших место через 500 с лишним лет

И [еще] переселился Шейх Заман ибн Шейх 'Ашӯр, ибн Исмаил [в] селение Пиркендй после тысяча сто семьдесят первого года в ночь праздника жертвоприношения, — это было в пятничную ночь, — да смиростивится Аллах над ними всеми. Аминь! Они из потомства повелителя правоверных и имама благочестивых Али — да облагородит Аллах лик его и да будет доволен им Аллах.

1171 г. х.=15.IX 1757—3.IX 1758 г.

Запись рассказывает, таким образом, о трех шейхах — Шейх Джунейде, шейх Мир Сулайман (Пир Сулайман) и Шейх Заман. Наиболее почитаем в Южном Дагестане Пир Сулайман, на его могиле было воздвигнуто купольное

здание, строительство которого не зафиксировано в сохранившихся надписях, но реставрационные работы проводились еще в конце XVIII в., причем шейх Пир Сулайман причислен к корейшитам и потомкам Абу Муслима

(1) *Все в нем (этом мире) тленно.*

(2) *Это мавзолей (кубба) шейха Пир Сулаймана, а*

(3) *он из рода курайшитов и шейха Абу Муслима.*

(4) *Реставрировал этот мавзолей А-*

(5) *шурбек ради Аллаха. Устад этого*

(6) *мавзолея Курбан, сын Джигархана.*

Другая надпись в стене мавзолея уточняет, что это произошло в 1200 г.х., т. е. в 1783—1784 гг. Эпиграфический материал подтверждает сообщение записи о Пир Сулаймане. В 1980 г. обнаружена в местности Пир Сулайман у горы Шалбуз-даг, близ селения Куруш Ахтынского района полукуфическая надпись (запись Т. М. Айтберова), которую можно датировать палеографически XIII в.

(1) *(Басмала)*

(2—4) *(формула единобожия). Это стоянка (марса) известного Сулаймана и его матери Х.з.н.*

Мы видим, что Сулайману посвящено два святилища, в сел. Лгар (или Лгар-Пиркент) и близ сел. Куруш. Очевидно, деятельность Сулаймана была связана с обоими пунктами. Это обстоятельство и породило, очевидно, предание о том, что в Лгар-Пиркенте мавзолей воздвигнут на месте стоянки голубей, «транспортировавших» останки Сулаймана, а у Шалбуздага же — мавзолей возведен на месте погребения святого.

Мы коснулись вопроса о пирах, шейхах и святилищах, поэтому даем и другие сведения, известные нам о строительстве связанных с их именами культовых сооружений.

125. Сел. Орта-Стал (Сулейман-Стальский район). В селении имеется большое купольное здание — «Пир шейха Ибрахима», реставрированное в 1914 г. с указанием в реставрационной надписи о смерти шейха Ибрахима в 940 г. х., т. е. 1541—1542 г.¹⁷

126. Сел. Ахты (Ахтынский район). На западной окраине селения расположен «Чехи пир» («Большой пир») — невысокое прямоугольное сооружение, в центре которого растет «священное» дерево. В южную стену сооружения вмонтирована каменная плита (21×25 см) с надписью (рис. 100).

- (1) Переселился
- (2) из мира тленного в мир
- (3) вечный шейх Ибрахим — мир над ним...
- (4) в 934 г.

127. Сел. Курар (Хивский район). На могиле, известной среди местного населения как «могила Шейха Халифы», надпись гласит

Владелец этой могилы Халифа.

Надпись не имеет даты, но полна сходства с почерком стоящего рядом памятника, есть основание датировать памятник первой половиной XV в.

(1) Это могила (2) Х.н.āн
(3) сына Б.л.х.рйр (4) год — дата
(5) восемьсот (6) пятнад (7) цатый.

815 г.х. = 13.IV 1412 — 2.IV 1413 г.

Существует предание о том, что много сот лет тому назад из Аравии в Дагестан прибыли проповедники: шейх Халифа — в сел. Курар (Хивский р-н), Султан Шейх Ахмад — в селение Курах и Пир Ханним — в Агульском районе, собственно в ущелье Магъу-дере. О могиле шейха Халифы мы уже писали, о Ханниме нам не удалось собрать никаких сведений. Могила шейха Ахмада сохранилась в сел. Гельхен Курахского района.

128. Сел. Гельхен (Курахский район). В селении сохранилась гробница шейха Ахмада. Местные жители называют ее «шейх Ахмедан пир» («пир Шейха Ахмада»). Пир шейха Ахмада почитается и поныне среди верующих, считают, что он помогает «от засух»¹⁸, а земля, взятая с могилы, «обладает целебными свойствами». Внутри гельхенского мавзолея расположены две могилы, одна из которых, по рассказам старожилов, принадлежит шейху Ахмаду. На одной из могильных плит (они покрыты слоем извести) нам удалось разобрать слово *сахиб*, которое палеографически можно отнести к XV в. В кладке мавзолея сохранилась более поздняя надпись, составленная, вероятно, при реставрации старого здания или же сооружении нового мавзолея над могилой, ранее не имеющей покрытия. Надпись не дает возможности это уточнить, ибо начальная часть первой строки полностью стерлась:

- (1) ..و محمد ابنان يوسف و محمد
 (2) ...بن موسى في قرية كالحاني من ولاية رچا في تابع قوقم
 (3) في تاريخ سنة الف واحد وثلثون سنة في ...
 (4) ...رمضان من هجرة النبي صلى الله عليه وسلم
 (5) استاد ضمي و محمد ابني شاه قول غفر الله عليهم اجمعين

- (1) [Построили, или реставрировали этот мавзолей]... и Мухаммад, два сына Йусуфа и Мухаммад
 (2) ...сын Муса из сел. Калхānī (Гельхен) вилайата Ричā, в подчинении Кумūка...
 (3) в тысяча тридцать первом году в [месяце]
 (4) рамазан по хиджре пророка — да благословит его Аллах и да сохраним, —
 (5) ...Устад[ы] Сумай и Мухаммад сыновья Шахкули, — да простит Аллах их всех.

Месяц рамазан 1031 г. падает на 10 июля — 8 августа 1622 г.

К культовым сооружениям подобного типа можно отнести также мавзолей на могиле шейха ал-Багдади из сел. Тарки (конец XVI—начало XVII в.).

129. Сел. Тарки. На шамхальском кладбище расположен небольшой мавзолей, весьма почитаемый верующей частью населения. Мавзолей представляет собой четырехугольное купольное здание, длина его 6,5 м (С—Ю), а ширина — 5 м (З—В). Высота мавзолея около 3 м. Мавзолей сложен из местного строительного камня. Местное население называет мавзолей «Багдад Али».

Внутри мавзолея — 3 каменные плиты, две из которых имеют надписи. Надписи обнаружены нами в 1971 г.¹⁹

Первая плита (112×48 см) имеет 4 строки арабского текста, которые читаются полностью

(1) *Покойный Али (вар.: Г.л.н, Г.ли?)*

(2) *Сын кади Али*

(3) *ал-Багдади — да простит Аллах*

(4) *их обоих [Год] 1066.*

1066 г.х. = 31.X 1655 — 19.X 1656 г.

130. Сел. Тарки. Небольшая каменная плита внутри указанного мавзолея, рядом с надписью 129. Текст (100×35 см) в 5 строк. Учитывая, что речь идет об Али ал-Багдади, отце Али (Г.л.н., или Г.ли), можно предположить, что это конец XVI — начало XVII в., а камень без надписи поставлен на могиле Мухаммада ал-Багдади, относящейся, возможно, к середине XVI в.

(1) *Переселился покойный кади Али*

(2) *сын Мухаммада ал-Багдади из
мира тленного в мир*

(3) *вечный, в день....*

(4) *месяца сафар, в дату (5) 1066
(1069?) [год]*

Для полноты сведений о шейхах привлечем также материал нарративных источников, а также записей на полях арабских книг, сохранившихся в Дагестане. Все эти записи из различных источников собраны, систематизированы и переведены на русский язык М. Гайдарбековым²⁰, у которого мы и берем все интересующие нас данные о шейхах со ссылками, взятыми у него же.

(1) В XI в. в Дербенте жило и служило большое число шейхов, среди них шейх Мухаммад б. Бандар ас-Суфи ад-Дербенди; шейх Абу-л-Хасан Али б. Мухаммад б. Закарийа ал-Басри ал-Баби; шейх Абу Йакуб Йусуф б. ал-Хусайн б. Дауд ал-Баби; шейх Абу -л-Касим Йусуф б.

Ахмад ал-Фака' и ад-Дербенди; шейх Абу-л-Валид ал-Хасан б. Мухаммад ад-Дербенди; шейх Абу Исхак Ибрахим б. Фарис ал-Баби; шейх Муса б. ал-Дербенди, отец автора «Райхан ал-хакаик»; шейх Абу Абдаллах ал-Баби, имам соборной мечети; шейх Абу-л-Хасан ал-Джурджани; шейх Абу-л-Фадл Абдаррахман ал-Хатиб ад-Дербенди и т. д. (все сведения из рукописи «Райхан ал-хакаик», кроме двух, взятых из «Табакат» ас-Субки из записи Мухаммада ал-Усиши).

(2) В 603 г.х. (1206—1207 г.) скончался шейх Изз ад-Дин ад-Дербенди (из записей Рафи аш-Шангоди)

(3) В 643 г.х. (1245—1246 г.) шейх Дауд Ба'ам сын Сулаймана ал-Лакзи ал-Гдынки переписал «Танбих ал-гафилин» Абу-л-Лейса ас-Самарканди (из записей в РФ ИИЯЛ).

(4) В 746 г.х. (1345—1346 г.) скончался ученый шейх Зийа ад-Дин Абдаллах ад-Дербенди (из «Дувал ал-ислам» Шамс ад-Дина аз-Захаби)

(5) В 737 г.х. (1336—1337 г.) скончался шейх Али б. Мухаммад ад-Дербенди (из записи Рафи аш-Шангода)

(6) Дата (принятия) ислама (жителями) Кубачи и смерти шейха Хасана из Шири 705 г.х. (1305—1306 г.) — из записи Мамма-Дибера из Гюнода в конце рукописи «Унмузаджа»

(7) Шейх Сулайман сын Али, сына Ахмада ал-Гумуки переписал для обохской мечети Коран в 815 г.х. (1412—1413 г. — из записей М. Инкачилау).

(8) Шейх хаджжи Умар, сын Мухаммада, сына Исмаила ал-Гумуки изучал науки в Багдаде, а также в Кумухе у шейха Ахмада ал-Йамани — это упомянуто под 848 г.х. (1444—1445 г.) в рукописи «Масабих» ал-Багави, принадлежащей Султану Мухаммаду из Тлоха.

(9) В 848 г. (1444—1445 г.) шейх факих Малик, сын Муса ад-Дагустани переписал «ал-Ваджиз» ал-Газали (из записей РФ ИИЯЛ).

(10) В 806 г.х. (1403—1405 г.) скончался шейх хаджжи Асельдер

Все приведенные выше надписи и записки показывают, что под «шейхами» выступают различные категории мусульманского духовенства — преподаватели религиозных наук, переписчики арабских рукописей, носители идей суфизма, слушатели при мечети, духовные наставники. На ранних этапах звание шейха связано с идеологией суфизма. Как указывал Е. Э. Бертельс, в ранние эпохи

всякий, кто желал посвятить себя мистическому самоусовершенствованию, должен был избрать себе духовного наставника, носившего титул *шейх* или *пир*, что означает *старец*, а человек, вступивший под начало шейха, назывался *мурид*. «Занимаясь своего рода экспериментальной психологией, шейхи вырабатывали в себе ряд свойств, в те времена производивших впечатление чудесных... Такие способности шейха, конечно, создавали ему репутацию святого и чудотворца и содействовали огромному росту его авторитета». Одним из основных этапов на пути становления является тарикат или сулук со своими «стоянками» («макам»), среди которых огромное место в деле духовного самоусовершенствования и приближения к богу занимают «вакф» («нищета»), понимаемый как обет нищеты, отказ от земных благ, обречение себя на нужду, и «сабр» («терпение»), понимаемый как основная добродетель суфия, как спокойное принятие как ниспосланной благодати, так и испытаний ²¹.

Многочисленные пиры в Южном Дагестане, особо благоговейное отношение к ним, многочисленные мавзолеи на могилах шейхов или пиров, легенды о чудесах, творимых пирами, свидетельствуют о широком проникновении в этот район в XI—XVII вв. суфийских идей. Образ «святого» (пира или шейха) ²² олицетворяется в страннике (шейх Ахмад, Шейх Халифа, пир Сулайман), которому совершенно чужды мирские блага, в человеке нищем, одетом в лохмотья, живущем за счет подаяний. Все дагестанские пиры наделены «чудодейственными» возможностями (пир Назар-Халифа в Курахе, над которым «замертво падает летающая мимо птица»; пир Ибрахима (сел. Курах), голова которого, отсеченная от тела, выкрикивала призыв к молитве; пир шейх Мухаммада (из Дулдуга), молившегося нависячем над рекой войлоке). Характерно, что в эпиграфических памятниках XVII в. и более поздних имя пира непосредственно связывается с суфиями (пир сефи Дауда в Тпиге; пир сефи Раджаба в Курахе).

История суфизма в Дагестане имеет длительную историю. В XI в., как видно из приведенных выше данных, из рукописи «Райхан ал-хакаик ва бустан ад-дакаик» («Базилик истин и сад тонкостей»), изучаемой ныне М.-С.-Сандовым ²³, Дербент представлял один из ведущих очагов суфизма на Кавказе. Тут же и составлено в конце XI в. одно из крупных сочинений по суфизму, упомянутое выше «Райхан ал-хакаик» Абу Бакра Мухаммада ад-Дербенди,

Конечно, районы Дагестана, особенно близко прилегающие к городу, не могли не испытать на себе влияние центра, переполненного суфиями и их муридами. Огромно было также влияние Азербайджана, где суфизм был сильно распространен. Именно под влиянием странствующих шейхов могло возникнуть ханака в Рутуле, построенное в 1150 г. по «приказу Абд ас-Самада сына Палки (?)»²⁴. Л. И. Лавров обратил внимание на то обстоятельство, что наличие ханака — общежития суфиев в XII в. «заставляет предположить, что в Рутуле были тогда религиозные учебные заведения»²⁵. Е. Э. Бертельс дает также описание ханака и его обитателей, которое можно почти полностью отнести к Рутульской обители суфиев: «Муриды обычно жили при шейхах в своего рода общежитиях (рибат, завийа, ханака, текке), строившихся при известных гробницах, больших мечетях и других аналогичных зданиях, хотя это было и не всегда обязательно и мурид мог оставаться у себя дома, жить с семьей и даже заниматься своим ремеслом. Ханака обычно существовало на вакф, средства, завещанные ему каким-либо благотворителем, а также и при помощи сбора подаваний. . . Муриды, жившие под руководством шейха в ханаке, обычно носили название факир (араб. — нищий) или дервиш (перс. — в том же значении)»²⁶. В последующем, для XIII—XVI вв., мы не имеем сведений о строительстве дервишских обителей в Дагестане, но письменный и эпиграфический материал показывает проникновение идей суфизма через деятельность шейхов (XIII в. — шейх Дауд Ба'ам ибн Сулайман ал-Лакзи ал-Гдынки, шейх ал-Багдади, Пир Сулайман в Лгаре, XIV в. — шейх Хасан аш-Шари; XV в. — шейх Сулайман б. Ахмад ал-Гумики, шейх Хаджжи Умар ал-Гумуки, шейх Хаджжи Асельдер в Аркасе, шейх Халифа в Кураре, шейх Ахмад в Гельхене; XVI в. шейх Ибрахим в Ахты, шейх Ибрахим в Орта-Стале, шейх Амир ал-Минлени и т. д.).

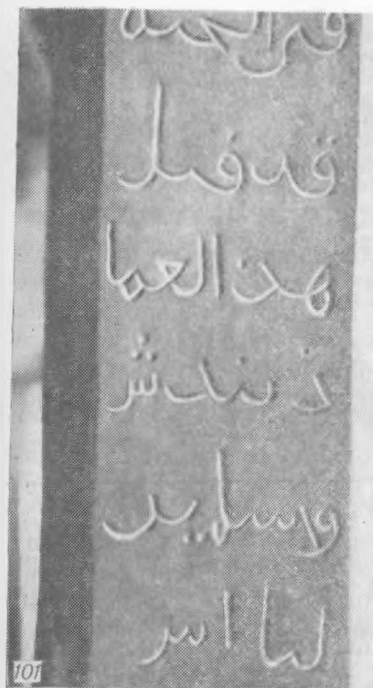
Мы не располагаем более полными сведениями о шейхах, их деятельности в Дагестане в XIV—XVI вв. Лишь в качестве аналогии следует указать, что деятельность шейхов более полно отражена в эпиграфическом материале Азербайджана, относящемся к XIV—XVI вв. Этот материал дает возможность говорить о существовании в Азербайджане суфийских организаций, различных дервишских течений, о продолжительном существовании дервишского ордена «Баб Самит» в Ширване, о деятельности в Азербайджане потомков Шейха Абу Саида Абу л-Хайра ал-Хорасани,

одного из основоположников суфизма на Переднем Востоке, о строительстве многочисленных ханака, о гробницах муридов, о шейхах—главарях религиозно-политических организаций, о деятельности общества ахив ²⁷.

В непосредственной связи с важным значением суфизма в идеологической жизни Азербайджана, а также с ролью шиизма в жизни государства Сефевидов стоит также и вопрос о роли шейхов-шиитов в религиозной жизни Южного Дагестана. В распространении шиизма в Дагестане примечательна роль шейха Джунейда (1447—1460 г.) ²⁸. Экспансионистские цели политики Джунейда, прикрываемые религиозными лозунгами (шиизм) ²⁹, встречали сопротивление местного населения ³⁰, но Джунейд имел сторонников среди части шиитов ³¹.

Уже давно отмечена роль дервишских общин в жизни ремесленного люда. «Можно предположить, что связь с дервишами облегчила ремесленнику борьбу с крупными предпринимателями и купечеством» ³². На суфийские маджлисы, устраивавшиеся дервишскими шейхами, собиралось много слушателей, большинство которых составляли ремесленники и мелкие торговцы ³³. М.-С. Саидов уже обратил внимание на сложный состав слушателей на маджлисах суфийских шейхов в Дербенте в XI в. (бумагоделатель, шелковод, мыловар, рыболов, швей, лекарь, работорговец и т. д.) ³⁴. Наличие ханака в середине XII в. в Рутуле, а также пиров-мавзолеев на могилах шейхов, живших в XIV—XVI вв. в Дагестане, подчеркивает влияние суфийской пропаганды и среди сельского населения.

131. Буршаг (Агульский район). Большую ценность представляет мечеть в селении Буршаг (внутренние размеры мечети 25×10,6 м) с вмонтированными в стену куфическими надписями, а также с деревянной кафедрой, почти сплошь покрытой арабским текстом на куфи. Мечеть неоднократно реставрировалась и перестраивалась, о чем сообщают надписи. Перекрытие мечети опирается на два ряда столбов (деревянные столбы, как правило, на каменных базах). Столбы позднего происхождения, однако один из них относится к XV в., о чем сообщает врезанная в дерево арабская надпись (рис. 101). Высота столба 3,22 м. В сечении он имеет прямоугольную форму (23×23 см), расширяясь к основанию (33×33 см). У прогонной балки столб завершается широкой фигурной капителью. Текст нанесен высокими (от 2 до 7 см) буквами и покрывает всю южную сторону деревянной конструкции

- (1) Во имя Аллаха,
- милостивого
- (2) милосердного. Вот
- (3) начал это дело
- (4) Идрис и М. к. (?)
- (5) Ибрахм
- (6) хан. Он строил
- (7) мечеть ради
- Аллаха
- (8) строил дом ради
- Аллаха,
- (9) в раю (?)
- (10) Сделал
- (11) это сооружение (?)
- (12) Зиндиш
- (13) и другие
- (14) люди.

(15—16) ... (17) и для того, кто смотрит
 (18) за добром (19) Дата восемь
 (20) сот (21) семь и (22) тридцатый
 (23) год (24) хиджры (25) пророка
 (26) над ним (27) мир.

(١) بسم الله الرحمن الرحيم قد (٢) بدأ هذا العمل (٣) (٤)
 ادريس ومق (٥) ابراهيم (٦) بن بنا (٧) لله مسجد (٨)
 بنا لله بيتا (٩) في الجنة (١٠) قد جعل (١١) هذا العمارة (١٢)
 زيندش (١٣) وسائر الناس (١٤) ... (١٥) وامن نظر (١٦) على
 الخير (١٧) تاريخ ثما (١٨) نماة و (١٩) سبع و (٢٠) ثلثين
 (٢١) سنة (٢٢) من هجرة (٢٣) النبي (٢٤) عليه (٢٥) سلام

Текст, как мы видим, не везде уверенно читается. После имени Идрис стоит слово, которое не расшифровывается. Объект строительства передан неполностью, может быть, *имарат*. Тогда следует читать *здание*, или *сооружение*, и речь идет о строительстве в 1433—1434 гг. новой мечети вместо старой. Возможно и иное чтение — *хаза-л-амал* — это творение.

Строки 15 и 17 вообще не читаются.

Вертикальная площадь столба диктовала создание коротких строк, в одно или два слова. В двух случаях допущен необычный для арабских текстов перенос слов (*Ибрахим-хан, восемьсот*). Характерно немусульманское имя строителя Зиндиш, снабженное для правильного чтения огласовкой. Необычно также написание слова *восемьсот* (*саманимат*, вместо *саманими'ат*).

Надпись на опорном столбе самая ранняя из датированных надписей Буршага. Хотя надпись выполнена на дереве, никаких элементов куфи мы не наблюдаем.

132. Сел. Камах (Дербентский район). Пedaлеко от селения расположено кладбище. Из старых плит сохранилась одна плита трапецевидной формы (140×55). По краю плиты идет коранический стих; центральное поле занято текстом в 6 строк

-
- (1) *Переселился из ада*
(2) *в загробную жизнь, а он*
(3) *Шамс ад-Дин б. Мухаммад*
(4) *ал-Хамāхī*
(5—6) *в восемьсот тридцать пятом*
году.
-

835 г. х.=9.IX 1431—27.VIII 1432 г.

Название селения передано как *Хамāх* вместо *Камах*, как было отмечено еще у Йакуби³⁵ и сохранилось в последующем, вплоть до наших дней, для общего стиля памятника характерна П-образная эпиграфическая лента, весьма редкая для Дербента, но обычная для памятников XII в. в Татиле; необычна также трапецевидность каменной стелы.

Надпись 1431—1432 гг. — единственная сохранившаяся датированная надпись Камаха. Камах наряду с Дарвагом и Химейди был построен арабами еще в VII в., заселен воинами, рабочими и строителями и был превращен, как пишет ал-Йакуби, в опорный пункт арабов для укрепления позиций ислама. Полукуфические надписи, в большом количестве сохранившиеся в лесу, к северо-западу от селения, говорят о том, что жизнь в ауле не прекращалась в XIII—XV вв.³⁶ и что, возможно, деятельность жителей селения была связана с охраной крупного прямоугольного форта — неотъемлемого компонента знаменитой Горной стены³⁷, остатки которой сохранились и по настоящее время. Форт известен у местного населения под названием «къеле» («крепость»), его сохранившаяся часть стены имеет в длину около 15 м (восточная стена) и 5,4 м (южная стена) при высоте в 8 м. Сам форт, очевидно, — один из 7 «городов» (о которых писал Йакут), построенных Ануширваном, и заселенных отрядом персидских воинов, называемых «ал-иннастикап». Арабы, по всей вероятности, и использовали Камахский форт, когда основали здесь «город», заселив окрестные земли арабскими воинами и строителями. Такова, возможно, и судьба форта близ сел. Хапиль.

133. Хапиль (Табасаранский район). К западу от Татия, севернее от сел. Хапиль также сохранились остатки форта при Горной стене. Форт расположен ныне в лесу, на местности Цалар («Ивовые деревья»), высота сохранившейся части стены достигает 7 м при толщине 2 м. В северо-западном углу прямоугольного форта сохранились остатки круглой башни (высота около 3 м, диаметр — более 2 м). Близ крепости — кладбище с памятниками, подобными поздним татильским.

Один из этих памятников (120×50×12 см) украшен треугольно-выемчатым орнаментом, при центральном поле вытянутой в длину формы с заостренным верхом.

Надпись в 6 строк, дата отсутствует

(1) Это (2) могила (3) Мухаммада
(4) сына Ша'ба — (5) на

Буквы в тексте в основном закруглены, но в слове *Мухаммад* буква *мим* передана в старой форме (треугольник),

а буква *нун* два раза передана подобно *ра* с точкой, как и в описанных нами выше датированных хивских надписях XIV—XV вв. Эти палеографические особенности позволяют нам при датировке памятника остановиться на XIV—XV вв. как наиболее вероятных.

Эти особенности характерны и для другой надписи на плите, стоящей рядом с надписью 133.

134. Ханиль (Табасаранский район). Плита примерно такой же величины, как и предыдущая, орнаментальные мотивы — те же, центральное поле также углублено, но имеет антропоморфные черты (рис. 102). Надпись, как и предыдущая, — врезная и не датирована.

-
- (1) Владелец этой
 - (2) могилы М. хр. сын
 - (3) Хусайна
 - (4) Шабана.
-

Текст характерен «игнорированием» *алифа* в словах *хаза* и *ал-кабр*; в слове *сахиб* долгота переведена на *и*; своеобразна трактовка буквы *ха* в слове *сахиб* — горизонталь, перечеркнутая косой линией. Такой прием уже встречался в надписи XIV в. из Хива и XV в. из Рутула. Буква *нун* (конечный) также выведена, как и в предыдущей надписи. Все это позволяет датировать памятники XIV—XV вв.

В местности Цалар сохранилось еще несколько (около 10) надмогильных плит, но надписи на них полностью стерлись.

Эти данные в какой-то степени облегчают понимание процесса складывания крупного населенного пункта Ханила, что к западу от описанного нами форта. Жизнь в форте или в селении вокруг него продолжалась длительное время начиная с VI в. и прекратилась в XV в.

Для изучения процесса образования крупных населенных пунктов ценный материал представлен также на могильниках при поселениях у ряда других населенных пунктов Дагестана. Эти надписи близ Хили-Пенджика, Калкни, Варсита, Зубанчи, Ираги, Джафуга, Маджалиса, Рутула.

135. Сел. Хили-Пенджик (Табасаранский район). К востоку от селения на местности Иски-кент («Старое селение»),

в лесу, сохранилось более 30 надмогильных плит с арабскими надписями. Преобладающее большинство их относится к XIII—XIV вв. Только два памятника выполнены в почерке насх и относятся, согласно тексту, к XV в.

Один из этих двух памятников представляет собой трапецевидную плиту (145×53 и 50×10 см) (рис. 103). Орнаментальные мотивы отсутствуют (в противоположность плитам XIII—XIV вв., обязательно снабженным геометрическим орнаментом, выполненным в крупном рельефе, а также глубоко трактованным центральным полем с врезной надписью, окруженным крупными в рельефе кораническими текстами). Текст почти полностью (кроме куньи погребенного) читается

-
- (1) *Это могила Йусуфа, сына...*
(2) *Скончался в году шестом*
(3) *и восемьсот семидесятом,—*
(4) *да простит Аллах его...*
-

876 г. х. = 20. VI 1471—7. VI 1472 г.

136. Хили-Пенджик (Табасаранский район). Рядом с 135 (110×47 и 40×8 см) чуть трапецевидной формы. Первая строка не сохранилась (возможно, *басмала*).

-
- (1) ... (2) *Это [могила] Ал'д*
(3) *сына Б. 'з (4) год шесть и*
(5) *восемьсот семьдесят*
-

Дата, как и в предыдущей надписи, соответствует 1471—1472.

Рядом с данным могильником, на противоположной стороне дороги имеется второй могильник с более поздними надписями (XVII—XVIII вв.). Количество таких плит 5.

137. Сел. Кадар (Буйнакский район). В этом, одном из старейших аулов Дагестана не сохранилось, к сожалению, старых надписей. Д. Н. Анучин писал, что из вещественных памятников в Кадаре сохраняется одна доска на мечети с арабской надписью конца XV в.³⁸ О судьбе этой надписи нам ничего неизвестно.

В 1979 г. во время эпиграфической экспедиции мы обнаружили ценную надпись (рис. 104). Она расположена

الموت حق
والحيات باطلا
صاحب هذا الف
بغريچ ابن قزچ
ما سنده شجان و
و شجان مات

у порога восточного входа в кадарскую мечеть. Речной камень (целда) небольших размеров (97×35 см), текст в 6 строк

- (1) *Смерть — истина,*
 - (2) *а жизнь — обман.*
 - (3) *Владелец этой могилы*
 - (4) *Бағарчи сын К.р.б.ч. (Къурбач) — да*
простит Аллах
 - (5) *их обоих. Год восьмой и девяно-*
стый
 - (6) *и восьмисотый.*
-

898 г. х. соответствует 1492—1493 г.

Оба имени *Бағарчи* и *К. р. б. ч.* (Къурбач?) — редкие. *Бағарчи* тюркское слово означает *медник* — это второй в дагестанской эпиграфике случай, когда собственное имя передано через профессиональное звание (первый случай — надпись 7 519/1125 г. из Гельмец — *Уста, сын Гайдана*). Этимологию слова *К. р. б. ч.* нам не удалось выявить на месте. Буква *ч* в обоих именах передана через *ха* с тремя точками, к сожалению, это единственная сравнительно старая надпись, сохранившаяся в этом селении. Самая старая плита на заброшенном и заросшем лесом аульском кладбище датирован началом XVIII в.

138. Рутул (Рутульский район). К северу от селения, в ущелье реки Сырга-меер расположено старинное кладбище (площадь примерно 200×100 м) с большим числом надмогильных плит, не датированных. Надпись сохранилась только на одной плите (речной камень $67 \times 57 \times 10$ см). Техника нанесения надписи своеобразна — обводом по контуру двумя точечными линиями

- (1) *Во имя Аллаха, милостивого, ми-*
лосердного
- (2) *Это могила (букв.: сад) прощен-*
ного, по-

- (3) койного Ахмада сына Б.р.т в
(4) году два и восемь —
(5) десят и восемьсот
(6) по хиджре пророка, — да благословит его Аллах и приветствует.
-

882 г. х. падает на 19.IV 1477—3.IV 1478 г.

В ущелье реки Сырга-меер протянулся цепью ряд поселений: Сырга (в 4 км от Рутала; по рассказам старожил, часть жителей Сырги переселилась в Рутул, часть — к лакцам; имеются надписи), Зурудик недалеко от селения, Бгна, Йисада, Мгра.

Точно так же в ущелье к востоку от Рутула, называемом Чала-гада, раньше были расположены аулы Русу (недалеко от Рутула), Хина и др. Надписи зафиксированы только на поселении Русу. Старинные поселения расположены также к западу от Рутула, вдоль реки Калыды, втекающей в Самур.

Историческая топография дагестанских аулов совершенно не изучена. Не изучены и даже полностью не зафиксированы сами поселения. Это лишает возможности говорить о каких-либо обоснованных выводах, подкрепленных археологическим изучением этих бытовых памятников. Да сами предположения могут быть отнесены лишь к отдельным частям Дагестана, более того — к отдельным вариантам развития дагестанского аула. В какой-то мере помогает опыт кавказской историографии, но взятый в типологическом плане, а не хронологическом. В грузинской исторической географии достигнуты явные успехи в изучении «периода хеви», возникновение которого было предопределено резким экономическим подъемом и углублением процесса социальной дифференциации в поздне-бронзовую эпоху. По древнегрузинским письменным источником *хеви* (ущелье) выступает как древнейшая территориально-административная единица древнегрузинского царства (ср. армянское *дзор* или *цор*)³⁹. Это было обусловлено физико-географическими особенностями Восточной Грузии. С экономической точки зрения *хеви* понималось Н. Д. Бердзенишвили как территориально-экономические объединения общества, сельское хозяйство которого было

основано на одной ирригационной системе — сельские общины (*сопели*) одного ущелья пользовались одной ирригационной сетью. Аспект историко-географический дополняется аспектом социальным — термин *хеви* стал вмещать в себе со временем понятия физико-географический и социально-экономический. *Хеви* становится территориально-административной единицей. Впоследствии, с дальнейшим экономическим и социальным развитием общества создавались более крупные территориальные объединения под тем же названием *хеви* или *хеоба*, уже объединившие несколько *ущелей*.

В этом плане имеет перспективу изучение реального (историко-географического и социального) содержания таких территориальных понятий, как «ущелье» в Дагестане (*Агул-дере, Кушан-дере, Керен-дере* и т. д.). В этом же плане могут представить значительный интерес приведенные выше данные о расположении древних рутульских аулов по ущельям Сырга-меер, Чалагада, Калыды. Аулы расположены близко друг от друга, протянулись по ущелью цепью вдоль мелких рек. Археологические обследования могут установить начальные этапы складывания исторической топографии этих поселений, определить характер самих поселений (открытого типа, укрепленные, естественно укрепленные), а эпиграфический материал (совместно с археологическими данными) определяет верхние хронологические рубежи.

Привлечение же топонимического материала и учет диалектных особенностей в функционирующих по ущельям населенных пунктах служат серьезным дополнительным материалом. Археологическое изучение всех поселений одного ущелья — необходимое условие для выявления социального содержания поселений в рамках определенной хронологии, характеристики изменений их структуры и в конечном счете — необходимый и неопровержимый материал для установления характера поселений, влившихся в крупный аул как его основные компоненты или же образовавших совершенно новый аул (родовые поселения, однотухумный или же многотухумный или же чисто территориальные). Решение всего комплекса этих вопросов обусловит в итоге характеристику социально-экономической жизни сельской общины, основанную на прочной источниковой базе, а затем — и процесса складывания союзов сельских общин, как объединение нескольких «ущелей» в территориально-административную единицу.

Все это следует рассматривать как один из вариантов решения вопроса, ибо физико-географические, исторические и другие факторы могут выдвинуть на первый план иные варианты и иные способы их интерпретации.

139. Сел. Маджалис (Кайтакский район). Близ селения Маджалис (к северо-западу) расположено поселение под названием «Эскизийрат». На кладбище около 10 надмогильных плит, часть которых орнаментирована и имеет врезные арабские надписи.

Одна из них (129×81 и 73×13 см) имеет трапециевидную форму (рис. 105), как и неглубокое центральное поле. Верхняя часть плиты отбита. Центральное поле обведено с трех сторон полосой растительного орнамента. Почерк — полукуфи. Текст имеет 8 строк, причем последняя строка полностью стерлась. Имя погребенного *Бабак* впервые встречается в дагестанской эпиграфике.

(1) *Владелец* (2) *этой могилы*

(3) *Бабак сын*

(4) *Мухаммада, — да простит*

(5) *Аллах... их*

(6) *и всех* (7) *мусульман* (8) ...

В грамматическом отношении вводный текст также необычен, так как слово *сахиб* дано с определенным артиклем.

Текст размещен по одному или два слова в строке. В 5-й строке после слова *Аллах* непонятное выражение, несвойственное традиционной формуле — испрошения милости. По палеографическим особенностям надпись можно отнести к XIII—XIV вв., скорее к XIV в.

140. Сел. Маджалис (Кайтакский район). Плита с полукруглым верхом, трапециевидной формы (рис. 106). Центральное поле такой же формы с листовидным навершием. Видное место занимает круг, трактованный в глубину. Орнаментальные мотивы отсутствуют. Строгая красота памятника подчеркивается хорошо обработанной плоско-

стью плиты. Надпись в три строки весьма лаконична, лишена вступительных коранических текстов

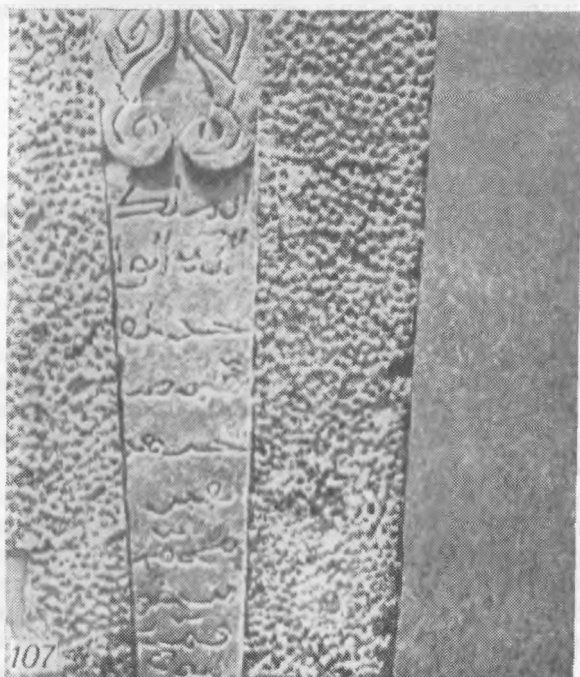
- (1) Владелец (2) этой могилы
(3) Шейх.
-

Почерк — насх, но в двух случаях катиб придерживается старых приемов письма — это начертания конечного *ба* в виде *ра* и срединного *кафа* в слове *кабр*. Это дает основание датировать памятник XIV—XV вв.

141. Сел. Маджалис (Кайтакский район). Высокая каменная плита (180×47 и 42×13 см) трапецевидной формы. Поле для надписи едва углубленное, полностью занято текстом. Оно завершается также листовидным навершием. Вся лицевая сторона покрыта точечным орнаментом — это придает памятнику весьма оригинальный и утонченный облик. Текст в 10 строк написан насхом, только в первом слове *мулк* еле улавливается тенденция передать слово «под куфи». Слово дополнительно вписано между строками 7 и 8. Датировка, как и на других маджалисских плитах, отсутствует, но по палеографическим данным и трактовке в высоту надмогильную плиту можно отнести к XV—XVI вв.

- (1) Царство
(2) принадлежит Аллаху, един-
(3) ному, всепо- (4) беждающему. Вла-
(5) делец этой (6) могилы А-
(7) ба Бакр, сын (8) К.й.д. (Кйд)—
(9) да простит его (10) Аллах.
-

142. Сел. Маджалис (Кайтакский район). Надмогильная плита также высокая, трапецевидность слабо выражена (195×50 и 40×12 см). Верхняя часть плиты занята двумя розетками, а в центральном поле надпись занимает только нижнюю половину (рис. 107). Строки текста распределены почти так же, как и в предыдущей надписи, с теми же приемами переноса текста, по тому же образцу.

-
- (1) Царство
 (2) принадлежит Аллаху, еди-
 (3) ному, всепо-
 (4) беждающему. Вла-
 (5) делец этой (6) мошлы
 (7) Мухаммад
 (8) сын, — да простит —
 (9) К.м.дж. (10) Аллах.
-

Памятник относится к XV—XVI вв.

143. Сел. Рича (Агульский район). В северной стене мечети имеется надпись

(1) Построил это... молла Мухаммад ар-Риджā и (Ричинский)

(2) ... р.м.хй и Хаджи, сын... ал-Джафуйй (Джафуский)...

(3) ... восемьсот пятьдесят шестой год.

856 г. х. 23.I 1452—11.I 1453 г.

144. Сел. Рича (Агульский район). В северной стене мечети расположен камень (40×23 см), центральное поле которого разделено на три секции. Надпись почерком насх датирована 907 г. х.

I поле

три строки, сохранилась только одна

Это реставрировал (джаддада)

II поле

Построил (бана) [это] священное

[здание] в день...

III поле

Дата — девятьсот девятый [год].

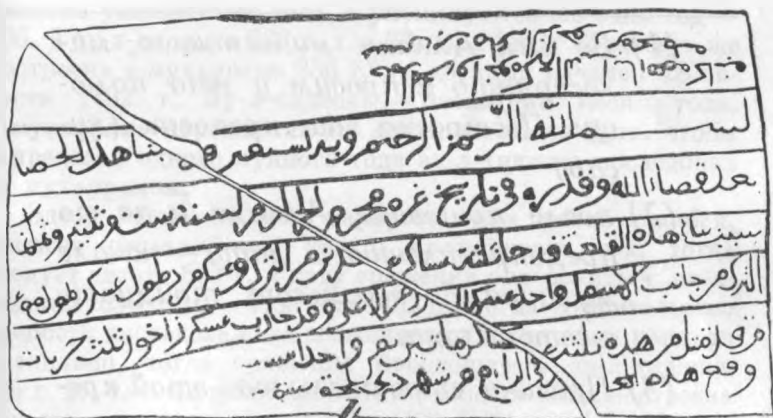
907 г. х. = 17.VII 1501—6.VII 1502 г.

145. Рича (Агульский район). Над входом на крышу мечети, в стену минарета вмонтирован камень (59×31 см) с надписью в 5 строк

(١) قد جدد هذا المئارة حج محمد وحج رمضان
(٢) ابن عبد الله في ولاية شرواني واما بعد فقد احفظ مدرسة
(٣) ثلث سنة وثلث سنة في رمضان وجدديوت امير حمزه واستا
(٤) محمد بن رمضان واستا محمد بن ملا خجو وكتبه بدي ابن
(٥) ادم تاريخ سنة خمس وثمانون من هجرة النبي بعد الف

- (1) Вот возобновили этот минарет
хаджи Мухаммад и хаджи Рамазан
 - (2) сын Абдаллаха в(из) вилайата
Ширванского. А затем они забо-
тились о медресе
 - (3) три года и три (треть ?) года в
[месяце] рамадан. И возобновили
дома Амир Хамза и уста
 - (4) Мухаммад сын Рамазана и уста
Мухаммад сын Молла Х-ч-ф. На-
писал этой Будай, сын
 - (5) Адама. Дата — год восемьдесят
пятый после тысячи.
-

146. Сел. Цахур (Рутульский район). Эта надпись — одна из наиболее важных, зафиксировала события 1432 г. в Южном Дагестане. Текст надписи с переводами на русский и французский языки издан Н. В. Ханыковым ⁴⁰. Л. И. Лавров издал более точный перевод (по эстампу Н. В. Ханыкова) ⁴¹.

(١) بسم الله الرحمن الرحيم وبه نستعين
 قد بنا هذا المحصار
 (٢) بعد قضاء الله وقدره في تاريخ غره محرم
 الحرام السنة ست وثلثين وثمانماية
 (٣) سبب بناء هذه القلعة قد جاء ثلاثة عساكر
 عسكر من الترك وعسكر من رطول عسكر رطول مع
 عسكر
 (٤) الترك من جانب اسفل واحد عسكر الترك
 من الاعلى وقد حرب عسكر ز اخور ثلث حربات
 (٥) وقد قتل من هذه ثلاثة عساكر مائتين نفرا
 وواحد استنفر...
 (٦) وقع هذه المحاربة في اربع من شهر ذي الحجة
 اسنة المذكور

(1) Во имя Аллаха милостивого, милосердного и просим у него помощи. Построена эта крепость (хисар)

(2) после приговора Аллаха и по его предопределению в дату — начале мухаррама восьмьсот тридцать шестого года.

(3) Причина строительства этой крепости (қал'а): пришли три войска, [в том числе] два войска тюрок

и одно войско Рутула. Войско Рутула с одним войском

- (4) тюрок [пришло] снизу, а одно войско тюрок сверху. И сразилось войско Захура тремя сражениями.
(5) и убито из этих трех войск двести человек, а одно [из них] убежало...
(6) Произошло это сражение в четвертый [день] месяца зи-л-хиджжа упомянутого года.
-

Вверху написано в перевернутом виде

- (1) Сделавший ('амил ?) Мухаммад и его брат Карим ад-Дин, сыновья их. Написавший (катиб)
(2) Иса б. Мамай аз-Захури...
-

Как указано в тексте, сражение имело место 4 зи-л-хиджжа упомянутого года, а упомянут только один год — 836. 4 зу-л-хиджжа 836 г. х. = 22 июля 1433 г. Крепость же построена в мухарраме 836 г. х., который начался 28 августа 1432 г. Зу-л-хиджжа — последний месяц года, а мухаррам — первый, так что никак не могло быть, чтобы в пределах одного лунного года зу-л-хиджжа последовал за мухаррамом.

Здесь возможны два варианта: или катиб ошибся, написав указанный год вместо предыдущего года, тогда следует читать 835 г. и дату сражения определить 4 зи-л-хиджжа 835 г. х. = 3 августа 1432 г., тогда строительство крепости последовало за сражением; или же текст написан правильно, тогда сражение произошло 4 зи-л-хиджжа 836 г. х., т. е. 22 июля 1433 г., а крепость была построена раньше, т. е. в мухарраме 836 г. (28. VIII—26. IX 1432 г.).

Вслед за Н. В. Ханыковым и Л. И. Лавровым первое предположение кажется нам более точным, тем более что сама надпись приводит к выводу о том, что причиной строительства крепости было уже состоявшееся сражение.

В данной надписи Цахур впервые предстает как самостоятельная политическая единица, сумевшая отразить одновременно и «войско Рутула» и «войска тюрок». Под «войсками тюрок» следует понимать отряды Искандара Кара-Кююнлу, совершавшего разорительные походы в Ширван и Дагестан ⁴². Ни один из других документов не сообщает нам о сражении, имевшем место в Цахуре в 1432 г.

В надписи сообщается о двух путях — верхнем и нижнем. Жители Цахура сообщили нам, что раньше из Рутула в Цахур шли не мимо Гельмеца, как сейчас, а через Ихрек — местность Гашша — местность Къежай. Это и есть, по-видимому, «нижняя дорога». Вторая же дорога — в сторону Аттагайского перевала, которая была известна и раньше. Как рассказывали мне старожилы, Цахур в старину имел двое ворот: одни — в сторону Ихрека, другие — в сторону Аттага.

Несколько слов о крепости. В надписи сообщается, что крепость была построена в связи с военными событиями в целях охраны границ селения. Надпись не указывает, где именно эта крепость была построена. В настоящее время на горном склоне выше селения сохранились развалины какого-то сильно укрепленного здания.

Л. И. Лавров считает цахурскую надпись несохранившейся. На самом деле надпись сохранилась. Она нанесена на обычный строительный речной камень (60×32 см), который находится в настоящее время в стене школьного здания (бывшего здания мечети).

147. Сел. Гуладти (Кайтакский район). В селении имеется мечеть, сложенная из хорошо обработанного строительного камня. В южной стене мечети вмонтировано несколько надписей, использованных, по-видимому, вторично после разрушения старой мечети. Со слов старожил, мечеть несколько раз реставрировалась. Старейшая надпись мечети нанесена рельефом на двух полях, причем второе поле состоит из двух парных строк. Надпись (43×35 см) хорошо читается (рис. 109).

(1) Реставрирована эта мечеть в месяце джумада

(2) ал-ула восемьсот восемьдесят девятого года.

Два поля отделены друг от друга полосой, на которой мелкими буквами врезана надпись

Хайдар, сын Д.р.к

Джумада ал-ула 889 г. х. начался 27. V 1484 г.

148. Сел. Гуладти (Кайтакский район). Рельефная надпись в две строки, под куфи, но, по всей вероятности, она синхронна предыдущей. Каменная плита с надписью (62×24 см) хорошо обработана (рис. 110). Надпись содержит басмалу и формулу единобожия.

149. Сел. Гуладти (Кайтакский район). Рельефная надпись в две строки (58×43 см) плохо читается. На полосе, отделяющей эти две строки, врезана надпись мелкими буквами

Реставрирована (эта) мечеть в субботу месяца джумада-л-ула.

Дата же врезана под первой строкой

восемьсот восемьдесят девять.

Первая суббота джумада-л-ула 889 г. падает на 29 мая 1484 г. К этому времени и относится реставрация мечети.

150. Сел. Арсуг (Агульский район). В местности *Накъвар чавчал* (*накъвар* — кладбище, *чавчал* — не поддается объяснению) — старое кладбище, где сохранилось несколько надмогильных плит.

Песчаниковая плита (71×52×8 см) — *дагьран гьван*, имеет 6 строк арабского текста, насхом

- (1) Владелец этой
 - (2) моилы Мухаммад, сын Мунджида сына Ахмада
 - (3) сына Мунджида, сына С.д.к — да осветит Аллах их моилы, —
 - (4—6) Он умер у восьмьсот пятьдесят четвертом хиджры пророка, — да благословит его Аллах
 - (7) и приветствует.
-

854 г. х. = 14. II 1450 — 2. II 1451 г.

151. Сел. Арсуг (Агульский район). Рядом с предыдущей надписью, на такой же невысокой песчаниковой плите (78×66×8 см), в 9 строк, врезанный почерком насх

- (1) Владелец (2) этой моилы
 - (3) Исрапил, сын Мунджида, сына
 - (4) Ахмада, сына Мунджида, сына С.д.-
 - (5) к — да осветит Аллах их моилы.
 - (6) Он умер в году восемь-
 - (7) сот пятьдесят четвертом —
 - (8) по хиджре пророка, — да благословит А
 - (9) ллах его и да приветствует.
-

854 г. х. = 14. II 1450 — 2. II 1451 г.

Оба памятника поставлены в одном и том же году, посвящены двум братьям, как можно судить по генеалогической цепи, начало которой связано с немусульманским именем *С. д. к.* По внешнему и стилистическому оформлению обе надписи однотипны, вводный и благожелательный тексты однообразны. К особенностям второго текста относится свободный перенос слов *С. д-к, А-ллах*; в обоих случаях практикуется *хаза* без *алифа* долготы. Имя Мунджид раньше в дагестанских эпиграфических памятниках не встречалось, как и имя Исрапил.

152. Сел. Хули (Акушинский район). На окраине селения Хули (Хъули) находится кладбище с большим числом куфических и на насхе надписей. Некоторые памятники датированы, один имеет шахмальскую эмблему. Надпись в 5 строк

-
- (1) *Смерть — истина, жизнь —*
(2) *обман. Владелец этой*
(3) *могилы Мамма сын Али*
(4) *год — восемь и тридцать*
(5) *и девятьсот по хиджре.*
-

938 г. х. = 15 VIII 1531—3.VIII 1532 г.

153. Хули (Акушинский район). Единственный памятник из Хули, «выдержанный» в «шахмальском стиле». Подобно памятникам на шамхальском кладбище в Кумухе (XV—XVII вв.), памятник из Хули снабжен в верхней части «шамхальской» эмблемой, окруженной четырьмя розетками, покрытыми перекрещивающимися прямыми (рис. 111), по левому и правому краю во всю длину плиты тянутся орнаментальные полосы, выведенные в рельефе, а центральное поле, занимающее основную часть лицевой стороны плиты, имеет врезную надпись в 6 строк. Памятник высокий, трапецевидность весьма слабо выражена (180×66 и 64×12 см)

-
- (1) Смерть — истина,
 (2) жизнь — обман.
 (3) Владелец этой
 (4) могилы Ш.б.т сын
 (5) Х. зй, — да осветит
 (6) Аллах могилы их обоих.
-

Имя погребенного и его отца — немусульманские. По аналогии с датированными кумухскими памятниками надпись может быть датирована XVI—XVII вв.

154. Сел. Хули (Акушинский район). Плита высокая (180×60×18 см), также лишена орнаментальных мотивов, текст имеет 12 строк

- (1) *Смерть — истина,*
(2) *а жизнь —*
(3) *тщетна. Владелец*
(4) *этой могилы*
(5) *Халил сын* (6) *Шамхāла, —*
(7) *да простит Аллах их обоих*
(8) *и всех мусульман —*
(9) *всех. Да* (10) *та — год тысяча*
(11) *тридцать* (12) *пятый.*
-

1035 г. х. = 3.X.1625—21.IX.1626 г.

Рядом недатированная плита (115×53×15 см) с именем Ач. н, сын Шахмала.

Во всех перечисленных выше надписях из сел. Хъули дан один трафарет — вводный текст начинается со слов *Смерть — истина, жизнь — обман*. Изречение это взято из текстов куфических надписей, встречающихся на этом кладбище. В тех же надписях не допускается перенос части слов. Значительный интерес представляют немусульманские имена, бытующие еще в XVI—XVII вв. К ним относятся: *Мамма, Ш. б. т., сын Х. зй, Ач. н., сын Шамхāла, Б. з., М. с., Шйбз, Ар. ш, сын Ар. ш, М. с, сын Б. р. кс.*

Последние шесть имен взяты мною из надписей, описание которых в работе не дано. В обследованных мною надписях количество мусульманских имен уступает немусульманским.

Изучение эпиграфических памятников показывает, что Хъули был одним из старейших аулов, расположенных на границе территорий, населенных даргинцами и лакцами.

155. Сел. Хунзах (Хунзахский район). Эта надпись уже известна в науке. Со ссылкой на М.-С. Саидова и Д. М. Атаева Л. И. Лавров⁴³ сообщает о надписи 734/1333 г., хранящейся в стене мечети Самилял. В то же время Л. И. Лавров воспроизвел арабский текст надписи «на стене

кинотеатра, бывшего здания квартальной мечети», датированной 943/1527—1528 г.⁴⁴

Рисунок был воспроизведен по эстампу. Фотография надписи не издавалась. При издании указанных надписей Л. И. Лавров не обратил внимания на то обстоятельство, что речь идет об одной и той же надписи (мечеть Самилял и здание кинотеатра — это одно и то же здание), причем в свое время 934 ошибочно было воспринято как 734 г.⁴⁵ На фотографии (рис. 112) хорошо видно, что речь идет именно о 934 г. х. Надпись рассказывает о строительстве здания *Мухаммадом, сыном С. р. н. джа*. Надпись нанесена на известняковой плите (62×25 см) в низком плоском рельефе (явление редкое для строительных надписей XVI в.). Текст обведен неглубокой линией. Имя *С. р. н. дж* больше в памятниках эпиграфики не встречается. Текст в 2 строки

(1) Построил здание этого дома Мухаммад, сын С.р.н.джа, — да продлится его жизнь!

(2) Дата — девятьсот тридцать четвертый год.

934 г. х. = 27.IX 1527—14.IX 1528 г.

934/1527—1528 г. из Хунзаха — самая ранняя из известных нам датированных надписей из этого селения, хотя более ранние, но недатированные надписи имеются.

155а. Сел. Хунзах (Хунзахский район). На кладбище *Клудя хабал* («большое кладбище») по пути из Хунзаха в Арани сохранились две известковые плиты. Обе надписи (текст центрального поля) опубликованы Л. И. Лавровым с переводом⁴⁶, фотография не издавалась, как и подробное описание самого памятника.

Плита имеет ярко выраженную трапециевидную форму (рис. 113). Восточная сторона полностью покрыта текстом или орнаментальными мотивами. Центральное поле — трехчастное. Верхние две части — трактованные в плоском и низком рельефе растительные мотивы, причем верхнюю часть плиты занимает «шамхальская эмблема», по которой Л. И. Лавров и датирует памятник I половиной — серединой XVI в. По краям — П-образная эпиграфическая полоса, местами плохо сохранившаяся.

112

113

Весь комплекс внешних данных памятника (трапезиевидная форма, П-образная эпитафическая лента, поле, разделенное на 3 части, одну из которых занимает эпитафия, эмблема шамхальского типа) находит аналогии в памятниках шамхальского кладбища в Кумухе (XVI—XVII вв.), и поэтому датировка памятника, предложенная Л. И. Лавровым, нам кажется правильной. Надпись центрального поля прочитана и переведена Л. И. Лавровым:

- (1) *Обладатель этой могилы Гавур-
галау Ивāн сын Гавуряя, по про-
звищу Бахсāн,*
(2) *Владелец слуг, имущества и бо-
гатства, с властью в бою.*
-

Особый интерес представляет немусульманское имя местного феодала, «*обладателя слуг, имущества и богатства, с властью в бою*».

Может быть, расшифровать это имя как *Гургилау Ивāн сын Гургй* с передачей утвердившейся по аварски формы *Гургилау Иван* (*Гургй Иван*) будет более правильным.

Стоящая рядом плита с надписью (также издана Л. И. Лавровым, но без фотографии) вносит некоторую ясность — имя погребенного *Мухаммад сын Бахсана*. Л. И. Лавров прочитал Мухаммад, сын *Бахса*). Очень возможно, что *Мухаммад, сын Бахсана* является сыном *Георгилау Ивана*, сына *Георги*, называемого *Бахсаном*. *Иван, сын Георгия* (полнее: *Георгилау Иван, сын Георгия*), получив имя *Бахсан* (этимологически это имя остается неясным) или прозвище *Бахсан* (по всей вероятности в связи с переходом в ислам), уже в дальнейшем своим детям дает не христианские, а мусульманские имена (*Мухаммад*).

В первой надписи весьма ценной представляется также

последняя строка — *сахиб ал-гулман ва-л-мал ва-л-гина ма'а-д-давлат-фи-л-қитал*, переведенная Л. И. Лавровым: *владелец слуг, имущества, и богатства, с властью в бою*. Последнее выражение (*ма'а-д-давлат фи-л-қитал*) переведено как самостоятельное словосочетание, не связанное со словом *сахиб*. Если иметь в виду эту связь, то все предложение понималось бы с иным оттенком: *обладатель слуг, имущества и богатства [вместе] с властью в бою*, т. е. в лице *Бахсана* мы видим феодала, сочетавшего в себе светскую власть и власть предводителя войска. Сын его *Мухаммад* также оказался в числе военной знати и погиб во время похода.

156. Сел. Хури (Лакский район). Камекъ (рис. 114) с этой надписью (75×51×16 см) расположен сейчас у дороги, идущей на Хурухри, слева, не доходя метров 30 до мавзолея. Верхняя часть памятника не сохранилась, судя по тому, что эмблема сохранилась, можно предположить, что высота плиты не превышала 1 м.

Две широкие полосы делят плиту по вертикали на три равные части, причем боковые полосы образуют вместе с верхней частью П-образную эпиграфическую ленту с буквами, начертанными в плоском рельефе, высокими. Центральное же поле разделено также двумя горизонтальными широкими полосами на три прямоугольные секции, каждая из которых имеет особую смысловую нагрузку: верхняя секция вмещает только медальон, заполненный листовым орнаментом — прообраз «шахмальной эмблемы» более поздних времен. Изображение дисковидное, вытянутое сверху, снабжено в верхней части двумя ответвлениями. Средний прямоугольник центрального поля занят текстом с именем погребенного, причем текст расположен в 4 строки, читать которые следует снизу вверх

Это могила Сулаймана, сына Умара.

Нижний и завершающий прямоугольный участок содержит дату в 4 строки, и они читаются обычно — сверху вниз

(1) Д[ата] — год (2) ...

(3) восемьдесят (4) семьсот/.

Таким образом, памятник датируется в пределах 780—789/1378—1387 гг. Это самый ранний памятник, обнаруженный в Хури (да и в Кумухе с окрестностями), и самый ранний экземпляр надмогильной плиты «шамхальского стиля».

Широкая обрамляющая полоса, проходящая по краю, образует П-образное эпиграфическое обрамление — один из характерных компонентов композиционного узора памятников подобного стиля. Начинает вырисовываться трапециевидная форма контуров как плиты в целом, так и центрального поля. И надписи, и орнаментальный узор выполнены в низком плоском рельефе.

П. М. Дебиров, разбирая вопрос о классификации надгробий Дагестана, отмечает, что к концу XVI в. в сел. Кумух окончательно складывается орнаментальное убранство «казикумухского варианта». Оно имеет несколько особенностей.

1. В композицию узора входит только одно П-образное обрамление.

2. «... орнаментальный диск, помещенный всегда в верхнем прямоугольном участке поля, приобретает листовидную форму с высоким отростком на вершине и двумя симметрично расположенными лилиевидными листьями на конце отростка. Оба листка упираются спинками в верхний край прямоугольного участка.

3. Орнаментом покрываются и боковые грани, надписи помещаются и с тыльной стороны памятника»⁴⁷.

Надпись из Хури (расположено недалеко от Кумуха, на правом берегу Казикумухского Койсу) показывает, что многие черты этого стиля уже сложились к последней трети XIV в. и в дальнейшем шло по существу усовершенствование и развитие черт, уже представленных в надгробии, из Хури.

157. Хури (Лакский район). Плита (рис. 115) расположена у южной стены мавзолея. Она имеет высоту 134 см при ширине 59 и толщине 30 см. Контуры плиты имеют прямоугольную форму, обрамляющая эпитафическая полоса с кораническим текстом уже по сравнению с 156, центральное поле разделено по горизонтали на три различных по величине прямоугольника. Верхнее поле почти полностью занимает рельефный диск, имеет в верхней части отросток, от которого симметрично отходят два лилиевидных листа. Медальон сопровождают две симметрично поставленные гофрированные шишечки, фон глубже, чем на остальных двух участках. Средний участок также отведен имени погребенного с добавлением благопожелательной формулы. Нижнее поле дает дату. Надпись центрального поля прочитана и издана Л. И. Лавровым. Текст центрального участка — в две «сдвоенные строки», текст третьего, нижнего участка в настоящее время уничтожен (читаются только *тарих* и *ибн*).

(1) Это могила Фатимы, дочери Аиши, — да простит Аллах их обеих и всех мусульман.

(2) Дата — год девятьсот девяносто девятый⁴⁸.

999 г. х. = 30.X 1590—18.X 1591 г.

В этой надписи имя Аиша осталось у Л. И. Лаврова непрочитанным. Вторая строка ныне не сохранилась, она восстановлена по Л. И. Лаврову. П-образная эпитафическая лента включает коранический текст (1 сура Корана). Рядом с надписью 157 (рис. 115) стоит плита (120×59×17 см), датированная 1037/1628 г., с именем *Иса, сын Умма*.

158. Хури (Лакский район). Верхняя часть плиты с эмблемой не сохранилась. Остальная часть (82×65×12 см) содержит пять участков центрального поля, но надпись читается на полях 1—4. Каждое поле содержит по одной «сдвоенной» строке (рис. 116)

-
- (1) ...
 (2) Это могила 'Абд... Ахм[ада]
 (3) Дата—год тысяча одиннадцатый.
 (4) Смерть—чаша, всякий вкушает ее.
-

1011 г. х.=30.V 1604—18.V 1605 г.

В селении обнаружено также еще 4 памятника описанной группы, в двух случаях надписи не сохранились, в остальных читается только

- (1) Это могила... сына Джамала и
 (2) Это могила Мухаммада, сына...
-

159. Хури (Лакский район). Представляет также интерес мавзолей, вокруг которого и расположены почти все описанные выше надгробия. Сам мавзолей (рис. 117) известен у местного населения под названием «Муса къатта» («Дом Мусы»). Мавзолей представляет собой прямоугольное в плане купольное здание ($6,36 \times 3,37$ м) при наибольшей высоте стен камеры в 2,3 м. У входа в помещение на каменной плите ($125 \times 37 \times 11$ см) высечена арабская надпись Л. И. Лавров назвал святилище «кладбищенской мечетью» и издал надпись в таком чтении и переводе ⁴⁹

(١) هذا العمار اثم بن اثم بن خان اثم
(٢) التاريخ الف واربعون وخمس سنة

- (1) Это здание М-ра б. Хан Адж. к.ла
(2) Дата — тысяча сорок пятый год.

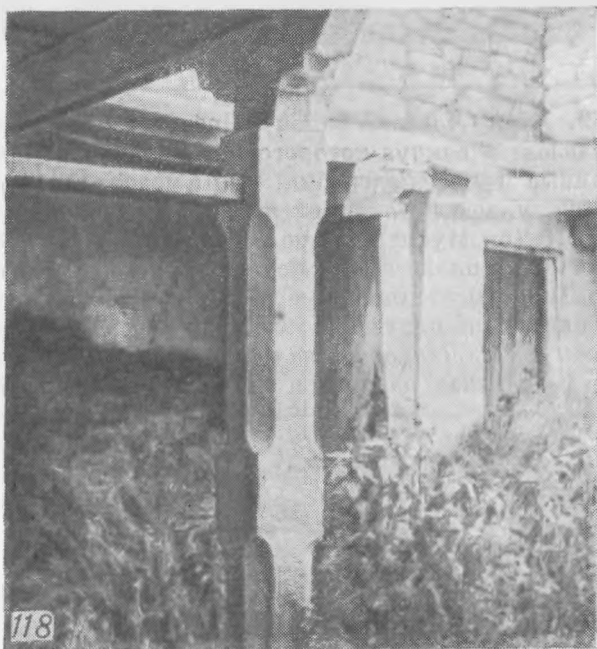
Такое чтение было предложено им по фотографии. В действительности же имена в тексте читаются иначе

(1) Это здание Уцума (или Уцуми)
сына Хан Уцуми

(2) Дата — тысяча сорок пятый год.

1045 г. х. = 17.VI 1635 — 4.VI 1636 г.

160. Хури (Лакский район). Древнейшее сооружение, сохранившееся в ауле, — это здание мечети. Здание мечети, квадратное в плане имеет внутренние размеры 11×11 м. Перекрытия мечети поддерживалось тремя рядами опорных столбов, из которых два ряда имеют каменные столбы с каменными же фигурными подбалками. Эти каменные конструкции, по-видимому, сохранились от первых строителей мечети. Высота столбов около 4 м. Надпись левее от входного проема (48×20 см) зафиксировала первое строительство мечети и имя мастера (рис. 118).

*(1) Творение ('амал) мастера (устада)
этой мечети Мухаммада*

*(2) Дата — девятьсот восьмидесятый
год.*

980 г. х. = 14.V 1572—2.V 1573 г.

В стене той же мечети вмонтирована другая (низкий рельеф) надпись на каменной плите (117×40 см) с двумя полями, причем надпись также рассказывает о строительстве мечети. Очевидно, старая мечеть подверглась основательному разрушению и потому здание пришлось строить заново с использованием основных конструкций первой мечети. Текст надписи упоминает не только имя мастера, но и участие джамаата в строительном деле. После коранического текста следует:

*Построили эту мечеть Мухаммад и
Ахмад с помощью джамаата (в)
тысяча сто сорок пятом году.*

1145 г. х. = 24.VI 1732—13.VI 1733 г.

Значительное число памятников так называемого «шамхальского» стиля сохранилось в селении Кумух, столице Газикумукского шамхальства, одном из старейших культурных и экономических центров Дагестана. Эти памятники расположены на трех кладбищах: шамхальское, или хапское (35 надгробий), к западу от селения; табаклинское кладбище, или Хухъал, к востоку от селения (8 надгробий); кладбище Чилейми, к северу от селения (10 надмогильных стел). Фактически селение зажато с трех сторон этими кладбищами, а с юга — рекой Казикумукское Койсу.

161. Сел. Кумух (Лакский район), кладбище Хухъал, или Табахлу. В 1957 г. текст этой надписи и перевод были опубликованы М.-С. Саидовым, а затем перепечатаны Л. И. Лавровым⁵⁰. П. М. Дебиров издал фотографии надгробия и дал подробный искусствоведческий анализ памятника. Он же отметил своеобразие декора лицевой стороны (две параллельные трапециевидные формы, центральный орнаментальный мотив на тыльной стороне)⁵¹.

В 1971 г. мы обследовали на этом кладбище еще 8 надгробий шамхальского стиля, в том числе датированные — 997, 1016, 1018, 1008 г. хиджры (соответственно 1588—1589, 1607—1608, 1609—1610, 1599—1600 г.). -

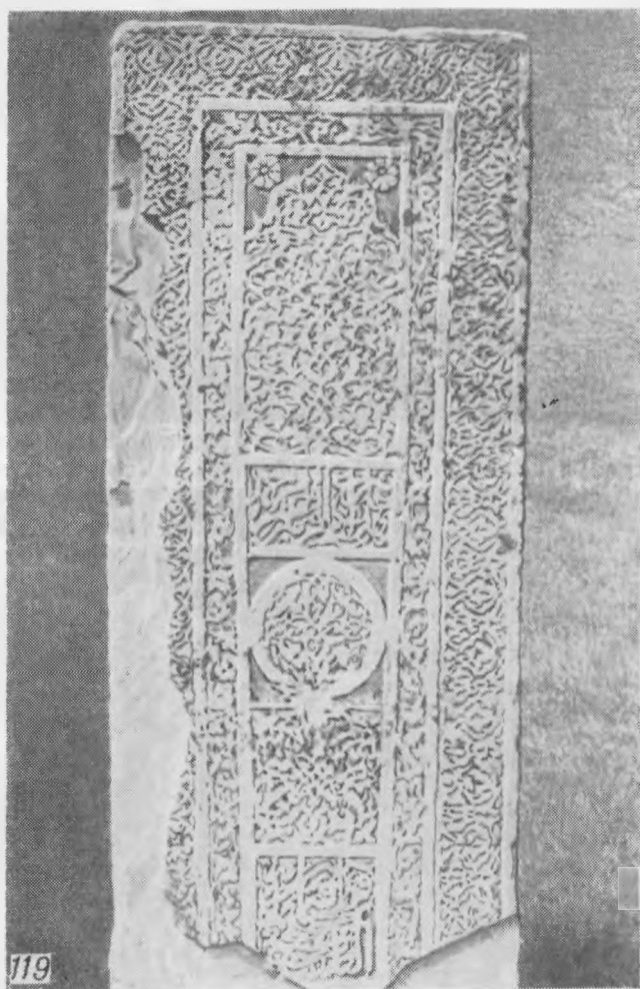
Для полноты характеристики хукалского комплекса мы повторяем текст и перевод надписи, изданной М.-С. Саидовым и Л. И. Лавровым. Надгробие сравнительно больших размеров (210×83 см—верх и 76×12 см низ).

Центральное поле расчленено по горизонтали на 6 прямоугольных участков, орнаментальных и текстовых, причем дисковидная фигура помещена не на примыкающем к верхнему краю поле, а на третьем сверху участке (прием, не обычный для преобладающего большинства памятников шамхальского стиля, вернее, он не получил дальнейшего развития). Два текста разделены орнаментальными узорами. Надгробие поставлено на могиле представителя мусульманского духовенства.

(1) *Это могила паломника обеих свя-
тынь 'Умара сына Ахмада'*⁵².

(2) *Дата — восемьсот восемьдесят де-
вятый год*⁵³

889 г. х. = 1484—1485 г.

162. Сел. Кумух (Хухъял). Сохранилась только часть плиты ($90 \times 59 \times 12$ см), одно поле с плоским растительным орнаментом: верхняя часть поля с надписью. Надпись полностью не читается (рис. 120).

— *Это могила ... Ахмада... /Ф/атим-
[ат, дочери].*

На тыльной стороне нет ни надписей, ни орнаментальных мотивов.

163. Сел. Кумух (Хухъял). Надгробная плита ($70 \times 63 \times 17$ см) также полностью не сохранилась. Из четырех полей только нижнее занято орнаментом. Широкая эпитафическая полоса внешнего контура как бы прерывается новыми элементами — парными многодольчатыми розетками. Как и в надгробии 161, появляется узкая орнаментальная полоса, окаймляющая центральное поле. П-образная эпитафическая лента обведена в нижней половине полуциркульными полосами, создавая своеобразные картуши. Сохранившаяся часть текста читается полностью (рис 121). Строки «двух- и трехэтажные».

*(1—3) Хозяин этой могины... Дата —
год седьмой и девятьсот девя-
ностый.*

997 г. х. = 1588—1589 г.

164. Сел. Кумух (Хухъял). Надгробие (152×75 и 60×11 см) почти полностью сохранилось (рис. 122). Центральное поле окаймляет широкая эпитафическая лента. Центральное поле из четырех частей имеет листовидную эмблему и дисковидную фигуру, сопровождаемые многолепестковыми розетками. Все узоры и надписи нанесены в низком рельефе. Фон эмблемы более глубокий, резьба становится двухплановой. Тыльная сторона также покрыта текстом, имеет углубление с шишкообразной фигурой. Дата отсутствует. Текст надписи:

- (1) Это могила счастливого, мученика
(2) паломника обеих святынь, Мамма,
сын Киласа.

По своему содержанию и формуле сближается с двумя другими надписями, в свое время зафиксированными Али Каяевым, но ныне не сохранившимися.

الشباب المليح الاعز الاكرم الامجد المصفور الشهيد المقتول
في القتال كفار چركس محمد بن عمل محمد المحرم سنة ست
وتسعمائة

Юноша прекрасный, благородный, са-
мый щедрый, славнейший, прощенный,

счастливым, мученик, убитый в сражении с неверными чаркас Мухаммад сын Уммал Мухаммада, — в месяце мухаррам девятьсот шестидесятого года.

974 г. х. = 1566—1567 г.

هذا قبر بوعدای شمخال بن عمال محمد غفر الله لهما
السعيد الشهيد في معركة الكفار سنة 974 صاحب الدولة
الشجاع

Это могила Бӯ'дай-шамхāла, сына 'Уммал Мухаммада, — да простит Аллах их обоих, — счастливого (павшего) мучеником в сражении с кафирами. Он обладатель власти, храбрый⁵⁴.

Муххаррам 960 г. х. падает на конец 1552—начало 1553 г.

Возможно, Мамма (?), сын Киласа также был в числе «мучеников» в борьбе «с кафирами» за пределами Дагестана. Ориентировочно надгробие можно датировать серединой XVI в.

164а. Сел. Кумух (Хухъал). Массивная невысокая плита трапецевидной формы (140×65 (50)×16 см) окаймлена П-образной полосой, верхняя линия которой несет растительный орнамент, прерывая эпиграфический ряд на две половины (рис. 123). Центральное поле в значительной степени занято листовидным диском — эмблемой,

превосходя площадь остальных трех полей, предназначенных для текста. Одно поле с надписью сохранилось полностью, а в двух нижних осталось только одно слово

- (1) Это могила 'Умара, сына Хали-
да, — да простит Аллах [их обоих]*
(2—3) ... год...
-

Эту надпись также предположительно следует датировать XVI в.

165. Сел. Кумух (Хухъал). Плита (104×77×11 см) обведена по контуру эпиграфической полосой, текст которой врезан в камень (первый случай среди описанных памятников). Верхнюю половину центрального поля занимает дискообразная эмблема с шестилепестковыми розетками по бокам. Фон глубокий. Ниже — два поля с текстом, вырезанным в низком рельефе (рис. 123, а)

I.

- (1—2) Это могила Мансұра, сына Ада-
ма, — да простит их [Аллах]*

II.

- (1—2) Дата — год тысяча шестой по
хиджре пророка.*
-

1006 г. х. = 1597—1598 г.

166. Сел. Кумух (Хухъал). Верхняя часть плиты (64—67×14 см) отбита. Не сохранилась также эмблема. Широкая эпиграфическая лента выдержана в низком рельефе. Плита и центральное поле трапециевидны (рис. 124). Впервые среди описанных нами памятников Кумуха текст врезан в камень. Центральное поле состоит из трех прямоугольных участков, разделенных пространством поля, а не горизонтальной полосой, как в других образцах стиля.

Текст имеет дату

(1) Это могила Х.мāl Алї, сына
Ф.р.ф.р (Қ.р.м?) шамхāла, — да
простит [его Аллах].

(2) в дату тысяча шестнадцатом по
хиджре пророка.

1016 г. х. = 1607—1608 г.

167. Сел. Кумух (Хухъал). Плита трапециевидной
формы (207×60×12 см). Ниже эмблемы с сопровожда-
ющими круг розетками помещено 4 поля, покрытых над-
писью (рис. 125).

(١) هذا قبر بديع بن سرح غفر الله لهما ولجميع المسلمين آمين
(٢) التاريخ سنة ثمان وعشرين والفا من هجرة النبي صلعم المختار بالله
(٣) الموت كاس كل الناس شاربه... والقبر باب الموت حق والحياة باطل الدنيا

- (1) Это могила Б. дйха сына С.р.х., —
да простит Аллах их обоих и всех
мусульман. Амин.
- (2) Дата — год тысяча двадцать вось-
мой по хиджре пророка избранно-
го О Аллах!...
- (3) Смерть чаша, каждый вкушает
из нее... Могила — ворота.
- (4) смерть — истина, жизнь — обман.
[Сей] мир тленен.

1028 г. х. = 1618—1619 г.

На кладбище Кумуха, называемом Чилейми, обнаружено 10 надгробий шамхальского типа. Они в некоторых случаях сохранили даты: 960/1552—1553; 970/1562—1563, 988/1589—1590, 993/1585, 1013/1604—1605 г.

168. Сел. Кумух (квартал Чилейми). Низкая, сравнительно широкая плита, чуть суженая книзу. Размеры 82×60 (56)×14 см. Западная сторона — чистая. На восточной стороне на дневной поверхности плиты почти все центральное поле занято эмблемой шамхальского стиля на фоне глубоко трактованного поля, с четырьмя многолепестковыми розетками по краям. Широкая П-образная эпиграфическая лента обрамляет памятник, текст полосы врезной, он прерывается иногда рельефными многолепестковыми розетками. Ниже эмблемы шамхальского типа, на дневной поверхности сохранилось только одно поле с рельефной надписью. Дата не сохранилась, но предварительно памятник следует датировать 2-й половиной XVI в. Надпись в одну двоянную сторону читается полностью, хотя одно или два слова в нижнем правом углу стерты, но по смыслу они легко восстанавливаются (рис. 126).

(1—2) [Это] могила Миси, [дочери]
Сулаймана, — да простит их
обоих Аллах. Амин.

Характерно то, что только имя Миси снабжено подстрочными знаками для удобства чтения немусульманского имени.

169. Сел. Кумух (Чилейми). Надмогильная плита прямоугольной формы, верх чуть шире. Размеры 115 × 73 (66) × 17 см. Плита слегка отбита по краям. Обе стороны плиты имеют надпись, но сфотографирована только восточная. Плита имеет широкую П-образную эпитафическую полосу. Шамхальская эмблема занимает почти половину центрального поля. Ниже эмблемы идут 2 квадратных поля с рельефным письмом. Надпись верхнего поля — это обычно посвятельный текст, вводящий имя покойного с соответствующими благопожеланиями. Но она не поддается чтению. Следующее же поле, как обычно, несет в себе дату. Дата уверенно не читается. Слово *тисамия* (девяносто) видно хорошо. Текст начинается со слова *та'рих*, которое также ясно читается. Далее — два слова, вплотную прижатые друг другу. Один из вариантов их

чтения: *сана тис'ин (год девяностый)*. Во второй строке первое слово еле различимо, только можно предположить, что это *саман (восемь)*, далее уже идет известный нам *тис'ами'а (девятьсот)*. Третья строка также не читается.

Таким образом, один из вариантов чтения надписи может быть представлен следующим образом

-
- (1) *Дата — год девяностый и*
(2) *восьмой и девятьсотый...*
-

998 год хиджры соответствует 1589—1590 г.

Датировка надписи, как уже говорилось, нуждается в уточнении, но это возможно только при контрольном ознакомлении с памятником на месте. Хотя вводная часть арабского текста не читается, весь облик плиты с эпитафией, наличие обычного для памятников шамхальского стиля членения поля с обязательной эмблемой — все это говорит о том, что этот памятник посвящен представителю шамхальского дома.

170. Сел. Кумух (Чилейми). Невысокая, но массивная плита расположена рядом с надписью 169. Размеры: 90×41×14 см. Рисунок восточной стороны плиты весьма оригинален, выходит из всей системы памятников шамхальского стиля. Эмблемы, эпиграфическая полоса отсутствуют, поле лишено каких-либо орнаментальных мотивов. Надпись в верхней части плиты, остальная же часть оставлена свободной. Дата также отсутствует, но, возможно, памятник следует отнести к кругу стел второй половины XVI в. Надпись в две строки, порядок чтения слов такой же, как и в надписи 169.

-
- (1) *Это могила Йакуба, сына Салма-
на —*
(2) *да смилостивится над ними обо-
ими Аллах.*
-

171. Кумух (Чилейми). Размеры плиты: 140×58×15. По краям идет врезная эпиграфическая полоса. Центральное поле имеет 6 полей, верхнее из которых — сильно измененная шамхальская эмблема (рис. 127). Далее идет 5 полей, каждое из них оформлено в различном стиле.

I поле: надпись двойная

*Тот, кому даровал Господин наш
смерть, тот послушен ему.*

II поле: также двойная строка, текст не совсем ясен

*Эта высокая плита — могила Ахмад
хана Барти, сына Мухаммада Барти —
да простит Аллах их обоих.*

III поле:

*Дата — год тысяча тридцатый хид-
жры пророка, — мир над ним.*

IV поле: оно дает непонятные даты, причем *тарих* слово написано 4 раза.

V поле: плохо сохранилось.

1013 г. х. = 1604—1605 г.

Значительное число каменных надгробий сохранилось на «шамхальском кладбище» («семирдарел гъатталу»). О них впервые сообщил Али Каяев, списавший текст нескольких из них (хранится в Рукописном фонде Института ИЯЛ).

Л. И. Лавров опубликовал тексты и переводы (центральное поле) следующих надписей, обнаруженных им или же М.-С. Саидовым в Кумухе.

1) 889/1484—1485 г. — «паломник обеих святынь» Умар, сын Ахмада.

2) 960/1552—1553 с именем Мирза, сына Йакуба.

3) 962/1554—1555 г. с именем Сурхая, сына Хаджжи Мамма.

4) 974/1566—1567 г. на могиле Сурхая, сына Умал Мухаммада.

5) 973/1565—1566 г. с именем Меседу (в тексте — Бахтум-Меседу), дочери Ахмад-хана.

6) 974/1566—1567 г. — на могиле Бу'дай шамхала

7) 978/1570—1571 г. с именем Хасана (вар.: Хусейна), сына Ази

8) 979/1571—1572 г. с именем Сурхай шамхала, сына Бу'дай-шамхала.

9) 1007/1598—1599 г. с именем кади ал-кудат Мухаммада.

10) 1018/1609—1610 г. — с именем Мамма, сына Сур (в тексте: Мамма, сын Мамма).

11) 103./1620—1630 г. на могиле Меседу, дочери. . .

12) 1045/1635—1636 г. с именем Мухаммада (вар.: Мухад), П.си (вар.: Б.ци) сына Сурхая.

13) 1045/1635—1636 г. на могиле Илдар-шамхала.

14) 1050/1640—1641 г. с именем Сурхай-шамхала, сына Алибека.

15) 1051/1641—1642 г. с именем Меседу, дочери Сурхай-шамхала.

16) без даты — с именем Али-бека, сына Бу'дай-шамхала.

17) без даты — с именем Сурхай-шамхала, сына. . .

18) без даты (отмечена только тысяча) — с именем Мухаммада Б.ци, — сына Сурхая.

19) без даты, с упоминанием имени Умал Мухаммада, сына Уцуми

20) без даты, с именем Уцуми, сына Уцуми

21) без даты, с именем Меседу (в тексте: Бахтум-Меседу)

22) без даты, с именем Хан-зад, дочери Шамхала.

23) без даты, с именем Меседу, дочери Али-бека

24) без даты, с именем Сурхай Султана (в тексте Сурхай Сат) сына С. т. Мухаммада.

25) 1120/1708—1709 г. с именем Махди, сына. . .

26) 1154/1741—1742 г. с именем Султан, сын. . .
(в тексте Шафиқ, вар.: Шуқуқ), сын Султана.

Ряд надписей остался неопубликованным.

172. Сел. Кумух («Шамхальское кладбище»). Высокая (200×62×13 см) плита из песчаника (рис. 128, а) состоит из 11 полей (9 — с надписями, 2 — с орнаментальными мотивами). По краю всей плиты (восточная сторона) идет II-образная эпиграфическая лента, на которой удалось разобрать три слова Л. И. Лавров издал рисунок и перевод двух полей с упоминанием имени погребенного и даты.

I поле — шамхальская эмблема в виде каплеобразной фигуры с двумя розетками по бокам.

II—IV поле — несут надписи, которые лишь частично расшифровываются.

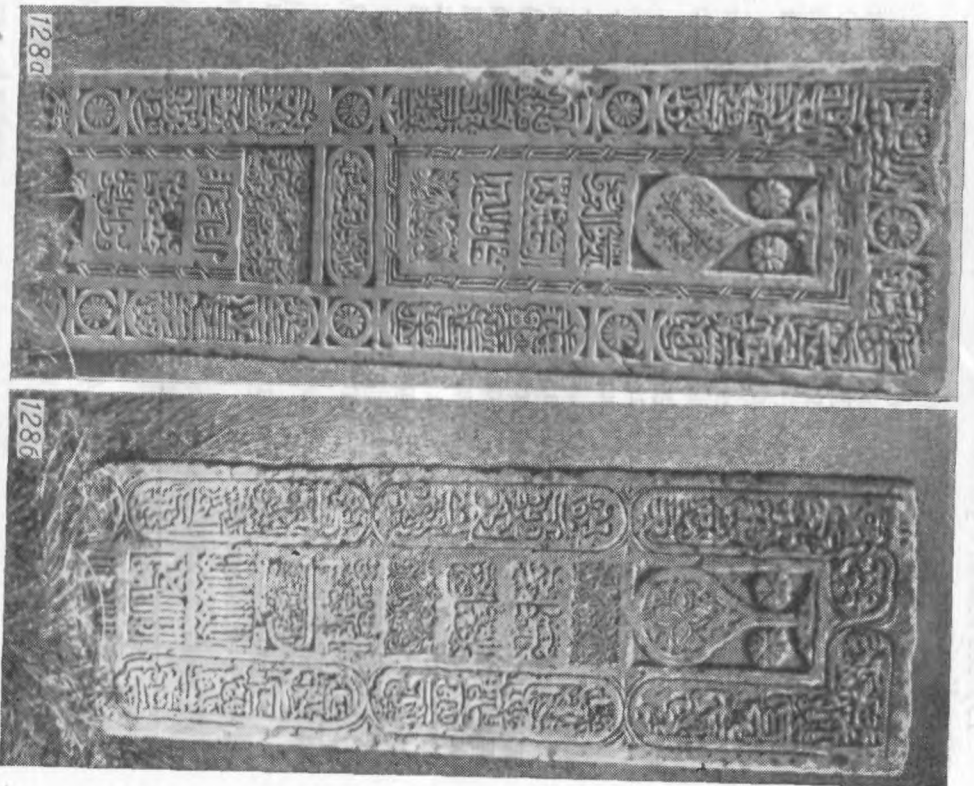
V поле — растительный орнамент.

VI поле — двухстрочная надпись с упоминанием имени погребенного

*Это могила Ильдар-шамхала. сына
Сурхай-шамхала.*

VII поле — турецкая (или кумыкская) надпись. Наличие ее упомянуто Л. И. Лавровым, но надпись не воспроизведена. Надпись в 4 строки

VIII—IX поля — дата

тысяча сорок пятый год хиджры.

Композиционно все центральное поле разделено на три части, каждая из которых ограничена по краям розетками. Надписи нанесены двумя способами — рельеф или врезная.

Западная сторона, а также боковые части памятника также покрыты письмом. Западная сторона также имеет П-образную эпиграфическую ленту. Она имеет 10 полей, в том числе 3 орнаментальных. I поле — шамхальская эмблема. Текст читается лишь частично (рис. 128, б). дата —

тысяча сорок пятый [год]. Нет [божества] кроме Аллаха великого.

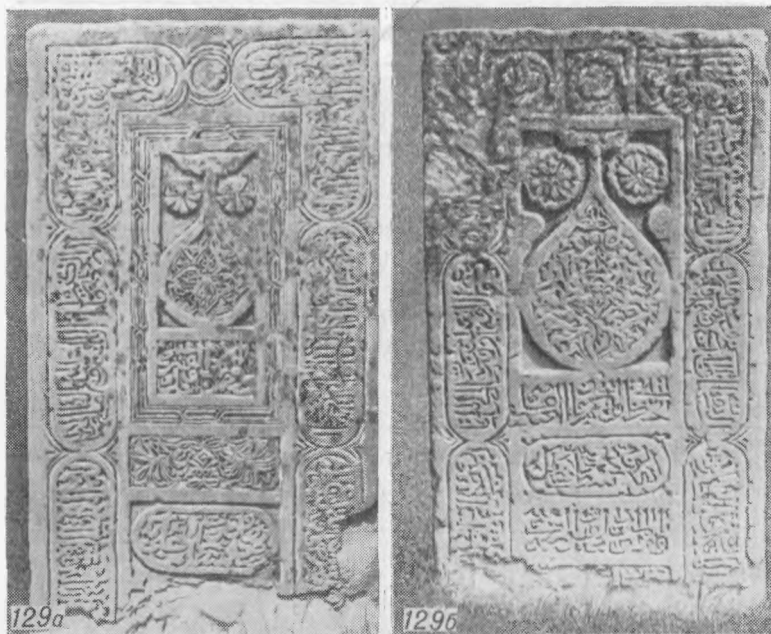
1045 г. х. = 1635—1636 г.

173. Кумух («шамхальское кладбище»). Плита (147×75×21 см) сохранила на восточной стороне четыре поля, пятое полностью уничтожено. Верхнее поле — эмблема. П-образная полоса вокруг плиты. Камни для подобных плит местные жители достают в местности Къопуавллу, и потому сорт камня называется *къопуавалил чару*.

Восточная сторона (рис. 129, а) сохранила «тройную» надпись

(1—3) صاحب هذا قبر سبط محمد (مجدد) بن علي بيك

*(1—3) Владелец этой мошлы С.м.
М.х.д (Махад? вар.: Маджид),
сын Али бека.*

(١-٢) هذ لوح سطا محمد (؟) بن علي بيك

— Это плита С.т.М.х.д (?), сына Али бека.

Западная сторона (рис. 129, б) имеет П-образную эпиграфическую ленту. Центральное поле (первая половина) занято эмблемой. Нижняя половина состоит из 4 частей, последняя из которых не сохранилась. Боковые надписи — в картушах. На западной стороне плиты читается только имя погребенного.

174. Сел. Кумух («шамхальское кладбище»). Верхняя и нижняя трети плиты отбиты ($136 \times 66 \times 19$ см). Зафиксирована и частично прочитана Л. И. Лавровым с комментарием титула уцмий. Фотография не издавалась. Сохранились часть П-образной эпиграфической полосы и 3 поля (эмблема, 2 поля с надписью). Надписи рельефные.

... Жизнь. Раб...

Это могила Уцуми, сына Уцуми, —
да простит их обоих (Аллах).

175. Кумух («шамхальское кладбище»). Плита ($110 \times 74 \times 16$ см).

Восточная сторона: весь низ, верх и правая часть отбиты. Сохранилась эмблема и только два слова в поле II (рис. 130). От П-образной полосы сохранилась левая часть и несколько букв в первой части. По бокам — надписи, где читается только слово *кади*. В поле различаются слова. Это [могила]. . . сына

Западная сторона (рис. 131). Вся левая часть отбита. Почти весь центр занят эмблемой. Поле сохранилось с надписью частично

(1—2) Это могила Сурхая, сын...
бека (?)

П-образная надпись также сохранилась частично (правая часть), читаются только отдельные слова.

130

131

176. Сел. Кумух («шамхальское кладбище»). Плита (150×63×12 см) имеет на восточной стороне 7 полей. Если I поле занято эмблемой, то все остальные — надписями на V—VII полях

*Это могила Мамма, сына Абу Бакра
Дата: тысяча тридцатый год хиджры Мухаммада.*

1030 г. х. = 26.XI 1620—15.XI 1621 г.

177. Сел. Кумух («шамхальское кладбище»). Верхняя треть памятника повреждена. II-образная полоса имеет текст в картушах. В картуше также текст центрального поля с упоминанием имени погребенного. Текст в картуше в одну двойную строку (рис. 132), в нижней строке — дата

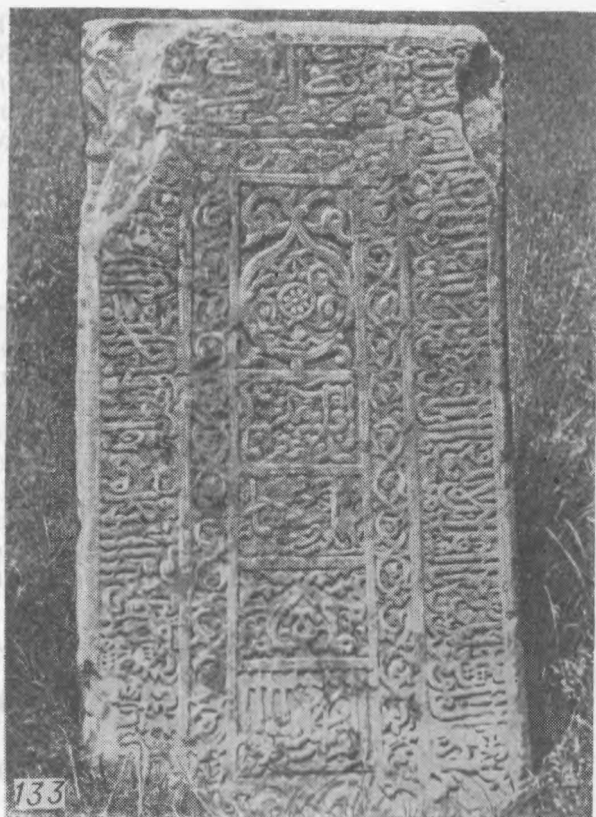
*Это могила Мухаммад Саййида, сына
Хасан Саййида.*

Дата тысяча восьмой год хиджры.

1008 г. х. = 24.VII 1599—12.VII 1600 г.

178. Сел. Кумух («шамхальское кладбище»). Плита (121×63×16 см). Почти вся плита покрыта надписями (рис. 133). Центральное поле сохранило имя погребенного и дату. I и IV поля заняты эмблемой и орнаментом. На II и III полях — трехстрочная надпись

-
- (2) Это могила Абу Бакра, сына Али, — да будет прощение им обоим
- (3) Он скончался в девяносто пятидесятом году хиджры
- (5) Могила — дверь, все люди входят в нее.
-

950 г. х. = 6.V 1543—24.III 1544 г.

179. Сел. Кумух («шамхальское кладбище»). Плита (86×55×16 см) имеет только врезные надписи, эмблема своеобразно трактована. Надписи нанесены растянуто, по всему облику — это один из позднейших памятников шамхальского стиля. Из надписи сохранилось только 4 строки

(1) Это могила (2) Мамма, сына
(3) Муса (4) Дата...

Памятники шамхальского стиля встречаются не только в Кумухе и Хури, но и в ряде других близких лакских селений — в Хуне и Хосреке.

180. Сел. Хуна (Лакский район). Западнее селения сохранился могильник. У края дороги — одна плита с шамхальской эмблемой. Прямоугольная плита (107×70×15 см) с П-образной эпиграфической лентой, надписи в картушах. Восточная сторона разделена по горизонтали на три секции, первая из которых занята шамхальской эмблемой, а две другие надписью

(١) هذ قبر سُدَن بن (٢) صق غفر الله لهما (٣-٤)
التاريخ ثلث وستون والف سنة

(2) Это могила Судана, сына С.к. —
да простит Аллах их обоих

(3) Дата — тысяча шестьдесят третий год.

1063 г. х. = 2.XII 1652—21.XI 1653 г.

181. Сел. Хосрек (Кулинский район). Недалеко от аула, за Хосреком раньше были расположены три старые надгробные плиты. Надписи на двух из них, датированные 990 г. х., изданы Л. И. Лавровым⁵⁶ по тексту, переписанному А. Г. Гусейнаевым. В 1971 г. мы обнаружили из них только 1 плиту (141×66×12 см). Расположена она на кладбище, у развалин сел. Тамас, к югу от селения, у дороги в сел. ЧПара (ныне аул не существует, здесь ферма).

Фотография (рис. 134) не издавалась. Верхняя часть повреждена. П-образная орнаментальная полоса. Эмблема занимает $\frac{1}{3}$ поля, ниже — 3 поля, 2 — с надписью, а последнее — орнаментальные мотивы. Надпись и перевод в передаче Л. И. Лаврова.

-
- (2) *Обладатель этого камня павший в бою с неверными Умар, сын*
 (3) *Али. Дата — девятьсот восьмидесятый год хиджры пророка из Мекки.*
-

980 г. х. = 14.V 1572—2.V 1573 гг.

- ¹ Лавров Л. И., 1966, с. 95, 141.
- ² Шихсаидов А. Р., 1964, с. 100.
- ³ Лавров Л. И., 1966, с. 81, 83.
- ⁴ Бретаницкий Л. С., Саламзаде А. В., 1960, с. 25.
- ⁵ Там же, с. 25, 26.
- ⁶ Позже это имя встречается в Цахуре в надписи 1432 г. (написавший Иса сын Мамая аз-Захури), см.: Лавров Л. И., 1966, с. 134.
- ⁷ Лавров Л. И., 1966, с. 79.
- ⁸ Там же, с. 64, 82, 159 и др.; Нейматова М. Х., 1959, с. 83.
- ⁹ Шихсаидов А. Р., 1977. В издании М. Казембека. (Derband-Nameh, 672). В арабском тексте так и указано «мулк», что в переводе передано словом «собственность» (property).
- ¹⁰ Петрушевский И. П., 1963.
- ¹¹ Шихсаидов А. Р., 1969, с. 75—77.
- ¹² Там же, с. 67—71.
- ¹³ Бартольд В. В., с. 648, 649.
- ¹⁴ Там же, с. 649.
- ¹⁵ Лавров Л. И., 1966, с. 147.
- ¹⁶ Ихилов М. М. Хновцы. — УЗ ИИЯЛ, 1959, т. 6, с. 276.
- ¹⁷ Лавров Л. И., 1980, с. 88.
- ¹⁸ Козубский Е. И., 1902, с. 161.
- ¹⁹ Рукописный фонд Института ИЯЛ, плановая работа 1973. Впоследствии опубликована Л. И. Лавровым. (1980, с. 58, 59).
- ²⁰ Гайдарбеков М., 1970.
- ²¹ Бертельс Е. Э., 1965, с. 40, 41.
- ²² В южном Дагестане «пир» понимается и как «святой», и как «мавзолей» на могиле «святого», и как «священнос, заповедное место».
- ²³ Саидов М.-С., 1963.
- ²⁴ Лавров Л. И., 1966, с. 63, 64.
- ²⁵ Там же, с. 176.
- ²⁶ Бертельс Е. Э., 1965, с. 40, 41.
- ²⁷ Нейматова М. С., 1968, с. 34—46.
- ²⁸ Подробно о нем: Эфендиев О. А., 1961, с. 70—72.
- ²⁹ Петрушевский И. П., 1949, с. 60; 1944, с. 98—99.
- ³⁰ Бакиханов Аббас-Кули, 1926, с. 74.
- ³¹ Нейматова М. С., 1968, с. 43.
- ³² Бертельс Е. Э., 1965, с. 41.
- ³³ Бертельс Е. Э., 1966, с. 523.
- ³⁴ Саидов М.-С. Д., 1960, с. 5.
- ³⁵ Якуби, 1927, с. 8, 9.
- ³⁶ Шихсаидов А. Р., 1969б, л. 105—107.
- ³⁷ Обстоятельно о Горной стене: Хан-Магомедов С. О., 1960, с. 227—243.
- ³⁸ Ануцил Д. Н., 1884, с. 387.
- ³⁹ Мухелишвили Д. Л., 1973, с. 9—11.
- ⁴⁰ Ханыков Н. В., 1980, надпись 5
- ⁴¹ Лавров Л. И., 1966, с. 134.
- ⁴² Лавров Л. И., 1966, с. 204.
- ⁴³ Лавров Л. И., 1966, с. 116.
- ⁴⁴ Лавров Л. И., 1966, с. 116.
- ⁴⁵ Там же, с. 146.
- ⁴⁶ Там же, с. 147.
- ⁴⁷ Дебиров П. М., 1966, с. 50.
- ⁴⁸ Лавров Л. И., 1966, с. 153.
- ⁴⁹ Лавров Л. И. Эпиграфические памятники... ч. I, с. 161.
- ⁵⁰ Лавров Л. И., 1966, с. 144—145.
- ⁵¹ Дебиров П. М., 1966а, с. 49, 147 (рис. 96).
- ⁵² У Л. И. Лаврова — Умар Ахмад.
- ⁵³ Возможно, и седьмой год.
- ⁵⁴ Каяев А. Материалы по истории лаков, л. 255, 256.
- ⁵⁵ Лавров Л. И., 1966, с. 152.

ЗНАЧЕНИЕ ЭПИГРАФИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ СРЕДНЕВЕКОВОГО ДАГЕСТАНА

Мы дали описание памятников эпиграфики X—XVII вв. Они предстают перед нами как ценный источник по истории и культуре Дагестана.

По своему значению и содержанию эти надписи можно разделить на три группы: исторические, надписи-эпитафии, строительные и сопровождающие их благопожелательные записи.

Чисто исторических записей весьма ограниченное количество. Это известная в науке еще со времен Н. В. Ханыкова надпись (17) из Рича о героической борьбе горцев против монгольского отряда в 1239 г.; вторая надпись того же содержания (17а) из селения Рича; надпись XIII в. (81) о выступлении сельских общин против Тпига; дарственная грамота 1318—1319 г. из селения Худуц (34); надпись из Цахура (146) о борьбе против «тюрок» в 1432 г. и о строительстве по этому поводу крепости. Ряд ценных исторических сведений мы можем почерпнуть из эпитафий и строительных надписей.

Наиболее многочисленную группу составляют надписи-эпитафии, т. е. надписи на надгробных сооружениях. Количество их действительно огромно, они обнаружены во всех районах Дагестана, но основное количество их сосредоточено в Южном и Центральном Дагестане. Здесь представлены в основном памятники из Дербента, лезгинских, агульских, рутульских, цахурских, табасаранских, лакских, даргинских селений. Аварские и кумыкские районы представлены сейчас меньшим количеством памятников. Новые поиски в этих районах могут внести изменения в количественное соотношение эпиграфических памятников в различных районах Дагестана, особенно для XV—XVII вв. Сравнительно меньшее количество эпиграфического наследия в аварских и кумыкских районах исторически объяснимо: в аварских районах отсутствие ранних надписей связано с поздним распространением здесь ислама, а в кумыкских —

с многочисленными военными действиями на этой территории.

Третью группу составляют, как уже отмечалось, строительные надписи. По своему количеству они стоят на втором месте после эпитафий. Строительные надписи несут богатую информацию, они зафиксировали время возведения оборонительных сооружений, общественных и культовых зданий, частных домов, они сохранили имена мастеров-профессионалов, их помощников, мастеров архитектурного декора, писцов, заказчиков.

Внешний облик строительных и исторических надписей прост. Как правило, они врезные, не имеют обрамлений, составлены с сохранением фона, форма камня прямоугольная. Многие датированные строительные надписи не имеют ни вводного текста, ни посвятительных и благопожелательных формул (надпись 1 из Кочхюра, 912—1009 г.; 2 — из Ихрека, 1016—1017 г.; 8 — из Рутула, 1150—1151 г.; 4 — из Гельмеца, 1123—1124 г.; 1167—1168 г. из Дербента; 10 из Рутула, 1177 г.; 11 — из Дербента, 1184 г.; 17 — из Рича, 1250 г.; 35 — из Худуца, 1363—1364 г.; 123 — из Хнова, 1401 г.; 143 — из Рича, 1452—1453 г.; 144 — 1501—1502 г. — из Рича; 1404—1405 г. — из Кубачи; 1422—1423 г. из Кала-Корейша; 1435—1436 г. из Кубачи; 1438—1439 г. из Дербента; 1443—1444 из Хпеджа; 1484 г. из Хпеджа; 147 1484 г. из Гуладти; 155 1527—1528 из Хунзаха; 160 1572—1573 г. из Хури; 1600—1601 г. из Хуштада; 1635—1636 г. из Хури; 1614—1615 г. из Тпига; 1622 г. из Гельхена; 1624 г. из Рича; 1626—1627 г. из Дербента; 1629—1630 г. из Ахты; 1641 г. из Кванада; 1674—1675 г. из Рича; 1677—1678 г. из Мишлеша; 1682—1683 г. из Дулдуга).

Наиболее ранняя датированная надпись, сопровождающаяся вводным текстом, относится к 435/1044 г. Это надпись из Дербента, вставленная в арку Ортакапы, она зафиксировала наиболее типичные формулы — *басмалу*, *формула единобожия*, *таслийа*. Далее хронологически идет надпись о строительстве минарета в Гельмеце в 557/1161—1162 г. или 559/1163—64 г. (басмала). Надписи 625/1227—1228 г. (16) и 683/1284 г. (20) из Рутула не имеют вводных текстов в обычном смысле слова, но начинаются со стихотворного отрывка, а имя Мухаммада сопровождается таслией. Текст 678/1279—1280 г. (18) из Рича также не имеет вступления, но слово «пророк» сопровождается таслией.

Вступительные тексты других датированных надписей включают и другие формулы, но репертуар их невелик; *величие принадлежит Аллаху, достоинство принадлежит Аллаху, могущество принадлежит Аллаху* (15, 636/1239 г. из Цахура); *во имя Аллаха милостивого милосердного, Аллах, Аллах* (17, 638/1241 г. из Рича); *мечети принадлежат Аллаху, ни призывайте вместе с ним никого* (644/1247 г., Мишлеш); *та же формула, но с басмалой* (766/1364—1365 г. Цахур), *басмала* (640/1242, г. Рича; 677/1278 г.; Цахур; 7. /1301—1397 г., Кочхюр; 701/1302 г., Цахур, 837/1433—1434 г., Буршаг; 1079/1668—1669 г., Мишлеш; 1081/1678—1671 г., Мишлеш; *басмала, о живущие* (683/1284 г. — Рутул); *басмала, формула единобожия* (814/1411—1412 г., Дербент); *формула единобожия; царство принадлежит Аллаху, единому, всепобеждающему. Благословение Аллаху, лучшему из создателей* (825/1421—1422, Мишлеш); *басмала; к нему взываем о помощи* (836/1432—Цахур); *кто оставит молитву, тот уже стал неверным* (910/1504—1505, Рутул); *басмала, да простит Аллах их обоих и всех мусульман и мусульманок* (1668, Гельмец).

В редких случаях вступительный текст необычно длинен (цахурская надпись о землетрясении 1660 г. и о последующей реставрации мечети в 1669 г.).

Недатированных надписей, текст которых лишен вступительной части, также немало (это две надписи о строительстве крепости в Ахты мастером Ап. л. раха при «владельце крепости» Дйр ибн Слб; надписи 77, 78 из Ричи; 81, 82 из Тпига, XIII в.; 95, XII—XIII вв., Хив; 66, XII—XIII вв., Шиназ; XIV—начало XV в., Дербент; XV в., Ахты).

Вступительные тексты недатированных строительных надписей также не отличаются особым разнообразием: *О, верующие! Бойтесь Аллаха и скажите сильное слово* (40, X в., Кара-Кюре); *басмала; нет божества, кроме него живого, вечного, не овладевает им [ни сон, ни дремота. Ему принадлежит то, что в] небесах и то, что на земле;* 112 сура (56, XII—XIII вв., Кала-Корейш); *басмала; благословение Аллаха тому, кто обладает справедливостью* (61, XII в., Хнов); *царство принадлежит Аллаху единому, всепобеждающему* (63, XII в., Хнов); *царство принадлежит Аллаху* (64, XII в., Хнов); *символ веры* (65, XII в., Хнов); *да благословит Аллах его семью и всех мусульман* (67, XII—XIII вв., Шиназ); *формула единобожия* (68,

XI—XII вв., Шиназ); здания принадлежат Аллаху и не призывают вместе с ним никого (72, XII—XIII вв., Амсар); басмала, царство принадлежит Аллаху, могущество принадлежит Аллаху, единому, всепобеждающему. Он творец... всезнающий... Нет ни у кого подобного ему могущества (72, XII—XIII вв., Рутул); формула единобожия, таслийа (84, XII в., Буршаг); басмала, Мухаммад (XII—XIII в., Шари); басмала (98, XII—XIII вв., Шимихюр); басмала; Аллах величайший, Аллах вечен (99, XII—XIII вв., Шими-хюр).

Уже отмечалось, что, как правило, строительные и исторические надписи врезные, а плиты не имеют обрамлений. Однако исключения, хотя и очень редкие, имеются. Прежде всего — это тексты по штуку и дереву. Надписи на опорных базах столбов Кара-Кюре (40, X в.) и михраба Кала-Корейша (56, XII—XIII вв.) выполнены в превосходном высоком рельефе. По совершенству, законченности и красоте они не имеют себе равных в Дагестане. Надписи по дереву также почти все нанесены рельефным письмом (81, XII в., Буршаг; 840/1436—1437 г., Джабахни).

Таким образом, все тексты по штуку и преобладающее большинство текстов по дереву выполнено в рельефе. Резьба по камню представлена значительно меньшим количеством памятников подобного рода. Наиболее ранняя рельефная надпись по камню сохранилась в Дербенте (4, 435/1044 г.). Как уже указывалось, одна надпись несет обе техники резьбы — плоский рельеф и врезная надпись. После этого только через 140 лет рельеф (также с выемкой фона) применен в строительной надписи из Рича (18, 678/1279—1280 г.), а далее идет надпись (рис. 135) середины XV в. из Ахты (*владелец крепости ширванишах Халиллуллах*). Рельеф надписи выведен путем изъятия фона. Такова и надпись из Гуладти (147, 889/1484 г.).

Она выполнена в высоком рельефе путем углубления фона, на двух полях, образованных широкой гладкой полосой, причем второе поле состоит из двух «сдвоенных» строк, а на гладкой полосе имеется врезная надпись с упоминанием имени реставратора, сопровождают эту надпись две другие плоскорельефные надписи (148, 149), каждая из которых разделена на две части горизонтальной полосой, одна из них также содержит врезную надпись с датой, а другая — басмалу и форму единобожия. Таким образом, все три гуладтинские надписи (147, 148, 149) составляют единый комплекс, но занесен на три отдельных

камня, каждый из которых несет самостоятельную смысловую нагрузку: сообщение о реставрации мечети, бас-мала и таслийа, коранический текст.

И наконец, хунзахская надпись 934/1527—1528 г. (155) также выполнена в низком плоском рельефе.

Особняком стоят две надписи, выполненные в редком в Дагестане стиле — буквы обведены сплошной или точечной линией по контуру. Нам пока известны две строительные надписи и одна эпитафия, выполненные в технике обводом по контуру. Это надпись из Худуца (35) о строительстве минарета в 765/1363—1364 г. и надпись 874/1443 г. о строительстве мечети в сел. Хпедж.

Таким образом, в резьбе по камню рельеф с его разновидностями получил в строительных текстах гораздо меньшее распространение, чем в эпитафиях, хотя техника гравировки и здесь является преобладающей.

Орнаментальных мотивов или обрамлений, как правило, строительные надписи не имеют. Тем не менее несколько каменных плит имеют художественное оформление. Так, например, в надписи из Дербента (4, 435/1044 г.) прямоугольное центральное поле с плоскорельефной надписью образовано широкой лентой, идущей по периметру.

В надписи 638/1241—(17) из Рича все поле с текстом обведено неглубокой линией, образующей прямоугольник, нижняя линия «сопровождается» еще одной линией, не доведенной до краев. Надпись 19 о строительстве мечети в Рутуле отделена от краев плиты выведенным тонкой линией прямоугольником с мелкими квадратами по углам. Текст из Ахты с упоминанием имени Халиллуллаха (XV в.) также размещен в широкой неровной полосе, «оставшейся» после снятия фона рельефных букв. Каменная плита из Хуштада (1009/1600—1601 г.) о строительстве мечети *в правление (халифат) фадишаха Ибрахима* имеет линейное обрамление.

Надпись о землетрясении в Гельмеце нанесена на плиту прямоугольной формы, обведена тонкой однолинейной рамой, отделяющей текст от широкой полосы по краям. Левый нижний угол плиты снабжен изображением подковы.

Теперь обратимся к наиболее многочисленным и значительным надписям-эпитафиям. Их разбор целесообразнее проводить по хронологическим рубежам: X—XIV; XV—XVII вв.

По своему общему виду надмогильные плиты X—XIV вв. делятся на три группы: *саркофагообразные* (полукругло-горизонтальные), *прямоугольно-вертикальные* (разновидность: клиновидно-вертикальные и стелы с не очень ярко выраженным острым верхом), *крестообразные* (или с плечиками, переходящими в подпрямоугольный верх).

Подобная типология основана, в сущности, на классификации надгробных памятников XI—XIX вв., определенной П. М. Дебировым. Все многообразие надмогильных памятников «мусульманского периода» он справедливо сводит к трем основным типам: «сундукообразное, горизонтальное надгробие, стеловидное надгробие, представляющее собой вертикальную плоскую каменную плиту трапецевидной или прямоугольной формы, и наконец, вертикальная стела, имеющая антропоморфную форму»¹. Различие между двумя названными классификациями заключается в том, что антропоморфные надмогильные сооружения мною не учтены в связи с их отсутствием в X—XV вв., стеловидные подразделены в свою очередь на две группы.

I. *Саркофагообразные* (или полуцилиндрические) надгробия известны в пунктах, не только непосредственно

прилегающих к Дербенту (Гимейди, Рукель, Метаги, Хилипенджик, Дарваг и т. д.). Памятники подобного типа встречаются в Уркарахе, Кала-Корейше, Хореле, Ашага-Стале, Орта-Стале, Нютюге, Бурханкенте, Уллубий-ауле, Утамише, т. е. в Табасаранском, Кайтагском, Ахтынском, Сулейман-Стальском, Ленинском, Каякентском районах.

Л. И. Лавров выделил три отдельных района распространения полуцилиндрических надгробий: дербентский, кайтаго-кубачинский и маджарский². Новый материал лишь подтверждает эту классификацию внося в нее некоторые изменения. Район кайтаго-кубачинский, лучше назвать кайтаго-табасаранским, тем более что в Кубачи полуцилиндрические надгробия не обнаружены. В литературе (об этом ниже) вопрос о полуцилиндрических надгробиях связывается с этнической и социальной характеристикой лиц, оставивших эти памятники.

Хронологически из всех групп надмогильных сооружений типа полуцилиндрических надгробий наиболее ранними являются дербентские, остальные же все несут печать влияния этих последних.

Мы не можем еще решить вопроса о генезисе этой формы надмогильных сооружений. При всех обстоятельствах сравнительный материал, привлекаемый за пределами Дагестана, хронологически более поздний. Известные нам саркофагообразные надгробия из мечети в Конии относятся ко второй половине XIII в.³ Надгробия из Азербайджана отражают последующий этап развития полуцилиндрических мемориальных памятников уже «сундукообразных» надгробий, датируемых XV—XVII вв.⁴ Памятники эти характеризуются сравнительно небольшими размерами. Так, например, сундукообразные мемориальные памятники в комплексе дворца Ширваншахов имеют данные: $120 \times 49 \times 32$; $146 \times 59 \times 40$ и т. д.), боковые поверхности их полностью заняты сочетанием эпиграфических поясов (арабские и персидские тексты) и орнаментальных геометрических растительных мотивов⁵.

Сундукообразные (прямоугольно-горизонтальные) плиты получили широкое распространение и в Дербенте (к сожалению, они до сих пор не изучены, даже не зафиксированы), и они представляют собой итог эволюции описанных выше полуцилиндрических надгробий. Облик памятников продолжал меняться, и в XVII—XIX вв. в Дербенте и ряде соседних селений (Рукель, Корчаг,

Хилипенджик) мы видим массивные сундукообразные или же вытянутые в длину квадратные в сечении плиты в комплексе с вертикально-прямоугольными стелами.

П. М. Дебиров выделил три варианта сундукообразных надгробий. Первый вариант представляют надгробия, имеющие пустотелый корпус вместе с нешироким цоколем. Автор датирует их VII—XII вв. Кстати, эта датировка не обоснована, так как наиболее ранние надгробия датированы серединой XI в., а каракорейское полуцилиндрическое надгробие — XIII в., стало быть, следовало бы датировать первый вариант XI—XIII вв. Второй вариант характерен широким цоколем, узким в поперечнике корпусом, полукруглым завершением, датируется XVIII—XIX вв. Памятники третьего варианта бытовали до конца XIX—начала XX в., отличались корпусом с плоской спинкой и обязательной при «сундуке» вертикальной каменной стелой⁶.

Среди памятников описываемой категории особое место занимает полуцилиндрическое надгробие начала XV в., обнаруженное в Дербенте во время полевых работ и находящееся в настоящее время на территории Дербентской цитадели. И по времени, и по своему стилистическому облику памятник занимает промежуточное положение между саркофагообразными надгробиями XI—XII в. и сундукообразными надгробиями XV—XVII вв. из Азербайджана и Дербента.

Саркофагообразное надгробие 469/1076—1077 г. из Дербента имеет по обеим продольным сторонам рельефную надпись в одну строку, продолжением этой надписи служит взрезной текст торцовых частей.

Выше уже указывалось на решающее влияние дербентских ранних надгробий в формировании подобных же памятников в других частях Дагестана. Влияние распространялось иногда и на другие типы стел. Боковые части надписи 5 из Дербента оформлены в виде вытянутого в длину четырехугольника, заключенного в двойную линейную раму, завершающуюся полуциркульной аркой, полностью занятой растительным орнаментом. Подобная идея выделения центрального поля нашла применение в уркарахских плитах (53, 54) и в татильских надгробиях (13, 14).

Упомянутое выше дербентское надгробие XV в. занимает промежуточное положение: полуцилиндрическая форма и значительные размеры — с одной стороны, сплошное

покрытие боковых граней рельефными эпиграфическими (на арабском и персидском языках) полосками — с другой стороны.

II. Прямоугольно-вертикальные плиты по своим внешним контурам и способам нанесения надписи можно разделить на несколько подгрупп:

а) *подгруппа прямоугольных плит с полным заполнением лицевой стороны текстом*, нанесенным сравнительно высоким рельефом, с II-образной эпиграфической лентой коранического текста и обрамленным ею центральным полем с упоминанием имени погребенного (надписи 53, 54 в стене мечети Уркараха, татильское надгробие 13 (1187 г.), дербентская надпись 76 XI—XII вв.). В виде редкого исключения центральное поле дербентской надписи XI—XII вв. со всех сторон обрамлено эпиграфической ленточной полосой. Текст ни по фризу, ни по центру не углублен в камень, рельеф в обоих случаях выработан посредством извлечения фона, так что надпись полностью сохранена на уровне поверхности лицевой стороны каменной плиты. После XII в. памятников этой подгруппы в Дагестане не встречается;

б) *подгруппа прямоугольных плит, лицевая поверхность которых полностью занята врезным текстом*. Такова, например, надпись из Ахты и Ашага-Стала (XIII—XIV вв.), некоторые из хновских надписей (122). Количество таких надписей незначительно;

в) *подгруппа вертикальных плит со слегка выступающим верхним краем* (полукруглый или остроконечный, скошенный) *или слегка трапецевидной формой плиты*. Эта подгруппа характерна для селений Агульского района (Шари, Рича, Чираг). Помимо II-образного эпиграфического обрамления, врезного или в низком плоском рельефе, для памятников этой подгруппы характерен помещенный в верхней половине круглый крупный медальон, также снабженный текстом (в рельефе или врезанное в камень часто слово *Аллах*). Вся лицевая сторона заполнена надписью.

К этой же подгруппе можно отнести и хновские надписи (116—121) на речных камнях, хотя эти надписи и не трапецевидны, не имеют эпиграфических полос по бордюру, отличаются мелким узористым насхом, но в одном случае надпись 124 из святилища (1440—1441 г.) имеет широкую плоскорельефную II-образную эпиграфическую полосу почерком куфи, обрамляющую врезной текст, выполнен-

ный насхом. Хновские надписи отличаются закругленной или скошенной верхней частью плиты, снабженной островерхим медальоном или треугольником со словом «Аллах» внутри. Центральное поле обязательно обведено рамой, образованной двумя параллельными линиями.

Во всех описанных выше трех подгруппах текст занимает всю лицевую (восточную) сторону плиты, центральное поле нигде не углублено, нет сопровождающих текст центрального поля розеток, звезд, геометрических мотивов;

г) *подгруппа вертикально-прямоугольных плит с углублением центрального поля*, имеющего различные формы: вытянутый в длину прямоугольник, трапецевидная фигура (иногда с закругленным верхом), прямоугольник, переходящий в верхней части в стрельчатую арку, антропоморфная фигура и т. д.

Эта подгруппа имеет, в свою очередь, несколько вариантов.

В а р и а н т ф и т и н с к и й: невысокая прямоугольная плита с углубленным на 1—2 см центральным полем для надписи, причем верхняя часть занята тремя орнаментальными элементами: две шестилепестковые розетки и астральный знак или шестилепестковая розетка с двумя астральными кругами по краям.

В а р и а н т а р х и т с к и й: обязательный элемент этого варианта — глубокое (на 2—3 см) поле для надписи, обведенное широкой образующей ступеньку полосой, переходящее в «шейку» с круглым навершием с ребрами, образующими ряд треугольников. В верхней части по краям идут квадратные фигуры, образованные из сочетаний треугольно-выемчатых элементов. Текст центрального поля обязательно врезной, участок лицевой стороны вне центрального поля не имеет надписей.

В а р и а н т х и в с к и й: сравнительно высокие прямоугольно-вертикальные плиты (25—32) с центральным полем, обведенным вертикальными полосами разной ширины и в разных плоскостях с равной величины круглыми углублениями в верхней трети плиты. Надпись — в центральном поле, но иногда она врезана в круг, увенчивающий центральное поле.

В а р и а н т б у р х а н к е н т с к и й: ряд памятников этого варианта имеет сравнительно небольшое центральное поле различной конфигурации и совершенно чистое обрамление этого поля. Другие же памятники

(иногда чуть трапециевидные) имеют неглубокое центральное поле с врезным текстом, окруженное площадью лицевой стороны, сплошь покрытой геометрическим рисунком, выполненным в манере треугольно-выемчатой резьбы. Бурханкентский вариант представлен также островерхим центральным полем, обведенным жгутообразной лентой из двух перекрещивающих друг друга гладких полос; далее идет II-образное эпитафическое обрамление, по самому краю плиты — орнаментальный рисунок из четырех переплетающихся лент. Встречаются и трапециевидные плиты с подобным же полем, отделенным от широкой II-образной эпитафической ленты узкой и плоской полосой на уровне поверхности плиты. В обоих случаях текст центрального поля мелкий и врезной, а II-образной полосы — крупный и плоскорельефный. В одном только случае центральное поле представляет соединение концентрических кругов с отверстием, просверленным в центре круга.

Х и л и ц е н д ж и к с к и й в а р и а н т: этот вариант представлен памятниками с глубоким центральным полем антропоморфной формы и окружающей его поверхностью плиты, сплошь покрытой горизонтальными строками текста врезного или плоскорельефного. Текст центрального поля всегда в указанных случаях врезной. В ряде случаев поверхность плиты не имеет углублений, не расчленена на части и сплошь покрыта кораническим текстом, выполненным в рельефе. Здесь же представлен полукруглый тип с врезной надписью по всему краю и клиновидный с лишенной каких-либо орнаментальных элементов, поверхностью лицевой стороны. Особняком стоит памятник более позднего (XV в.) происхождения — надмогильная стела, центральное поле которой окружено двумя рядами геометрических фигур.

М а д ж а л и с с к и й в а р и а н т. Плиты подтрапециевидной формы, иногда с закругленным верхом. Центральное поле, занимая иногда лишь нижнюю половину лицевой стороны памятника, имеет обычно трапециевидную форму и переходит в верхней части в листовидную фигуру. Вся поверхность плиты вокруг центрального поля покрыта точечным орнаментом, не имеет никаких иных мотивов.

К у б а ч и н с к и й в а р и а н т. Он представлен памятниками из Кубачи, Кала-Корейша, Апты, Худуца. Они имеют трапециевидную форму, центральное поле

(иногда с точечной обработкой фона) сопровождается круглым медальоном (со словом «Аллах», а иногда с именем погребенного и датой), имеет обрамление широкой полосой с эпиграфическим или растительным орнаментом или их сочетанием.

III. Группа крестообразных плит, или плит с резко выраженными плечами. Эта подгруппа представлена незначительным числом памятников: Джули (XII—XIII вв.), Цахур (115, 1396 г.), Хив (26, 1356 г., 27, 1356—1357 г.; 28, 1429—1430 г., 30, 1371—1372 г.). Цахурская стела (115) крестообразной формы полностью покрыта текстом, а хивские располагают текст только в углубленном центральном поле антропоморфной формы. Верхняя часть хивских надгробий этой подгруппы несет на себе или три круга-ямочки, или две многодольных розетки.

Строительные надписи и эпитафии по своему характеру «мужские», т. е. упоминают, как правило, имена мужчин. Надписей с упоминанием женских имен значительно меньше. Подобных надписей XIII—XVII вв. десять: 644/1247 г. из Мишлеша ⁷, 677/1278 г. из Цахура ⁸, 678/1279—1280 г. из Ричи, 701/1302 из Цахура ⁹, 766/1364—1365 г. из Цахура ¹⁰, надпись XIII в. из Ричи, XIII в. из Ихрека ¹¹, 803/1401 г. из Хнова, 825/1422 г. из Мишлеша ¹² и 1079/1669 г. из Мишлеша ¹³.

Как видим, из десяти надписей XIII—XVII вв. с упоминанием женских имен восемь датировано, только две не имеют даты (она определена палеографически). По векам надписи распределяются следующим образом: XIII в. — пять, XIV в. — две, XV в. — две, XVII в. — одна. Основное количество надписей падает, таким образом, на XIII—XV вв., причем половину всех надписей дает XIII в.

Во всех строительных надписях, перечисленных выше, упомянуты имена женщин аристократического происхождения, они выступают в качестве заказчиков, финансировавших строительство культовых сооружений. Аристократии, выпедшей как из кочевой среды, так и из оседлых районов, принадлежит также большинство кайраков, предназначенных для женских могил XII—XVI вв. из Мавараннахра ¹⁴.

Академик В. В. Бартольд писал, что «женщина при исламе с самого начала оказывалась в более приниженном положении по отношению к мужчине, чем была раньше, и в дальнейшем закон и обычай все более ограничивали ее права» ¹⁵. В то же время В. В. Бартольд приво-

дит ряд примеров активного участия женщин в общественных делах, в финансировании построек в начальный период ислама. «Примеры более деятельного и властного вмешательства женщин в государственные дела появляются тогда, когда в сферу мусульманской культуры стали входить народы, быт которых походил на быт домусульманских арабов, в особенности среднеазиатские кочевники»¹⁶.

Мы не располагаем данными о положении женщины до середины XIII в. (самая ранняя строительная надпись с упоминанием имени женщины относится к 1247 г.), но указанные выше строительные тексты свидетельствуют о том, что привилегированная часть женского населения, относившаяся к представителям светской или духовной власти, продолжала принимать активное участие в строительной деятельности (в основном — культовых сооружений) еще долго после принятия ислама. Однако эти же надписи показывают, выражаясь словами В. В. Бартольда, что «эволюция ислама как религии также шла в направлении постепенного ограничения прав женщины»¹⁷.

Это не могло не отразиться на эпиграфическом материале. Если, как уже указывалось, XIII в. оставил пять надписей с женскими именами, а XIV и XV вв. по две надписи, в дальнейшем количество таких надписей постепенно сходит на нет.

Кстати, в Средней Азии нет строительных надписей, посвященных деятельности женщин на этом поприще. Зато надписи-эпитафии имеются. В частности, в Самаркандской коллекции выявлено 5 кайраков с женскими именами, причем три кайрака имеют даты: 567/1171—1172 г., 568/1172—1173 г., 594/1197—1198 г.¹⁸ В верховьях же Зеравшана (Кухистан) обнаружено семь таких кайраков, из них самый ранний относится к 799/1396—1397 г., один — к XV в. и пять — к XVI в.¹⁹ В высокогорных районах надписи с женскими именами сохраняются, как мы видим на примере Дагестана и Кухистана, более длительное время.

Надгробные плиты-эпитафии с женскими именами в Дагестане также сохранились, хотя и в незначительном количестве.

1) Надпись XII—XIII вв. из Фите. *С.х.м., дочь Ш.р.б.ш.р..*

2) XIV в. из Бурханкента. *К.шш, дочь...*

3) XIV в. из Бурханкента. *Б.з.дж.*, дочь...

4) 833/1429—1430 г. из Хивы. *Ибрахим*, сын *Раджаба* и сын *Марйам*.

5) 999/1590—1591 г. из сел. Хури. *Фатима* дочь *Аишы*.

6) XV в. (?) из сел. Кумух. *Фатима*, дочь *Ахмада*

7) XVI в. (?) из сел. Кумух. *Миси*, дочь *Сулаймана*

8) 1051/1641—1642 из Кумуха. *Меседу*, дочь *Сурхай-шамхала*

9) XVI в. (?) из Кумуха. *Меседу*, дочь *Меседу*

10) XVI—XVII вв. из Кумуха. *Хан-зада* (?) дочь *Меседу*

11) XVII (?) из Кумуха. *Меседу*, дочь *Али*...

Не в пример дагестанским строительным надписям, упоминающим женщин, и среднеазиатским эпитафиям перечисленные выше надмогильные плиты в большинстве своем не датированы (8 из 11). Основное их количество падает на XV—XVII вв. Если в строительных надписях названо из родителей только имя отца погребенной, то в эпитафиях нередко встречаем имя ее матери — возможно, свидетельство особого положения последней (*Фатима*, дочь *Аишы*, *Мемеду*, дочь *Меседу*, *Хан-зада* (?), дочь *Меседу*). О социальном положении «владелиц» первых четырех эпитафий трудно сказать что-либо определенное, однако семь последних надгробий поставлено на могилы представительниц шамхальского дома, как это видно по форме самих сооружений («шамхальский» стиль).

Что касается датировки надписей, то обычным является их обозначение словами на арабском языке. Цифровое обозначение редко, но все же встречается.

1) Курахская надпись, 757 (1356 г.).

2) Двуязычная, арабо-персидская надпись из Дербента с датами 115/733—734 г. и 770/1368—1369 г.

3) Надпись из Хунзаха 791 (1388—1389 г.)²⁰.

4) Надпись на деревянном минбаре из Кубачи: «*Подарили этот минбар... Ахмад и Раджаб, сын Амир Мухаммада, 897*». 897 г. х. соответствует времени между 4.11 1491 г. и 22.10 1492 г.

5) Надпись из Ахты — 934 (1527—1528 г.).

6) Надпись из Тарки — 1066 (1655—1656 г.).

Таким образом, только в шести из большого числа датированных надписей мы находим их цифровое обозначение.

В датированных надписях нередко вместе с годом обозначен и месяц. Обозначение месяца — одна из характерных особенностей дагестанской эпиграфики. Месяц, а иногда и день месяца перечислен в надписях 411/1021 г. (3), 435/1044 г. (4), 469/1076—1077 г. (5), 479/1086—1087 г., 580/1184 г. (11), 700/1301 г. из Дербента; 545/1150 г. (8), 572/1177 г. (10), 683/1284 г. (19), 683/1284 г. (20) из Рутула; 583/1187 г. (13) из Татила; 636/1239 г. (15), 677/1278 г., 701/1302 г. из Цахура; 644/1248 г., 1079/1668—1669 г. из Мишлеша; 638/1241 г. (17), 640/1242 г., 648/1250 г. (17а), 1033/1624 г. из Рича; 741/1341 г. (23) из Архита; 741/1341 г. (24) из Тпига; 877/1472 г. из Ашты; 784/1383 г. (116), 808/1405 г. (127), 853/1452 г. (118), 803/1401 г. (123) из Хнова; 889/1484 г. (149) из Гуладты; 854/1451 г. (150) из Арсуга.

Рассмотренные выше датированные, а в ряде случаев недатированные надписи X—XIV вв. были охарактеризованы нами в палеографическом плане. Анализ каждой из плит в отдельности, сделанный выше, дает теперь нам возможность составить общую палеографическую таблицу, в основу которой положены начертания отдельных букв датированных надписей, как строительных, так и эпитафий.

Изучение составленных нами таблиц показывает, что в рамках X—XIV вв. представляется возможным видеть несколько хронологических этапов для выработки палеографических эталонов. Следует сразу же оговориться, что пока еще эти этапы весьма условны, ибо невозможно проследить во всех деталях эволюцию письма. В течение пятисот лет (на основе 11 имеющихся в нашем распоряжении датированных надписей) в различных районах Дагестана процесс эволюции арабского письма протекал разновременно, поэтому в последующем процессе накопления дополнительного материала предстоит выделение палеографических особенностей арабского письма в отдельных зонах.

Привлеченные датированные надписи X—XIV вв. можно подразделить по палеографическим особенностям на три группы: 1) надписи X—XI вв.; 2) надписи XII—XIII вв.; 3) надписи XIV в.

1. Н а д п и с и X—XI вв. (рис. 136, а). Датированных надписей в нашем распоряжении 6. Для палеографической характеристики мы привлекаем в основном три надписи (1, между 912—1009 г., из сел. Кочхюр; 2, 1016—

	Nº1 912- 1009	Nº2 1016-7	Nº3 1021	Nº5 1076-7	Nº6 1080-1
ا		ا	ا	ا ا ا	
ال		ا ا	ا ا	ا ا ا ا	
ح				ح ح	
ا	ا		ا ا	ا ا ا ا ا	ا
ب		ب ب	ا	ا ا ا (ك)	
ت (ك)	ا			ا	ا
ن (ك)			ح	ح ح ح	ح
ح		ح	ح	ح	
د	ح			د د د د (س)	
ر		ر	ر	ر ح	
س	س	س	س	س س س	
ص	ص		ص	ص	
ع		ع ع		ع ع ع ع	ع
ف ف ف	ف			ف ف ف ف	
ه ه ه	ه	ه	ه	ه ه ه ه	ه
م	م	م	م	م م م م	م
و	و	و		و و و	و

1017 г. из сел. Ихрек; 5, 1076—1077 г. из Дербента) как наиболее характерные, причем надписи 1 и 2 — врезные, а памятник 5 из Дербента имеет надписи как врезные, так и рельефные. Последнее обстоятельство наложило отпечаток на облик отдельных букв.

Для надписей 1 и 2 (X—первая четверть XI в.) характерно отсутствие точек (это характерно для всех 6 надписей);

ба имеет невысокую подставку;

вертикальные зубцы *сина* одинаковой высоты (характерно и для врезной части надписи 5, 1076—1077 г.);

отсутствие для *алифа* и *лама* клиновидных вершин, утолщений или выступов (клинья нечетко выражены и в врезной части надписи 5);

ха — две пересекающиеся черточки;

ха в конечной форме — треугольник основанием на строке;

а непропорционально крупный *айн* (то же в надписях 5 и 6);

мим в срединной форме имеет форму треугольника основанием на строке (в надписи 5 он имеет округлые формы);

вав имеет подстрочное продолжение.

Надпись 5, нанесенная частично рельефом, частично врезным письмом, имеет двоякий характер. Для рельефа характерно наличие клиновидных вершин в *алифе*, *ламе*, *сине*; высокое, на уровне *алифа* *ба* в слове *бисми*; убывание величины зубцов *сина*; подстрочная дуга *лама*; конечные *ра* и *нун* с высоко поднятым вверх «хвостом»; *фа*, *вав* — полностью на строке (в обоих случаях); *ха* и *мим* (в обоих случаях) имеют, как правило, круглые очертания. Для врезной части характерно конечное *ба*, открытое слева, конечные *нун* и *ра* в виде открытой слева дуги.

2. Н а д п и с и XII—XIII вв. Среди подобных надписей привлекаем 5: из Гельмеда 1125 г., Рутула 1150 г., Цахура 1239 г., Рича — 1241 г., Рутула 1284 г. (рис. 136, б). Мы не привлекаем здесь надписи почерком насх — 11, 1184 г. из Дербента, 17 из Рича 1250 г.

В надписях XII—XIII вв.:

ба, *та*, *нун* во всех позициях сопровождаются точками;

син или *шин* имеют зубцы или одинаковой высоты, или убывающие влево и нанесенные с наклоном влево;

	N ^o 7 1125	N ^o 8 1150	N ^o 11 1184	N ^o 15 1239	N ^o 17 1241	N ^o 17 ^a 1250	N ^o 20 1284
ا							
ا							
ح				ح	ح	ح	
ل							
ب	ب	ب		ب (к)	ب (к)	ب (к)	ب (к)
ت			ت	ت	ت	ت	
خ (к)	خ (к)	خ	خ	خ	خ	خ	خ
ز	ز	ز	ز	ز	ز	ز	ز
د	د	د	د	د	د	د	د
ر (к)	ر (к)	ر	ر	ر	ر	ر	ر
س	س	س	س	س	س	س	س
ص	ص	ص		ص	ص	ص	ص
ع	ع	ع		ع	ع	ع	ع
ف	ف	ف		ف	ف	ف	ف
ق	ق	ق	ق	ق	ق	ق	ق
م	م	م	م	م	م	م	م
و	و	و	و	و	و	و	و
ي	ي	ي	ي	ي		ي	ي

1366

лам в начале и конце слова оканчивается как гори, зонтально, так и дугообразным коленом (Цахур, 1239 г.) иногда уходящим под горизонталь (там же).

Начальное ба трех форм: в виде прямого угла, дугообразного значка или высокой, на уровне алифа вертикали, отогнутой вправо. Конечное ба открыто слева (17) или же начертано наполовину (15, 20).

Конечный нун всегда имеет подстрочное продолжение, обычно дугообразное. То же самое — для ра и за, но многие иногда полностью расположены на строке (Цахур, 1239 г.). За не имеет точку.

Если буква типа ха в срединном положении в надписи начала XI в. из Ихрека (джим) обозначена прямым отрез-

ком, перечеркнутым под прямым углом, то XII в. повторяет его (но с удлинением иногда подстрочным знаком), а в XIII в. более обычна другая форма (две параллельные линии, соединенные прямой или косой черточкой) как и в XIV в.;

ха, оставшаяся без изменения в конечной позиции, в середине и начале слова подвергается некоторым изменениям: в середине *ха* имеет круглые очертания, в ряде случаев половина буквы уходит под строку; *ха* в середине слова всегда на строке, но в виде треугольника основанием на строке или же прямоугольника, образовавшегося при соприкосновении двух треугольников;

начальный и срединный *мим* остается без изменений, а конечный *мим* снабжен хвостиком, идущим под строку или от левого угла, или же от центра основания;

начальные и срединные *фа* и *каф* всегда на строке, в середине имеет форму прямоугольника;

в ряде случаев начальный *вав* — на строке (Рича, 1241 г.);

айн имеет горизонтальную нижнюю строку, чуть удлиненную по сравнению с верхней дугой (XII в.); в конечном состоянии — это треугольник основанием вверх.

Во второй группе особняком стоит надпись 1150 г. из Рутула. Верхушки *алифов* и *ламов* имеют утолщения со срезами влево и вправо; конечные *нун* и *ра* имеют одинаковую форму — это открытая в верхней части дуга, с отходящими от нее вверх высоким стволом и клиновидным завершением, зубцы *сина* резко убывают влево, а конечный *син* также снабжен вертикальным стволом, как *нун* и *ра*;

начальная и срединная *ха* выражены прямоугольником, разделенным черточкой на две части: а конечная *ха* представлена или в виде треугольника с высоким утолщением кверху стволом, или треугольник представлен к середине высокого ствола своим основанием. *Каф* увенчан завитком в полтора оборота.

3. Третья группа, т. е. памятники XIV в. (рис. 136, в), представлена датированными экземплярами из Архита, Хива и Кочхюра, из которых кочхюрский (1301—1397 гг.) стоит особняком и будет рассмотрен отдельно.

XIV в. — переходный этап к чистому наску, и это зафиксировано в своеобразии датированных хивских и архитских надмогильных плит:

	Архит № 22, 23 1336-7, 1341	Хив № 25-27, 29-31 Пол. XIV в.	№ 28, 32 Имреть XV в.	Кочхюр № 21 1301-1397
ا	ا ل	ا ل	ا ل	ا ا ا ا
آ	آ	آ آ آ	آ آ	آ آ آ آ
ب	ب (к), — (к)	— (к), — (к)	ب (к) —	ب —
ت (к)	ت	ت ت	ت ت	
ن (к)	ن	ن ن ن	ن ن	ن ن
ح	ح ح	ح ح	ح ح ح	ح ح ح
د	د د	د د	د	د د
ر	ر ر	ر ر	ر ر	ر
س	س س	س س	س س	س س
ص		ص ص	ص	ص ص
ع	ع ع	ع ع ع	ع ع	ع ع
ف	ف ف ف	ف ف ف ف	ف ف ف	ف ف
ق	ق ق ق	ق ق ق ق	ق ق ق	ق ق
م	م م م	م م م م	م م م	م م م
و	و	و و و	و و و	و
ی	ی	ی ی ی	ی ی	

136в

сочетание горизонтальных кривых линий как средство соединения букв;

алифы не имеют продолжения под строку. Конечное *ба* открыто слева (надписи 22, 23), иногда оно принимает форму горизонтальной черточки, снабженной точкой; конечная *та* также открыта слева, справа ограничена короткой чертой; конечный *пун* помещен под строку;

дал начальный потерял угловатость, это дуга, открытая слева; срединные и конечные *дал* и *зал*, как и начальное *ха* и *ха* имеют острый угол; *ра* помещена обычно пол-

ностью на строке; срединные буквы типа *ха*, как и в предыдущий период, имеют обе формы, зафиксированные во 2 группе. Конечный *джим* в третьей и второй группах изображен одинаково — это *ха* с хвостиком, уходящим под строку;

син, как правило, состоит из трех сильно наклоненных влево и горизонтально соединенных зубцов, укорачивающихся по мере движения влево;

начальное *ха* представлено чаще в виде четырехугольника основанием на строке, разделенного горизонтальной черточкой на два квадрата, а срединные — ромбовидная фигура или окружность разделенная пополам, причем обычно одна половина уходит под строку; *фа*, *каф*, *вав*, *мим* сохраняют черты второй группы.

В третьей группе особняком стоит, как уже отмечалось, надпись 1301—1097 г. из Кочхюра (рис. 136, в, 21), как и надпись 1150 г. из Рутула во второй группе.

Кочхюрская надпись отличается клинообразными высокими стволами *алифа* и *лама*, иногда опущенными под строку вертикально или с поворотом вправо; *лам* срединный в одном случае имеет надстрочное продолжение; начальное *ба* — или обычное, или с вертикальным стволом на высоту *алифа*; конечный *нун* имеет подстрочное колено, в виде прямого угла, открытого слева; конечные *дал* и *зал* — это острый угол, горизонталь которого слегка утолщена; конечный *джим* соединяется с предыдущей буквой ломаной линией, острием под горизонталью; *мим* во всех позициях имеет петлю в виде прямоугольника — явление, не встречавшееся в других памятниках X—XIV вв.; *фа* и *вав* имеют треугольную петлю, поднятую над строкой выше обычного, остальные буквы заметных различий не имеют.

История арабского письма в Дагестане совершенно не изучена.

В. А. Крачковская обстоятельно проследила историю куфического шрифта в Средней Азии на основании сохранившихся надписей на бумаге, тканях, керамике, камне ²¹. Выводы и наблюдения известного востоковеда и других советских ученых по материалам Средней Азии могут быть использованы и для характеристики эпиграфического материала Дагестана.

Для II—III/VIII—IX вв., как показывает В. А. Крачковская, характерна чистота стиля куфи, о чем можно судить по надписям на ранней поливной керамике из го-

родил, прежде всего Афрасиаба. На них нет пунктуации и знаков чтения, линии смелы и прямолинейны, фон свободен от рисунка. Но постепенно буквы обогащаются декоративными элементами, например *нун* украшается полупальметкой — это в надписи на фаянсовом каламдане III/IX в. из Мавераннахра, на плите 273/887 г. из Музея палеографии АН СССР, в аббасидской надписи в Амиде ²².

Ранние примеры эпиграфической орнаментики относятся к X в. — это монументальные куфи мавзолея Исмаила Саманида в Бухаре и Араб-Ата в Тиме. Мавзолей Исмаила Саманида знает строгое куфи, а куфи мавзолея Араб-Ата в Тиме лишено резких угловатых переходов, и уже сопровождается растительным побегом «ислими» ²³. Материалом для двух памятников служит кирпич, и он в дальнейшем играл «консервативную роль» в сохранении куфического письма. Четыре надписи минарета Джар-Кургана (одна из них дает дату 502/1108—1109 г.) выполнены почерком куфи ²⁴. То же самое можно сказать о куфической надписи 506/1113 г. мечети Мухаммада Ханашья ²⁵.

В дереве также в X—XII вв. мы видим куфи. Таковы надписи I и II стиля колонн соборной мечети в Хиве ²⁶.

В резном штурге X в. также эпиграфические элементы представлены куфи. В качестве примера можно привести круговую надпись строгим куфи и пояс с надписью куфи из дворца правителей в Хульбуке ²⁷.

Переход на насх или сочетание куфи с курсивным письмом прежде всего наблюдаются на монетах и в рукописном материале. С конца IX—начала X в. на саманидских монетах встречается сочетание куфи с курсивом, в начале XI в. на караханидских монетах видим уже насх. В первой трети X в. куфи и насх сочетаются и в рукописях ²⁸.

В XI—XII вв. в резном ганче (мечеть в Алтын-тепе, архитектурный ансамбль у мавзолея Хаким-и Термези) надписи выполнены уже в стиле насх ²⁹.

Сочетание монументального насха и куфи встречается на порталах Северного (574/1152 г.) и Южного (581/1186 г.) мавзолеев в Узгенде, в мавзолее Султана Санджара (ум. 552/1157 г.) в Мерве ³⁰, в минарете в Газне (1 половина XII в.). Куфи с непрерывным бордюром удержался в надписях монументальных сооружений еще в XIII—XIV вв. (портал мечети в Мешхед-и Мисриана с именем Хорезмшаха Мухаммада, сына Текеша, правив-

шего в 1200—1220 гг.); нижний эпиграфический пояс минарета Кутлуг Тимура в Ургенче. В. А. Крачковская убедительно показала, что в XIII в. насху уже отдавали предпочтение, хотя куфи не совсем утратил ведущее место. «Монументальный куфи в Средней Азии достиг апогея, и многие памятники XIV в. свидетельствуют о доминирующей роли скорописи»³¹. Надписи над входом в мавзолей Тадж ад-Дина Кубра в Ургенче, на портале мазара Мухаммада Башара в селении Мазар-и-Шариф (743/1342—1343 г.) и другие написаны в основном курсивом, но для ходовых религиозных формул применен куфи. В надписях грандиозных построек Тимура и Тимуридов куфические надписи широко использованы как декоративный элемент³².

Материал немонументального характера, надписи на надмогильных кайраках XII в. дают как куфи, так и насх. В Кухистане во второй половине XIII в. насх и сульс вытеснили куфи³³. Имеются случаи, когда один кайрак несет две надписи середины XII в., одна из них — почерком насх, другая — куфи³⁴. Дугообразные лигатуры характерны для ряда надписей XI—XII вв. в Азербайджане, а в XII в. насх представлен уже рядом памятников³⁵.

Подобный же переход от куфи через сочетание куфи и курсивного письма к насху мы наблюдаем и в Дагестане.

Надписи по штуку и в Кара-Кюре и в Кала-Корейше остались на уровне куфи (строгое куфи в Кара-Кюре и «цветущее» — в Кала-Корейше). Мы пока не знаем в Дагестане надписей по штуку, вырезанных насхом, вернее, помимо Кара-Кюре и Кала-Корейша, мы не знаем иных памятников эпиграфики в резном штуке.

Памятников резьбы по дереву также мало — это недатированные надписи куфи из мечети Фите, Буршага (на деревянном минбаре) и датированная 840/1436—1437 г. на верхней части деревянной рамы из мечети сел. Джибахни. Недатированных надписей также небольшое число. Это три надписи из Ицари (рис. 136, а, б) с кораническим текстом (на двух досках — часть 256 стиха 2 суры, а на третьей — часть суры 117) и куфическая надпись из Фите (рис. 137, в), текст которой читается — *благословение Аллаха владельцу его (сооружения) Ибрахиму (барака — благословение)*.

Таким образом, и в Дагестане наиболее ранние памятники резьбы по штуку и дереву выполнены в стиле куфи.

То же самое можно сказать о надписях на камне Куфическим письмом нанесены надписи 1 из Кочхюра

(3/912—1009 г.); 2 — из Ихрека (XI в.); надпись 407/1016—1017 г. — из Ихрека; надписи 3, 4, 5, 6 из Дербента, датируемые соответственно 411/1021, 435/1044, 469/1076—1077 и 473/1080—1081 гг.; надпись 530/1136 г. — из Дербента, 7 — из Гельмеца с датой 519/1125 г. и 8 и 10 из Рутула, соответственно датируемые 545/1150 г. и 572/1176—1177 г.

Элементы наска уже отмечены во второй трети XI в. — это надпись 479/1086—1087 г. из Дербента, но, возможно, что эти элементы появились еще в середине XI в. — во всяком случае в Нижнем Архизе они отмечены 436/1044 г.

Вторая треть XII в. в дагестанской эпиграфике характеризуется появлением первых надписей, выполненных почерком насх, причем насх стал применяться одновременно как в строительных надписях, так и в мемориальных текстах. Среди строительных — это надписи на воротах Дубары-капы 580/1184 и 587/1191—1192 (11, 12), а эпитафий — надпись центрального поля татильского надгробия 583/1187 г. (№ 13) и стоящего с ним рядом стилистически близкого надгробия (14).

Если строительные надписи на дербентских воротах (11, 12) полностью переданы насхом, то татильские надгробия (13, 14) имеют насх только в центральном поле при сохранении куфи в широкой П-образной полосе по краю плиты. Это первый случай сочетания куфи и насха в одном памятнике.

Характеризуя среднеазиатские надписи, В. А. Крачковская писала, что особую стилистическую группу в XI—XII вв. составляют куфические надписи с непрерывным бордюром, причем в верхней зоне шрифтового пояса бордюром образован:

а) с помощью дополнительных стволов и U-образных вставок (Рабат-и Малик, мавзолей Мухаммад-Ханапья),

б) из переплетенных в виде геометрического узора букв, стволов и подобных им ложных дополнений, завершаемых клиновидными вершинами или листовидными украшениями ³⁶.

Далее В. А. Крачковская отмечает, что куфи применяется наравне с насхом, но последний насыщен элементами куфи.

Татильская надпись (как и надписи из Уркараха и Кала-Корейша) также составляет подобного рода стилистическую группу. Надгробия (13, 14) из Татили хорошо иллюстрируют сосуществование двух стилей в одной и той же надписи — бордюр составлен куфическим письмом с дополнительными растительными и геометрическими вставками, а центральное поле занято текстом на насхе, но с элементами куфи. Такое сочетание двух почерков (насх и куфи) в пределах одного памятника нам встречается и позже, но куфи встречается, как и в Средней Азии, в текстах неисторического содержания: в цитатах из Корана, из преданий, в стереотипных формулах.

Татильская эпитафия (вернее, ее центральная надпись) показывает также, что уже в XII в. в Табасаране стал применяться насх в посвяжительных текстах (как и в строи-

тельных текстах Дербента), но это было явлением не универсальным. На примере хивских и архитских надписей мы убеждаемся, что здесь надпись центрального поля не перешла еще в XIII—XIV вв. в ряде случаев полностью в насх, а сохраняет в значительной степени элементы куфи.

В целом же насх в XII в. редкое явление в датированных памятниках дагестанской эпиграфики.

В XIII в. положение меняется, количество датированных текстов насхом растет. Для XIII в. мы имеем 9 датированных надписей, все они происходят из верховьев Самура и дают картину, сложившуюся именно в этом районе. Куфических и полукуфических надписей здесь пять — из Цахура, Рутула и Рича (15, 16, 17, 19, 20) с соответственной датировкой: 636/1239, 625/1227—1228, 638/1241, 683/1284, и 683/1284 гг.

Насхом — четыре надписи: 640/1242 г. о строительстве крепости в Риче, 648/1250 г. и 678/1279—1280 г. о строительстве мечетей в том же селении, 644/1247 г. о строительстве мечети в Мишлепе.

Как уже говорилось, датированные в пределах XIII в. надписи обнаружены в Дагестане только в районе верховьев Самура, и мы не можем полученные на их основе выводы распространить на весь Дагестан. Однако известные нам недатированные надписи, как строительные, так и эпитафии (Дербент, Ахты, Рича, Тпиг, Архит, Хив, Гельмец, Цахур, Шиназ, Хнов, Аракул, Амсар, Буршаг, Джули, Хили-Пенджик, Бурханкент, Шари, Фите, Ашага-Сталь, Шими-хюр, Уркарах, Кала-Корейш, т. е. Дербентский, Табасаранский, Агульский, Рутульский, Ахтынский, Хивский, Сулейман-Стальский, Курахский, Дахадаевский районы), палеографически отнесенные к XII—XIII или XIII—XIV вв., сделаны все полукуфи.

В XIV в. насх, можно сказать, занял уже ведущее, монопольное положение в строительных надписях, актовых записях, чего нельзя сказать о посвяtitельных текстах — здесь полукуфи сохраняет в ряде районов ведущие позиции. Среди строительных надписей только кочхюрская (21), датированная 7.../1301—1397 г. и 765/1363—1364 г. из Худуца (35) выполнены в стиле строгого куфи, а надписи 701—1302 г. из Цахура, 700/1301 г. — из Дербента, 757/1356 г. — из Кураха, 718/1318—1319 г. — из Худуца, 766/1364—1365 г. — из Цахура написаны насхом.

Что касается надмогильных памятников, датированных XIV в., то в Архите (22, 23), Хиве (25, 26, 27, 28, 29, 30, 31), Кала-Корейше (33), Ахты (34), Кубачи (35), как относимых палеографически к XIV в., 105—110 из Бурханкента, 139 и 140 из Маджалиса), — несут тексты почерком полукуфи. Насх также наносился на надмогильные плиты в XIV в. — плита 704/1304—1305 г. из Рукеля, 741/1341 г. из Тпига, вернее местечка Зулер, близ Тпига (24), 783/1381—1382 (33а) из Кала-Корейша, 791/1388—1389 г. из Хунзаха, 798/1396 г. из Цахура (№ 115), 784/1383 г. из Хнова.

Мы наблюдаем своеобразное «географическое разделение» текстов надмогильных памятников в XIV в. Полукуфи характерен для Табасарана и Кайтага, а насх для рутульских, агульских селений, для Хунзаха.

В XV в. насх господствует в строительных надписях безраздельно, а надмогильные плиты лишь изредка «делают уступки» куфи. Хивская надпись 824/1421 г. (32) — это единственный памятник XV в. с полукуфи в центральном поле, а хновские эпитафии XV в. (117, 118, 119, 124) имеют эпиграфическую полосу по краю плиты в стиле куфи при четком насхе в тексте центрального поля.

Мы проследили историю арабского шрифта в промежутке между XI и XV вв. Процесс протекал неравномерно в отдельных частях Дагестана, но в XV в. почти все дагестанские надписи уже перешли на насх.

Многочисленные арабские надписи X—XV вв. из Дагестана должны быть рассмотрены также как огромное культурное явление в жизни дагестанских народов, как итог общения народов в сфере духовной культуры. Еще Е. И. Пахомов отметил широкое распространение пехлевийского письма в Дербенте и расценил это как отражение сравнительно высокой грамотности населения³⁷. Количество арабских надписей в Дагестане огромно, они встречаются в любом ауле и представляют собой проявление местной культуры, доказательство того, что арабское письмо было в Дагестане широко известно, и знатоки этого письма были не только в среде представителей правящей верхушки. Последнее обстоятельство — нередкое явление в культурной жизни народов нашей страны. Советские ученые выявили в Новгороде много сотен надписей X—XI вв. на бересте — свидетельство степени грамотности различных слоев населения. Изучение

эпиграфических памятников XI—XIX в. из Кухистана (верховья Зеравшана в Таджикистане) позволило члену-корреспонденту АН Таджикской ССР А. М. Мухтарову сделать вывод о том, что «и здесь грамотность не была достоянием лишь духовенства и верхушки феодального общества»³⁸.

Дагестанский эпиграфический материал — не только показатель грамотности представителей отдельных слоев населения. Эпиграфическое наследие — первые памятники письменности народов Дагестана, не арабской письменности, а дагестанской на основе арабской графики. Эту мысль высказал Л. И. Лавров. Все богатое эпиграфическое наследие Дагестана в целом «... требует пересмотра ходячего представления, будто народы Северного Кавказа до недавнего времени были бесписьменными. Правда, письменность эта была не на родных языках, но и широкое пользование латынью в средневековой Европе само по себе не означало отсутствия у европейских народов письменности»³⁹.

Таким образом, вопрос о письменности народов Дагестана невозможно оторвать от литературного наследия на арабском языке, прежде всего эпиграфических памятников — наиболее ранних свидетельств письменности.

Эпиграфическое наследие как памятник культуры вообще и письменности народов Дагестана в частности развивалось не изолированно, не само по себе, а в неразрывной связи с таким жанром литературы, как дагестанские исторические хроники.

Как известно, еще в X—XV вв. мы прослеживаем как дальнейшую исламизацию Дагестана, так и проникновение богатой культуры Ближнего Востока и Средней Азии, в частности арабского языка и арабоязычной литературы в самые различные отрасли средневековых наук. Арабский язык проникал в дагестанскую среду во все растущих масштабах, став для Дагестана языком как богослужения, так и науки, литературы, делопроизводства, частной и официальной переписки, хотя основным средством общения народов оставались местные языки. Многочисленные памятники культуры различных народов, созданные на арабском языке, убедительно отвергли далекие от науки представления о «языке религии» и «исламской литературе» (к сожалению, в дагестановедении это убеждение утвердилось со значительным опозданием). Богатая

и разнообразная по своей тематической характеристике арабоязычная литература и культура народов ближневосточных стран не просто проникали в Дагестан, они глубоко усваивались местными культурными силами, использовалась в интересах обогащения местных культур.

Значение арабского языка этим не ограничивалось. Творческое усвоение памятников письменной культуры, созданной народами Ближнего Востока и Средней Азии, имело в Дагестане свое логическое продолжение — опираясь на достижения многих других народов, здесь были созданы первые местные исторические хроники на арабском языке, наиболее ранние из которых можно отнести к X в.

Выдающийся советский востоковед академик И. Ю. Крачковский дал высокую оценку арабоязычной литературе Дагестана XVII—XIX вв., определил национальную принадлежность этой литературы⁴⁰. Известный дагестанский арабист М.-С. Саидов на большом фактическом материале показал местный характер литературы, созданной в Дагестане на арабском языке⁴¹. Вопрос о роли и значении арабской культуры в процессе становления и развития художественного наследия народов Дагестана обстоятельно рассматривается в монографии Г. Г. Гамзатова⁴².

А. Н. Генко первым высказал мысль о том, что нельзя ограничить нижний рубеж распространения арабского языка XVII в. Даже мнение А. М. Барабанова о том, что наиболее ранние из известных нам дагестанских литературных и исторических сочинений, написанных на арабском языке местными авторами, относятся к началу—середине XIV в.⁴³, оказалось устаревшим после издания В. Ф. Минорским «Истории Ширвана и Дербенда», написанной, несомненно, местным автором в начале XII в.

Дагестанские исторические хроники слабо изучены, но их предварительное изучение показывает, что наиболее ранние их части относятся к X в.⁴⁴ К числу этих местных творений относятся упомянутая уже «История Ширвана и Дербенда» — анонимное сочинение, составленное в начале XII в. и охватывающее события от конца VIII в. до 1075 г.; «Тарих Дагестан» Мухаммада Рафи (XIV в.) — сочинение, состоящее из нескольких хроник, вполне самостоятельных, по объединенных общей идеей, причем нац-

более ранняя часть их может быть отнесена к X—XI вв.; основные компоненты «Дербенд-наме», восходящие к X в., хотя само сочинение составлено в конце XVI в. Мухаммадом Аваби Акташи; «Хроника Махмуда Хиналугского» (XV в.); «История аула Куркли» (или «История рода Герейхана» — XV в.) и др. Создание в X—XV вв. произведений региональной историографии на арабском языке может быть охарактеризовано как важное культурное явление. Почти все дошедшие до нас сочинения могут быть отнесены к историческому жанру, однако, несомненно, творчество местных авторов выходило далеко за рамки чисто исторических сочинений. Свидетельство этому — составление в XI в. трактата по суфизму «Райхан ал-хакаик ва бустан ад-дакаик» («Базилик истин и сад тонкостей») Абу Бакром Мухаммадом ад-Дербенди.

Дагестанские исторические сочинения должны быть рассмотрены не только как ценные исторические документы, но и как памятники литературы, первые нарративные памятники дагестанской литературы на арабском языке. Своеобразие дагестанской литературы заключается в том, что первые его произведения созданы на арабском языке и представлены в основном жанром исторических хроник.

Нельзя представить в полном объеме культурную жизнь средневекового Дагестана, если оставить в стороне вопрос о местных переписчиках арабских рукописей, катибах, деятельность которых выросла до профессионального уровня.

В рукописном фонде Института истории, языка и литературы им. Г. Цадасы сосредоточено уже значительное число рукописей, переписанных в Дагестане. В их числе:

1. «Ма 'алим ат-танзил», переписанный в 1042/1615 г. Мухаммадом ал-К.кй, сыном Мамма, сына Сулеймана, сына Муса, сына Умара «в соборной мечети Мухаммада Кади в селении Ашты» (РФ, № 2093).

2. Сборная рукопись, включающая в себя сочинения автора XI в. Али ибн Мухаммада ал-Йаздави «Китаб ал-куттаб» и другие сочинения, переписанные в 905/1499—1500 г. «в селении Ашты рукой Мухаммада, сына Абдурахмана аз-Зерехгерани» (РФ, № 1). Он же переписал грамматическое пособие «ал-Кафия» («Достаточная книга») в 896/1491 г.

3. «Шафия» — сочинение по грамматике арабского языка Ибн ал-Хаджиба, переписанное с 971/1516 г. Умаром, сыном Ахмада из Дусрака (РФ, № 13).

4. Сочинение (название не указано), переписанное «17 шабана 812 г. рукой бедного, презренного, [ищущего] милость у владыки всепобеждающего Калама, сына Исфандийара, сына Махмуда, сына Исфандийара, сына Калама, сына Са.р-шаха (Самуршаха?) Албурзи аш-Ширвани. . .». Запись сбоку: «Написал (переписал) эту книгу Калам Мискинджа для своего устаза великого. . . Шинази. . ., а он известный ученый в области Лезгистан. . . Переписана эта книга в селении Мискинджи». 17 шабана 812 соответствует 25 декабря 1409 г. (РФ, № 2132).

5. В 976/1568—1569 г. в Ихреке переписана грамматика арабского языка ал-Халаби, переписчик — Исмаил, сын Абрахима ал-Ихраки (РФ, № 338).

6. В 689/1290 г. в сел. Захур (?) переписан толковый словарь арабского языка «ал-Гарибайн» ал-Харави Мухаммадом, сыном Абу-л-Хасана.

7. 13 числа месяца зи-л-када 906 г. (31 мая 1501 г.) закончен перепиской трактат «Ихйа улум ад-дин» («Оживление наук о вере») ал-Газали (ум. в 1111 г.). Переписчиком был «Идрис, сын Ахмада, в селении Акуша, из селений Гази Гумук» (РФ, № 3). Али, сын Мухаммеда аз-Зерехгерани переписал в 406/1500—1501 г. «ас-Сахах»; в 916/1510—1511 г. Айди, сын Мухаммеда аз-Зерехгарани переписывает «Ихйа улум ад-дин» ал-Газали (рукопись приобретена археографической экспедицией 1979 г.); в месяце раджаб 872 г. (январь-февраль 1468 г.) в селении переписано то же сочинение «Йусуфом ал-Кубаши» (рукописи приобретены той же экспедицией в 1979 г.).

Мы перечислили лишь часть рукописей, переписанных в XIII—XV вв. В ряде аулов (Кубачи и др.) имеются уже профессиональные переписчики.

Теперь мы уже можем сказать, что эпиграфические памятники, нарративные источники, рукописная книжная культура (имеется в виду деятельность по переписке произведений восточных авторов) — комплекс этих факторов наглядно иллюстрирует мысль о значительном уровне духовной культуры местного населения, которая вместе с исключительно богатой материальной культурой составляет единое целое и иллюстрирует вклад дагестан-

ских народов в дореволюционную культуру народов нашей страны.

Уже неоднократно указывалось, что эпиграфический материал почти полностью выполнен на арабском языке. Лишь несколько надписей составлено на персидском языке. По этим надписям можно судить о том, что прошикновение, возможно сильное, персидского языка в памятники дагестанской эпиграфики относится к XIV в.

Самая ранняя персидская надпись, обнаруженная в Дагестане, относится к 700/1301 г. — это запись о вакфе источника воды с колодезем в пользу почтовой станции ⁴⁵. К ранним относятся также благопожелательный стих на тимпане из Кубачи (1 половина XIV в.), надпись на колонке-тимпане (Дагестанский республиканский музей, середина XIV в.) ⁴⁶, строительная надпись из Дербента о реставрации мечети в 770/1368—1369 г. ⁴⁷ и мемориальная надпись из Хнова 784/1382 г. (116). XV в. также представлен восьмью текстами ⁴⁸, а XVII в., минуя XVI, — тремя. Характерная особенность персидских текстов — их «официальный тон», они посвящены в основном представителям феодальной верхушки, деятельности правителей (эмир Исфандийар, пирваншах Халилуллах, шах Аббас и т. д.). Все три надписи XVII в. связаны со строительной деятельностью шаха Аббаса I (1587—1629). С именем шаха Аббаса I связана строительная деятельность (имарат, караван-сарай) и в Азербайджане. Основная часть надписей — из Дербента, три из Кубачи, одна — из Хнова (116). В четырех случаях надписи двуязычны, т. е. на арабском и персидском языках: 770/1368—1369, 850/1446 и 857/1453 — из Дербента и 784/1382 — из Хнова. Последняя надпись — это двустилиш на персидском языке, широко представлена на сундукообразных надгробиях XV—XVII вв. Обычно это дидактические тексты Саади, Омара Хайяма ⁴⁹. Для предыдущего времени XII—XIV вв. персидские тексты в Азербайджане исключительно редки.

Что касается надписей на местных языках, количество их можно исчислить единицами. Пичтожное количество подобных надписей можно объяснить лишь той реальной обстановкой, когда при наличии нескольких десятков народностей со своим языком арабский язык выступал в роли языка книжной культуры, деловой и частной переписки, актового материала.

Хотя количество надписей на местных языках ничтожно, арабский эпиграфический материал X—XVII вв. сохранил в своем составе много местных, немусульманских имен, исследование которых представит огромный интерес в изучении истории местных языков.

Встречаются следующие имена

- 1) Уста сын Гайдана (надп. 7)
- 2) 'Абд ас-Самад, сын Налкй (8)
- 3) С. рган и Т. сджи (9)
- 4) Фуган, сын Саби и Куту Абу Масак (10)
- 5) Бассадж, сын Сулаймана
- 6) Х. д.л., сын Бассаджа и Х.дж. дочь Хусам (18)
- 7) 'Джарказ, сын Ламу (19)
- 8) Х.р.к.р. (Джарказ ?), сын С'м (20)
- 9) Йр. на хах (21)
- 10) Х.б.р.г.н. (22)
- 11) Ас.м.д, сын 'Йусуфа (26)
- 12) Мухаммед, сын 'б.м.р. (29)
- 13) 'Умар, сын Қ.л.ш (30)
- 14) Балуш (43)
- 15) А.ш.р.к (44)
- 16) Ш.р, сын Рахматуллаха (59)
- 17) 'Ах.с. (61)
- 18) Ал.д.м. и Ф.к.р (71)
- 19) Б.х.с. рман, сын Басаджа (77)
- 20) М.х.л.л. (78)
- 21) Б.х.р.с и Ш.лу (79)
- 22) Б.р.к., сын Айуба (85)
- 23) Ахмад, сын Шур (или: Ш.в.р) (86)
- 24) Ш.б.ш.н, сын Мухаммеда (87)
- 25) Мухаммад, сын Ш.р.б.ш.р. (вар.: Ш.б.ш.н.) (88)
- 26) Рамадан, сын Ш.р.б.ш.р (89)
- 27) С.х.м., дочь Ш.р.б.ш.р (90)
- 28) Ш.б.ш, и сын Ш.б.ш н (91)
- 29) Ш.б.ш.н, сын Мухаммеда (92)
- 30) Б.дай (вар.: Б.ди), сын Ахмада (93)
- 31) Хаджи, сын З.н.к.р (94)
- 32) Исма'ил К.ш.н. Б.л Б.з.г лй (? 96)
- 33) Мухаммед, сын М.к.з (97)
- 34) Зули, сын Б.р.к 'з.т.л (100)
- 35) А.д.қ.с
- 36) М.р.джух
- 37) Дум. ра, сын Асвад
- 38) Д.м.р.р (101)
- 39) Касар, дочь. . . (104)
- 40) Т.б.л.г., сын Ф.л.н (вар.: Ф.л.з) (109)
- 41) Б.з.дж, дочь (110)
- 42) Р.дж
- 43) С.р.х, дочь Ш.р
- 44) Ал.б.с.қ
- 45) Ф.л.з, сын Ас.м (Ис.м) (112)
- 46) К.дай (вар.: К.ди), сын Дивана (116)
- 47) Р.хуха, сын Мухаммеда
- 48) Абкур, сын Т. хсмана, сын Бугала, сына Сейф ид-Дйна, сын Қ.орнайна (118)
- 49) Сейф ад-Дйн, сын Аджуджа (119)
- 50) Маммад, сын С.хй (122)
- 51) Мамма, сын Абакара, сын Чакука, сын Базкуха, сына Хамма, сына Мамма, сына Хамма (123)

- 52) Ҳ.з.саз (Ҳ.р.сац), сын Ха-
лифа (123)
- 53) Б.л.х.рйр (127)
- 54) Сума (128)
- 55) Дйвйш (131)
- 56) Йўсуф, сын Тўса (135)
- 57) Ал. 'д. сын Б.'з (136)
- 58) М.з.дж. б
- 59) Аҳмад, сын Б.р.т. (Барти ?)
(138)
- 60) Абб Бакр, сын Кид (141)
- 61) Муҳаммад, сын Қ.м.дж) (142)
- 62) Хайдар, сын Д.р.қ (147)
- 63) Мухаммед, сын Мунджида,
сына Аҳмеда, сын Мунд-
жида, сына С.д.к. (150)
- 64) Ш.б.т, сын Ҳ.зй (167)
- 65) Мухаммад, сын С.р.н.. дж
154
- 66) Мухаммад, сын Б.'з (с. Хури)
- 67) М.с., сын Сулаймана
(с. Хури)
- 68) С.бйз, сын Мама (с. Хури)
- 69) Муҳаммад, сын А.р.ш
(с. Хури)
- 70) М.с., сын Б.р.к. (с. Хури)
- 71) Бадал, сын Малах
- 72) Баднн, дочь Х.л.т. (с. Миш-
леш)
- 73) Ламў, сын Муҳаммада (Ру-
тул)
- 74) А.ш. лараҳа (с. Ахты)
- 75) Дйр, сын Ҷйба (с. Ахты)
- 76) Б.х.с. ман, сын Бассаджа
(с. Рича)
- 77) М.қ.л.л (с. Рича)
- 78) А.ш.р.к., сын Ибраҳйма (44)
- 79) Судан, сын Ҷ.қ. (181)
- 80) А.х.с.б.р, сын Ҳйздана (57)
- 81) Ш.р., сын Рахматуллаха (59)
- 82) Сулайман, сын Аҳмада
М.к.ш.р. (70)
- 83) Б.х.р.с. н Ш.л.д (79)
- 84) Аб. л. гар, сын А.т.б.к
(Атабек?)
- 85) Бағарчи, сын К'зурбача
(с. Кадар)
- 86) 'Умар, сын Қ.л.ш (30)
- 87) Ҳасан, сын Ат.к.н (33)
- 88) Қ.б.с (34)
- 89) К.ба (34)
- 90) А.х.с. бар (34)
- 91) Малйдж (34)
- 92) Б.г.тар (Багутар?) (34)
- 93) Б.д.хус (34)
- 94) Б.д.л (й), (34)
- 95) Б.дйх, сын Ш.р.х
- 96) С.т. М.х.д., сын Алибека
(173) и др.

Если же средствами арабского алфавита нельзя было передать все фонетические особенности, то в ряде случаев писцы прибегали к дополнительным буквам, приспособив для них арабский алфавит.

چگون ابن قدر بيك
 امير ابكر بن چكوك
 حاخوق ابن حمك
 اليجي بن چلر
 استا محمد بن ملا چچق
 اسرايل ابن منجد
 اجن ابن شمخال
 محمد سپن
 ارثم بن خان ارثم
 زكون
 زلنكي
 واگز ابن اچيا
 سفاو ابن عاغلث
 سليمان بن احمد مكشي
 قرية خديز
 قرية رچا
 چركس
 على پشيان
 محمد پسي بن سرخي
 اپيم ابن اپيم
 بغرچ ابن قريچ

- 1) — Чақун, сын Кадирбека (115)
- 2) — Эмпр Абакар, сын Чакука (120)
- 3) — Ҳаҳ.л.қ, сын Х.м.кI или Д.м.кI (121)
- 4) — Аличи (вар.: Илайчи), сын Ч.л.р
- 5) — Уста Мухаммад, сын Молла Х.ч.ф (145)
- 6) — Исапил, сын Мунджида (151)
- 7) — Ач.н, сын Шамхала (154)
- 8) — Мухаммад, сын С.п.н (с. Хули)
- 9) — Уцуми, сын Хан-Уцуми (Кумух)
- 10) — Ц. кун (с. Курах)
- 11) — Цилинги (с. Курах)
- 12) — ВакIкIиз, сын Ахича (38)
- 13) Сафилав, сын Алиглидж (с. Хунзах)
- 14) — Сулайман, сын Ахмада М.к.ши (70)
- 15) — селение ХудицI (34)
- 16) — сел. Рича (34)
- 17) — Чаркас (164)
- 18) — Али Чупан (34)
- 19) — Мухаммад П. си, сын Сурхая (Кумух)
- 20) — Уцуми, сын Уцуми (с. Кумух)
- 21) — Багарчи, сын Къурбача (с. Кадар).

Таким образом, в арабских текстах звуки, не имеющие соответствующих параллелей в арабском языке, переданы с использованием арабских букв с дополнительными знаками. В арабский текст введено несколько топонимических названий и имен, которые можно перевести при помощи местных языков. Так, например, в курахской надписи 1356 г. следующие лезгинские слова: *кулан вѣр* (по лезгински — *кьулан вир*, т. е. «срединное озеро»), название горы Ц. ф. р. кил (по-лезгински — *цифер кьил*, т. е. «вершина облаков, облачная вершина»). В Хунзахской надписи передана аварская форма имени Иван, сын Гурги («Гургилау Иван»).

В сел. Корода недавно обнаружена надпись из 4 строк, причем три строки написаны по-аварски арабскими буквами. Надпись относится к XIV—XV вв. Текст представляет немалый интерес: «ГІакъа (т. е. гьакІа) гьабуга мазгит гьабураза росла Алак—мазгита вакъф гьабурал. ГІакъа гьарбуге бусурбаби!» — «Сделавшие вакф сельской Алак—мечети не берите (букв. не делайте) штраф со сделавших (эту) мечеть. Не берите штраф, мусульмане»⁵⁰.

В селении Кочхюр Курахского района мы обнаружили надпись из трех строк (рис. 138) с дважды повторяющимся арабским именем Мухаммад, но в лезгинской передаче (Махама) с падежным окончанием «дин» (*Махамадин*, т. е. Махамы), имени Муса (?); соединительного союза «ва», вошедшего в лезгинский язык из арабского. Левый край плиты отбит, поэтому смысл написанного не совсем понятен

Махамада и Мусы (?)... Махамада.

Количество собственно исторических надписей — хроник незначительно, но они представляют огромный интерес при изучении таких, в частности, вопросов, как борьба народов Дагестана против иноземных завоевателей. Обстоятельное изучение вопроса о пребывании монгольских завоевателей во внутренних районах Дагестана стало возможным только после обнаружения и публикации тек-

ста надписей из селения Рича. Как уже писалось, ричинская надпись о пребывании монголов в агульском селении Рича была обнаружена и введена в научный оборот Н. В. Ханыковым⁵¹, более точный текст и прорисовка были изданы Л. И. Лавровым. Л. И. Лавров издал еще две надписи из того же сел. Рича, посвященные тому же событию, дал обстоятельную характеристику этих надписей. Опираясь как на эпиграфический материал, так и на сообщения нарративных источников, он воссоздал картины героической борьбы дагестанских народов против монгольских завоевателей, в частности борьбы жителей селения Рича, поддержанных соседями (с 20 октября до середины ноября 1239 г.), и Кумуха (весна 1240 г.)⁵².

Было выяснено, что к планомерному завоеванию Северного Кавказа монголы приступили одновременно с завоеванием русских земель. В 1237—1240 гг. «...одновременно с первым и вторым походами хана Бату на Русь часть его войск занималась завоеванием горной полосы Северного Кавказа. . . В завоевании горной полосы принимали участие крупные силы монголов. Упорное сопротивление горцев вынуждало завоевателей прибегать к длительным осадам населенных пунктов. Однако нашествие

1237—1240 гг. не привело к повсеместной покорности населения Северного Кавказа»⁵³.

Как известно, надписей о пребывании монголов в Риче обнаружено три. Время прибытия монгольских войск и сражения с ними везде указано одинаково, но надписи дополняют друг друга, уточняют некоторые детали, несут различную смысловую нагрузку. Первая надпись (17) сообщает о сражении жителей селения и о продолжительности сопротивления (*«Пришло войско татар... когда оставалось от месяца раби-ал-аввал десять дней. Затем воевали с ними жители Риджи до середины раби ал-ахира шестьсот тридцать шестого года»*), стало быть, сражение началось 20 октября 1239 г. и закончилось примерно 15 ноября 1239 г., т. е. селение сражалось 25 дней, и это, возможно, при активной поддержке со стороны соседних земель.

Вторая надпись сообщает не о сражении, а о разрушении селения, и это имело место, *«когда оставалось девять дней от месяца раби ал-аввал»*, т. е. через день после штурма, а именно 21 октября 1239 г. Третья же надпись зафиксировала разрушение мечети вместе с разрушением селения *«в месяце раби ал-ахир, [одном] из месяцев шестьсот тридцать седьмого года»*⁵⁴.

Строительная же деятельность связана с именами различных лиц. В месяце зу-л-хиджжа 638/13.VI—11.VII 1241 г., т. е. примерно через полтора года после разрушения Рича монголами, в этом селении строится крепость по приказу *Бассаджа, сына Сулаймана* (надпись 17); примерно через год после этого, в месяце мухаррам 637 г., т. е. в июле 1242 г., строится крепость по приказу *«эмира, прославленного, великого... И.г.р.л.з б. Б.ки»*; через 8 лет в месяце раби-ал-аввал 648 г. (1250 г.) *«Эмир прославный...»* и т. д. Адам Абд ал-Малик б. Мухаммад приказывает восстановить разрушенную в 1239 г. соборную мечеть.

Сейчас пока трудно согласовать сообщения надписей о строительстве крепости в Риче в 1241 г. одним лицом, а в 1242 г. другим. В нашем распоряжении нет данных, которые могли бы объяснить, почему датой строительства одной и той же крепости названы и 1241 г. и 1242 г. Но ясно одно: пребывание монгольского отряда в горах было кратковременным, через год — два после разрушения мирная жизнь опять воцарилась в Риче и в соседних районах,

началась строительная деятельность, строится крепость, восстанавливается соборная мечеть.

После ознакомления с ричинскими надписями представилась возможность связать воедино сведения этих надписей с сообщением дагестанской исторической хроники «Тарих Дагестан». Хроника зафиксировала трагические события, происходившие в Центральном Дагестане.

«[В это время] между правителями Аварии и амирами Гумука начались страшные войны и сатанинские распри. Правитель Аварии отправил письмо и послов из красноречивых и мудрых людей к султану Каутар-шаху, в страну тюрков, жители которой приняли ислам еще в правление повелителя правоверных Умара ал-Фаруха ан-Наки. Они обязались быть между собой в дружбе и добрососедстве, оказывать взаимную помощь в борьбе с врагами. Договор был основан на дружбе, согласии, братстве. Каутар-шах взял в жены своему сыну Султан Кайкаду благоразумную дочь аварского правителя, а прелестную дочь свою он выдал за сына царя Саратана. . .

Затем пошел Каутар-шах на Гумук с [войсками] тюрков с восточной стороны, Саратан с войсками вилайата Авар совместно с султанами Хайдака — с западной стороны, и дошли они до Гумика в понедельник в начале месяца рамазан во времена Наджм ад-Дина. И сражались жители Гумика, и пали мучениками в крепости, что над мечетью ал-К.кли, 70 юношей, которые пожертвовали имуществом, душой и телом и поклялись сражаться на пути великого Аллаха. Когда юноши исполнили свой долг в крепости в месяце сафар, то они разрушили Гумук в субботу. Амиры Гумика, что из потомков Хамзы и Аббаса, рассеялись по частям света, по окраинам вилайатов. . .»⁵⁵

Б. Г. Малачиханов первый высказал мысль о том, что под «тюрками» хроники следует понимать монгольские отряды и что события, описанные здесь, следует отнести к 637/1239 г., дате, отмеченной «в записи на одном камне в стене мечети Рича»⁵⁶. Впоследствии это мнение было подтверждено на более полном материале⁵⁷. В хронике указано, что поход начался «в понедельник, в начале рамадана во времени Наджм ад-Дина», а год не отмечен, однако многие памятные записи отмечают 637 г. Так, например, в записи на одном из листов арабской рукописи, хранящейся в Отделе рукописей Ленинградского отделения Института востоковедения под шифром В 1009 (842)

отмечено: «Разрушение Кумука тюрками имело место в понедельник, в начале месяца рамадан, во времена Наджм ад-Дина, и погибло смертью воителей за веру воителей за веру все войска Гумука, кроме тысячи тридцати трех воинов, в шестьсот тридцать седьмом году. . .» (л. 34 а). Месяц рамадан 637 г. начался 27 марта 1240 г.

Все эти факты дали возможность утверждать: «Значит, после разорения Ричи монголы воспользовались перевальной дорогой, ведущей к верховьям р. Казикумухское Койсу, вторглись в южные пределы территории лакцев и в начале апреля взяли штурмом Кумух»⁵⁸.

Таким образом, события осени 1239 г., зафиксированные в камне из сел. Рича, и события весны 1240 г., записанные в хронике, взаимосвязаны и представляют собой два эпизода одного похода монгольских отрядов, проникших глубоко в горы.

Сравнение хроники «Тарих Дагестан» с рядом памятных записей привело Т. М. Айтберова к интересному выводу: хроника заимствовала сообщение памятных записей от 637, 715 и 718 гг. хиджры и объединила в одно целое события разных лет⁵⁹. Однако мнение автора о том, что рассказ «шамхальской редакции «Тарих-Дагестан» «о завоевании Кумуха (вместе с тем, что этому якобы предшествовало) не имеет ничего общего с монгольским нашествием на Дагестан»⁶⁰, не подтверждается приведенными в статье данными.

В целом важный эпиграфический материал вместе с данными нарративных источников дал возможность представить обстоятельную характеристику монгольского нашествия на Северный Кавказ и самоотверженной борьбы местного населения⁶¹.

Надпись-хроника (146), повествующая о другом событии, о походе «тюрков» в 1432 г., также относится к числу исключительно важных источников. Хроника рассказывает о походе «трех войск», или «трех отрядов» (аскар) — двух отрядов «тюрков» и одного отряда из Рутула, объединенно выступивших против Цахура. Войско «тюрков» шло двумя колоннами, с востока и с запада, причем с запада («сверху») отряд шел самостоятельно, а с востока («снизу») совместно с присоединившимся к нему отрядом из Рутула. Упоминание убитых двух сотен людей и одного отряда, обратившегося в бегство, наводит на мысль о том, что от-

ряды составляли три сотни. Было дано три боя, стало быть, «объединенные» отряды тюрок и рутульцев шли отдельно как самостоятельные единицы.

Н. В. Ханыков и Л. И. Лавров довольно основательно комментировали эту надпись ⁶², поэтому мы не находим необходимым подробно остановиться на ней как на памятнике, зафиксировавшем внешнеполитические связи Цахура и борьбу цахурцев против трех напавших на них отрядов. В их работах с привлечением дополнительных известий показано, что под отрядами тюрок следует понимать войска Султана Искендера Кара-Койунлу (1422—1435), воевавшего в те годы с Ширваншахом Халилуллахом (1417—1462). Представляется обоснованной мысль о том, что поход войск Искандара Кара-Койунлу на Цахур в августе 1432 г. заставляет предполагать, что «цахурцы поддерживали Ширваншаха Халилуллаха I, в то время как соседние с ними рутульцы стали на сторону Искандара» ⁶³.

Если же привлечь к этим данным еще одну надпись, сохранившуюся в Ахты, то можно представить в общих чертах политическую ориентацию отдельных частей Южного Дагестана. Ахтынская надпись (рис. 135) гласит: *Владелец этой крепости ширваншах Халилаллах*. Н. В. Ханыков в целом правильно определил, что надпись свидетельствует о вхождении долины р. Самур в состав владений Ширваншаха Халилуллаха I ⁶⁴. Однако следует внести одно уточнение — речь должна идти не о всей долине р. Самур, а с той части, где были расположены владения Ахты и Цахура, исключая земли, подвластные Рутулу. Рутул был связан с государством Кара-Койунлу, несомненно, через горные перевалы, т. е. не через земли Ахты или Цахура.

Таким образом, в 30-х годах XV в. создалась такая обстановка, когда Ахты и Цахур ориентировались на Ширван, а находящийся между ними Рутул — на государство Кара-Койунлу.

Указанные надписи из Цахура и Ахты ценны не только для изучения чисто политической истории. Они проливают свет на вопросы исторической географии и в этом отношении в данном конкретном случае превосходят сообщения нарративных источников.

Как известно, в VII—X вв. на территории южного Да-

гестана существовало раннефеодальное государственное образование Лакз⁶⁵. Дальнейшая судьба государства плохо прослеживается по известиям арабских авторов. «История Ширвана и Дербенда» сообщает о Западном и Восточном Лакзе в начале XI в., а у Йакута (ум. 1229) имеется упоминание не об одном правителе, а о «маликах» в Лакзе⁶⁶. Ибн ал-Асир (1160—1234 гг.) понимал уже под «страной Лакз» то Южный Дагестан, то область между Дербентом и аланами⁶⁷. Рашид-ад-Дин (1247—1318 гг.) впервые употребил термин «Лезгистан» в общедагестанском значении⁶⁸.

Как известно, Закарийя ал-Казивини (ум. 1283) называл Цахур «главным городом», т. е. столицей Лакзана. У арабских авторов IX—X вв. столица Лакза не упоминается, но под Лакзом понималась территория Южного Дагестана, населенная в основном лезгинами и другими представителями лезгинской группы языков, кроме табасаранцев. «История Ширвана и Дербенда», написанная в начале XII в., сообщает о Западном и Восточном Лакзе (в начале XI в.), т. е., возможно, о двух уже самостоятельных государственных единицах. Возможно, под Лакзаном у ал-Казивини и понимается Западный Лакз (Цахур расположен в юго-западной части Дагестана, в верховьях реки Самур). То, что Цахур назван уже столицей Лакзана, говорит о быстром росте значения этого селения.

Все эти данные наводят, несомненно, на мысль о серьезных изменениях во внутрисполитической структуре общества Лакза, в частности об отсутствии уже единой, централизованной власти в Лакзе, о политической децентрализации на этой территории. Эпиграфические данные значительно конкретизируют эти общие положения. Надписи из Ричи (17 и др.) свидетельствуют о наличии местных владельцев, громко титулованных *эмирами* в первой половине XIII в. Цахурская надпись 1432 г. — свидетельство самостоятельного, независимого друг от друга существования Рутула и Цахура как отдельных политических единиц. В середине XV в. Ахты предстает перед нами как отдельная территория, находящаяся под политическим влиянием Ширвана. Селение Тпиг с соседними землями еще в XII—XIII вв. выступает как самостоятельная единица, возможно, союз сельских общин (надпись 81). Надписи из Хнова дают повод выделить это селение и ряд близких ему селений также в особую, самостоятельную политиче-

скую силу и предположить, что «хинавская рать», о которой в конце XVI в. казикумухский шамхал пишет русскому царю Федору Ивановичу в одном ряду с «горскою ратью, да рутульскою ратью. . . да табасаранскою ратью, да исминскою ратью, да куринскою ратью, да казикумухскою ратью. . .»⁶⁹ — имела свою длительную историю.

Особо следует остановиться на Курахе, где надпись 757/1356 г. детально зафиксировала границы общества Курах⁷⁰. Л. И. Лавров подробно изучил эту надпись, определил границы указанных в тексте земель, локализовал почти все пункты, названные в тексте и пришел к выводу о том, что «перед нами не феодальное владение, а имеется в виду „вольное общество“ во главе с Курахом», что надпись зафиксировала границы этого общества⁷¹.

III. М. Ахмедов обратил внимание на то, что в курахской надписи говорится «не о всех земельных угодьях данного микрорайона, а о „горах“, т. е. пастбищах. Видимо, слабые общины. . . отдавая себя под защиту общества Курах, уступили последнему ряд пастбищных гор, которые, таким образом, стали собственностью одного Курахского общества, что нашло отражение в этой надписи. Это также является одной из форм становления зависимых отношений в общинах горного Дагестана»⁷².

Это очень важная постановка вопроса, хотя курахская надпись не дает, пожалуй, повода к категорическим выводам. Институт коммендации, покровительства широко практиковался в средневековом Дагестане, и курахская надпись действительно может быть фиксацией одного из этапов на пути к использованию покровительства в собственных интересах главного селения союза сельских общин, в данном случае Кураха. Во всяком случае последующая история Кураха свидетельствует о том, что он все более и более обособлялся из «равных» ему селений, превращаясь из центра союза сельских общин в политический центр феодального владения.

В хронике Мухаммеда Рафи, относящейся к XIV в., сообщается об обл. Куралал, которая платила казикумухскому шамхалу ежегодно подать 100 жеребцов и 100 кобылиц⁷³. Говорится ли здесь о Курахской общине или же о более широкой территории, известной под названием Кюре и связанной с наименованием лезгин левобережного Самура-кюринцы (по-лезгински куьрегуь, мн. куьрегуьяр)⁷⁴. О Кюре мы имеем несколько сообщений.

Надписи из селений Шиназ и Гельхен рассказывают о «разрушении селений Курах и Кура Шейх-шахом в 917 г.», т. е. в 1511 или 1512 г. Значит, в начале XVI в. ширваншах Ибрахим II (1502—1524 гг.) призванный Шейх-шахом, разрушил лезгинское селение Курах, а также Кура, т. е. Кюре. В последнем случае имеется в виду, по всей вероятности, не один населенный пункт, а группа их, «общество» Кюре. Этим только и можно объяснить отсутствие в тексте обычного «карья» («селение») перед словом Кура (Кюре). Пока еще не совсем ясно, какой смысл вкладывал автор надписи в фразу «селение Курах и Кура», идет ли речь о селении Курах и подвластной ему территории или же говорится о двух самостоятельных территориях, точнее, сумел ли Курах к этому времени, т. е. к началу XVI в., распространить свою власть и на те земли левобережного Самура, которые впоследствии назывались Кюре.

Имеется еще одно известие. Когда газикумухский шамхал в 1597 г. в своей грамоте перечисляет дагестанские «рати» и среди них называет «куренскую рать»⁷⁵, то, по всей вероятности, речь шла о Кюре, о войске из жителей кюринских селений.

Мы упомянули текст надписи из сел. Курах, зафиксировавший в середине XIV в. границу союза сельских общин во главе с Курахом. Это была сравнительно небольшая территория. Надпись же из Гельхена (и из Шиназа) в начале XVI в. называет селение Курах и Кура (Кюре) как объекты нападения со стороны ширваншаха. Это было первое упоминание Кюре как общества в отличие от отдельного селения, в частности Кураха. В середине XVII в. Эвлия Челеби пребывает после Дербента в «городке Кура» и после него попадает не в общество Курах, а в аварские земли⁷⁶. Все это мы можем объяснить только тем, что под названием Кура (Кюре) стала пониматься со временем территория значительно большая, нежели «земли Кураха», зафиксированные на камне в середине XIV в.

Таков путь роста и дальнейшего развития маленького союза сельских общин во главе с Курахом по пути формирования феодального владения (Кюринское ханство).

Эпиграфический материал зафиксировал, таким образом, для XIII—XV вв. обстановку политической децентрализации южного Дагестана.

Особое место среди исторических надписей занимает своего рода дарственная грамота из сел. Худуц, датированная 717/1318—1319 г. Изучение этого редкого документа только что начинается, однако и сейчас можно более или менее определенно говорить о некоторых выводах.

Перед нами огромной важности источник по истории социальных и земельных отношений, по истории одного из феодальных государств в Дагестане. Кумухское (Газикумухское) шамхальство предстает перед нами в полном расцвете, оно выступает как значительная политическая и экономическая сила. Земельные участки возведены здесь, судя по надписи, в разряд государственных (или находящихся под контролем общины) земель, во всяком случае они изъяты из распоряжения бывших собственников (частных или коллективных), т. е. жителей Худуца. Среди земельных участков перечислены «пашни их, горы их, пастбища их», т. е. как пахотные, так и сенокосные и пастбищные участки. Все эти земли переданы жителям селения Анчибак (Анчибачи): «было отдано [все указанное] жителям Анджибак; [всем остальным], кроме его жителей, нет из этого [ничего, иначе как] с разрешения жителей Анджибак». Таким образом, земли отданы в исключительное владение жителей Анджибак (Анчибачи), возможно, в распоряжение сельской общины.

Вообще в нашем распоряжении документ, впервые так конкретно подчеркивающий роль сельской общины в целом. Если роль «жителей Анджибак» не так наглядно обрисована, то «жители Гумика», т. е. кумухская сельская община, представлены как реальная сила, выступающая в качестве коллективного распорядителя земельными участками на подвластных Кумуху территориях: «жители Гумика собрались на месте сбора (махфил) и [решили] все они отдать селение Худуц с согласия жителей Гумика». Из текста не вытекает, правда, на каких условиях передана земля новым владельцам, но можно только предположить, учитывая и сообщения «Тарих Дагестана», и позднюю практику, что земля была отдана в условное владение.

Мы не можем определить конкретно, какую же роль играл при отдаче земельных участков одного селения жителям другого селения правитель Кумуха шамхал Ахсибар, но его участие в решении вопроса в тексте не отмечено. Ясно только то, что «этот текст [был] напи-

сан в присутствии шамхала Ахсибира и старшин (кубара) их», т. е. жителей Кумуха.

Все это не дает, разумеется, повода к категорическим утверждениям о том, что власть шамхала была здесь прозрачной, тем не менее кумухская сельская община оставалась все еще такой силой, которая принимала самое деятельное участие в решении важных вопросов государственной жизни. Впоследствии, в XVI — первой половине XVII в., история кумухского шамхальства вырисовывается как безуспешные попытки кумухских шамхалов ограничить эту демократию.

Впервые в дагестанской эпиграфике худуцкая надпись зафиксировала слово «бейт», причем не в значении «дом», а скорее всего в значении более сложной социальной категории — тухума. В тексте перечислено четыре таких «бейта» из Гумика (Кумуха).

Худуцкая дарственная запись — документ, впервые зафиксировавший также практику составления договоров, их юридический облик. Худуцкая грамота состоит из следующих частей:

1. Вводный текст (отрывок из Корана).
2. Перечисление лиц, прибывших в Гумик.
3. Сбор жителей Гумика на традиционное место для схода и принятие коллективного решения о передаче земель Худуца.
4. Фиксация факта присутствия шамхала и старшин при составлении текста дарственной грамоты.
5. Перечисление лиц, засвидетельствовавших данную запись, причем присутствуют «дома», вернее представители «домов» Гумика, представители селения Анджибак, кади из Рича, но нет ни одного представителя селения Худуц.
6. Повторение, но более конкретное перечисление переданных земель; закрепление особых прав за новыми владельцами.

7. Имя того, кто «написал этот камень».

8. Дата (указан только год).

Из текста видно также, что он был составлен первоначально на бумаге, а затем уже этот актовый документ был перенесен на камень.

Среди надписей исторического содержания особое место занимают хронографы, зафиксировавшие на одном камне последовательно ряд однородных датированных событий.

В 1953 г. впервые было сообщено в печати об одном из хронографов, обнаруженных в сел. Шиназ Рутульского района ⁷⁷. Л. И. Лавров посвятил этому хронографу обстоятельную статью ⁷⁸. Текст (20 строк) нанесен на мраморную плиту и состоит из трех частей: эпитафия в честь Хаджки Ибрахима, умершего в 1213/1798—1799 г.; библейские легенды; даты важнейших событий, имевших место в Дагестане в пределах XV—начала XVIII в.: разрушение Шемахи султаном Искандаром Кара-Коюнлу в 837/1433—1434 г.; разрушение Кураха и Кюры Шейх-Шахом, т. е. ширваншахом Ибрахимом II в 917/1511—1512 г.; сожжение селения Ахты «жителями Кумука и Рутула» в 943/1536—1537 г.; завоевание Шемахи Шах Аббасом в 1014/1605—1606 г.; сожжение Ахты Бархудар султаном в 1030/1620—1621 г.; разрушение Мушкура Султан Мурадом Дагестанским в 1121/1709—1710 г. ⁷⁹

Впоследствии, в 20-х годах XIX в., этот текст служил образцом для другого хронографа, нанесенного на камень в селении Гельхен Курахского р-на. Гельхенский хронограф повторяет (исключая, разумеется, имя покойного) целиком всю шиназскую эпитафию, но с некоторыми упущениями и ошибками ⁸⁰.

Однако оба эти хронографа имеют общий источник, а именно — небольшую хронологическую запись, составленную в середине XVIII в. Малиджом, сыном Рамазана из Рутула и занесенную им на поле переписанной им арабской рукописи. Эта запись повествует о важнейших событиях XVI—начала XVIII в., в том числе: «Дата сожжения селения Ахты жителями Кумука и Рутула — 943 г.; дата (вторичного) сожжения селения Ахты жителями Кумука и Рутула — 949 г.; дата сожжения Рутула жителями Ахты, когда раисом их был Шах Хусайн-бек, хаким ал-Ахты и (также) Алкас Мирзай ад-Дербенди, — 948 г.; дата разрушения города Шемахи Искандаром — 837 г.; дата завоевания города Шемахи Шах-Рух-мирзой ал-Кайтаки и восшествия его на престол — 942 г.; дата разрушения Мускура Гаиб Султан Мурадом — 1121 г.; дата сожжения селения Ахты Бархудар Султан ар-Рафизи — 1030 г.; дата завоевания Шемахи Шах Аббасом — 1160 г. (должно быть 1106 г.); дата разрушения селения Курах и Кюры Шейх-Шахом — 917 г.; Умма-хан и Сурхай-хан разрушили селение Мискинджи в 1197 г. . . .» Последняя запись сделана в 1204/1789—1790 г. ⁸¹

Таким образом, в хронографе из Рутула (последняя дата — 1204/1789—1790 г.) и хронографах на камне из Шиназа (1213/1798—1799 г.) и Гельхена (1240/1824—1825 г.) зафиксированы одни и те же события.

Л. И. Лавров обратил внимание на то обстоятельство, что хронограф, включенный в состав эпитафии Ибрахима, составлен где-то в Южном Дагестане, который издавна был тесно связан с Шемахой, а так как в нем обойдены молчанием такие важные события, как взятие Шемахи Сурхаем I в 1712 г. или же нашествие Надиршаха в 30-х годах, то «тем самым время составления хронографа определяется между 1710 и 1712 гг.»⁸²

Мы получаем, таким образом, возможность проследить в общих чертах связь нарративных источников и эпиграфических материалов. Очевидно, к 1712 г. существовала уже сложившаяся хроника о событиях от 1443—1444 до 1709—1710 гг., которая впоследствии переносилась на камень без особых дополнений. Изучение дошедших до нас хронологических записей показывает, что обычно в текст, дошедший до переписчика, вносились дополнения о других важных событиях, попавших в хронограф. Наличие хронографа, не продолжавшегося после 1712 г., свидетельствует, возможно, о том, что это был не краткий перечень событий по годам, а обстоятельный, цельный рассказ о политических событиях XV—начала XVIII в., самостоятельный нарративный текст.

Позднее воспроизведение на камне более ранних известий, проникновение в эпиграфику сведений из исторических хроник, нередко легендарных данных также имеет место. Известный арабский политический деятель Абу Муслим, стараниями которого была свергнута династия Омейядов и возведена на престол династия Аббасидов, является популярным персонажем дагестанских исторических хроник (ряд списков «Дербенд-наме», «История Абу Муслима», «Ахты-наме» и др.), хотя он в Дагестане и не бывал. Ему приписывается строительство мечетей и распространение ислама в Дагестане, в частности в Дербенте, Кумухе, Риче, Ахты, Фите, Кочхюре, в Аварии, Акуше и т. д.

Версия о раннем распространении ислама во всем Дагестане и религиозной деятельности Абу Муслима из нарративных источников и устных преданий проникла

и в эпиграфический материал. Надписи XIX, даже середины XX в. начинались с упоминания о деятельности Абу Муслима на поприще ислама. Надпись 1899 г. из Ахты (в стене пятничной мечети) сообщает

... Заново построил джамаат Ахты области Самур эту соборную мечеть на месте древней мечети, которую построил отважный правитель (малик) Абдурахман, известный под именем Абу Муслим ад-Димишки аш-Шами, завоеватель Дагестана...

Надпись (она нанесена черной краской на внутренней стороне стены) из кумухской джума-мечети, составленная в 1323/1905—1906 г., представляет собой небольшую хронику и также начинается с имени Абу Муслима (рис. 139): «В 162 г. священную мечеть построили они ради благочестия ко всевышнему Аллаху, под руководством преданного Аллаху Абу-л-Муслима...»⁸³.

В 1960 г. в сел. Рича стараниями местного муллы, несомненно знакомого с местными хрониками, была высечена на камне трехчастная надпись (рис. 140), первая часть которой гласила

- (1) Пришел Абу Муслим из Дамаска в
 - (2) Дагестан в 115 г. и сражался с ними (с дагестанцами)
 - (3) ради религии. Он построил несколько мечетей,
 - (4) в том числе и ричинскую соборную.
-

139

140

Местные хроники играют, таким образом, немаловажную роль в процессе появления своеобразных исторических записей, связанных с исламизацией Дагестана.

Выше уже отмечалось, что эпиграфический материал зафиксировал для XIII—XV вв. обстановку политической децентрализации Южного Дагестана. Мы не имеем возможности проследить за ходом этого процесса, за его последовательностью и деталями, но перед нами итог важных внутренних (вернее, в основном внутренних) процессов, протекающих в X—XII вв.

Сам факт политической децентрализации имел в своей основе серьезные глубинные процессы, совершенно не улавливаемые в источниках, но обязательно связанные с важными структурными изменениями, с изменениями в категориях земельной собственности. Вопрос этот очень важен, имеет отношение к истории всего средневекового Дагестана и выливается в историю взаимоотношений союзов сельских общин и феодальных владений, в вопрос о генезисе, сущности, характере союзов сельских общин (многочисленных по документам XVIII—XIX вв.) и в конечном счете — в вопрос об уровне и характере социально-экономического развития позднесредневекового Дагестана.

Как известно, вплоть до X в. Дагестан, хотя и не знал политического единства, представлял тем не менее единое экономическое целое с исторически сложившейся «специализацией» равнины — преимущественно на земледельческое хозяйство, горных районов — преимущественно на животноводство.

Занятие равнинного Дагестана с глубокими земледельческими традициями представителями кочевого мира внесло существенные изменения в структуру хозяйственной жизни внутренних горных районов Дагестана. Традиционные связи горных районов и равнины были разрушены. Это привело к существенным изменениям в соотношении видов хозяйственной деятельности — скотоводства и земледелия — в пользу последнего. Это было связано с земледельческим освоением части земель, ранее занятых под пастбища. Значительно растет площадь земель, занятых террасами. Как установлено археологами, на вторую половину I — первые века II тысячелетия падает время наивысшего расцвета террасного земледелия ⁸⁴.

С указанными выше процессами связана также миграция населения с земледельческими традициями из районов военных действий, усилившихся особенно в XIII—XIV вв., в предгорные и горные районы. Это способствовало, несомненно, росту в горных районах как удельного веса земледелия, так и относительной густонаселенности. Эти обстоятельства сыграли немаловажную роль в изменении социальной и этнической структуры аула, в возникновении новых населенных пунктов, оформившихся по чисто территориальному принципу, в некотором изменении форм земельной собственности.

Изложенное выше показывает, какое огромное значение имеет определение хотя бы в общих чертах границ земледельческого и кочевого миров, тем более что это способствует выявлению последствий монгольского и тимуровского нашествий. Определить же эту границу помогает материал археологический и эпиграфический.

Археологический материал, пока известный нам, немногочислен. Он зафиксировал в предгорных районах средневековое поселение Инжала-гзул близ Юхари-Ярак Табасаранского района, датируемое, как и ряд тяготевших к нему поселений, в пределах IX—XIII вв.⁸⁵ Охлинское городище севернее Левашы существовало в III—XIII вв., после чего прекратило свое существование⁸⁶.

Аркаское городище близ Буйнакса просуществовало до XIV в.⁸⁷ Миатлинский могильник (северо-восточнее современного Дылыма, на границе предгорий и равнины) датирован XII—XIII вв.⁸⁸ Письменные же источники упоминают под 1392 г. следующие епископские центры в «стране кайтагской» — Chomek, Thuma, Tarchu, Degweli, Michaha⁸⁹.

Три последних пункта можно идентифицировать с населенными Тарки, Дургели и Мекеги⁹⁰.

Эпиграфический материал XII—XIV вв. вносит существенные дополнения в эти данные. Из населенных пунктов, в которых этот материал выявлен, наиболее близко к равнине стоят: Ашага-Стал (современный Сулейман-Стальский р-н), Чере (Хивский р-н), Татиль (Табасаранский р-н), Дербент, Джибахни (Кайтагский р-н), Уркарах (Дахадаевский р-н). Севернее этого пункта эпиграфический материал не представлен, но это обстоятельство не может служить основанием для каких-то выводов, так как в XII—XIV вв. в этих районах не зафиксирована традиция писать надписи.

Таким образом, если объединить данные археологии, нарративных источников и эпиграфики, то получится следующая линия (с юга на север), которую можно (с определенными оговорками) принять за границу оседлого и кочевого мира: Ашага—Стал—Чере—Татиль—Инжла—Гьул—Дербент—Джибахни—Уркарах—Мекеги—Охли—Аркас и Дургели—Тарки—Миатли.

В общем, территория, занятая в основном скотоводческим хозяйством, охватывала приморскую и предгорную полосы, шириной (с востока на запад) от 40 до 60 км, от Самура вплоть до Сулака. Севернее же она включала все равнинные земли ⁹¹.

Это лишь самые общие, но в целом характерные для того времени границы. Они могли в зависимости от условий меняться в ту или иную сторону, так оно, очевидно, и было, но в XII—XIII вв. основная тенденция шла в сторону расширения этих границ в глубь предгорных районов, охватывая все новые территории. В XIV в., вернее во второй половине XIV в. западные границы опять стали сужаться, но нашествие Тимура приостановило на некоторое время этот процесс.

Таковы практические, реальные последствия в хозяйственной жизни Дагестана X—XIV вв., особенно XIII—XIV вв., связанные с опустошительными монгольскими походами и последовавшими за ними длительными и разорительными для населения войнами государства Хулагуидов и Золотой Орды на территории Восточного Дагестана, с неземледельческим освоением этих земель представителями кочевого мира.

Указанная выше территория от Самура до Сулака с охватом в ширину 40—60 км «нарушалась» лишь в одном случае — в районе Дербента она вплотную подходила к морю, чтобы к северу опять отступить на несколько десятков километров. Дербент после завоевания монголами значительно изменил хозяйственный облик в сторону скотоводства, но традиционной связи с сельским хозяйством полностью не потерял. Во второй половине XIV в. земледельческое освоение района Тарки также было уже «совершившимся фактом» — во время похода Тимура это уже значительный населенный пункт. Дербент и «залив Терхи» известны генуэзским купцам, о чем свидетельствуют так называемый «Каталонский атлас» 1375 г. и карты братьев Пицигани ⁹².

Эпиграфический материал зафиксировал также топонимическую номенклатуру. Он документально подтверждает, что эта номенклатура остается, как правило, в течение веков неизменной, подчеркивая тем самым особую достоверность топонимического материала. Хотя этот материал представлен в надписях небольшим количеством данных, он надежен как наиболее ранний источник, точно зафиксировавший название населенного пункта, а иногда с сохранением фонетических особенностей местного языка.

Основное количество сведений относится к отдельным населенным пунктам: Рича, Кала-Корейш, Кумух, Цахур, Рутул, Зиль, Камах и т. д.

Рича — этот населенный пункт упоминается неоднократно (надписи 17, 17а, 34, 143). Первое упоминание относится к 1239 г., когда селение было разрушено монголами (надпись 17, 1241 г.). Селение названо Баб ал-кист Риджа (*Ворота справедливости Риджа*). «Ворота справедливости» — этот почетный «титул» по отношению к этому селению встречается уже второй раз. Первый же раз так сел. Рича названо в местной хронике «История Абу Муслима» в связи с событиями VIII в. («летом арабы воевали за ислам в Баб ал-аббабе, а зимой — в Баб ал-кист Риджа»). Нам пока трудно определить источник заимствования — попал этот термин из хроники в лапидарный текст или же наоборот. При всех обстоятельствах остается неясной причина возникновения подобного термина.

В надписи 1250 г. (17а) селение это также названо Баб ал-кист Риджа. Перед названием населенного пункта не стоит слово селение. В надписи 1241 г. (17) дана и вторая форма — курд Риджа. Местные жители сообщили нам, что так называют крупный населенный пункт. У соседей, рутульцев, курд означает сравнительно большое многотухумное село, образовавшееся в результате слияния нескольких однотухумных селений⁹³.

Судя по титулатуре правителя Ричи — *эмир преславный, великий, поддерживающий, победоносный, борец за правое дело, стоящий на страже, венец мира и религии Адам б. Абд ал-Малик б. Мухаммад*, селение это не обычное, а главенствующий населенный пункт, центр небольшой сельской округи, средневекового рустака, сложившегося на развалинах единого централизованного государства Лакз. Создается впечатление, что наибольшего своего

расцвета селение достигло в XII—XIII вв., а впоследствии оно постепенно теряет свое значение, попав со временем в зависимость от Газикумукского шамхала. В хронике из Худуца (34), датированной 718/1318—1319 г., «селение Рича» представлено как местность, зависимая в какой-то степени от Кумуха. Надпись 1031/1622 из селения Гельхен уже знает «вилайат Рича, в подчинении Кумуки (кумукском)». В той же надписи названо одно селение, находившееся в составе Ричинского союза сельских общин, — это селение Гельхен («в селении Калхани из вилайата Рича, в подчинении Кумуки»). Гельхен расположен километрах в тридцати к юго-востоку от Ричи, в верховьях реки Курах. Ричинский союз охватывал, таким образом, примерно такую же территорию, что и соседний Курахский союз, впервые зафиксированный в надписи 757/1356 г. из Кураха.

Селение Рича упоминается в надписях еще два раза. В надписи 718/1318—1319 г. упоминаются «жители селения Рича» (надпись 34), названные, возможно, в качестве свидетелей по случаю передачи земельных участков. И, наконец, в надписи из самого селения Рича (856/1452—1453 г.) упоминается Молла Мухаммед ар-Рича'и, т. е. Ричинский, и это первый случай, название этого селения дано в качестве нисбы.

Селение Цахур упомянуто в трех надписях — в хновской надписи 803/1401 г. (123), в цахурской надписи 835/1432 г. (146) и в надписи бездаты из Ихрека. В двух первых случаях дана форма *Зāхūr*, а в третьем — *Зāхур*, только в первом случае это нисба строителя. Закарийя ал-Казвини (1203—1283 г.) дает почти такую же форму — *Зāх.р*, с учетом, видимо, местного произношения (Цахур). По сообщению Закарии ал-Казвини, — это один из крупных населенных пунктов Дагестана: «*Зāхур* — большой город, [густо]населенный. Он главный город (қасба) страны Лакзан. . . Вода его (т. е. города) из реки, называемой Самūr. . . В городе имеется медресе, которое основал везир Низам ал-Мулк ал-Хасан ибн Али ибн Исхак. При медресе имеется учитель (мударрис) и факихи. . .»⁹⁴

Знаменитый везир сельджукских правителей Низам ал-Мулк, который упомянут в надписи, жил в XI в. (он скончался в 1092 г.). Значит, строительство медресе можно отнести к последней трети XI в. Стало быть, ко времени Закарии ал-Казвини (ум. в 1283 г.) медресе имело уже бо-

лее чем полуторавековую историю, а селение Цахур существовало еще в XI в. О медресе в последующем можно судить из сообщения Закарии ал-Казвини о преподавателях и их переводческой деятельности. В 689/1290 г. здесь переписаны Мухаммадом, сыном Абу-л-Хасана первая и вторая части толкового словаря арабского языка «ал-Гарибайн» Абу Убайда Ахмада ал-Харави (ум. в 1010 г.)⁹⁵. Это позволяет думать, что деятельность медресе в последующем, возможно, не прекратилась. Кажется, в начале XIV в. Цахур находился под влиянием Кумуха⁹⁶, но в последующем об этой зависимости нет сведений. Во всяком случае в конце XIV в. (1396 г., надпись 115) в селении имеются уже свои беки (Чакун, сын Кадирбека), принимавшие участие в борьбе с иноземными завоевателями. И в последующем Цахур предстает перед нами как сильная политическая единица, сумевшая, судя по надписи, отстоять в 1432 г. свою независимость в борьбе против объединенных сил Искендера Кара-Коюнлу и Рутула. Выше мы уже упоминали сообщение ихрекской надписи XIII в. о приходе из Цахура в селение Ихрек Хаджжи Гукаса и его жены, тоже хаджжи, и о строительстве ими (или финансировании строительства) культового сооружения.

Из сообщений памятников эпиграфики и хроник селение Цахур предстает, таким образом, перед нами как один из крупных населенных пунктов, один из идеологических, политических и культурных центров.

Кумух упоминается в надписях всего только два раза, но эти два текста несут интересную информацию о владениях, подвластных Кумуху. Как известно, Кумух представлял собой одно из раннефеодальных государств Дагестана⁹⁷. Впервые это название мы встречаем у ал-Белазури (ум. в 892 г.), но не как населенный пункт, а как государственная единица (Гумик)⁹⁸. Имеется и другое название Кумуха — это Туман, оно также встречается у ал-Белазури и у ал-Йакуби (Туман, туманшах). Ал-Масуди (X в.) писал о владении (мулк) Гумик, жители которого «не подчиняются никакому царю, но имеют начальников (ру'аса). . .», а Ибн Русте сообщает о замке, называемом ал-Ал (Алал?)-ва-Гумик⁹⁹. В «Истории Ширвана и Дербенда» это владение упоминается лишь один раз («гумикские неверные») в связи с событиями 1064 г.¹⁰⁰

Следующее по времени сообщение о Кумухе принадлежит курдскому историку Масуду ибн Намдару. В конце XI в. он сообщает о Гумйке, жителей которого ширваншах Фарибурз пытался обратить в ислам и подчинить ¹⁰¹.

Местные исторические хроники знают Кумух в форме Гумйк, или Кумук, понимая под этим термином как столицу, так и государственную единицу. «Дербенд-наме» сообщает под 115/733—734 г. о назначении в Кумух нового правителя арабским полководцем Масламой. Монгольские завоевания значительно ослабили Кумух, лишили его самостоятельности ¹⁰². Селение было разрушено, род местных правителей был истреблен. Однако пребывание монголов в Кумухе было кратковременным, Кумух быстрыми темпами восстанавливает свои силы, становится со временем одним из сильных политических и экономических центров. Судя по сведениям исторической хроники «Тарих Дагестан», в начале XIV в. среди земель, плативших поземельный налог кумухскому шамхалу, помимо лакских, был также ряд аварских, даргинских, лезгинских и кумыкских земель. Многоэтнический состав ряда государств Дагестана становится обычным явлением. Пребывание Тимура в Дагестане не только не ослабило, но еще больше усилило положение Кумухского шамхальства ¹⁰³. В связи с событиями конца XV в. шамхал назван «вали Дагестана». Как сообщает хроника Абд ал-Хайа, этот «вали Дагестана» улаживает конфликт между двумя лезгинскими селениями Хурюг и Ахты, расположенными в среднем течении реки Самур. В верховьях Чирахчая, в районе селения Тпиг влияние Кумуха в первой половине XVI в. также было сильным, что видно из факта отказа в 1553 г. платить харадж кумухскому шамхалу ¹⁰⁴.

Мы дали краткий обзор развития и территориального роста Кумухского шамхальства по нарративным источникам. Много нового вносит в вопрос о границах шамхальства эпиграфический материал. Особенно ценный материал дает эпиграфика о влиянии кумухского шамхальства на земли в верховьях реки Уллучай, т. е. в соседних даргинских землях. Л. И. Лавров опубликовал недавно прорисовку части текста надписи («построил эту мечеть Бадр-шамхал сын. . . (?) с войском для жителей Зерехгерана. Если (они) избавятся от неверия, то нет на них хараджа») и пришел к выводу о том, что в XIV в. «вся область Зерехгеран находилась в политической зави-

симости от кумухских шамхалов и платила им харадж (поземельный налог). В XIV в. при распространении в Зерехгеране ислама активную роль играл, оказывается, Бадр-шамхал Казикумухский, с этой целью построивший мечеть в сел. Ашты и пообещавший освободить зерехгеранцев от уплаты хараджа после окончательного перехода их в ислам»¹⁰⁶.

Следует, кстати, отметить, что аштынская надпись издана по плохой фотографии и поэтому имеются неточности в чтении. В действительности (рис. 141) надпись гласит

(١) بِسْمِ اللّٰهِ الرَّحْمٰنِ الرَّحِیْمِ اِنَّمَا یَعْمُرُ مَسَاجِدَ اللّٰهِ مِنْ
اٰمَنَ بِاللّٰهِ وَالْیَوْمِ الْاٰخِرِ وَاَقَامَ الصَّلٰوةَ وَاٰتٰی الزَّكٰوةَ وَلَمْ
یُخْشَ (٢) اِلَّا اللّٰهَ فَعَسٰی اُولٰٓئِكَ اَنْ یَّکُونُوْا (٣) مِنَ الْمُهْتَدِیْنَ اِنَّمَا
الدُّنْیَا کُظْلٌ زَائِلٌ اَوْ کَصِیْفٌ یَّاقُ ... اَوْ کِیَوْمٍ (س) ... یَا مَیْمَ مَا
دَامَ زَهْرُ اللَّیْلِ یَطْلُ ... (٤) قَدْ بَنٰ هٰذَا الْمَسْجِدَ بِذِر (بَذْر)
شَخْلِ ابْنِ تَزْبَازْنِ الْعَسْکَرِ لِلرِّجَالِ زَرْهْکَرَانِ اِذَا سَامَوْا
مِنَ الْکُفْرِ لَیْسَ عَلَیْهِمْ خِرَاجٌ وَلَا هَدِیَّةٌ مِنَ الْبَیْضَةِ (٥) بِاِذْنِ
الْاَمِیْرِ وَاَخِیْهِ بَغْدٰی رَحِمَهُ اللّٰهُ عَلَیْهِ وَسُرُورِ (?) نَغِیٍّ وَمُلِجٍ
وَاحْمَدٍ وَشَمْسِدَغٍ وَیُوسُفٍ وَبَازْنِ قَاضِیْ کَرِیْمِ ابْنِ مُحَمَّدٍ
لَیْسَ عَلَیْهِمْ خِرَاجٌ اَوْ لَا وَاِلٰی اَبَدٍ (٦) وَکَتَبَ هٰذَا حَاجَ عَمْرٍ
بِشَهَادَةِ عَلٰی لَغِیْجٍ وَخَطِیْبِ اَدْرِیْسٍ وَقَسَمُوْا الْمَلِکَ
مَعَهُمْ لِحَاجِ عَمْرٍ مِّنَ الرِّجَالِ وَنَاضِلِیْ (٧) (٨) بِنْتُ اَدْرِیْسٍ
بِحَضُورِ الْمَسَاحِیْنِ اِلٰی اَبَدٍ اَلْاَبَدِیْنَ

- (1) Во имя Аллаха милостивого, милосердного. Оживляет мечети Аллаха тот, кто уверовал в Аллаха и в последний день, выполнял

молитву, давал очищение и не боялся

- (2) никого, кроме Аллаха, — может быть, такие окажутся идущими верно. Сей мир подобен преходящей тени или проходящему облаку... или дню
- (3) ...
- (4) Построил эту мечеть Б.з.р (вар.: Б.з.ц) шамхал, сын Т.з(?) с разрешения войска для людей зерехгеранских, когда они перешли в ислам от неверия. Не будет на них [ни] хараджа, ни подношений яйцами.
- (5) [Это было] по повелению эмира и его брата Буҗдая — милость Аллаха над ним — Сардар (?) Нуҗая (Нукҗай), Малиджа, Ахмада, Ш.м.ш.д.г(?), Йусуфа и с разрешения кади Карима, сына Мухаммада. Не будет на них хараджа [впредь] навсегда
- (6) Написал это Хаджжи Умар при свидетельстве Али Л.г.ч и хатиба Идриса. И выделили мульк вместе с собой [и] Хаджжи Умару эти (?) мужчины и Назли (?),
- (7) дочь Идриса в присутствии [других] мусульман.

Публикуемая нами надпись 718/1318—1319 г. (34) из Худуца показывает, что власть шамхала «и жителей селения Гумик» в Зерехгерана, вернее в верховьях реки Уллучай, была сильной, давало им право отдавать земли одного селения жителям другого.

Усиление значения Кумуха в расширении территории, находившейся в его подчинении или же под его влиянием, находит подтверждение еще в двух источниках — запись из арабской рукописи (1501 г.) и рукопись на камне из селения Гельхен (1622 г.). Арабская запись посвящена переписке в 906/1501 г. сочинения ал-Газали «Ихйа улум ад-дин» Идрисом, сыном Ахмада «в селении Акунях, [одном] из селений Газик-Гумика» (РФ ИИЯЛ, фонд восточных рукописей, 3). О надписи выше сообщалось: в 1622 г. агульское селение Гельхен входит в состав «вилаята Рича, в подчинение Кумуки».

Новые надписи интересны и для изучения вопросов исторической географии Зерехгерана. В науке уже было высказано мнение о том, что под Зерехгераном следует понимать не одно селение Кубачи, а область. Надпись из Ашты показывает, что это селение также входило в состав Зерехгерана до его подчинения Кумуху. Худуцкая надпись 718/1318—1319 гг. вносит еще одну новую деталь. Как известно, сложение или укрупнение Кубачи связано с переходом в одно место жителей семи населенных пунктов, среди которых упоминается и селение Анчибачи. В худуцкой надписи также упоминается Анчибачи (Анджибек). Стало быть, процесс складывания крупного населенного пункта путем слияния мелких поселений продолжался еще в первой половине XIV в. сел. Анчибачи (Анджибек) входило, как и Худуц, также в состав Зерехгерана, оказавшегося под властью Кумуха.

В худуцкой надписи 718/1318—1319 гг. упоминается и селение Рича, о возможной зависимости которого от Кумуха мы выше уже писали.

Топонимика в надписях не ограничивается упоминанием Кумуха, Цахура, Ричи. Встречаются названия и других пунктов:

Худид (надпись № 34, 1318—1319 г.)

Анджибак (Анчибачи — там же)

Зиль (№ 115, 1396 г.)

Хинав (№ 123, 1401 г.), так местные жители называют Хнов

Хамахи (№ 132, 1452—1453 г.) —
писба от селения Камах

Джафуги (№ 143, 1452—1453) —
от названия поселения Джа-
фуг

Рутул — (№ 146, 1432 г.)

Ихрай (Ихрек, надпись из Их-река)
Қал'а Қурайш (№ 57, XIII в.)
Сұх (№ 68, XIII в.)
Шұх (№ 69, XIII в.). Это, воз-можно, вариант названия Сух Гилхай (Гельхен)
Қурах Хбитар, Рукуи, Архит,

Хурадж, (Хоредж), Друштун,
Хпок, Кимихюр, Титал, Зи-линг (1356 г., Курах)
Мишлеш (писма от Мишлеш)
Муслағ (надпись из Мишлеша)
Хурйк (Хурюг, надпись из Ху-рюга)

Упомянутая курахская надпись, весьма богатая по представленным там географическим названиям, зафиксировала также название озера (Қулаң-вир) и горы (Цифер-кыл).

Надписи дают ценный материал о социальной структуре дагестанского общества. Этот материал изучен до сих пор очень слабо, хотя в ряде случаев это единственный источник для изучения социальной жизни. Иногда соотношения нарративных источников и данные эпиграфики дополняют друг друга, давая, таким образом, более полное представление о предмете.

В этом смысле наиболее важной частью представляется нам социальная терминология, нашедшая отражение в надписях. Именно благодаря этой терминологии, благодаря ее разнообразию мы имеем возможность судить о различных социальных слоях, в основном о представителях правящей верхушки дагестанского общества.

Эмир — этот термин неоднократно встречается в надписях и относится всегда к высшим слоям общества, обычно к правителям и владельцам, независимо от того, насколько было велико это владение — одно селение, союз селений или же феодальное владение.

Одно из ранних упоминаний этого термина относится к надписи 1250 г. из Ричи (надпись 17а): «Эмир преславный, великий, поддерживающий, победоносный, борец за правое дело, стоящий на страже, венец мира и религии Адам б. Абд ал-Малик б. Мухаммад». Конечно, пышная титулатура не должна вводить нас в заблуждение, но в надписи речь идет о местном правителе, приказавшем построить соборную мечеть. Рича представляла собой, очевидно, маленькое феодальное владение, пока еще независимое, сумевшее быстро восстановить свои силы после монгольского погрома. Если соборная мечеть была восстановлена в 1250 г., то еще раньше, в 1242 г., строится крепость, и указание о ее строительстве дает «эмир, прославленный, великий, ш[ейх] И. г. р.л.з. сын Ы. ки. . .» Го-

дом же раньше строить крепость приказывает Басадж, сын Сулаймана, не отмеченный никакой титулатурой. Выше мы уже отмечали, что пока еще не представляется возможным согласовать противоречивые, очевидно, сведения о строительстве крепости правителями. В 1241 г. строить крепость приказывает Басадж, сын Сулаймана, через год строить (очевидно, именно эту крепость) приказывает И.г.р.л.з., сын Б.ки. Можно только предположить, что один правитель начал строительство, а следующий завершил. Следующий эмир действует уже через 8 лет. Бросается в глаза также то, что чем дальше, тем пышнее становится титулатура правителей — первый, правивший сразу же после ухода монголов, вообще не имеет титулов, второй — уже «эмир, прославленный, великий», а третий — «эмир преславный, великий, поддерживающий. . . и т. д.» Это соответствовало, очевидно, постепенному росту значения самого ричинского владения в течение XIII в.

В рутульском селении Мишлени также был свой эмир, приказавший в 644/1247 г. построить мечеть, носивший также громкий титул — «величайший эмир, эмир Бадал, сын Малака». Л. И. Лавров относительно этого термина писал: «Нас не должен смущать громкий эпитет («эмир величайший»), которым обычно украшали имена не только крупных, но и мелких правителей. Эмир Бадал был, вероятно, одним из ранних цахурских правителей, позже присвоивших титул султанов. Как видим, надпись эта опровергает сообщение Закарийя ал-Казвини об отсутствии в XIII в. у цахурцев светской власти»¹⁰⁶.

Следует оговориться относительно данного замечания, что не обязательно считать эмира, строившего в Мишлени, именно цахурским правителем, он мог быть и владельцем собственно Мишлени. Во всяком случае нет пока оснований для такого вывода.

Закарийя ал-Казвини действительно пишет о жителях Цахура: «нет у них раиса, но есть у них хатиб (проповедник), который молится с ними, и кади, который разбирает тяжбы между ними по учению имама аш-Шаффи»¹⁰⁷.

Мишленская надпись не служит прямым опровержением сообщения об отсутствии светской власти в Цахуре. Но косвенно она может об этом свидетельствовать. Дело в том, что, со слов ал-Казвини, «Захур — большой город, густо населенный. . . Он главный город (касба) страны Лакзан»¹⁰⁸. Трудно предположить, что столица владения

не имеет правителя, соседний с ним Мишлен, не будучи центром владения, имеет своего эмира.

Термин *эмир* зафиксирован еще в одной надписи, в эпитафии 704 1304—1305 г. из селения Рукель — «Эмир Сад ад-Дин». В этом селении обнаружена еще более ранняя надпись-эпитафия, датированная 511/1117—1118 г. и зафиксировавшая имя султана Махмуда. А в 784/1382 г. в Рукеле скончался султан Махмуд, сын Махмуд-шаха.

Л. И. Лавров, издавший все эти три надписи, пришел к правильному выводу о том, что «... селение Рукель в XII—XIV вв. могло быть центром какого-то феодального владения»¹⁰⁹.

Рукельские надписи служат как бы связующим звеном между письменными источниками XII в. и сообщениями XV—XVI вв. о Табасаране. Как известно, в VI—IX вв. Табасаран представлял собой отдельное раннефеодальное владение¹¹⁰. Еще в 948 г. упоминается правитель Табасарана Хайсам, сын Ширванского правителя Мухаммада б. Йазида. В XI в. наблюдается, однако, усиление местной феодальной знати, владельцев отдельных мелких владений. В 1025 и 1065 гг. «История Ширвана и Дербенда» упоминает уже «поместья» отдельных представителей правящего дома¹¹¹. В. Ф. Минорский обратил на это внимание и указал на запутанность политических границ «виду чересполосицы, создаваемой частными владениями князей». «В Табасаране, — писал он, — владельческие права могли преобладать над теоретическими правами суверенитета»¹¹². Поместья (дийа) в Табасаране приобрели постепенно характер наследственных владений¹¹³.

Закономерный процесс развития форм феодальной земельной собственности, эволюция условных форм землевладения в безусловные привели к росту центробежных сил, что послужило в конечном счете причиной децентрализации политической власти в Табасаране. В 1131 г., когда Дагестан посетил известный арабский путешественник Абу Хамид ал-Гарнати, Табасаран не представлял уже единого целого. «В стране Дербента Баб ал-Аббаба есть народность, которую называют табарсалан, у них двадцать четыре рустака, в каждом рустаке имеется большой начальник, подобный эмиру»¹¹⁴.

Рукельские надписи с упоминанием имени местных правителей (последняя надпись относится к 1382 г.) свидетельствуют о том, что в последней четверти XIV в. состояние политической децентрализации еще продолжа-

лось. Можно предположить, что монгольские походы сыграли немаловажную роль в замедлении темпа объединения табасаранских земель.

Эпиграфические материалы показывают, что Рукель представлял собой один из рустаков (группа населенных пунктов, объединенных под властью одного пункта), образовавшихся после распада единого Табасарана.

Термин *эмир* зафиксирован также в эпиграфическом материале из Дербента. Вообще этот термин для Дербента не нов. В IX и XI в., судя по «Истории Ширвана и Дербенда», правитель Дербента назывался эмиром. С занятием Дербента тюрками-сельджуками (1071 г.) этот термин больше не встречается, земли Дербента на некоторое время подчинялись сельджукским султанам (возможно, их ставленник в Дербенте и носил этот титул).

Впоследствии, после образования в Дербенте (с начала XII в.) самостоятельного Дербентского княжества на монетах титул *султан* сохраняется, чем подчеркивается зависимость от сельджуков, но с 555/1160 г. на монетах дербентских правителей титул «султан уже не встречается»¹¹⁵. Местные правители стали чеканить монеты от собственного имени и употребляют иногда термин *малик*.

Термина *эмир* на монетах нет, но в действительности правители Дербента употребляли этот традиционный титул. Упомянутый выше Абу Хамид ал-Гарнати в 1131 г. говорил в Дербенте с эмиром исфахсаром (военачальником) Абд ал-Маликом ибн Абу Бакром, который сказал: «Раз отдал мне приказ эмир Сайф ад-Дин Мухаммад ибн Халифа ас-Сулами, правитель Дербента. . .». Стало быть, и правитель Дербента и его военачальник величались этим титулом. При Хулагуидах или же Джучидах термин *эмир* был широко распространен. Тарамтаз, которому было поручено «охранение этой окраины» (т. е. Железных ворот) «с личной тысячей», был *эмиром*. «Чупан с 10 туманами войска» также назван *эмиром*. В походе 725/1324—1325 г. большинство эмиров сопровождали и сопровождали Чупана, Ибрахим Дербенди также назван *эмиром*. В связи с походом Тимура в горные районы Дагестана историограф Тимура Шами упоминает «эмиров газикумуков»¹¹⁶, хотя, возможно, в действительности они *эмирами* не назывались.

В памятниках эпиграфики термин зафиксирован также в XV в. Памятник обнаружен в Дербенте археологической экспедицией (нач. экспедиции А. А. Кудрявцев). Полу-

цилиндрическое надгробие сплошь покрыто арабскими и персидскими текстами. Арабский текст — коранический, персидская надпись прочитана нами лишь частично.

(۱) بسی فکنده ز کفار کشته خاک بر سر که خاک
بر سر ایشان همیشه باد مدام
(۲) امیر اکبر واعظم مجاهد غازی شهید راه خدا
افتخار کشته بنام (۳)
(۴) برفت هشتصد و پنجه ربیع ثانی را ... از
ده سوی

- (1) Много повернуто кафиrow в прах.
Пусть прах на их головы будет
постоянно .
- (2) Эмир великий, величайший, борец
за правое дело, мученик за веру
Ифтихар...
- (3) Скончался [в] восемьсот пятидеся-
тилетом [году] в [месяце] раби са-
ни... в селении С.в.й (букв.: ушел
в восемьсот пятидесятилетом году
в раби сани... из селения С.в.й).

Раби ас-сани 850 г. начался 26 июня 1446 г.

В нарративных источниках эмир в Дербенте известен в начале XV в. Надпись на одной из башен близ ворот Дубары с датой 824/1421 г. упоминает имя эмира Исфандийара («Это благословенное здание построено во время эмира Исфандийара») ¹¹⁷. Как указывает В. Ф. Минорский со ссылкой на «Матла ас-садайн» Абд ар-Раззака Самарканди, во время Шахруха в 824 г. х./1421 правителем (хаким) Баб ал-абваба был эмир Исфандийар Дербенди,

который упоминается отдельно от Халила Ширванского. . . «но мог состоять с ним в родстве» ¹¹⁸. Л. И. Мавров считает эмира Исфандийара наместником ширваншаха ¹¹⁹, однако М. С. Нейматова обратила внимание на то, что в надписи нет имени Халилаллаха I. По ее мнению, ширваншах Халилаллах I после смерти отца не смог сразу овладеть его правами управления всеми территориями ¹²⁰. В подтверждение этой мысли она приводит слова Мунаджжима-баши, переведенные В. Ф. Минорским: «в 828/1425 г. братья Султан-Халила Кай-Кубад, Исхак и Халшим восстали против него. Он обратился за помощью к Шахрух-Мирзе, сыну Тимура, и при его содействии отразил интриги своих братьев» ¹²¹. Можно привести еще одно сообщение Мунаджжима-баши: после того как Султан Халил стал ширваншахом (1417 г.), правитель государства Кара-Кююну Искандар, сын Кара-Йусуфа вступил на территорию Ширвана, опустошил ее, как только хотел, и причинил населению какие только мог беды, без всякой помехи. Он дошел до Дербенда, а затем вернулся в Азербайджан с военной добычей и пленными. Тогда Султан-Халил вернулся и начал восстанавливать свою страну. . .» ¹²²

Искандар трижды пытался подчинить Ширван (в 1427, 1430, 1434) ¹²³. В 1432 г. Искандар нападает на Цахур, дружественный, очевидно, Ширвану ¹²⁴. Армянский автор Фома Моцепский писал, что «тиран Скандар» в 1432 г. выступил на город Шемаху, и захватив его, «прошел дальше Дербентских ворот, разрушил много стран и безжалостно истребил мечом много горцев и степных. Оставаясь там целый год, он пролил столько невинной крови, что невозможно и описать» ¹²⁵.

Положение Халилаллаха в начале правления (вплоть до 1432 г.) было действительно не столь прочным, как положение его отца-Ибрахима I (1382—1417) до 1412 г. ¹²⁶

Это дало основание М. С. Нейматовой утверждать: «. . . г. Дербенд и южные вилайаты Дагестана входили в состав государства Ширван и управлялись ширваншахами. Во время первых лет правления ширваншаха Халилаллаха Дербенд, однако, составлял отдельный округ — эмират, который непосредственно подчинялся Шухруху, сыну Тимура» ¹²⁷.

Соглашаясь с мыслью о том, что Дербент представлял в начале правления ширваншаха Халилаллаха отдельный округ — эмират, следует вместе с тем отметить, что нет

данных о подчинении Дербентского эмирата Шахруху. Тимуридский султан Шахрух (1405—1447 гг.) управлявший значительными землями в Средней Азии и в Иране, враждовал с правителями Кара-Коюнлу и в борьбе с ними неоднократно поддерживал ширваншаха. «Благодаря помощи Шахруха и его сыновей укрепилось плечо его и возвысился сан его», — так писал Мунаджжим-баши о ширваншахе Халилаллахе ¹²⁸. Однако о попытках подчинить своему влиянию Дербент данными мы не располагаем. В. В. Бартольд указывал, что в 1428 г. упоминается самостоятельный правитель Дербента ¹²⁹.

Т. М. Айтберов привел в своей статье подборку сведений Хасанбека Румму (Ахсан ат-таварих, т. XI, с. 109, 120, 126, 199—200), посвященных Исфандийару. В 1412 г. ширваншах Ибрахим I (1382—1417 гг.) был наголову разбит Кара-Йусуфом Кара-Коюнлу. В 1420 г., со слов Хасан-бека Румлу «эмир Халилаллах в сторону Ширвана, эмир Исфандийар в сторону Дербента... ушли». В 833/1429—1430 г., продолжает Румлу, «Исфандийар, который по наследству от предков правил Дербендом, в страхе от Шахрух падишаха оставил Дербенд, и согласно приказу его величества этим городом стал распоряжаться эмир Халил» ¹³⁰.

Исходя из этих данных, можно заключить, что между 1412—1420 гг., используя ослабление Ширвана, Дербент стал самостоятельным княжеством во главе с эмиром Исфандийаром и оставался в таком положении вплоть до 833/1429—1430 г. ¹³¹ Мы не знаем, насколько продолжительными были пагубные последствия похода Искандара Кара-Коюнлу, совершенного в 1432 г., но между 1432 г. (год описанного выше похода Искандара на Цахур) и 1438—1439 гг. Дербент полностью подпал под влияние ширваншаха: в 842/1438—1439 гг. в городе реставрируется крепость «во время шаха Ширвана Султана Халила» ¹³². Власть Ширвана была здесь основательной и в последующие годы. В 858/1454 г. в Дербенте строится здание «в дни правления величайшего султана Халилаллаха» ¹³³. Таким образом, Дербент входит в состав государства ширваншахов, от которых и зависит назначение эмиров в город, в качестве своих ставленников.

Теперь обратимся к приведенной выше надписи из Дербента. Там назван «эмир великий, величайший, борец за правое дело, мученик за веру, Ифтихар...», убитый в раби ас-сани 850 г., т. е. в июне или июле 1446 г. ¹³⁴

По данным Бадра Ширвани, в 850 г. х. погиб в битве с горцами комендант дербентской крепости эмир Ифтихар¹³⁵, а его брат эмир Исфандийар, правитель города¹³⁶, жил еще долго, умер в 866/1461—1462 г.¹³⁷

Таким образом, представляется возможным мемориальный текст полуцилиндрического надгробия 850/1446 г., во-первых, связать с именем коменданта дербентской крепости Ифтихара, а во-вторых, уточнить время его смерти — конец июня-июль 1446 г.

Касиды Бадра Ширвани, обстоятельно использованные А. Р. Рагимовым, убеждают в том, что в Дербенте оба ответственных лица — Исфандийар¹³⁸ и Ифтихар — носили титул *эмир*, т. е. этим высоким званием были облачены и правитель города, и его брат, комендант крепости¹³⁹.

Интерес представляют также приведенные выше надписи из Хнова (118, 119, 120), где термин *эмир* также означает титул

-
- (1) *Эмир Абкур, сын Т.х.с.мана, „мужчина чистый, праведный, искренний, щедрый, любимый учеными и чужеземцами, милостивый к сиротам, бедным и нуждающимся“ (надпись 118).*
 - (2) *Эмир Сайф ад-Дин, сын Аджуджа, „юноша красивый, прекрасный, разумный, предусмотрительный, искусный всадник“ (надпись 119).*
 - (3) *Эмир Абакар, сын Чакука, „юноша красивый, сильный, щедрый, сострадательный, краса благородных, глава всадников, звезда войск, разумный, предусмотрительный, любящий бедных и низких (по положению), украшение мечети и джамаата...“ (надпись 120).*
-

Если в первом случае мы имеем дело с носителем гражданской власти, во втором и третьем — военной.

И, наконец, в надписи из селения Ашты, палеографически датированной нами XIII—началом XIV в., *эмир* выступает как лицо, облеченное значительной светской властью, — «по повелению эмира и его брата Бугдая» снимается харадж с зерехгеранов.

Как известно, в Сельджукском государстве титул *эмир* носили феодальные владетели военачальники различных рангов. Число эмиров при сельджуках было велико, главы племен *беки* как ставленники султана носили титул *эмир* ¹⁴⁰. В Ширване в первой половине XII в. при ширваншахе Минучихре II (ум. 1156 г.) военное командование возглавлял: «величайший эмир-сипахсалар, отважный [вое]начальник» Абу Йакуб Йусуф ¹⁴¹. После монгольских завоеваний в Золотой Орде, Средней Азии, Иране *эмирами* называли тех представителей военной знати монгольских, тюркских и курдских кочевых племен, которые командовали ополчениями племен или их подразделениями. Звание *эмира* при первых Ильханах (1256—1295 гг.) не было личным титулом, оно стало употребляться как личный титул уже в первой половине XIV в. ¹⁴²

В Дагестане титул *эмир* известен еще с конца VIII в. (это зафиксировано в «Истории Ширвана и Дербенда»), и, как мы видели, этот титул сохранился и при Сельджуках, причем в 1131 г., как видно из сообщения Абу Хамида ал-Гарнати, и военачальник, и правитель носили один и тот же титул, хотя военачальник занимал зависимое от правителя положение. То же в Дербенте (Исфандийар и Ифтихар) в XV в. В небольших владениях, таких, как Рича, Мишлеш, *эмир* был, по всей вероятности, обладателем верховной власти или же выразителем воли союза сельских общин в целом. В Рукале же встречается как титул *эмир*, так и *султан*. В описанных выше хновских надписях *эмир* предстает перед нами как носитель то военной, то гражданской власти, наподобие того, как это имело место в Дербенте.

Титул *султан* в надписях из Дагестана встречается сравнительно редко. Это прежде всего «мученик на пути Аллаха султан Йусуф» из Дербента (479/1086—1087) и султан Махмуд из Рукела (511/1117—1118 г.) ¹⁴³. Появление этих титулов в надписях на камне может быть связано с Сельджуками. Власть султана была здесь равно-

сильна власти эмира. В 644/1247 г. в Мишлене и в 784/1382 г. в Рукеле опять зафиксирован этот титул. Впоследствии, т. е. с XVII в., термин известен нам и из Цахура¹⁴⁴. В надписях из Хнова титул эмир употреблен, как уже указывалось, два раза (эмир Абкур, сын Т. х. с. мана; эмир Сайф ад-Дин, сын Аджуджа).

Видимо, первоначально цахурские правители назывались *беками* — таков, например, Кадир-бек, отец Чакуна, погибшего в 798/1396 г. (надпись 115, 1396 г.). Даже в 1563 г. иранский шах называет цахурского правителя Ади-Куркли-Беком¹⁴⁵, а в русской официальной переписке этот титул приравнен к князю («Адикорклю княз») ¹⁴⁶. В 1607 же году начал править Али-Султан, но впоследствии титул *бек* также присваивался и имел то же реальное значение в Цахуре, что и *султан*. Беками именовались в середине XVI в. и правители Рутула. Надпись XII—XIII вв. из Шимихюра (98) знает Ш. н. х, сына Исабека, строителя или организатора строительных работ, но по надписи трудно определить реальное значение слова бек.

Титул *шамхал* впервые упоминается в надписи (677/1278 г.) из Цахура — это сообщение о «разрушении селения Хиц Исми-шамхалом»¹⁴⁷. Надпись сама не сохранилась, и точность перевода, сделанного в свое время И. Г. Вучетичем, невозможно проверить.

В недатированной надписи из селения Ашты (Л. И. Лавров датирует ее XIV в.) титул *шамхал* встречается, но чтение имени как Бадр-шамхал¹⁴⁸, как указывалось выше, не совсем убедительно.

И, наконец, хуцуцкая надпись 718/1318—1319 г. сообщает о шамхале Ахсибаре, присутствовавшем при составлении дарственной грамоты о передаче земель жителям селения Анджибак (Анчибачи).

В XIV в. титул *шамхал* был, очевидно, широко известен. Историографы Тимура Низам ад-Дин Шами и Шараф ад-Дин Йезди сообщают о правителе «области Гази Кумук-лук и войска Аухара» (по списку Т: «области кумуков и войска аваров» Шаукала (по списку Т — шамхала), выступившего в 1396 г. против войск Тимура¹⁴⁹. Историческое сочинение «Тарих Дагестан» хорошо иллюстрирует усиление власти шамхала в начале XIV в. (выше об этом уже писалось). В надписях XVI—XVIII вв. титул *шамхал* встречается неоднократно, самое раннее

упоминание относится к 974/1566—1567 г. — это зафиксировано в надписи на могиле Будай-шамхала.

Эпиграфический материал не передает, разумеется, и незначительной доли той социальной терминологии, которая бытовала в средневековом Дагестане. Не повезло, в частности, терминологии местного происхождения. Иногда титулы оказывались заслоненными всеохватывающими термином *сахиб* (владелец, хозяин). «Сахиб Кала-Курайша Ах.сибар, сын Хиздана, «сахиб крепости Дир, сын Сибан — они имели, разумеется, какие-то местные титулы. Какое реальное значение могло скрываться под термином *сахиб*, видно из ахтынской надписи середины XV в.: «владелец (сахиб) этой крепости ширбаншах Халиллулах»¹⁵⁰.

Иной оттенок термин *сахиб* имеет в надписях о строительстве культовых сооружений («владелец этого минарета. . .») — здесь речь идет скорее всего о тех, кто финансировал строительные работы, и не обязательно видеть в нем представителя местной власти. Особое положение представителей правящей верхушки, титулы которых не отмечены, подчеркивается их правом «приказывать»: «приказал построить этот ханака Абд ас-Самад, сын Налки» (8, Рутул, 545/1150 г.); «приказал построить эту крепость Бассадж, сын Сулаймана» (17, Рича, 638/1241 г.); «построил[и] эту стену Б. л. касим (Абу-л-Касим?) Мухаммад по приказу Х. р. кар. сына С. . м (20, Рутул, 683/1284 г.).

Титулы служителей культа редко фиксируются в камне, хотя в реальной жизни подобная титулатура встречалась повсеместно. Особого внимания заслуживает категория шейхов и кадиев. В нашем распоряжении четыре надписи с упоминанием этой категории, в двух случаях в сочетании с другими словами. Самое раннее датированное сообщение относится к 583/1187 г. — это эпитафия 13 из Татиля: «*Это могила нашего шейха подвижника (аскета-захид), поклоняющегося (набожного-абид) Джамал ад-Дина Йахйа ибн шейх Йусуф. . . Приказал воздвигнуть его (т. е. надмогильное сооружение.—А. Ш.) шейх С. р. с. м (вар.: С. р. с. ф.). . .*» Слово *шейх* упоминается в надписи три раза, а имя шейха Джамал ад-Дина Йахйа, сына шейха Йусуфа указывает, как нам кажется, на практику наследования титула или должности.

Вторая надпись (она не датирована, палеографически относится к XI—XII вв.) не менее выразительна

(надпись 76, рис. 65): «аш-шейх ал-имам кади ал-кудат Ахмад ибн ал-Хусайн». Как уже указывалось, ни в нарративных источниках, ни по данным дагестанской эпиграфики X—XVII вв. еще не встречалось имени представителя мусульманского духовного мира, наделенного столь высокой титулатурой.

Титул *кади* встречается еще два раза. Это «кади ар-Риджа Халифа» («ричинский кади Халифа»), присутствовавший при составлении дарственной грамоты 718/1318—1319 г. в Худуце (надпись 34) и засвидетельствовавший документ своей подписью наравне с другими двумя жителями Ричи, а также жителями Ан.дж.б.к. (Апчибачи), и «домами» Гумика (Кумуха). И, наконец, в сел. Ашты в надписи XIII—начала XIV в. (рис. 141) назван кади Карим, сын Мухаммада. Он представлял собой довольно влиятельную личность, ибо освобождение принявших ислам зерехгеранов от хараджа происходило «по повелению эмира и его брата Бугдая. . . и с разрешения кади Карима, сына Мухаммада».

Незначительное количество надписей не дает материала для достаточной характеристики этих терминов. Но имеется довольно интересный сопоставительный материал. В Кухистане (Таджикистан) обнаружено большое число кайраков с упоминанием имен и титулов представителей судебной и светской власти, духовных лиц. Самый ранний кайрак на могиле кади датирован 604/1208 г., а сочетание *аш-шейх ал-кази ал-имам* впервые встречается в надписи 648/1250—1251 г., термин же *имам*, *казий*, *казий ал-кузат* — на кайраке 807/1403 г. Эпиграфический материал показал, что в Кухистане представители одной семьи в течение 200 лет подряд занимали должности казия по наследству¹⁵¹.

В девяти эпитафиях Кухистана назван термин *аш-шейх ал-имам*, причем самый ранний датирован 550/1155—1156 г. Термин же *шейх* также часто встречается (самый ранний — с датой 559/1163—1164 г.), известен и вариант, сходный с нашим татильским, — *аш-шейх аз-захид* (*шейх аскет, отшельник*) с датой 608/1211—1212 г. Термин *шейх захид* относится к религиозным руководителям, отшельникам, ученым, представителям господствующего класса — дехканам, эмирам¹⁵².

Таким образом, две дагестанские эпитафии с очень ценной информацией о терминах, сходных с терминами, практиковавшимися в Средней Азии, хронологически

старше кухистанских, но последние представлены как значительным числом, так и более богатой терминологией. Выводы на их основе можно учесть и при интерпретации дагестанского материала. В частности, *шейх захид*, *кади ал-кудат* одинаково относились к представителям духовной власти (имам, верховный кади) и суфиям (*шейх захид*). Что касается шейха, то среднеазиатский материал свидетельствует как о светской, так и религиозной власти шейхов, в то время как надпись из Татили посвящена только шейху — аскету.

Уже отмечалось, что татильская надпись может свидетельствовать о практике наследования термина или «полномочий» шейха. Эпиграфических данных, подтверждающих эту мысль, больше нет в нашем распоряжении. Но более поздний источник (1031/1621—1622 г.) — арабская запись на одной из страниц рукописи на азербайджанском языке¹⁵³ представляет в этом плане несомненный интерес. Эта запись гласит

Передал в вакф шейх Ахмад своему сыну Ибрахиму свою книгу и свою палку ('aṣā), (только) ему, никому другому в присутствии двух его братьев — шейха Ахмада... и шейха Хасана аш-Ширī в правление шейха Шах Аббаса — в тысяча тридцать первом году.

1031 г.х. = 1621—1622 г.

Дагестанский эпиграфический материал, как уже говорилось, зафиксировал только одно значение термина *шейх*, в то время как его реальное значение было гораздо шире, включая ученых людей, переписчиков. В рукописи «Райхан ал-хакаик ва бустан ад-дакаик», составленной в 445/1053—1054 г.¹⁵⁴, упоминаются шейх Абу-л-Фадл Абд ар-Рахман ал-хатиб ад-Дербенди, шейх Абу Бакр ал-Баби, «имам соборной мечети в ал-Бабе»; в начале XV в. в Кумухе занимался перепиской книг шейх Сулайман, сын Али, сына Ахмада ал-Гумуки, в частности, им переписан в 815/1412—1413 гг. Коран, хранящийся ныне

в Обохской мечети; аш-шейх ал-алим хаджжи Умар, сын Мухаммада, сына Исмаила ал-Гумуки занимался различными науками в Багдаде, а также в самом Кумухе у шейха Ахмада ал-Йамани в середине XV в.

В дагестанских эпиграфических текстах встречаются еще два термина — *хатиб* и *факих*. В 625 г. (1227—1228 г.) в Рутуле текст на камень наносит хатиб Ибрахим (рис. 14), а в XIV в. в Апшты (рис. 39, е) хатиб Идрис присутствует при нанесении текста сообщения на камне. *Факих* же упомянут только один раз — хновская надпись (117, рис. 92) 808/1405 г. сообщает о кончине *факиха Р. хухни, сына Мухаммада*.

В лапидарных текстах, в основном в мемориальной эпиграфике, мы сталкиваемся с практикой применения социальных и этнических терминов в качестве личных имен: Ач. н, сын Шамхала; Халил, сын Шамхала; Уцми, сын Хан-Уцми, Уцми, сын Уцми; араб Абакар; Гурги (грузин), Джарказ, Фатима, дочь Араба.

При характеристике социальной жизни по данным эпиграфики важно отметить еще одно обстоятельство. Надписи акцентируют внимание на родословной. Надписи-эпитафии или же строительные надписи фиксируют, как правило, имя погребенного — строителя, катиба, заказчика и имя отца. Но в отдельных случаях социальная значимость данной личности подчеркивается, как нам кажется, более или менее обстоятельной генеалогической цепью.

Эти случаи действительно редки, они не стали частью традиции, но являются тем не менее отражением попыток составителя текста подчеркнуть особое положение определенной личности. Надпись 1450—1451 г. из Арсуга (150) содержит 5 имен (Мухаммад, сын Мунджида, сына Ахмада, сына Мунджида, сына С. д. к). То же самое можно сказать и о надписи 151 того же времени из того же селения (Исрапил, сын Мунджида, сына Ахмада, сына Мунджида, сына С. д. к).

Строительная надпись из Хнова (123, 1401 г.) дает редкий в дагестанской эпиграфике случай, когда особо отмечена родословная заказчика — это Хамма, сын Абакара, сына Чакука, сына Базкуха, сына Хамма, сына Мамма, сына Хамма. В то же время имя самого мастера-строителя подано в краткой форме — Х. з. сан (Х. з. саз) сын Халифа.

Хновские надписи (118, 124) зафиксировали в двух случаях родословную представителей местной социальной

верхушки. Эпитафия 1450 или 1452 г. (надпись 118) упоминает эмира Абкура, сына Т. х. с. мана (Т. х. с. маза), сына Б. гала, сына Сайф ад-Дина, сына Карнайна. Другая надпись (124), сделанная в то же время (854/1450—1451 г.), сохранила имя Мухаммада, сына Асада, сына М. к. л. к. н, сына Карнайна, сына Араб-Абакара (араба Абакара), сына Т. х. с. мана (Т. х. с. маза), сына Б. гала, сына Сайф ад-Дина, сына Карнайна. Начиная с имени Абакар (или Абкур) имена в обоих текстах полностью совпадают. Можно подумать, что речь идет о родословной двух представителей одного рода. Непонятным остается только одно обстоятельство-эпитафия и эмира Абкура (118), и его праправнука Мухаммада (124) составлены почти одновременно. Не вносит ясности в этот вопрос и указание надписи 124 «Сайф ад-Дин и М. к. л. к. н — оба они сыновья Карнайна».

И, наконец, надписи из сел. Юхари Стал Сулейман-Стальского района передают генеалогическое древо представителей мусульманского духовенства. Надпись 1266/1849—1850 г.: «Переселился из тленного мира в мир вечный паломник двух благородных храмов Шейх-Наби, сын Шейха-Керима, сына Шейх-Баба, сына Шейх-Абдулгани». . . Надпись 1299/1881—1882 г. упоминает Хаджи-Бутая, сына Идриса, сына Шейх-Абдаллаха, сына Шейх-Тагира, сына Шейх-Пир-Исы, сына Пир-Бабаджана.

Эпиграфический материал, обнаруженный на поселениях близ селений Татиль, Хили-Пенджик, Калкни, Варсит, Зубанчи, Рутул, Тпиг, Маджалис, представляет особый интерес и в том смысле, что служит серьезной базой для разработки вопроса о появлении крупных населенных пунктов в Дагестане. Этот процесс стал предметом изучения только за последние два десятилетия. В своей диссертационной работе (1973 г.) мною были подведены итоги работы дагестанских историков, археологов и этнографов в этой области и выдвинут ряд предположений, основанных на изучении эпиграфического материала¹⁵⁵. Общий вывод сводился к тому, что в Дагестане в X—XIV вв. существовало три типа поселений (однотухумные, территориально-тухумные, чисто территориальные). Крупные населенные пункты складывались обычно на базе однотухумных, но участие территориально-тухумных поселений также наблюдалось. X—XIV вв. — исторический этап, характерный в истории селообразования переходом тухумных поселений

в территориально-тухумные на пути к чисто территориальным селениям. Археологический материал свидетельствует о наличии еще в раннем средневековье (до X в.) крупных населенных пунктов, сложившихся по территориально-тухумному принципу. Был зафиксирован тот вариант, когда в качестве крупного населенного пункта выступает не новый аул, а возвышается политически и укрепляется за счет других поселений один из старых аулов; окончательный переход на новое место хронологически растягивается на несколько сот лет. Привлечение эпиграфического материала показало, что наиболее интенсивный процесс формирования крупных пунктов падает на XIII—XV вв. (скорее всего на XIV—XV вв.), но сам процесс складывания этих пунктов не был завершен. Прослежено также (именно как один из вариантов) комплексное расположение (гнездами) группы населенных пунктов, тяготевших к одному населенному пункту или же образовавших крупный аул, занимавший обычно центральное место по отношению к своим «спутникам», причем мелкие поселения простирались вокруг этого центра на расстоянии не более 15 км.

Привлеченный в данной работе материал проливает дополнительный свет на своеобразие процесса крупных территориально-административных единиц. Одним из вариантов может быть процесс тяготения к одному пункту поселений территориально и экономически объединенных в рамках одного ущелья.

Детальное археологическое изучение этих поселений покажет начальные этапы этого явления (несомненно, имевшее место до начала раннего феодализма) и поможет в общих чертах проследить во времени превращение историко-территориальных единиц в социально-экономические. Речь идет об одном из этапов складывания союзов сельских общин на базе отдельных общин, экономически связанных между собой. В литературе уже указывалось (Ш. М. Ахмедов) на огромную роль такого фактора, как совместное пользование пастбищными участками. Перспективно также изучение социального облика поселений, так близко расположенных.

Изучение эпиграфических памятников показало также, что протекавший интенсивно в XIII—XV вв. процесс складывания крупных территориально-административных единиц не был завершен, он имел место и в XVI—XVII вв., хотя и не принимал размеров, наблюдаемых ранее. Де-

тальное изучение всех поселений покажет, возможно, что это важнейшее в экономической и социальной жизни явление на было синхронным во всех частях Дагестана, что естественно-географические, экономические и внешнеполитические факторы наложили отпечаток на хронологические рамки этого процесса в различных историко-географических зонах. Крупные размеры ряда ранне-средневековых поселений и ряда поселений эпохи развитого средневековья, верхняя дата которых определяется эпиграфическим материалом, наводят также на мысль о том, что наряду с процессом укрупнения и параллельно ему шел процесс разукрупнения ряда пунктов и внешнеполитические факторы играли здесь немаловажную роль. Эта сторона вопроса совершенно не изучена, и это обстоятельство может лишить возможности представить во всей полноте процесс селообразования. Многочисленные походы иноземных завоевателей (Сельджуки, монголы, войны Золотой Орды и Хулагуидов, Тимур, сефевиды) приводили к массовому разрушению больших и малых аулов и бегству населения из районов военных действий. Увеличившиеся за счет притока беглого населения аулы принимали порой иной структурный и этнический облик. Внутренняя структура аулов подверглась частичным изменениям, в частности, за счет чисто территориального принципа расселения.

Однако эти две тенденции (укрупнения и разукрупнения), действуя одновременно, находясь в тесном взаимодействии, не были равнозначны по своей силе, интенсивности. Тенденция укрупнения была в X—XVI вв. в Дагестане ведущей, перспективной, хотя вторая тенденция на определенных этапах и на определенной территории (равнина и предгорье) выступала как главная. Однако это не значит, что тенденция раздробления была ограничена равнинным и предгорными районами. Если первая тенденция была обусловлена социально-экономическими и политическими факторами, то вторая имела в своей основе, кроме социально-экономического, также и военно-политический аспект, который нередко становился определяющим. Особняком стоит вопрос об экономической основе разукрупнения (образование хуторов), интенсивно прошедшего в XVIII—XIX вв.

Хронологически процесс складывания крупных населенных пунктов должен быть синхронен времени образования союзов сельских общин, т. е. должен быть свя-

зан с таким отрезком времени, когда тяготение ряда аулов к одному явилось бы одним из факторов роста центрального аула. Сам факт превращения одной сельской общины в ведущий по сравнению с другими, т. е. его превращение в центр союза, создавал благоприятные условия его усиления и территориального роста. Эти два вопроса (укрупнение аула и формирование союза сельских общин) взаимосвязаны. То же самое — в процессе формирования других крупных объединений, т. е. раннефеодальных государств.

Дагестанские этнографы и археологи (М.-З. О. Османов, В. Г. Котович А. И. Исламмагомедов, М. А. Агларов) хорошо проследили процесс забрасывания террасных участков в XIII—XV вв., превращения их в пастбища и справедливо связали это со специализацией отдельных естественно-географических зон на производстве зерновых или же на животноводстве по преимуществу. Хронологически этот существенный сдвиг совпадает с интенсификацией процесса складывания крупного села. Следствием этого было более интенсивное земледельческое освоение земель вокруг крупного населенного пункта, обычно связанного (где это возможно) с преимущественным производством зерновых. Освоение новых земель вокруг нового пункта под пашню имело и другую сторону — участки, примыкавшие к бывшим поселениям, превращались в пастбище, как бы отражением всех этих сдвигов был наблюдаемый процесс образования крупного села по «убывающей вертикальной зональности» — новый аул обычно расположен ниже поселений, в него влившихся, ближе к источникам водоснабжения и занимает сравнительно ровное место.

Таким образом, процессы социального и экономического развития, образования крупного аула или же его дробления, история союзов сельских общин и раннегосударственных образований, хозяйственная специализация отдельных естественно-географических зон, внешние факторы, в частности фактор военно-политический, вопросы этнической инфильтрации — все это представляет собой взаимосвязанные факторы, только комплексное изучение которых дает более или менее полную картину развития дагестанского общества.

Пока мы не располагаем достаточными данными для периодизации самого процесса формирования крупного села, хотя этот процесс пережил несколько этапов. Неясно,

был этот процесс непрерывным или же ряд причин обусловили наличие застойных этапов. Поэтому и этапы, намечаемые нами, носят предварительный характер, отличаются расплывчатостью верхних и нижних хронологических рубежей. Эта предварительная периодизация выглядит следующим образом: V—IX, X—XV, XVI—XVII вв.

В рамках каждого из этих периодов происходил процесс складывания крупного аула, однако наиболее интенсивно этот процесс протекал в конце второго периода.

В процессе складывания крупного села немаловажную роль играли миграционные сдвиги. Однако основная причина миграционных сдвигов связана была с военно-политической обстановкой, с походами иноземных завоевателей, в частности арабов, монголов и Тимура. Если проникновение дагестанского населения равнинных районов в горные и обратный отлив трудно проследить на эпиграфическом материале, то проникновение арабского населения и судьбы их в какой-то степени можно проследить при комплексном использовании как эпиграфического, так и письменного и архитектурного материала.

Как известно, письменные источники, в основном сочинения арабских историков и географов, сохранили ценные сведения не только о походах арабов на западное побережье Каспийского моря, о войнах за Восточный Кавказ, но и о прибытии арабского населения в Дагестан, в города, в частности в Дербент, о создании в Дагестане арабских по этническому составу пунктов вокруг Дербента. В середине VIII в. в район Дербента арабский халиф поселил большое число арабских воинов, к которым были присоединены рабочие и строители «И построил он города Камах и ал-Мухаммадию и Баб-Вак и другие города, которые обратил в опорные пункты для мусульман и куда поселил воинов»¹⁵⁶.

При заселении Дербента арабским населением арабский племенной принцип сохранялся. Арабский полководец Маслама, «разделив этих мусульман на семь кварталов (махалла), построил для каждой части (в тексте — таифа) по [отдельной] мечети. Мечети каждой части он назвал по имени [обитающего ее] племени: первая — Хазарская мечеть, вторая — Палестинская мечеть, третья — Дамасская мечеть, четвертая — мечеть Хомс, пятая — Кейсарская мечеть, шестая — мечеть Джазир, седьмая — Мосульская»¹⁵⁷.

Как писал Хасан Алкадари, при аббасидском халифе ал-Мансуре (754—775) наместник Йазид ас-Сулами переселил сюда «из Сирии, Месопотамии и Мосульского округа» семь тысяч мусульман с семьями, и им было приказано построить крепости в Рукеле, Кала-Суваре, Митаги, Мугатыре, Мараге и Бильгади ¹⁵⁸.

Таким образом, арабские военачальники предприняли решительные меры для укрепления своей власти в Дагестане, и в этом деле немалую роль должно было играть мирное арабское население. Строительство ряда населенных пунктов, заселение их арабскими семьями, строительство крепостей преследовали именно эту цель. Обращает на себя внимание, что новые пункты были построены именно вдоль всей стены Дагбары, а крепости были построены при этой стене. Близ этих крепостей и расположены старинные населенные пункты. Воины жили в таких крепостях, а их семьи располагались в пунктах, расположенных обычно к югу от этой стены.

Подобную же политику арабы проводили и в Средней Азии, Закавказье. В Закавказье арабскими поселенцами были заняты значительные территории Мугана, Ширвана, Аррана (Бардаа Байлакан, Шемаха, Мутаваккилия и другие) ¹⁵⁹.

Арабское население жило компактно и долгое время сохраняло свое этническое лицо. В середине X в., как писал ал-Масуди, между Джиданом и Баб ал-абвабом жили арабы, «которые говорят хорошо только на арабском языке и которые поселились здесь в дни арабских завоеваний» ¹⁶⁰. В районе Дербента арабское население было еще в XII в. (сообщения ал-Гарнати и ал-Фарики) ¹⁶¹.

Эпиграфический материал может пролить свет на судьбы арабского населения в последующем.

Так, например, в Камахе, к северо-западу от селения, в лесу сохранился старинный могильник, занимающий большую территорию. Выше уже писалось, что здесь обнаружены надмогильные плиты с арабскими текстами XIII—XIV вв. Несомненно, эпитафии связаны с арабским населением. Обнаружена также плита на могиле некоего Шамс ад-Дина, сына Мухаммада ал-Хамахи (т. е. из Камаха), умершего в 1432 г. Но самый значительный памятник, сохранившийся в Камахе — это остатки «крепости» к северу от селения. «Крепость» возвышается на небольшом холме, от нее сохранилась только одна стена длиной в 14,8 м и лишь небольшая часть второй стены (длина 5,4 м).

Но сохранившиеся части стен могут дать нам общее представление о крепости: она была четырехугольной формы, имела высоту не менее 8 м. Толщина стен достигала 1,8 м. Крепость была расположена непосредственно при стене, отсюда хорошо просматривался обширный участок, обращенный к морю. С. О. Хап-Магомедов исследовал крепость на перевале Джалганского хребта (она имела внутренние размеры 25×14 м) и обратил внимание на то, что облицовка стен здесь подобна облицовке стен в дербентских стенах. Стены крепости в Камахе построены по той же технике.

Наиболее полно сохранилась крепость близ селения Татиль Табасаранского р-на. Расположена она примерно в 2 км к западу от селения, на небольшой возвышенности, покрытой лесом. Крепость имеет четырехугольную форму, она ориентирована с запада на восток, ее внутренние размеры: длина 26 м, ширина — 15,5. В крепость ведут два входа — с севера и с юга. Вход с севера имеет ширину около 3 м. По углам крепости сохранились остатки четырех круглых башен. Высота наиболее сохранившейся башни — 7,5 м. Башни имеют в диаметре от 2,1 до 2,7 м. Стены крепости толщиной в среднем 1,5 м. Стены облицованы крупными каменными плитами из ракушечника, техника кладки повторяет технику дербентских стен. Каменные плиты хорошо обработаны, они поставлены то в ширину, то на ребро, причем на ребро плита поставлена так, чтобы поддержать верхнюю плиту. Плиты имеют высоту от 35 до 65 см, а в ширину от 50 до 80 см.

Еще западнее, близ Хапиля, также сохранилась крепость, но она почти полностью разрушена. Все «крепости» — это бывшие арабские центры, «города», охранявшие систему Дагбары. Со временем арабское население, жившее в «крепости» или непосредственно при ней, переселилось в близлежащие пункты. Об этом свидетельствует эпиграфический материал. Как уже отмечалось при характеристике надписей близ Хапиля, непосредственно при крепости зафиксированы только надписи XV—XVI вв., а потом население перешло на новое место, очевидно, в соседнее селение Хапиль. К северу от Татиль, примерно в 1,5 км, расположена местность «Миздан гьул» со старыми надмогильными плитами. По рассказам старожилов, здесь раньше было расположено селение, жители которого впоследствии перебрались в селение Татиль. Наиболее ранние плиты имеют, как уже писалось здесь,

надписи XII в., а наиболее поздние — примерно XVII—XVIII вв. К этому времени и относится переход потомков защитников крепости в новое селение.

Такие эпиграфические данные сохранились и в других населенных пунктах. В Кумухе раньше было кладбище «Йаманит» («йеменцев»), где были похоронены выходцы из Йемена. Описанная выше хновская надпись упоминала араба Абакара.

Эпиграфический материал зафиксировал проникновение отдельных арабских элементов в Дагестан и в последующее время. Одна из них — надпись-эпитафия из селения Юрахи-Стал (Сулейман-Стальский район) по случаю кончины *«раба прощенного, убитого несправедливо Хасана, сына Хан Мухаммада, сына шейх Сафара, сына Хан Мухаммада, сына Махмуда, сына Хутба, сына Ибрахима, сына Махмуда, сына Пир Баба хана, сына Мусы из вилайата Шам, из города Дамаска, обосновавшегося в [селении] Астал да простит их (всех) Аллах — 1295 г. х.»* 1295 г. хиджры соответствует 1878 г. Если предположить, что последние слова («из вилайата Шам, города Дамаск») относятся к родоначальнику представленной здесь генеалогии, т. е. к Мусе, и если, как это принято, отвести на каждое последующее колено генеалогической цепи по 25 лет, то прибытие арабского предка в селение Юхари-Стал можно отнести к середине XVII в. Из этого же рода произошел умерший в 1879 г. другой представитель, генеалогический свод которого также завершается именем сирийского переселенца: *«О Мухаммад, о Аллах. Все сущее подвержено смерти, а затем вернетесь к нам. Умер раб, к которому проявлено милосердие, прощенный милостью великого Аллаха, паломник двух священных благородных городов Хаджи Бутай, сын покойного Идриса, сына Шейха Абдаллаха, сына шейх Тахира, сына шейха Пир Исы, сына Пир Баба хана из области Шам, Дамаска — да простит их (всех) Аллах, Амин — 1299 г.»*

Эпиграфический материал проливает некоторый свет и на вопрос о проникновении тюркских элементов в Дагестан или же о связях с тюркским миром.

Проникновение тюрков и оседание тюркского этнического элемента в равнинных районах Дагестана имело место и до X в., но в X—XI вв. этот процесс приобретает значительные размеры (огузы, кипчаки, сельджуки, азербайджанцы); что это влияние было огромным, видно из одного только факта, что в XV в. тюркизация основной

территории равнинного Дагестана была уже совершившимся фактом.

В Дагестан тюркский элемент проникал и с севера и с юга. В лице кипчаков и сельджуков он находил пристанище в восточной части Дагестана, особенно в Дербенте и равнинных районах Дагестана. В 1067 г. был предпринят первый поход сельджуков на Дербент, когда сельжукский султан Али-Арслан «послал своего хаджиба Сау-Тегина (Шау-Текина) с отрядом регулярных войск (аскар) в ал-Баб»¹⁶². В 1075 г. «пограничная область была пожалована султаном Сау-Тегину» и имя последнего стало читаться «в хутбе после имени султана с кафедр (мечетей) пограничной области»¹⁶³. До второй половины XII в. Дербент находился в зависимости от сельжукского султана, что благоприятствовало не только проникновению тюркского элемента, но и упрочению позиций ислама в Южном Дагестане. И впоследствии, после образования независимого Дербентского княжества один из местных правителей носит чисто тюркское имя Бекбарс¹⁶⁴. Как еще отметил Е. А. Пахомов, «тюркское влияние в Дербенте было, и тюрки должны были играть там, особенно в военном деле, большую роль»¹⁶⁵. Грузинская летопись «Картлис-Цховреба» сообщает о дербентских кипчаках, подчиненных в начале XII в. дербентскому правителю. Монгольские завоевания способствовали дальнейшему проникновению тюркского элемента в Дагестан. В частности, кипчаки, разбитые в 1222 г. монголами в северокавказских степях, многотысячным отрядом проникли в Дагестан, достигли Дербента, ища поддержки у дербентского эмира Рашида¹⁶⁶.

С именем тюрков связан и знаменитый могильник Кырхляр в Дербенте. Если в местных исторических хрониках (в частности, «Дербенд наме») могильник приписывается 40 шахидам-арабам, погибшим в начале VII в., то цветущее куфи, которым нанесены надписи на полуцилиндрических горизонтальных надгробиях, позволяет уверенно говорить о времени после X в. Устная традиция также связывает могильник Кырхляр с указанным временем: сообщаемая Кантемиром легенда приписывает кырхлярские могилы «народу огузов», которые некогда долгое время владели Дербендом», и это, как писал Х. Д. Френ, «приводит на мысль сельджуков, которые в XI в. завоевали Грузию и другие Кавказские земли, и к сему-то или следующему XII в. могут быть отнесены наши надписи»¹⁶⁷.

Весьма ценно и другое обстоятельство. В рукописи «Дербенд наме», хранящейся в Публичной библиотеке в Ленинграде, дается перечисление 50 «мучеников» (шахидов) в борьбе за веру и все имена (среди них — много тюркских) снабжены тюркским термином «султан» — султан Мир Али, султан Чумге, султан Кух-хан, султан Хаджжи Шамс ад-Дин, Султан Баба, султан Шир Мурад Руми, султан Куче и т. д.¹⁶⁸

Таким образом, мы можем отнести Кырхлярский моги́льник к X—XII вв., скорее к XI—XII вв., имея в виду не только такой надежный источник, как надписи, но также и присутствующий здесь тюркский элемент и особенно тюркское наименование Кырхляр. Этот моги́льник, связанный с именем «пахидов», еще раз подчеркивает значение X—XII вв. как времени интенсивной борьбы за исламизацию соседних Дербенту районов и особой роли тюркского элемента в этом процессе.

Тюркский элемент не только способствовал упрочению или распространению ислама, но принимал участие в военно-политической жизни, в акциях, предпринимаемых местными феодальными правителями. Военная сила из тюрок была в распоряжении не только дербентского эмира. Если со слов ал-Гарнати «множество тюрок» выступает как внушительная военная сила на стороне Дербентского правителя, совершившего в первой трети XII в. поход на жителей Зерехгерана¹⁶⁹, не исповедовавших тогда ислам, то еще раньше, в 1064 г. «владелец Се-рира собрал большое войско (джамман Гафиран) неверных и различных тюрок и двинулся на ал-Баб»¹⁷⁰.

Как сообщает ал-Гарнати, правитель Дербента переводил арабскую книгу группе слушателей на различные языки, в том числе и тюркский¹⁷¹. Все эти сведения не подкрепили слова акад. В. В. Бартольда о том, что «в домонгольскую эпоху, например, нет известий о турецком языке в Дербенте. Усиленное проникновение тюркского элемента начинается именно в XI—XII вв. В X в. ал-Истахри среди жителей Дербента не упоминает тюрок¹⁷².

Многосторонний характер контактов дагестанских народов с тюрками нашел отражение как в нарративных источниках и эпиграфическом материале, так и в фольклорном и ономастических данных. Мы не ставим целью подробно останавливаться на них. Хочу только отметить: названия ворот Дербента — «Кырхляр-капы», «Баят-капы», «Джарчи-капы», «Туркмен-капы», Сам Дербент- «Демир-

капы», а район Дербент — «Улус магал», часть северного Дагестана, современный Казбековский р-н — «Юртистан», каменные «бабы», обнаруженные на равнине, богатая тюркская топонимическая номенклатура на равнине, тюркское имя Алмуш в надписи XII—XIII в. из Гельмеца: все это дает в распоряжение исследователей огромный материал по интересующей нас теме. Хочу привести лишь один пример. Знаменитый историк и географ Абу-л-Фида (1273—1357 гг.) ссылаясь на данные испанского географа XIII в. Ибн Саида (1214—1274 гг.), писал о «Реке овец» в Дагестане (нахр ал-ганам)¹⁷³. Это точный перевод тюркского (возможно, тогда уже кумыкского слова) Къой-су. Точно также, как персидское Дарбанд, было передано арабами через «Баб ал-абваб», другое персидское название Дарвак через «Баб-вак», так и тюркское Къойсу (т. е. уже утвердившееся к XIII в. тюркское слово Койсу) арабский автор передал арабским эквивалентом — нахр ал-ганам — «Река овец».

До сих пор речь шла только о равнинных районах Дагестана. Разумеется влияние тюркского элемента и тюркского мира не ограничивалось этими районами, охватывало как предгорные, так и горные районы. Фольклор и ономастика более богата, чем скудные письменные источники, отразили этот процесс. В Хунзахе был тухум «Огъузилал» (т. е. «огузы», точнее «огузовцы»), встречается иногда и собственное имя Огуз, на Хунзахском плато детей и поныне предупреждают: «Угъузилал рачлу» («Огузы идут»). В другом горном ауле — Ахты одно из местных кладбищ называлось «огъузрин суар» («огузовское кладбище»). Старожилы аварского селения рассказывают нам, что правителем Тануси был в древние времена Суракат, сын Огуз-хана, и ему принадлежали окрестные земли¹⁷⁴.

Еще В. В. Бартольд предлагал обратить серьезное внимание на сообщение Ибн Саида о том, что среди жителей нагорного Дагестана, т. е. Серира, произошли смешения арабов и отмежевание от тюрок¹⁷⁵, хотя это утверждение явно неверно.

Мы только что привели высказывание Абу Хамида ал-Гарнати о тюрках, совершивших поход на землю зерехгеранцев. Не менее важно и другое, вскользь сказанное сообщение ал-Гарнати о том, что, кроме предметов вооружения, зерехгераны изготавливают «всевозможные медные изделия». В связи с обнаружением в Кубачи (т. е. Зе-

рехгеране) большого числа медных (бронзовых) котлов и в связи с изучением надписей на этих котлах сообщение средневекового арабского автора приобретает особо важное значение. Дело в том, что описанные выше котлы из Кубачи носят имена с нисбой «Марвази», т. е. свидетельствуют о культурных контактах с представителями тюркского мира.

Надписи на котлах зафиксировали имена мастеров меднолитейного дела — профессионалов (в одном случае — употреблен термин *саффар* — «медник»), три мастера имеют кунью «Мервский», что связывает имя мастеров со знаменитым Мервом. Жуковский «В развалинах старого Мерва» отмечал, что нисбу «Марвази» получали обычно жители окружающих внутренний город кварталов, как правило, ремесленники.

Чрезвычайная подвижность многих категорий ремесленников общеизвестна. Вполне возможно, что с именем прибывших в Дагестан из Мерва мастеров по медному литью (тюрков по этнической принадлежности) и связана эта нисба.

Длительное пребывание арабских переселенцев и представителей тюркского мира в Дагестане сыграло значительную роль в процессе исламизации. Процесс исламизации в Дагестане недостаточно изучен, хотя и имеются самостоятельные исследования¹⁷⁶. Известно, что исламизация Дагестана была значительным процессом, протянувшимся примерно на тысячелетие начиная с середины VII в. Проникновение новой монотеистической религии в VII—IX вв. прослеживается только по нарративным источникам, а для X—XV вв. на помощь им приходит ценный эпиграфический материал.

Известно, что в завоеванных арабами землях освоение новых земель сопровождалось строительством мечетей. Так, в Басре мечеть была построена в 637 или 638 г., в Куфе — в 638 или 639 г., а в Каире — в 642 г.¹⁷⁷ К началу VIII в. относятся дошедшие до нас мусульманские культовые сооружения в Дамаске и Иерусалиме. В Дамаске по приказу халифа Валида I (706—715) сооружена мечеть (мечеть Омейядов) путем перестройки христианской церкви Иоанна Крестителя, а в Иерусалиме — мечеть ал-Акса, также перестроенную из христианской базилики¹⁷⁸. В Бухаре Кутайба также построил в кухендизе первую мечеть, приспособив под нее храм идолов (бутхана). В шахристане также была построена мечеть,

для чего была использована христианская церковь¹⁷⁹. Тоже самое наблюдаем и в Дербенте. Как сообщает дагестанская историческая хроника «Дербенд наме», Маслама в 115 г. х. (733—734 г.) укрепил Дербент, обратил большую часть его жителей в ислам, разделил город на семь кварталов, «построил для каждой части (таифа) по [отдельной] мечети. Мечеть каждой части он назвал по имени [обитающего ее] племени: первая — Хазарская мечеть, вторая — Палестинская мечеть, третья — Дамасская мечеть, четвертая — мечеть Хомс, пятая — Кейсарская мечеть, шестая — мечеть Джазиры, седьмая — Мосульская. Кроме этих, он построил соборную мечеть (Масджид джамиа — Джума-мечеть), большую, чем остальные, для совершения пятничного намаза»¹⁸⁰. Можно предположить, что для соборной мечети также был использован находящийся здесь дворец албанского митрополита. Мойсей Каганкатвацци писал, что Маслама вторично выстроил Дербент и не разрушил при этом дворец албанского патриарха¹⁸¹. Мнение о том, что именно христианский памятник был использован и перестроен под мечеть¹⁸², кажется нам наиболее точным.

Как известно, в мечети Омейядов в Дамаске план и внутреннее устройство византийской базилики получили новую трактовку. Михраб и ведущий к нему вновь сооруженный трансепт изменили полностью ориентировку здания. «Продольные колоннады, превратившиеся в колоннады молитвенного зала, оказались расположенными поперек движения к михрабу. Нефы базилики путем перестановки колонн уравнились по ширине, а северную профильную стену прорезала широкая открытая аркада, в результате чего пространство двора как бы свободно протекало в пространство молитвенного дома»¹⁸³.

План и внутреннее устройство христианского культового сооружения в Дербенте также получили, можно полагать, совершенно новую трактовку. В вытянутый в направлении восток-запад трехнефный зал вход оформлен уже с северной стены, и колоннады оказались как бы на пути движения к михрабу. Северная продольная стена тесно связана с пространством двора четырьмя входами.

В IX—X вв. Дербент предстает перед нами как мусульманский город, где воинственные газии проявляют активную деятельность по исламизации отдельных районов Дагестана. Тем не менее мы прослеживаем хронологический разрыв между сообщением о первых мусульманах

в Дербенте и первых здесь памятниках эпиграфики. Ранние надписи здесь не сохранились, как и в соседнем Табасаране. Из сохранившихся здесь датированных надписей наиболее ранние относятся к 411/1021 и 435/1044 гг. (3 и 4).

Если в самом Дербенте эпиграфический материал «отстает» от реальных событий, то в горных районах эпиграфика дает возможность проследить за ходом строительства культовых сооружений. В Кара-Кюре мечеть построена в X в. (надпись 40), а в Ихреке в 407/1016—1017 г. (надпись 2) мечеть строилась уже вторично, т. е. реставрировалась после разрушения. В XII в. в Южном Дагестане строительство культовых сооружений получает широкий размах: в 545/1150 г. воздвигается ханака в Рутуле (надпись 8), а к 557/1161 или 1162 г. (вариант 559/1163—1164 г.) относится сообщение о первом в Дагестане минарете, построенном в сел. Гельмец. Недатированные надписи XII—XIII вв. также извещают о строительстве мечетей в Цахуре, Рутуле, Хиве, Шиназе, Ихреке, Лучеке, Рича, Шимихюре, михраба в Кала-Корейше, минарета в Рутуле, минбара в Буршаге.

Датированные надписи XIII—XV вв. распределяются следующим образом

1239 г. — минарет в Цахуре	1404 г. — медресе в Кубачи
1247 г. — мечеть в Мишлеше	1421—1422 — минарет в Мишлеше
1250 г. — мечеть в сел. Рича	1443—1444 г. — мечеть в Хпедже
1279—1280 г. — мечеть в сел. Рича	1454 г. — мечеть в Дербенте
1284 г. — мечеть в Рутуле	1474 г. — медресе в Дербенте
1364—1365 г. — мечеть и минарет в Цахуре	1475 г. — мечеть в Тама
1368 г. — мечеть (?) в Дербенте	1476—1477 г. — мечеть в Кубачи
между 1300 и 1317 г. — мечеть в Кочхюре	1482 г. — мечеть в Гуладти
1401 г. — минарет в Хнове	

Сохранившиеся надписи не всегда дают, разумеется, дату строительства первых мечетей. Приведенный выше список убедительно свидетельствует о том, что деятельность по строительству культовых сооружений не приостановилась даже в XIII в., при монгольских походах. XV в. характерен резким увеличением количества памятников мусульманской культовой архитектуры. Территориально надписи относятся к Южному и Центральному Дагестану. Нет еще надписей о строительстве мечетей в лакских и аварских землях, хотя как нарративные, так и эпиграфические памятники отмечают исламизацию

этих районов — Кумуха — еще в XI—XII вв., а в 1485 г. исламизированы Гидатль, союз сельских общин в западной части Аварии. В целом, о хронологических рубежах, темпах, итогах исламизации можно судить не только и не столько по строительным лапидарным текстам, а по массовому эпиграфическому материалу — эпитафиям, даже наиболее ранние из которых посвящены лицам с мусульманскими именами.

Интенсивный исламизационный процесс затрагивал многие стороны жизни местного населения, в первую очередь старых религиозных представлений. Особенно болезненно протекал процесс исламизации пунктов или районов с христианским населением¹⁸⁴. Тем более весьма интересным кажется нам эпиграфический материал о мусульманах с христианскими именами, перешедших в ислам, но сохранивших свои домусульманские (конкретнее — христианские) имена. Изданная нами надпись из Ихрека, палеографически датируемая XIII в., сообщает о приходе в Ихрек Хаджжи Гукаса, сына Зайда, и его жены Хаджи Хидж¹⁸⁵. Л. И. Лавров обратил внимание на то, что «мусульманский миссионер носил христианское имя (Гукас — это староармянская форма имени Лука)»¹⁸⁶. Хновская надпись 1401 г. (123) зафиксировала единственный в дагестанской эпиграфике случай, когда по случаю строительства минарета дарят «мульк селению Киш ал-Хинав», а имя дарителя — Гурги (Георгий). Эпитафия из Хунзаха (155 а) посвящена Гургилау Ивану, сын Гурги, «обладателю слуг, имущества и богатства [вместе] с властью в бою».

Бросается в глаза немаловажное обстоятельство — ни одна из трех названных надписей не связана с именем рядового лица: в ихрекской надписи сообщается о хаджжи, проповеднике ислама, хновская надпись зафиксировала имя богатого покровителя, а хунзахская — представителя местной правящей верхушки, сосредоточившего в своих руках как светскую власть, так и военное руководство. В этом плане может быть рассмотрен еще один памятник — надгробная плита по случаю кончины феодального правителя — Чакуна, сына Кадир-бека, датированная 1396 г. (115). Плита с надписью имеет форму креста. Несомненно, мы имеем дело с совершенно неизученным вопросом — приспособлением христианских элементов к феодализационному процессу в Дагестане. Представление о постоянном столкновении интересов христиан-

СПИСОК СТРОИТЕЛЬНЫХ НАДПИСЕЙ

№	Населенный пункт	Дата	Объект, постройка	Строительный термин	Заказчик или «владелец»	Строитель и его проф. звание	Кاتب
1	Кочхюр	после 300 междо 912 и 1009	мечеть (?)	—	—	—	—
2	Кара-Кюре	X в.	мечеть	—	—	Исхак, б. Хасан	—
3	Ихрек	407/1016—17	мечеть	бана	—	—	—
4	Дербент	435/1044	ворота	амила	—	...Ахмад б. Абу Али (?) б. Йунус Уста, сын Гайда-на	—
5	Гельмец	517/1123 дом 1124	дом	амила	—	—	—
6	Рутул	545/1150	ханака	—	«Приказал построить» Абу ас-Самад сын Налки хаджи . . . Сар-тан и Тасджи	—	—
7	Гельмец	557/1161—1162 или 559/1163—1164	минарет	амила	—	—	—
8	Зрых	563/1167—1168	—	амила	—	—	—
9	Тпиг	XII—XIII вв.	крепость	амила	—	Сулайман	—
10	Тпиг	XII—XIII вв.	крепость	джаала	—	—	—
11	Рутул	572/1177	дом	бана	Фуган, сын Саби	Куту Абу Мисак ал-Банна	—
12	Дербент	580/1184	ворота (?)	—	—	—	Махмуд ал-Катиб Гиляни
13	Дербент	597/1191—1192 или 589/1193	ворота (?)	—	—	—	Махмуд Гиляни
14	Мишлеш	XI—XII вв.	дом (?)	амила	—	Мухаммад, сын Азиза (?) Джамал	Гудара
15	Шиназ	XI—XII вв.	—	—	—	—	—
16	Дербент	XI—XII вв.	ворота	—	—	—	Ал-Хатиб ибн Йазид ал-банна
17	Цахур	XI—XII вв.	мечеть	—	«владелец» Абу Али, сын Ахада	—	—
18	Кала-Корейш	XI—XII вв.	михраб	амила	—	—	—
19	Хнов	XI—XII вв.	дом	джадда-да (?)	—	Хамма, сын Мухаммада и его сын . . .	—
20	Ахты	XII—XIII вв.	крепость	—	«владелец» (сахиб) Д. й. р., сын Сиба	—	—
21	Ахты	XII—XIII вв.	крепость	амила	—	Аш. л. раха	—
22	Амсар	XII—XIII вв.	дом	бана (?)	—	Абд. ал-Малик	—
23	Рутул	XII—XIII вв.	минарет	амила	—	Салих, сын Али (?) сын Ахмад хаджи	Б. л. касим, сын
24	Шиназ	XII—XIII вв.	мечеть (?)	амила	—	—	—
25	Аракул	XII—XIII вв.	—	амила	—	Ал. д. м и Ф. К. р	—
26	Шимихюр	XII—XIII вв.	мечеть (?)	амила	—	Ш. н. х. сын Иса-бека Ас. н. к. Й. л. в. д бек	—
27	Рутул	XII—XIII вв.	минарет	амила	—	—	—
28	Зрых	615/1218	дом	бана	—	—	—
29	Рутул	625/1227—1228	—	—	—	Устад ал-банна Саййид	Катиб-хатиб Ибрахим
	Цахур	636/1239	минарет	бана	«сахиб» Али, сын Сайдара	—	Лукман, Зейд, Джавхар, Абакар
30	Рича	XII—XIII вв.	ворота	амила	—	Т. к. с., сын Хаджи	—
31	Рича	XII—XIII вв.	—	амила	сахиб? Али, сын Маймуна	Б. х. с. риан, сын Бассаджа и его жена . . . дочь Али	—
32							

№	Населенный пункт	Дата	Объект, постройка	Строительный термин	Заказчик или «владелец»	Строитель и его проф. звание	Кاتب
33	Рича	XII—XIII вв.	—	амила	—	М. х. л. л.	—
34	Ихрек	XII—XIII вв.	—	—	—	усда (?) Искандар	—
35	Мишлен	XIII в.	дом	—	—	Мамма, сын Х.-зсана	—
36	Рича	638/1241	крепость	—	«приказал построить» Бассадж, сын Сулаймана	—	—
37	Рича	640/1242	крепость	—	«приказал построить эмир прославленный, великий шейх И. 'е. р. л. з, сын Б. ки»	—	—
38	Мишлен	644/1247	мечеть	—	«приказал построить величайший эмир» Бадал, сын М. лаха	Устад Хасан, сын Мухаммада	—
39	Рича	648/1250	мечеть	—	«приказал построить» эмир Адам, сын Абд ал-Малика, сына Мухаммада	—	—
40	Рутул	XIII в.	мечеть (?)	бана	—	Ламу, сын Мухаммада	—
41	Рича	678/1279—80	мечеть	бана	М. р. д. х. л, сын Бассаджа	—	—

42	Рутул	683/1284	мечеть	амара	и его жена . . . дочь Х. сама	Ч. р. к. з, сын Ламу	Иусуф, сын Рашида
43	Рутул	683/1284	стена	бана	«приказал» Х. р. кар сын С. ' . м	Б. л. касим и Мухаммад	—
44	Ихрек	XIII в.	«здание»	фаала	Хаджи Гукас, сын Зайда	—	Ахмад, сын Б. л. ф. н.
45	Ихрек	XIII в.	—	амила	—	Али сын Х. дж. м. й. ф.	—
46	Ихрек	XIII в.	минарет	—	—	—	Б. л. ф., сын Мала Сайида
47	Рича	XIII в.	—	—	—	Мухаммад	—
48	Лучек	XIII в.	—	—	—	—	Али, сын Г. б. л.
49	Лучек	XIII в.	мечеть	—	—	. . . сын Асада	—
50	Лучек	XIII в.	дом	—	«владелец» Б. л. ф. н, сын С. й. к. л	—	Б. л. ф. сын . . .
51	Мишлен	XIII в.	дом (?)	—	—	Омар сын . . .	—
52	Цахур	701/1302	дом	бана	Аблагар. сын Атабека и его жена Хумри	Ибрахим Ахад Сулайман	Иусуф
53	Цахур	766/1362—65	мечеть и минарет	бана	дочь Мухаммада Хаджи Дауд, сын Ризвана и его жена Аиша, дочь Мухаммада	—	—
54	Дербент	770/1368—	мечеть	имарат	Африбуруз, сын Тахмураса	—	—
55	Дербент	ок. 770/1368—1369	мечеть	амила	—	Устад Тадж ад-Дин б. Муса банна Бакуи	—

№	Населенный пункт	Дата	Объект, постройка	Строительный термин	Заказчик или «владелец»	Строитель и его проф. звание	Катиб
56	Кочхюр	после 770/ между 1300 и 1397	мечеть	аммара	—	Исмаил, сын ал-Гаффара	—
57	Хнов	803/1401	минарет	бана	Сахиб и амир Хамма, сын Абакара и его жена Фатима, дочь Араба	Устаз Х. зсан (Х. зсаа), сын Хамма и его сын Мамма аз-Захури	Сулайман, сын Мухаммада
58	Кубачи	807/1404	медресе	аммара	—	—	—
59	Дербент	814/1411—12	«здание»	—	—	Хваджи Руки ад-Дин	—
60	Мишлеш	825/1421—22	минарет	джадда- да	Сейф, сын П. т. к. н и его жена . . . дочь Ибрахима «приказал пост- роить» Башир, сын Ислама	—	Мамай, сын Сулаймана
61	Кала-Корейш	826/1422—1423	дом	—	—	уста	—
62	Цахур	836/1432	крепость	бана	—	—	Иса, сын Мамай аз-Захури
63	Дербент	842/1438	«здание»	—	—	Уста Хаджжи Ахмад	—
64	Хпедж	847/1443—44	мечеть	бана	—	Ибрахим	—
65	Дербент	858/1454	мечеть	—	«приказ пост- роить» Мазид б. Амир ад-Дин «сахиб крепости»	—	—
66	Ахты	XV в.	крепость	—	—	—	—

67	Дербент	679/1474—1475	медреса	—	ширбаншах Халилаллах «приказал пост- роить» ширван- шах	—	—
68	Тама	880/1475—76	мечеть	бана	—	—	—
69	Кубачи	881/1476—77	мечеть	аммара	—	—	—
70	Гуладти	897/1482	мечеть	джадда- да	—	Хайдар, сын Д. р. к	—
71	Кишла	XV—XVI в.	мечеть	амила	—	устад Сабандж	—
72	Ругул	110/1504—5	мост	бана	—	—	—
73	Хунзах	934/1527—	«здание»	бана	—	Мухаммад сын Сурнаджа	—
74	Мишлеш	XV—XVI вв.	—	амила	—	Мухаммад, сын Халайка	Ибрахим сын Усайда
75	Хуштада	1009/1600—01	мечеть	—	Сахиб Н. ш. сын Х. д. л. (?)	—	—
76	Дербент	1610	ворота	—	«приказ» Шах-Аббаса	—	—
77	Тпиг	1023/1614—15	мост	бана	Джамаат Тпиг- ский	—	Газали сын молла Ахада
78	Тпиг	ок. 1023/1614—1615	мост	бана	—	Ибрахим	—
79	Хури	980/1572—1573	мечеть	амила	—	Устад-Мухаммад	—
80	Гельхен	1031/1622	пир	—	. . . и Мухам- мад, сын Йусуфа, Мухаммад . . . , сын Мусы	Уста Самай (?), Мухаммад, сыновья Шахкули	—
81	Рича	1033/1624	минарет	бана	—	—	—
82	Мишлеш	1033/1624	мечеть	джадда- да	Шах Мухаммад, сын Зухраббека и его жена Ми- сиди	Устады Мухам- маджан, Махмуд, Абак, Сигуди, Н. джазб Миш- лаши	Катыб Хафиз ал-Мишлаши

№	Населенный пункт	Дата	Объект, постройка	Строительный термин	Заказчик или «владелец»	Строитель и его проф. звание	Кاتب
83	Кумух	1033/1624	мечеть	бана	—	Сулейман, Мухаммад, Омар	—
84	Дербент	1036/1626	мечеть	бана	Шах Аббас	—	—
85	Ахты	1039/1629—1630	селение	джадда-да	—	Хасан Али, сын Мухаммада Султан	—
86	Мишлеш	1073/1662—63	мечеть (?)	джадда-да	—	—	—
87	Мишлеш	1079/1668—69	мечеть	джадда-да	Хаджжи Али, сын Саид Назара и его жена Шейх Амир, сын Молла Хасана	Устад (?) Букар из Муслага	Сайфуллах, сын молла Шейхали
88	Мишлеш	1081/1670—71	мечеть	джадда-да	—	—	—
89	Корода	1074/1663—64 или 1084/1673—1674	дом	—	—	«каменный мастер»	—
90	Цахур	1079/1669	мечеть	джадда-да	Мухаммед-джап, сын Амир Серефа	устад Мустафа, устад Вали, устад Нур-Мухаммад, устад Садуллах, устад Ахмад	Сайфуллах, сын молла Шейха
91	Рича	1086/1765—76	«дом»	бана	—	—	—
92	Рича	1085/1674—75	минарет	джадда-да	Хаджжи Мухаммад и Хаджжи Рамазан из	Устад Мухаммад, сын Рамазана, устад Мухаммад,	Будай сын Адама

93	Мишлеш	1088/1677—78	минарет	джадда-да	вилаята Ширванского «джамаат Мишлеша»	сын Х. н. г. ф.	—
94	Дулдуг	1094/1682—83	пир	бана	Ибрахим Халил, сын Шейха Дулдугского	Уста Мухаммад, сын Каси из Рича	—
95	Хучни	1094/1682—1683	мечеть	бана	Ибрахим Халил, сын Шейха Дулдугского	—	—
96	Мишлеш	ок. XVII в.	минарет	джадда-да	—	устад Мулла Мухаммад, устад Сулайман, сын Муллы, Умар, Шейх Абу Бакр	—
97	Хурюг	1112/1700—1701	минарет	бана	джамаат Хурюга	Уста Шейх Сад, сын Муллах, Халифа Мухаммад	—
98	Тпиг	1114/1702—1703	пир	бана	—	Уста Сабан Арай, уста Мухаммад, сын Ибрахима, уста Шабан, сын Мулла Мухаммада Исы, четыре помощника (шагирд), Ал. в. Абдаллах, Мухаммад, Ралжаб	—

ства и ислама в Дагестане нуждается в существенных коррективах.

Мы уже показали, какое огромное значение имеет изучение эпиграфического наследия дагестанских народов при характеристике социально-экономической и политической жизни средневекового Дагестана.

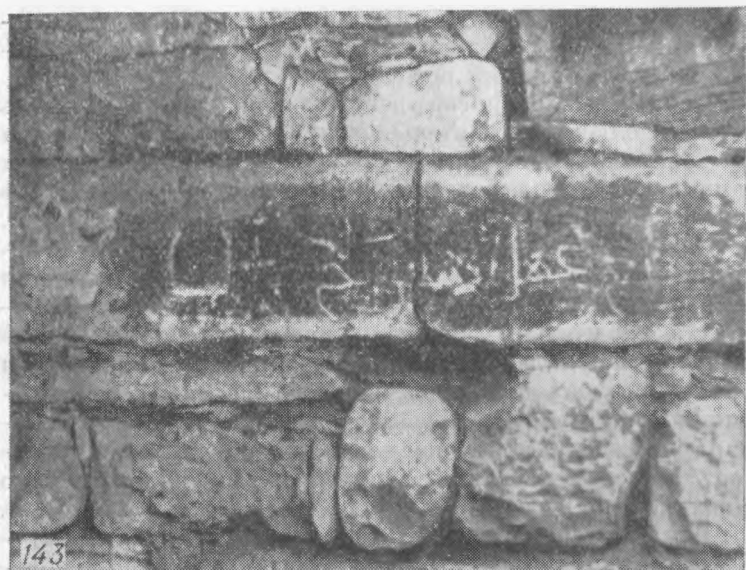
Эпиграфические памятники служат также неоценимым источником при изучении культурной жизни и культурных контактов.

Одной из важнейших задач остается изучение проблемы взаимных контактов отдельных областей и народов. Существующая литература затронула в основном политический и экономический аспекты проблемы, но область культуры не нашла еще освещения в той степени, которой она заслуживает. Между тем эпиграфический материал, в том числе и выявленный за последнее время, позволяет выявить отдельные моменты культурных контактов Дагестана с другими областями.

Важное место в эпиграфическом наследии занимают по своему количеству и по значению строительные надписи. Список известных нам строительных надписей X—XVII вв. выглядят таким образом.

Датированные и недатированные строительные надписи, список которых мы здесь дали, распределяются количественно по векам следующим образом (при ориентировочной датировке учтена верхняя дата): X—XI вв. — 4 надписи, XI—XII вв. — 5, XII в. — 7, XII—XIII вв. — 13, XIII в. — 20, XIV в. — 5, XV в. — 15, XVI в. — 3, XVII в. — 18.

Хотя количество надписей невелико, но они позволяют проследить развитие строительного дела в Дагестане. Архитектурные надписи, за редким исключением, происходят, как мы видим, из Южного Дагестана. Наибольшее число их падает на такие древние пункты, как Дербент, Ахты, Цахур, Рутул, Тпиг, Рича, т. е. на центры политических образований раннесредневекового Дагестана. Отсутствие подобных надписей в центральных и северных районах Дагестана можно объяснить только сравнительно поздним проникновением ислама и арабской грамоты в эти районы, а не отсутствием успехов в строительном деле. Строительные надписи до проникновения арабского языка в эти районы не составлялись, и потому мы лишены возможности иметь конкретные сведения о строительной деятельности на всей территории Даге-

стана в целом. Обращает внимание еще одно обстоятельство: основная масса надписей относится к строительству культовых сооружений (мечети, минареты), что отнюдь не служит показателем слабого развития гражданской архитектуры. Строительство частных домов, хозяйственных помещений, отчасти фортификационных сооружений, как правило, не фиксировалось на камне. Таким образом, известные нам строительные надписи отражают строительную деятельность в Дагестане в X—XVII вв. не в полном объеме.

Тем не менее строительство фортификационных сооружений занимало немаловажное место — это надписи о строительстве крепостей в Ахты (XII—XIII вв., рис. 143, и XV в.), Риче (1241 и 1242 г.), Тпиге (XII—XIII вв.), Цахуре (1432 г.), характерно, что после 1432 г. сообщений о строительстве крепостей больше не встречается. Очевидно, оборонительный фактор отступает на второй план. Обращает внимание также то обстоятельство, что строительство крепостей связано в основном с необходимостью отражения нападений иноземных завоевателей (крепости в Риче, Цахуре) и в такой же мере — с попытками правителей или же феодальной верхушки отстаивать свои «права» на определенные земли (Ахты, Тпиг). То же самое

можно сказать о башнях в Ицари (XIII—XIV вв.) и в Зубанчи (XIV в.), хотя письменных сообщений о строительстве этих сооружений нет.

Количество надписей дает возможность проследить также эволюцию строительной терминологии. В надписи XI—XIII вв. слово «построил» передается обычно словом «амила» (делать, работать), очень редко — словом «бана» (строить) и лишь один раз термином «фаала» (делать). В XIII—XIV вв. термины «амила» и «бана» как бы уравнивают друг друга, с тем чтобы в XV в. уже поменяться местами — с XV в. и последующий термин «бана» занимает в строительных надписях почти монопольное положение, лишь в исключительно редких случаях уступая место ранее широко распространенному «амила». Реставрационные же работы отмечаются двумя терминами — «аммара» и «джаддада», причем на XVII в. падает много надписей, зафиксировавших в Южном Дагестане большое число восстановительных работ.

Исключительно важно то обстоятельство, что в XII—XV вв. единично, а в XVI—XVII вв. в большом количестве надписи зафиксировали не только имя строителя, но и его профессиональное звание. Как известно, среди профессиональных строительных терминов Азербайджана XI—XIX вв. наиболее употребительными для Ширвана-Апшерона является звание «уstad», особенно на памятниках Апшерона XVII в.¹⁸⁷ В строительной эпиграфике Дагестана наблюдаем ту же картину. *Уstad*, или *устаз* — это почти единственный термин, встречаемый в дагестанских строительных надписях для обозначения звания строителя-профессионала. Последнее обстоятельство может быть поставлено в связь с Дербентом и Ширваном, точнее с ширвано-апшеронской архитектурной школой, для которой это звание характерно. С XVII в. в Дагестане упоминание звания устада становится обычным, как и на Апшероне.

К XIII в. относится удивительное совпадение терминов (хотя и не строительных) в Дагестане и Азербайджане, зафиксированных на камне. Надпись XIII в. из Ричи о пребывании монгольских войск в этом агульском селении и о строительстве в 648/1250 г. здесь мечети упоминает имя какого-то местного правителя Адама.б.Абд ал-Малика б.Мухаммеда и наделяет его пышной светской и религиозной титулатурой: «амир преславный, великий, поддерживающий, победоносный, борец за правое дело, стоя-

ний на страже, венец мира и религии»¹⁸⁸. Титулатура это — явление единственное в дагестанской арабской эпиграфике. Наиболее близкие территориально аналогии мы находим в Азербайджане. На башне в Мардакяне, в надписи 600 г. (1237 г.), изданной И. В. Ханыковым, упоминается ширваншах, наделенный титулатурой: «царь великий, ученый, справедливый, поддержанный, победоносный, побеждающий. . . гордость мира и религии»¹⁸⁹. В надписи XV в. в стене карван-сарая близ сел. Перехешкул по пути Баку-Шамаха ширваншах Халилуллах (1417—1462 гг.) назван также: «. . . султан справедливый, совершенный, поддержанный, победоносный, побеждающий врагов. . .»¹⁹⁰

Три указанные надписи (из Рича, Мардакяна и Перехешкула) повторяют, в сущности соответствующую титулатуру и эпитеты первой трети XIII в., которыми наделены атабаг Джезиры Муизз ад-Дин Махмуд, ортокид в Амиде Махмуд и два его предшественника, везир мосульских Зенгидов Бадр ад-Дин Лулу¹⁹¹. Одним из наглядных примеров проникновения в Дагестан строительных приемов ширвано-аппшеронской школы является сходство двух башен — замка 1232 г. в селении Мардакян и круглой башни в Ицари¹⁹².

В XIV—XVII вв., судя по эпиграфическим данным, Ширван принимал деятельное участие в строительном деле в Дербенте и других населенных пунктах (в частности, в Ахты и Риче), что не могло не найти отражения и в области терминологии. Речь идет о надписи 858/1454 г. из Дербента («приказал построить это здание в дни правления величайшего Султан Халилуллаха. . .»), из Ахты середины XV в. («владелец этой крепости ширбаншах Халилуллах»), надписи XIV в. (рис. 144) над порталом Джума-мечети в Дербенте («работа (амал) устада Тадж ад-Дина, сына Муса, бакинского строителя (банна баку'и)») ¹⁹³.

В литературе отмечены также «. . . стилистическое родство, наблюдаемое в деталях скульптурного декора баиловского укрепления, располагающегося недалеко от Баку, и рельефов, обнаруженных в стенах зданий ряда дагестанских аулов», а также общие черты, наблюдаемые в архитектуре ряда сооружений (сравнение Диванхана из комплекса зданий дворца ширваншахов и пристройки в дербентских воротах Орта-Капы)¹⁹⁴.

Азербайджано-дагестанские архитектурные связи про-

должались и в последующем и нашли яркое отражение в надписи, рассказывающей о реставрации минарета в Риче ¹⁹⁵ — «вот возобновили этот минарет хаджи Мухаммед и хаджи Рамазан сын Абдаллаха в (из) вилайата Ширванского. . .» Надпись сделана в 1085/1674—1675 г.

Если классифицировать надписи по характеру упоминания мастеров и заказчиков, то эти надписи в общем можно было разделить на следующие категории.

1. Упомянуто просто имя, нет даже строительного термина, и мы еще точно не знаем, о ком идет речь, о мастере-строителе или же заказчике работ. Так, например, надпись X в. из Кара-Кюры сообщает только о том, что «Исхак, сын Хасана уповает на Аллаха». Из памятников резьбы по штуку до XII в. мы не знаем случая, чтобы при строительстве упоминалось бы вообще где-либо имя. Количество подобных надписей незначительно.

2. Имя мастера или заказчика вообще не названо, подчеркивается только факт строительства здания (надпись о строительстве здания в Кочхюре в промежуточные между 912 и 1009 гг.; надпись о вторичном строительстве мечети в Ихреке в 407/1016—1017 г.; надпись о строительстве крепости в Тпиге; надпись о строительстве медресе в 807/1404 г. в Кубачи и др.). Количество подобных надписей также незначительно.

3. Надписи с упоминанием только имени строителя (иногда с упоминанием имени отца), но без нисбы и без профессионального звания Ахмад б. Абу Али (?) б. Юнус — надпись 435/1044 г. из Дербента; Уста, сын Гайдана — надпись 517/1123—1124 г. из Гельмеца; Сулейман — надпись XII—XIII вв. из Тпига; Ал.д.м и Ф.к.р — надпись XII—XIII вв. из Аракула; М.х.л.л — надпись XII—XIII вв. из Ричи; Хайдар, сын Д.р.к. — надпись 887/1482 г. из Гуладти; Мухаммед, сын Сурнаджа — надпись 934/1527—1528 г. из Хунзака и т. д. Количество подобного ряда надписей весьма значительно.

4. Надпись упоминает не только имя строителя, но и его нисбу. Эту группу мы выделяем условно, ибо она входит в более обширную группу надписей с упоминанием профессионального звания.

Надписи с упоминанием нисбы строителя встречаются только четыре раза — это надпись ок. 770/1368—1369 г. (Устад Тадж ад-Дин, сын Муса, бакинский строитель); надпись 803/1401 г. из Хнова (ушаз Х.зсан, или Х.зсаз, сын Халифа и его сын Мамма аз-Захури; надпись 1033/

1624 г. из Мишлеша (устады Мухаммад-Джан, Махмуд, Абак Сигуди, Н.дж.заб Мишлаши) и надпись 1094/1682—1683 г. о строительстве пира в сел. Дулдуг (уста Мухаммед, сын Каси из Рича). Все эти данные говорят о том, что нисба, т. е. имя по происхождению, сопровождает только имя профессионального мастера (устад) и что нисба пишется в том только случае, если мастер не является жителем селения, где воздвигается новое здание. Речь идет о мастере-профессионале, конечно, известном далеко за пределами своего аула и приглашенном на строительные работы. Поэтому «бакинский строитель, или архитектор (банна) строит в Дербенте, цахурские устады Х.зсан и его сын — в Хнове, Абак Сигуди — в Мишлеше, уста Мухаммад из Ричи — в Дулдуге. Только единственный раз эта форма фиксации имени профессионального строителя нарушена — в Мишлеше строит, как мы видим из упомянутой надписи 1033/1624 г., Н.дж.заб Мишлеша, и то, как нам кажется, под влиянием предыдущего текста, где рядом упомянута нисба мастера, прибывшего из другого селения.

5. Эта категория — одна из наиболее интересных, в надписях этой категории упоминается не только имя строителя, но и его профессиональное звание (в их числе и надписи с упоминанием нисбы: Куту Абу Мисак — строитель (ал-банна) — надпись 572/1177 г. из Рутула; мастер, строитель (устаз, ал-банна) Саййнд — надпись 625/1227—1228 г. из Рутула; устад Хасан, сын Мухаммеда — надпись 644/1247 г. из Мишлеша; упомянутый выше устад Тадж ад-Дин сын Муса банна Баку'и — надпись около 770/1368—1369 г. из Дербента; устаз Х.зсан (или Х.зсаз), сын Халифа и его сын Мамма аз-Захури — надпись о строительстве минарета в 803/1401 г. в Хнове; строитель устаз Хаджи Ахмад — из надписи о строительстве здания в Дербенте около 842/1438—1439 г.; устад Сабандж — надпись о строительстве мечети в Кишша в XV или XVI в.; устад Мухаммед — надпись из Хури о строительстве мечети в 980/1572—1573 г. В надписях XVIII в. профессиональный термин особенно часто подчеркивается, в одной надписи, упоминаются нередко имена нескольких строителей, причем обычно каждый из них имеет при своем имени профессиональное звание; уста Самай (и) Мухаммед, сыновья Шах-Кули — надпись 1031/1622 из Гельхена; устад Муштафа, устад Вали, устад Нур-Мухаммед, устад Садуллах,

устанд Ахмад — надпись 1079/1669 г. из Цахура; устанд Мухаммад, сын Рамазана, устанд Мухаммад, сын Х.н.г.ф. — надпись 1085/1674—1675 г. из Ричи.

Звание устанд — это не просто украшение к имени строителя, и оно не может быть применено к любому строителю вообще. Термином *устанд* «... характеризовался человек творческого труда, достигший высокой квалификации... несомненно, что званием „устада“ обладали зодчие, достигшие определенной ступени признания и имевшие учеников. Это и давало зодчим — строителям подобного профессионального „ранга“ право именоваться устадами»¹⁹⁶.

Что это обстоятельство имелось в виду, видно из надписи около XVII в. из Мишлеша, где наряду с именами, при которых имеются звание устанд, даны и просто имена, без перечисления профессионального звания — устанд Мулла Мухаммад, устанд Сулайман, сын Муллы, Умар, Шейх Абу Бекр.

Последние и были, очевидно, учениками. В надписи о строительстве здания пира в 1114/1702—1703 г. так и упомянуты имена — уста Сабаи Арай, уста Мухаммад, сын Ибрахима, уста Шабан, сын Моллы Мухаммада Исы (и) четыре помощника (шагирд) — Ал.в, Абдаллах, Мухаммад, Раджаб.

6. Надписи с упоминанием имени местного правителя или того, кто финансировал строительные работы; в таких случаях имя мастера часто не упоминалось («приказал построить это ханака Абд ас-Самад, сын Налки» — надпись 545/1150 г. из Рутула, приказал построить эту крепость Бассадж, сын Сулеймана» — надпись 638/1241 г. о строительстве крепости в Рича; «приказал построить эту крепость эмир прославленный, великий ш[ейх] Й.г.р.л.з, сын Б.ки — надпись 1242 г. из Рича; «приказал построить эту мечеть эмир преславный, великий, поддерживающий, победоносный, борец за правое дело, стоящий на страже, венец мира и религии Адам б.Абд ал-Малик б.Мухаммад» — надпись 1250 г. из Рича; «приказал» Х.р.кар, сын С.г.м, а «построил (бана) Б.л.касим (Абу-л-Касим, Бала-Касим—?)» — надпись 683/1284 из Рутула; «приказал» построить Башир сын Исмаила — надпись 826/1422—1423 г. из Кала-Корейша; «построил» (бана) мечеть Ибрахим Халил, сын Шейха Дулдугского — запись 1094/1682—1683 г. из Хучни и т. д.

В ряде случаев рядом с именем правителя или заказчика стоит и имя строителя, но он обязательно наделен титулом профессионального мастера; «приказал построить» мечеть «великий эмир Бадал, сын Малака, а уstad — Хасап, сын Мухаммада» — надпись 644/1247 г. из Мишлеша; «построил святилище Ибрахим Халил, сын шейха Дулдугского, а уста этой постройки — Мухаммад Каси из Ричи» — надпись 1094/1682—1683 г. из Дулдуга; «владелец (сахиб) этого минарета и его строитель Хамма, сын Абакара. . ., а воздвиг этот минарет уstad Х.зсаз (Х.зсан) и его сын Мамма аз-Захури» — надпись 1401/из Хнова; «реставрируют» минарет Хаджики Мухаммад и Хаджики Рамазан из Ширвана, а строители — уста Мухаммед, сын Рамазана и уста Мухаммад, сын Х.н.г.ф.

Все же упоминание имени мастера-строителя — явление редкое, основное же направление — упоминать имя строителя, если нет имени богатого покровителя, и, наоборот, опускать имя и мастера и декоратора письма, если отмечается участие феодала (светского или духовного) в строительстве того или иного здания или же сооружения. Кстати, при строительстве оборонительного сооружения, в частности крепости, имя мастера вообще не упоминается (надписи 1241 г. и 1242 г. о строительстве крепостей; надпись середины XV в. о «сахибе крепости» ширваншахе (ширбаншахе) Халилуллахе или же упоминается на отдельном камне (надпись XII—XIII вв. из Ахты) о владельце крепости Д.йр, сыне Сиба и в стене того же здания — надпись того же времени о строительстве крепости Аш.л.раха), свое особое привилегированное положение, особый социальный статус, право распоряжаться строительством правитель или богатый «покровитель» подчеркивает особым образом — он назван «хозяином», «владельцем» («сахибом») постройки («владелец крепости Д.йр. сын Сиба» — надпись XII—XIII вв. из Ахты; «владелец этой крепости ширбаншах Халилуллах» — надпись середины XV в. из Ахты; «сахиб» минарета Али, сын Сайдара — надпись 636/1239 г. из Цахура; «построена эта мечеть в правление фадшаха Ибрахима. Тысяча девятый год хиджры (1600—1601 г.) Владелец — Н.ш сын Х.б.л» — надпись из Хуштада и т. д.).

Выше мы уже указывали, что в ряде случаев имя правителя и имя устада фиксируются на различных камнях, если даже вставлены в стену одного и того же здания или

даже если речь идет об одной и той же постройке. Эпиграфика дает интересный материал и о ряде других обстоятельств. Так, в Тпиге строительство крепости (XII—XIII вв.) также зафиксировано на двух каменных плитах — одна плита посвящена описанию причины строительства крепости, на другой высечено имя строителя, вернее руководителя строительством («это сделал Сулейман»). Возможно, что упомянутая выше тпигская надпись (80) о группе строителей также относится к этой крепости и зафиксировала имена помощников.

В этом же селении одна надпись сообщает о сооружении в 1023/1614—1615 г. моста «джамаатом» Тпига, а другая запечатлела имя строителя того же моста («построил этот мост Ибрахим». . .). Кстати, это первое известное нам сведение о строителе моста в Дагестане.

В строительных надписях нередки случаи, когда наравне с мужчинами в строительной деятельности принимают участие и женщины. Известный востоковед В. В. Бартольд в своей статье «Первоначальный ислам и женщина» приводит много примеров участия женщин в общественных и государственных делах в начальный период ислама¹⁹⁷. Дагестанская эпиграфика также представляет женщин в возведении общественных зданий в начальный период ислама, прежде всего культовых сооружений, — в строительстве мечетей, минаретов или в их реставрации: в сел. Рича строительство мечети в 678 г. финансируют М.р.д.х.л, сын Бассажа и его жена; в том же селении в XII—XIII в. какое-то здание «построили Х.с.н.ман, сын Бассаджа и его жена Б.с. (?) дочь Али»; в Цахуре в 766/1368—1369 г. мечеть и минарет построили «Хаджи Дауд сын Рамазана и его жена Айша дочь Мухаммада»; в Хнове в 803/1401 г. отмечено, что «владелец (сахиб) этого минарета и его строитель (амир) Хамма, сын Абакара. . . и его Фатима дочь Араба».

В. В. Бартольд отмечал также, что «эволюция ислама как религии также ушла в направлении постепенного ограничения прав женщины»¹⁹⁸.

Это обстоятельство нашло отражение в лапидарных текстах. Имя женщины упоминается все реже и реже. Только надписи из Мишлеша упоминают женщин (1421, 1422, 1624 и 1668—1669 гг.), а со второй половины XVIII в. женщины в строительных надписях не упоминаются.

7. И наконец, очень важную категорию составляют

надписи, где зафиксирована роль, вернее усиление роли сельской общины, джамаата в строительной деятельности. Поскольку нам известно, наиболее ранняя надпись с упоминанием особой роли сельской общины относится к XVII в.

Характерно, что надписи о строительстве в Дагестане показывают роль сельского общества, джамаата, при строительстве крупных объектов общественного назначения. Наиболее характерно это для надписей XVII—XIX вв.: «Тпигский джамаат» строит мост в 1614/1615 г., причем не назван руководитель работ; в 1677/1678 г. реставратором минарета в Мишлене назван «джамаат мишленский» (имя мастера также не названо); надпись из Хурюга, датированная 1700/1701 г., говорит о постройке мечети «хурюгским сельским джамаатом» (имя мастера упоминается); надпись 1796/1797 г. из Рутула повествует о строительстве минарета по велению двух представителей правящей бекской фамилии «вместе с джамаатом рутульским»; в 1835/1836 г. мост реставрирует «джамаат Тпига».

Это не случайно. На территории Дагестана существовал ряд союзов сельских обществ, усилившихся к XVII в. Многие сельские общества (джамааты) и их союзы упорно и безрезультатно сопротивлялись притязаниям феодальных правителей и перед лицом внешней опасности сплачивались во внушительную силу.

С этим не могла не считаться богатая верхушка сельских обществ. Не является ли неоднократное упоминание в надписях о роли джамаата в строительстве общественных зданий признанием возросшей роли сельских обществ в тех областях, где процесс укрепления сельских обществ шел усиленными темпами? Не этим ли объясняется сравнительная «демократизация» строительной эпиграфики? На территории более крупных феодальных владений, с прочно установившейся системой управления подобного рода надписи не встречаются.

Очень ярко роль джамаата зафиксирована в строительной надписи из Муслага Рутульского р-на

- (1) Реставрировал этот минарет уста Пир (?) Гаиб;*
- (2) Уста Хасан, уста Хусейн и уста*
- (3) Ибрагим в тысяча сто восемнадцатом году*
- (4) О строительстве этого минарета решил (букв „согласились“) джамаат Муслаиский.*

Изучение надписей показывает также, что особый подъем строительной деятельности падает на XVI—XVII вв., причем нет ни одного свидетельства о строительстве крепости, все данные относятся к сооружению культовых сооружений.

Мы даем только краткий перечень этих надписей ¹⁹⁹

- 1) Хунзах, надпись о строительстве «здания» Мухаммедом сыном Суранджа в 934/1527—1528 г.
- 2) Рутул, надпись о строительстве мечети в 910/1504—1505.
- 3) Мишлеш, надпись о строительстве «здания» Мухаммедом, сыном Халайка и Али, сыном Рамазана в XV—XVI в.
- 4) Тпиг, надпись 1023/1614—1615 о строительстве моста джамаатом Тпига.

- 5) Типп, надпись о строительстве моста Ибрахимом.
- 6) Хури, о строительстве мечети усадом Мухаммедом в 980/1572—1573.
- 7) Гельхен, надпись о строительстве пира в 1031/1622 г.
- 8) Рича, надпись о строительстве минарета в 1033/1624 г.
- 9) Мишлеш, надпись о реставрации минарета в 1033/1624 г.
- 10) Кумух, надпись о строительстве мечети в 1033/1624 г.
- 11) Дербент, надпись о строительстве мечети в 1035/1625—1626 г.
- 12) Ахты, надпись о восстановлении селения в 1039/1629—1638 г.
- 13) Мишлеш, надпись о строительстве «здания» в 1073/1662—1663 г.
- 14) Мишлеш, надпись о реставрации мечети в 1079/1668—1669 г.
- 15) Корода, надпись о строительстве здания в 1074/1663—1664 или 1084/1673—1674 г.
- 16) Мишлеш, надпись о реставрации мечети в 1081/1670—1671 г.
- 17) Рича, надпись о реставрации минарета в 1085/1674—1675 г.
- 18) Хашур, надпись о реставрации мечети в 1079/1669 г.
- 19) Мишлеш, надпись о реставрации мечети в 1083/1677—1678.
- 20) Дулдуг, надпись о строительстве пира уста Мухаммедом сыном Каси из Рича в 1094/1682—1683 г.
- 21) Хурюг, надпись о реставрации минарета в 1112/1700—1701.
- 22) Варсит, надпись о строительстве мечети в 1073/1662—1663 г.
- 23) Гапчинма, надпись в стене частного дома, датированная 1086/1675—1676 г. («Построен этот дом в тысяча восемьдесят шестом хиджры»).
- 24) Сел. Хуштада, надпись 1009/1600—1601 г. в стене соборной мечети («Построена эта мечеть в правление фадинаха Ибрахима. Год тысяча девятый по хиджре. Хозяин его (т. е. мечети) Н. ш. (?) сын Х.б.л (?)»).

Эпиграфический материал проливает свет также на одно из направлений культурных контактов Дагестана с Ираном и Средней Азией. За последнее время накапливается материал, проливающий свет на этот вопрос. Как уже указывалось, дагестанский искусствовед П. М. Дебиров исследовал три памятника резьбы по штукатурке (Кара-Кюра, Кала-Корейш, Луткун) в Дагестане, несущих в своем декоре и эпиграфические данные и имеющих много общих черт с памятниками монументально-декоративного искусства Ближнего Востока и Средней Азии. Выше мы уже подробно остановились на штукатурных рельефах Дагестана.

Значительный интерес представляют бронзовые котлы из Кубачи, открытие которых связано с именем академика И. А. Орбели²⁰⁰. И. А. Орбели выделяет четыре разновидности этих котлов, из которых два представляют собой хозяйственные котлы («гюрджи эшек» и «ширван эшек»), а два других — выпли из практического употребления и называются «хаш эшек». И. А. Орбели определил также культурно-историческую и художественную ценность кубачинских котлов, датировал их основное число в преде-

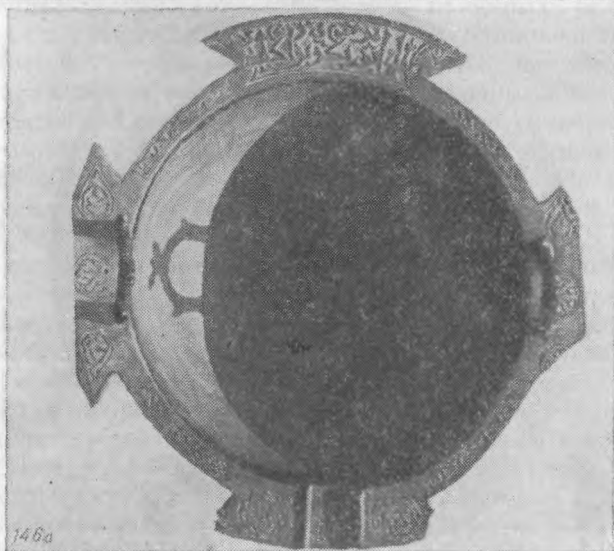
лах XII—XIII вв. и высказал мысль, что производство котлов было налажено именно в Кубачи ²⁰¹.

Существует большое число бронзовых котлов, однако только часть их подвергнута описанию или же упомянута в каталогах. Ниже дается краткое описание трех котлов из Дагестана. Все три котла — открытого типа, полусферической формы, цельнолитые, с горизонтально отходящим бортиком, снабженным четырьмя выступами, придающими котлу сверху крестообразную форму, что дает возможность отнести все три котла к типу «хаш эшек». Один из этих котлов хранится в Дагестанском краеведческом музее (инв. № 1741). Котел полусферической формы, высота 19,5 см, крестообразный бортик снабжен ручками. Диаметр без бортика 42,5 и 41,5 см при высоте ручек 10 см. Котел покоится на трех круглых в сечении ножках (высота до 5 см), суживающихся книзу. На одном из выступов имеется куфическая надпись (рис. 145) в низком рельефе: «Сделал Ахмад б.Али (?) Марвази (?)». Надпись почти полностью покрывает поле, а свободные места заполнены растительными мотивами. Выступы имеют отломы, но надпись полностью сохранилась. Если исходить из палеографических данных, то надпись датируется в пределах XI—XII вв.

Второй котел (рис. 146, а, б) хранится в Историческом музее Дагестанского государственного университета в г. Махачкала. Котел доставлен в музей из сел. Гента Советского района и преподнесен в дар Музею бывшим студентом университета Г. О. Магомедовым в 1965 г. Высота котла (с ножками) 19 см, внутренний диаметр 40—39 см. Вертикально стоящие подковообразные фигурные ручки приклепаны, высота их 9 см. Котел на трех ножках, круглых в сечении, различной высоты (от 3 до 8 см). На одном из выступов нанесена надпись, которая легко читается: «сделал Абу Бакр б.Ахмад Марвази». Текст до слова «Марвази» занимает почти все поле, а последнее слово написано вразбивку над основной строкой. Буквы (высота — от 1 до 5 см) нанесены в низком плоском рельефе, с ярко выраженными элементами куфи. Весь текст нанесен так, что выдает заботу мастера о симметрии в расположении букв вокруг «кяфа» в слове «Абу Бакр». Поле с надписью обведено узкой лентой, свободный фон заполнен растительным орнаментом. Выступ со сливом имеет отломы по краям. Желобок занят S-образным орнаментальным рисунком, перевернутым в обрат-

145

146a

146b

ную сторону, завершающимся листовидным рисунком. По краям слива — два медальона с геометрическим плетением, выполненным в низком рельефе. На выступях с ручками, а также на борту — растительные мотивы. Котел датируется XII—XIII вв.²⁰²

Третий котел (рис. 147, а, б) также хранится в Дагестанском краеведческом музее (инв. № 1740), имеет диаметр 36,5 см и 37,5 см при высоте в 19 см (с ножками), при глубине в 15,8 см. Высота ручек 7,5 см. Они прикреплены так, как предыдущие, имеют подковообразную форму-

На выступе имеется надпись почерком насх в низком плоском рельефе: «Сделал Ахмад б.Махмуд ал-Марвази».

Как и в надписях предыдущих двух котлов, здесь также соблюдается принцип полного заполнения поля для надписи с попыткой сохранить симметрию. Выступ со сливом, вернее его желобок, снабжен S-образной фигурой, перевернутой в обратную сторону, с растительными завершениями. По краям слива — изображения зверей (лев?) в геральдической позе. Фигуры зверей обращены головами друг к другу, кубообразные головы повернуты в фас, хвосты высоко подняты, от туловища вверх уходит крыло²⁰³. Эта геральдическая композиция с фигурами животных весьма характерна для каменных рельефов Кубачи и унаследована кубачинцами из ближневосточных древностей²⁰⁴. Орнаментальные мотивы на выступах с ручками имеют много общего с аналогичными мотивами на бронзовом котле из музея Дагестанского университета. Они выполнены в низком рельефе и представляют собой переплетения вытянутых S-образных фигур. Насх, которым написан текст, дает возможность датировать бронзовый котел временем не ранее XIV в.

В нашем распоряжении, таким образом, три бронзовых котла, каждый из которых имеет надпись с именем, сопровождающимся куньей «Марвази» т. е. «Мервский», которая связана с Мервом, временной столицей Сельджуков, а затем крупнейшим культурным и торговым центром государства Хорезмшахов. Нисба «Мервский» позволяет определить одно из направлений культурных контактов Дагестана в XI—XII вв. Л. Т. Гюзальян, изучив котлы открытого типа из Кубачи с именами мастеров с нисбой «Марвази», выявил отдельные экземпляры «... относящиеся к XII—XIII вв., которые не вяжутся с местным художественным производством, имея в то же время точку соприкосновения с современными им бронзовыми изделиями Гератского круга». Сравнение этой категории котлов из Кубачи с котлами открытого типа, обнаруженными в южных районах Туркменской ССР (один котел с именем мастера из Туса), и котлом из Эрмитажного собрания, раскопанном, со слов, на городище Рей (Северный Иран), датироваемыми также XII—XIII в. дало возможность Л. Т. Гюзальяну утверждать: «Представляется более вероятным, что в Кубачи нашел распространение наряду с другими разновидностями открытый тип котла, заимствованный из районов нынешней Южной Туркмении.

или же Северо-Восточного Ирана, представлявших в XII—XIII вв. единый культурный мир»²⁰⁵. У. Шеррато также связывает котлы с именами мастеров с нисбой «Марвази» с Хорасаном, т. е. Северо-Восточным Ираном. А. А. Иванов добавляет к котлам Марвази еще ряд котлов — с нисбой «Туси» (Тус — город в Южном Хорасане), «Хамадани» (Хамадан — город на западе Ирана) и «Казвини» (Казвин — город в северо-западной части Ирана)²⁰⁶.

Все это дало возможность утверждать, что хорасанские котлы, попавшие в Дагестан скорее всего в XIII в. в связи с передвижением населения в Иране при монгольском нашествии, послужили образцами для кубачинских мастеров и что «хорасанские памятники (как прототипы формы) дают нижнюю границу датировки — начало XIII в. для котлов открытого типа, которые можно будет по тем или иным признакам отнести к дагестанскому производству»²⁰⁷.

Это утверждение, в целом верное (особенно по части генезиса котлов), не совсем точно относительно времени знакомства кубачинцев с названным типом котлов. Знакомство с котлами из Мерва или же с мервскими меднолитейщиками не обязательно связывать с монгольским нашествием, оно могло иметь место еще в XII в., особенно если иметь в виду оживленные культурные контакты Средней Азии, Ирана и Кавказа. Вполне возможно, что с именем приезжего из Мерва в Дагестан мастера по медному литью и связана нисба «Марвази», но вся дальнейшая история меднолитейного производства в Кубачи, массовое изготовление здесь бронзовых котлов вплоть до XX в., известное сообщение автора XII в. Абу Хамида ал-Гарнати о «все-возможных изделиях из меди», изготавливаемых зерехгеранцами, — все это говорит о том, что Кубачи являются одним из крупных на Кавказе центров меднолитейного дела и что жители его уже перешли на самостоятельное изготовление бронзовых котлов. То обстоятельство, что нисба «Марвази» встречается на многих разновременных котлах, может свидетельствовать, что она стала уже родовой. Чтобы яснее представить такую возможность, следует обратиться к надписи еще на одном котле. В числе имен, встречающихся на котлах, назван также Махмуд б. Абу Бекр саффар (медник)²⁰⁸. Подобная же надпись обнаружена П. М. Дебировым на котле из сел. Чох Гунибского р-на²⁰⁹. И надписи на котлах, и орнаментальный рисунок на них дают и здесь возможность говорить об одной модели,

с которой отливали котлы с именем Махмуда, профессионала-медника (саффар). Л. А. Майер, У. Шеррато и Д. Вейль дают иное чтение надписи, а именно «Абу Бекр (или Бу Бекр) б.Махмуд саффар»²¹⁰, т. е. сначала читают в надписи нижнюю строку, а затем — верхнюю, в то время как точнее был бы иной прием чтения — справа налево и снизу вверх, как нередко читаются, в частности, памятники дагестанской эпиграфики. Если бы имена мастеров на четырех названных в этой статье котлах можно было бы расположить в такой последовательности: Ахмед б.Али Марвази, Абу Бекр б.Ахмед Марвази, Махмуд б.Абу (Бу) Бекр саффар, Ахмед б. Махмуд ал-Марвази (палеографически это кажется возможным), то перед нами предстала бы организация литейщиков, где специализация передавалась по наследству, от отца к сыну.

Подробное описание литейного производства, в частности производства бронзовых котлов, дано Е. М. Шиллингом, заставшим в 1936 г. еще две небольшие мастерские в Кубачах. В 30-х годах здесь изготавливались котлы («ишак») одинаковой формы, но разных размеров — 1/2, 1 1/2, 2, 3, 4 и 6 раталов (ратал — 6 фунтов)²¹¹.

Е. М. Шиллинг предполагал, что «... котельное производство (типа кубачинского производства) и бытование таких котлов охватывали когда-то более широкую область Южного Дагестана»²¹². Это вполне вероятно, однако полевой материал документирует огромное влияние кубачинского меднолитейного производства. Во многих районах Дагестана, особенно прилегающих к Кубачам, известны кубачинские котлы хозяйственного назначения. В даргинском селении Ураги (Дахадаевский р-н) котлы получали из Кубачей. Они при одинаковой форме отличаются своими размерами — 1/2, 1, 2, 3, 4 и 7 раталов (вачIа шинг, це ратIа шинг, кIвю ратIа шинг, хIяб ратIа шинг, авратIа шинг, верхIратIа шинг). Имеется также большой котел (шинтала кIумкIур), употребляемый для приготовления пищи во время свадеб и других торжеств. В селении Урари (Дахадаевский р-н) также встречается несколько видов котлов, изготовленных в Кубачи. Вообще котел там называется «шав», но были «шав» пяти размеров, на 1, 2, 3, 4 и 7 ратал. Кроме того, был известен маленький котел, называемый «къазан», был также «чабанский котел» — «кIумкIур»²¹³.

Обычно у собственно даргинцев «котел» называется «шанг», а у кайтаков — «ашак». Возможно, к этой форме

и восходят «шаг» (капучинцы), «шаги» (ахвахск.), «хъаги» (андийск., ботлихск., каратинск.), «чаги» (годоберинск., тинд.), «хъай», «хъайаби» (кванад.); «шаг» (хварш.), «хъаг» (аварск.), «цахъаг» (табасар.), «гъайаг» или «гъуйаг» (агульск.)²¹⁴.

Андийское «гунгул», цахурское «кIумкIум», арчинское «кIункIум», лакское «кIункIур» также восходят к перечисленным выше большим котлам типа «кIумкIур».

Чугунные котлы, обычно малых размеров, по всему Дагестану известны под названием «къазан». Особняком стоит название «дейдул», встречающееся у табасаранцев (сел. Куркак), «дедул» — у агульцев (сел. Буршаг), «ухи» — у аварцев (сел. Хунзах). «Дейдул» у табасаранцев — это чугунный котел, не уступавший по размеру «йагъагу», в нем готовили пищу, делали патоку, красили нитки. Изготавливались эти котлы, как рассказывают, мастерами-лакцами, которые раньше часто прибывали в разные дагестанские аулы на временные работы²¹⁵.

¹ Дебиров П. М., 1966а, с. 34.

² Лавров Л. И., 1966, с. 179.

³ Sarre Fr., 1910, S. 130.

⁴ Нейматова И. Х., 1963б, с. 92—110; Касумов А. Г. (серия историч., философии и права), 1979, с. 100—108; Расим Эфенди, 1976, с. 74—80, рис. 72—79.

⁵ Там же.

⁶ Дебиров П. М., 1966а, с. 34.

⁷ Лавров Л. И., 1966, с. 82.

⁸ Там же, с. 85.

⁹ Там же, с. 115.

¹⁰ Там же, с. 119.

¹¹ Там же, с. 87.

¹² Там же, с. 132.

¹³ Там же, с. 165.

¹⁴ Массон М. Е., 1956, с. 7; Мухтаров А., 1979, с. 52.

¹⁵ Бартольд В. В., 1966, с. 648.

¹⁶ Там же, с. 649.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Мухтаров А., 1979, с. 51.

¹⁹ Мухтаров А., 1978, с. 64. Эпитафии XIII—XIV вв. из Дманиси (Грузинская ССР) также в преобладающем большинстве случаев упоминают

мужские имена. По женские имена встречаются чаще, чем в Дагестане, см.: Кахиани Ц. П., 1965, с. 37—50 (9 надписей).

²⁰ Айтберов Т. М., Иванов А. А. Новые арабские надписи XIII—XIV вв. из Дагестана (в печати).

²¹ Крачковская В. А., 1949б.

²² Крачковская В. А., 1949б, с. 4—5.

²³ Пузаченкова Г. А., 1963, с. 88.

²⁴ Шишкин В. А., 1950, с. 64—67.

²⁵ Массон М. Е., с. 201—202.

²⁶ Воронина В. Л., 1960, с. 80—87.

²⁷ Гулямова Э. Г., 1978, с. 195.

²⁸ Крачковская В. А., 1949б, с. 12—14.

²⁹ Луцкая С. Б., Богомолов Г. И., 1978, с. 4; Массон М. Е., 1960, с. 56.

³⁰ Там же, с. 19; Бачинский Н. М., 1939, табл. 26, 27, рис. 42.

³¹ Крачковская В. А., 1949б, с. 21—22.

- ³² Там же, с. 22—25.
- ³³ Мухтаров А., 1978, с. 47.
- ³⁴ Исхаков М., 1975.
- ³⁵ Алескерзаде А., 1947; Бретаницкий Л., Гарник В., Ишганов Л., 1967, с. 137—142.
- ³⁶ Крачковская В. А., 1949б, с. 95.
- ³⁷ Пахомов Е. А., 1929, с. 77; Он же, 1929а, с. 21.
- ³⁸ Мухтаров А. М., 1979, с. 130.
- ³⁹ Лавров Л. И., 1968, с. 23.
- ⁴⁰ Крачковский Н. Ю., 1963.
- ⁴¹ Саидов М.-С., 1960.
- ⁴² Гаджи Гамзатов, 1978.
- ⁴³ Барабанов А. М., 1945, с. 220.
- ⁴⁴ Шихсаидов А. Р., 1977, с. 97.
- ⁴⁵ Лавров Л. И., 1966, с. 114.
- ⁴⁶ Иванов А. А., 1976, с. 178.
- ⁴⁷ Лавров Л. И., 1966, с. 120.
- ⁴⁸ Там же, с. 131, 135—140. Небольшая арабо-персидская надпись, датируемая первой половиной XV в., обнаружена в Кубачи (Иванов А. А., 1976, с. 178).
- ⁴⁹ Пейматова М. С., 1968, с. 57—58, 1963, с. 123—124; Мемориальные сундукообразные памятники XV—XVII вв. в комплексе дворцов ширваншахов также снабжены арабскими и персидскими текстами (Касумов А. Г., 1979, с. 100—108).
- ⁵⁰ Айтберов Т. М., Иванов А. А., Казанбиев А. Д., 1978, с. 46.
- ⁵¹ Подробно об этом: Лавров Л. И., 1966, с. 81.
- ⁵² Там же, с. 185—188.
- ⁵³ Лавров Л. И., 1966, с. 188.
- ⁵⁴ Лавров Л. И., 1966, с. 82.
- ⁵⁵ Derbend-Nameh, 1851, р. 675; Шихсаидов А. Р., 1977, с. 111, 112.
- ⁵⁶ Малачиханов Б., 1965, с. 191, 192.
- ⁵⁷ Лавров Л. И., 1958, с. 331—336.
- ⁵⁸ Лавров Л. И., 1966, с. 188.
- ⁵⁹ Айтберов Т. М., 1977, с. 100, 101.
- ⁶⁰ Там же, с. 101.
- ⁶¹ Лавров Л. И., 1973; История Дагестана, т. 1, с. 202—209; Ичалов Г. Х., 1974.
- ⁶² Ханьков П. В., 1850; Лавров Л. И., 1966, с. 204.
- ⁶³ Лавров Л. И., 1966, с. 204.
- ⁶⁴ Там же.
- ⁶⁵ Минорский В. Ф., 1963, с. 112; История Дагестана, т. 1, с. 124.
- ⁶⁶ Jacut, 1866, с. 438.
- ⁶⁷ Ibn el-Athir, с. 202.
- ⁶⁸ Рашид ад-Дин, 1946, с. 30, 60, 285.
- ⁶⁹ Веселовский Н. И., 1892, с. 27.
- ⁷⁰ Лавров Л. И., 1966, с. 118.
- ⁷¹ Там же, с. 196.
- ⁷² Ахмедов Ш. М., 1974, с. 73.
- ⁷³ Derbend-Nameh, 1851, 672; Шихсаидов А. Р., 1977, с. 107.
- ⁷⁴ Услар П. К., 1896, с. 4.
- ⁷⁵ Веселовский Н. И., 1892, с. 397.
- ⁷⁶ Эвлия Челеби. Сняхат-наме. Мы пользуемся русским переводом, хранящимся в Рук. фонде Ин-та ИЯЛ (д. 1157, л. 26).
- ⁷⁷ Летопись на камнях. — Дагестанская правда, № 58, 1953 г.
- ⁷⁸ Лавров Л. И., 1959а.
- ⁷⁹ Лавров Л. И., 1968, с. 80, 81.
- ⁸⁰ Лавров Л. И., 1968, с. 94.
- ⁸¹ Баркуев К., Ахмедов М.-К., Шихсаидов А., 1963, с. 180—182.
- ⁸² Лавров Л. И., 1968, с. 154.
- ⁸³ Лавров Л. И., 1968, с. 109.
- ⁸⁴ Котович В. Г., 1979.
- ⁸⁵ Котович В. Г., 1965.
- ⁸⁶ Абакаров А. И., Гаджиев М. Г., 1973, с. 8.
- ⁸⁷ Атаев Д. М. Аркаское городище — памятник средневекового Дагестана. — РФ ИИЯЛ, ф. 3, оп. 4, д. 219, с. 11—16.
- ⁸⁸ Пикуль М. И., 1959, т. 1, с. 173.
- ⁸⁹ Richard Jean, 1963, с. 607.
- ⁹⁰ Криштопа А. Е., 1970, с. 113.
- ⁹¹ О районах севернее Сулака в X—начале XIII в., о контактах с половецким миром,

- см.: Федоров Я. А., Федоров Г. С., 1975; Они же, 1977.
- ⁹² Зевакин Е. С., Пенчко Н. А., 1938, т. 3, с. 90.
- ⁹³ Мусав Г. М., 1979, с. 191.
- ⁹⁴ Sazwini, 1848, с. 405.
- ⁹⁵ Каталог, 1977, с. 49.
- ⁹⁶ Шихсаидов А. Р., 1977, с. 110.
- ⁹⁷ История Дагестана. М., 1967, т. 1, с. 126.
- ⁹⁸ Балазури Ахмад, 1319/1901 (араб. яз.), с. 15; Баладзори, 1927, с. 11 (араб. текст), 16 (пер.)
- ⁹⁹ Минорский В. Ф., 1963, с. 203, 220; ВСА VII, 147 (Адмик).
- ¹⁰⁰ Там же, с. 26 (араб. текст), 74 (пер.).
- ¹⁰¹ Minorsky V., *Saken Cl.*, 1949, № 1, с. 131, 132 (араб. текст), 138—140 (фр. пер.); Бейлис В. М., 1974, с. 9; 1975, с. 30, 31.
- ¹⁰² Лавров Л. И., 1958, с. 331—336; Он же, 1973, с. 202—209.
- ¹⁰³ История Дагестана, т. I, с. 184.
- ¹⁰⁴ Баркуев К., Ахмедов М.-К., Шихсаидов А. Р., 1963, с. 73—79.
- ¹⁰⁵ Лавров Л. И., 1976, с. 217.
- ¹⁰⁶ Лавров Л. И., 1966, с. 82, 185.
- ¹⁰⁷ Sazwini, 1848, 405.
- ¹⁰⁸ Там же.
- ¹⁰⁹ Лавров Л. И., 1966, с. 115, 122, 206.
- ¹¹⁰ История Дагестана, т. I, с. 122.
- ¹¹¹ Минорский В. Ф., 1963, с. 49, 126.
- ¹¹² Там же, с. 90, 126.
- ¹¹³ Алиев Б., Ахмедов Ш., Умаханов М.-С., 1970, с. 20.
- ¹¹⁴ Гарнати, 1971, с. 49.
- ¹¹⁵ Пахомов Е. А., 1930а, с. 3, 4.
- ¹¹⁶ Тизенгаузен В., 1941, с. 86, 87, 89, 124, 134, 142, 143.
- ¹¹⁷ Нейматова М. Х., 1959, с. 76—77, рис. 23; Лавров Л. И. 1966, с. 131.
- ¹¹⁸ Минорский В. Ф., 1963, с. 187.
- ¹¹⁹ Лавров Л. И., 1966, с. 204.
- ¹²⁰ Нейматова М. С., 1963б, с. 30.
- ¹²¹ Минорский В. Ф., 1963, с. 172.
- ¹²² Там же.
- ¹²³ Ибрагимов Д., 1962, с. 29.
- ¹²⁴ Лавров Л. И., 1966, с. 133—134.
- ¹²⁵ Мецопский Фома, 1957, с. 73, 77.
- ¹²⁶ В 1412 г. Ибрахим I потерпел сильное поражение от Кара-Йусуфа, попал в плен, но был отпущен за огромный выкуп. Кара-Йусуф дал ему грамоту на владение Ширваном от Шекки до Дербента. См.: Dorn B., 1881.
- ¹²⁷ Нейматова М. С., 1963б, с. 29. А.-К. Бакиханов (1926, с. 71) считал Исфандияра сыном Кара-Йусуфа Кара-Кюкюлу. Эта точка зрения обоснованию опровергается. См.: Нейматова М. Х., 1963б; Рагимов А. Р., 1978, с. 64
- ¹²⁸ Минорский В. Ф., 1963, с. 172.
- ¹²⁹ Бартольд В. В., 1965, с. 426, 427.
- ¹³⁰ Айтберов Т., 1979, с. 100, 101.
- ¹³¹ Там же, с. 101. Л. И. Лавров (1968, с. 202) так и отмечает, что в 1411—1421 гг. Исфандийар был правителем Дербента. Как утверждает А. Р. Рагимов, правление Исфандийара продолжалось с 1421 по 30-е годы XV в. (Рагимов А. Р., 1978, с. 60).
- ¹³² Нейматова М. С., 1959, с. 80—82; Лавров Л. И., 1966, с. 135.
- ¹³³ Нейматова М. С., 1959, с. 84, 85; Лавров Л. И., 1966, с. 139.
- ¹³⁴ Первоначально было предложено неправильное чтение — 805/1402. См.: Шихсаидов А. Р., 1976, с. 39.
- ¹³⁵ Рагимов А. Р., 1978, с. 59, 62.
- ¹³⁶ Там же, с. 62.
- ¹³⁷ Нейматова М. С., 1963б, с. 61.
- ¹³⁸ Отец Исфандийара, шейх Абу Исхак (хамза-агаз скон-

- чался в 839/1435—1436 г., а не в 1461—1462 гг., как писала об этом М. Х. Нейматова; см.: Рагимов А. Р., 1978, с. 56; Лавров Л. И. 1980, с. 45.
- 139 Со слов Бадра Ширвани, Ифтихар провел в 838/1434—1435 г. воду из реки Рубас к воротам Дербента (Рагимов А. Р., 1978, с. 59).
- 140 Гордлевский В. А., 1941, с. 142.
- 141 Буниятов З. М., Нейматова М. С., 1973, с. 85—86.
- 142 Петрушевский И. П., 1949, с. 99.
- 143 Лавров Л. И., 1966, с. 62, 63. О монетах из Дербента с упоминанием султана до 1160 г. выше уже писалось. Интересно также, что в одном из списков «Дербенд-наме» перечислены 50 «мучеников» в борьбе за веру и все их имена сопровождаются титулом «султан» — султан Пир Али Дамасский, султан Чумга, султан Хаджжи Шамс ад-Дин, султан пир Мурад Руми и т. д. (Derbend-Namch, 1851, р. 606—608). Вполне возможно, что в данном случае термин «султан» соответствует раису «Истории Ширвана и Дербенда».
- 144 Лавров Л. И., 1966, с. 82, 122.
- 145 Акты, 1868, с. 1086.
- 146 Белокурова С., 1889, с. 293.
- 147 Лавров Л. И., 1966, с. 85. Т. М. Айтберов предлагает иное чтение даты — 776 г. хиджры, тогда и надпись следует отнести к середине XIV в.
- 148 Лавров Л. И., 1976, с. 217.
- 149 Тизенгаузен В., 1941, с. 124, 186.
- 150 Лавров Л. И., 1966, с. 141; М. Х. Нейматова предлагает чтение: «сахиб этой крепости Шираншах, сын Халилуллы» — см.: Нейматова М. Х., 1959, с. 88.
- 151 Мухтаров А. М., 1979, с. 66, 67.
- 152 Там же, с. 82—85.
- 153 Рукопись выявлена кандидатом филологических наук Ф. И. Вагабовой. Запись предоставлена в наше распоряжение научным сотрудником Т. М. Айтберовым.
- 154 Рук. фонд Ин-та ИЯЛ. Фонд арабских рукописей, № 2191.
- 155 Шихсаидов А. Р., 1973, л. 219—234.
- 156 Якуби, 1927, с. 9.
- 157 Derbend-Namch, 1851, 544.
- 158 Алкадари Хасан, 1929, с. 25.
- 159 Буниятов Зия, 1964, с. 177.
- 160 Минорский В. Ф., 1963, с. 203; Masoudi, II, 39, 40.
- 161 Там же, 1963, с. 134.
- 162 Минорский В. Ф., 1963, с. 77.
- 163 Там же, с. 79.
- 164 Пахомов Е. А., 1930а, с. 5.
- 165 Там же, с. 6.
- 166 Ibn el-Athir, XII, с. 264, 265.
- 167 Френ Х. Д., 1837, с. 117; Eichwald, 1838, S. 224.
- 68 Derbend-Namch, 1851, 606—608.
- 169 Гарнати, 1971, с. 50.
- 170 Минорский В. Ф., 1963, с. 73.
- 171 Гарнати, 1971, с. 26.
- 172 Ал-Истахри писал: «Язык в Азербайджане, Арране и Армении — персидский и арабский, только жители Дабилы и близлежащих земель говорят по-армянски». После этих слов в некоторых списках сочинения ал-Истахри добавлено: «иногда (руббама) жители Баб ал-абваба говорят на хазарском языке и на других горских языках (букв.: «и на других языках их гор»)». — Istakhrī, 1961, с. 112, 113.
- 173 Aboulfeda, 1840, с. 204.
- 174 Шихсаидов А. Р., 1969а, с. 149.
- 175 Бартольд В. В., 1973, с. 109.
- 176 Шихсаидов А. Р., 1969а. Ислам в средневековом Дагестане. Махачкала, 1969; Ахмедов Ш. М., 1975.

- 177 *Питти Р. К.*, 1949, р. 258—262.
- 178 Искусство Ирана и арабских стран VII—XVII вв., с. 39, 40.
- 179 История Узбекистана т. I, кн. 1, с. 212.
- 180 *Derbend-Nameh*, 1851, р. 543, 544.
- 181 *Казанкатвази М.*, 1861, с. 261.
- 182 *Артамонов М. И.*, 1946, с. 141—143; *Кудрявцев А. А.* Древний Дербент. М., 1982, с. 124—127, *Гурлев И.*, *Хан-Магомедов С.*, *Малкин Г.*, 1976, с. 67.
- 183 Всеобщая история искусств, 1961, с. 15, 16.
- 184 О взаимоотношении христианства и ислама в Дагестане см.: *Шихсаидов А. Р.*, 1957, т. 3; *Атаев Д. М.*, 1963
- 185 *Шихсаидов А. Р.*, 1964, с. 107, 108; *Лавров Л. И.*, 1966, с. 87—88.
- 186 *Лавров Л. И.*, 1966, с. 190.
- 187 *Бретаницкий Л. С.*, *Саламзаде А. В.*, 1960, с. 18, 25.
- 188 *Лавров Л. И.*, 1966, с. 83.
- 189 *Дьяконов М.*, 1948, с. 121; *Khanikoff N.*, 1862, р. 122.
- 190 *Нейматова М. Х.*, 1959, с. 98, 99, рис. 31.
- 191 *Крачковская В. А.*, 1947, с. 9—11; *Гюзальян Л. Т.*, 1948, т. II, с. 578; *Berchem Max von*, 1906, р. 200—206.
- 192 *Бретаницкий Л. С.*, *Веймарн Б. В.*, 1976, с. 50, рис. 21.
- 193 *Лавров Л. И.*, с. 153, 139, 141; *Шихсаидов А. Р.*, 1969, с. 89—91.
- 194 *Бретаницкий Л. С.*, 1949, с. 78—80.
- 195 Описание минарета: *Любимова Г. Н.*, 1961, с. 16—18.
- 196 *Бретаницкий Л. С.*, *Саламзаде А. В.*, 1960, с. 18, 25.
- 197 *Бартольд В. В.*, 1966, с. 648—650.
- 198 Там же, с. 71.
- 199 Данные взяты из работ *Л. И. Лаврова*, а также из моих работ. Использованы также неопубликованные данные.
- 200 О бронзовых котлах, в основном из Кубачи: *Орбели И. А.*, 1922, с. 18—20; *Уварова И. С.*, 1902, с. 198, 199; *Орбели И. А.*, *Тревер К. В.*, 1949, с. XV—XVI; Каталог международной выставки памятников... 1935, с. 428—432; *Орбели И. А.*, 1939; *Орбели И. А.*, 1963, с. 347—361; *Шиллинг Е. М.*, 1949, с. 66—71. Первое упоминание о котлах из Дагестана. — В кн.: Зап. Вост. отд-ния имп. Рус. Археол. о-ва, 1889, вып. 1, с. 25—28 (сообщение о разборе М. О. Аттая надписей на котлах из Дагестана); *Грач А. Д.*, 1953; *Кильчевская Э. В.*, 1962, с. 30, 31, табл. IV, V; *Она же*, 1968, с. 143—145; *Гюзальян Л. Т.*, 1962; Искусство Кубачи, 1976, с. 78—83, 86—87; 92, 95, 112—113, 168—169, рис. 39—40, 42—43, 47—50, 69—70; *Иванов А.*, 1977; *Mayer L. A.*, 1959, р. 24; *Scerrato U.*, 1964, vol. XIV, tav. XXXII, fig. 56—57; *Scerrato U.*, *Napoli*, vol. XV, tav. II, fig. 3, 4; *Ferenczy Laszlo*, 1963, VI.
- 201 *Орбели И. А.*, 1939, с. 350—354.
- 202 Об аналогичных котлах с подобной надписью сообщают: *Mayer L. A.*, 1959, р. 24; *Scerrato U.*, 1964, tav. XXXII, fig. 56, 57. В Музее этнографии народов СССР в Ленинграде также экспонируется подобного рода котел из Дагестана (инв. № 7042). Надпись сильно стерлась, но хорошо восстанавливается по аналогии с надписью на других котлах: «Сделал Абу Бакр б. Ахмад Мервези». Высота котла (с ножками) — 20 см, диаметр — 40 и

40,5 см. Высота ручек около 10 см. Аналогичный котел с той же надписью мы видели в 1961 г. в сел. Кубачи у учителя М. Канасва. Таким образом, перед нами несколько котлов, отлитых по одной модели. Поэтому датируется надпись на котле, а не все котлы с такой надписью. Издание прориси из Краеведческого музея (инв. № 1741) и Музея университета (*Шихсаидов А. Р.*, 1969, с. 40). Анализ показал следующий состав котла из музея ДГУ: Cu , Pb до 90%, $\text{Sn} - 0,3\%$, $\text{Ba} - 0,03 - 0,1\%$, Si , W — 0,01—0,03%, $\text{Mg} - 0,003 - 0,01\%$, Ti , $\text{Al} - 0,001 - 0,003\%$ (анализ произведен научным сотрудником лаборатории физических методов анализа Института геологии Дагестанского филиала АН СССР Мерзаметовой Л. М.).

²⁰³ *Башкиров А. С.*, 1931, с. 45, 46.

²⁰⁴ *Кильчевская Э. В.*, 1968, с. 109, 110.

²⁰⁵ *Гюзальян Л.*, 1962, с. 25—26.

²⁰⁶ *Искусство Кубачи*, с. 169.

²⁰⁷ *Иванов А. А.*, 1977, с. 54; А. А. Иванов установил также, что «общий характер растительных орнаментов кубачинских рельефов и котлов XIV в. находит прямые аналогии среди памятников

XII—XIV вв. иранского культурного круга в широком смысле» (*Иванов А. А.*, 1979, с. 34).

²⁰⁸ Каталог международной выставки памятников иранского искусства и архитектуры, с. 428, 429.

²⁰⁹ *Шихсаидов А. Р.*, 1969, с. 40, рис. 4.

²¹⁰ *Mayer L. A.*, 1959, p. 24, 25; *Scerrato U.*, 1965, tav. II, fig. 3, 4, p. 30; По своим внешним формам (бортик с 4 выступами, дающий в плане крест) котлы похожи на ранний глиняный сосуд из Двина, см.: *Кафадарян К.*, 1952, с. 199, рис. 174.

²¹¹ *Шиллинг Е. М.*, 1949, с. 66—71.

²¹² Там же, с. 66.

²¹³ Запись 1970 г.

²¹⁴ *Дирр А. М.*, 1909, с. 97.

²¹⁵ В Хунзахе раньше были в ходу привозимые из Маджалиса котлы «хъаг», но среди них различались «пахьил хъаг» («медный котел»), «къазан» (чугунный котел), «ухъи» (котел только для топки масла). У лакцев (сел. Хъурп) маленький котел назывался «кIумкIур», а большой — «чаг», причем были «чаги» на 10 ведер и на полтопны. Изготавливались они у себя, но доставлялись также амузганцами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы дали краткое описание памятников дагестанской эпиграфики X—XVII вв., собранных во время экспедиционных поездок в районы Дагестана. Более полное описание и историко-культурная характеристика связаны с комплексным изучением всего эпиграфического наследия, как известного в науке, так и вновь собранного. Предстоит еще равномерное изучение лапидарных текстов на территории всех районов Дагестана.

Тем не менее исследование и характеристика только вновь выявленного материала показывает его ценность в изучении культурной, социально-экономической и идеологической жизни дагестанского общества. Значительное число их говорит об особо важном значении арабского языка в области идеологии и культуры. Он занимает почти монопольное место (известно лишь несколько персидских надписей у Дербента) как литературный язык. Как уже указывалось, вопрос о письменности народов Дагестана невозможно оторвать от литературного наследия на арабском языке, прежде всего эпиграфических памятников — наиболее ранних свидетельств распространения письменности. Представленный материал дает также возможность проследить эволюцию арабского письма (куфи-полукуфи-наسخ, сосуществование куфи и насха, поздняя подделка под куфи). Раскрываются своеобразные приемы в использовании на камне арабского текста, наблюдается свободный перенос слов, намеренный отказ от отдельных графических особенностей арабского текста. Выработался набор определенных трафаретов вступительных и благожелательных формул. Проскальзывает тенденция передать посредством дополнительных букв или же огласовки фонетические особенности местных языков, особенно в передаче немусульманских имен. Зафиксировано сравнительно большое число немусульманских имен. Прослеживается на ряде фактов проникновение иноэтнических элементов.

Сравнение датированных памятников и внешних признаков недатированных открывает перспективу датировки надгробия при отсутствии текста в пределах одного или двух веков.

Представленные в данной работе надписи выявляют многие стороны деятельности населения (строительное дело, наличие профессионалов-строителей, мастеров архитектурного декора, грамотных катибов, высокоискусных мастеров, резьба по камню). Строительная деятельность была обширной, охватывала воздвижение или реставрацию культовых и гражданских сооружений. Весьма незначительное место в XV—XVII вв. занимает создание фортификационных сооружений.

Привлечение эпиграфического материала открывает новые стороны идеологических представлений населения средневекового Дагестана, в частности выявляет место различных идеологических течений, степень суфизма, роль Дербента как центра суфизма. Представляется возможность по-новому интерпретировать существование многочисленных святилищ-пиров и могил шейхов и пиров.

Эпиграфический памятник выступает как важный источник в решении такого важного вопроса исторической географии и экономического развития, как процесс складывания крупного аула. Комплексное использование археологических и эпиграфических данных прольет свет на ряд важных процессов социально-экономического развития средневекового Дагестана.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского НЦ РАН**

instituteofhistory.ru

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Рис. 1.	Надпись 3../912—1009 г., сел. Кочюр Куражского района. Прорис Л. И. Лаврова	8
Рис. 2.	Строительная надпись 407/1016—1017 г., сел. Ихрек Рутульского района. Фото автора	9
Рис. 3.	Надпись 411/1021 г., гор. Дербент. Прорисовка в бумагах К. К. Фезе, в издании Л. И. Лаврова	11
Рис. 4.	Строительная надпись 435/1044 г. над воротами Орта-капы, гор. Дербент. Копия Г. С. Твердохлебова, в издании Н. В. Ханыкова и Л. И. Лаврова	12
Рис. 5.	Полуцилиндрическое надгробие с именем Махмуда б, в Аби-л-Хасана, 469/1076—1077 г., Дербент	16, 19
а — общий вид надгробия, фото автора; б — прорис надписей на восточной и западной продольных сторонах, по Н. В. Ханыкову в — надписи на торцовых частях надгробия, фото автора		
Рис. 6.	Надпись 473/1080—1081 г., Дербент. Прорис Л. И. Лаврова	21
Рис. 7.	Надпись о строительстве здания Уста, сыном Гайдана, 519/1125 г., сел. Гельмец Рутульского района. Фото автора	23
Рис. 8.	Надпись о строительстве ханака по приказу Абдас-Саада, сына Палки, 545/1150 г., сел. Рутул Рутульского района. Фото автора	25
Рис. 9.	Надпись о строительстве минарета, 557/1161—1162 г., сел. Гельмец Рутульского района. Рисунок Н. В. Ханыкова, изданный Л. И. Лавровым	29
Рис. 10.	Строительная надпись с именем Махмуда ал-катиб ал-Гиляни, у ворот Дубары-капы, 580/1184 г., Дербент. Фото автора	31
Рис. 11.	Плита с эпитафией на могиле Джамал ад-Дина Йахья ибн Шейх Йусуф, 883/1187 г., сел. Татиль Табасаранского района. Фото автора	34—37
а — общий вид памятника; б — деталь, строка 1, в — деталь строки 1—6, г — деталь строки 5—8, д — деталь строки 8—12, е — деталь, начало куфического текста		
Рис. 12.	Надмогильная плита с эпитафией, XII в., сел. Татиль Табасаранского района. Фото автора	38
Рис. 13.	Надпись о строительстве минарета, 636/1239 г., сел. Цагур Рутульского района. Фото автора	40
Рис. 14.	Надпись о строительстве мечети, 625/1227 г., деталь, сел. Рутул Рутульского района. Фото автора	42
Рис. 15.	Надпись о борьбе против монгольских завоевателей, 638/1241 г., сел. Рича Агульского района. Фото автора	43
Рис. 16.	Надпись о восстановлении мечети, разрушенной в 1239 г. монгольским отрядом, 648/1250 г., сел. Рича Агульского района. Фото автора	44

Рис. 17.	Строительная надпись, 678/1279—1280 г., сел. Рича Агульского района. Фото автора	46
Рис. 18.	Надпись о строительстве мечети, 683/1284 г., сел. Рутул. Фото автора	48
Рис. 19.	Строительная надпись, 683/1284 г., сел. Рутул. Фото автора	52
Рис. 20.	Надпись о реставрации мечети в 7.. /1301—1397 г., сел. Кочюр Курахского района. Прорись автора	56
Рис. 21.	Надпись-эпитафия, 737/1336—1337 г., сел. Архит Хивского района. Фото автора	58
	а — общий вид, б — прорись	
Рис. 22.	Надпись на надмогильной плите, 741/1340—1341 г., сел. Архит Хивского района. Прорись автора	59
Рис. 23.	Надмогильная плита, 758/1356—1357 г., сел. Хив Хивского района. Фото и прорись автора.	63
	а — общий вид, б — прорись надписи	
Рис. 24.	Надмогильная плита с именем А. с. м. д, сына Йусуфа, 758/1356—1357 г., сел. Хив Хивского района. Фото и прорись автора.	65
	а — общий вид памятника, б — прорись надписи	
Рис. 25.	Надпись-эпитафия на могиле Ибрахима, сына Раджаба, 833/1429—1430 г., сел. Хив Хивского района. Фото и прорись автора	68
	а — общий вид памятника, б — прорись надписи	
Рис. 26.	Надгробие 763/1361—1362 г., поселение близ сел. Хив. Фото и прорись автора.	70
	а — общий вид, б — прорись надписи	
Рис. 27.	Надпись-эпитафия на могиле Умара (?) сына К. л. ша, 773/1371—1372 г., поселение близ сел. Хив. Прорись автора.	71
Рис. 28.	Надпись-эпитафия на могиле Мухаммада, сына Халифа, 824/1421, поселение близ сел. Хив Хивского района. Фото Ю. Г. Гаджиева.	72
Рис. 29.	Надпись-эпитафия, 824/1421 г., поселение близ сел. Хив. Прорись автора	74
Рис. 30.	Надгробная плита 738/1336—1337 г., сел. Кара-Корейш Дахадаевского района. Фото А. А. Иванова, прорись М. М. Маммаева.	79
	а — общий вид, восточная сторона, б — прорись надписи центрального поля	
Рис. 31.	Надпись на плите, 783/1381—1382 г., сел. Кара-Корейш Дахадаевского района. Прорись М. М. Маммаева	81
Рис. 32.	Дарственная запись о передаче земельного участка сельской общиной сел. Кумух, 718/1318—1319 г., сел. Худуц Дахадаевского района. Фото автора	82
Рис. 33.	Надпись о строительстве минарета, 765/1363—1364 г., сел. Худуц Дахадаевского района. Фото автора	89

Рис. 34.	Надгробный камень из сел. Ашты Дахадаевского района, 774/1372—1373 г. Фото автора	91
Рис. 35.	Надгробие с именем Али, сына Ахмада, 877/1472—1473 г., сел. Ашты Дахадаевского района. Фото автора	92
	а — общий вид, б — деталь	
Рис. 36.	Надпись-эпитафия 802/1399—1400 г., сел. Кубачи Дахадаевского района. Прорись М. М. Маммаева	94
Рис. 37.	Штукковые панно на базах опорных столбов мечети, X в., сел. Кара-Кюре Ахтынского района. Фото автора, прориси П. М. Дебирова	102—105, 109, 110, 111, 113
	а—е — фото и прориси, ж, з — палеографическая таблица	
Рис. 38.	Плита с эпитафией на могиле Айдума, сына Хаджжи, XIV в., сел. Архит Хивского района. Фото автора	116
Рис. 39.	Надпись-эпитафия на могиле Айдума, сына Хаджжи, XIV в., сел. Архит Ахтынского района. Прорись автора	116
Рис. 40.	Плита с эпитафией на могиле Аш. р. к., сына Ибрахима, XIV в., сел. Архит Хивского района. Фото автора	119
Рис. 41.	Плита с эпитафией на могиле Раджаба, сына Хамзы (?), XV в., сел. Архит Хивского района. Фото автора	120
	а — общий вид, б — деталь	
Рис. 42.	Надпись с именем Алмуша, XII в., сел. Гельген Курахского района. Фото автора	122
Рис. 43.	Надпись из сел. Гельмец Рутульского района, XII—XIII вв. Фото автора	122
Рис. 44.	Полуцилиндрические надгробия могильника «Кырхляр», XI—XII вв., Дербент. Фото автора	126
Рис. 45.	Полуцилиндрическое надгробие, XIII—начало XIV в., сел. Кала-Корейш Дахадаевского района. Детали с надписями. Фото автора	131
	а, б — детали с надписью	
Рис. 46.	Надпись в стене мечети сел. Уркарах Дахадаевского района, XI—XII в. Фото автора, прорись по фотографии	133
	а — фото, б — прорись	
Рис. 47.	Надпись в стене мечети сел. Уркарах, XI—XII в. Фото автора, прорись по фотографии	134
	а — фото, б — прорись	
Рис. 48.	Надпись-эпитафия из сел. Кубачи Дахадаевского района, XIV в. Прорись М. М. Маммаева	136
Рис. 49.	Штукковый михраб, XII—XIII вв., сел. Кала-Корейш. Общий вид, детали, рисунки надписей. Фото П. М. Дебирова и автора, рисунки П. М. Дебирова	138, 141—144
	а — общий вид, б—д — надписи	

Рис. 50.	Надпись-эпитафия на могиле «владельца Кала-Курайша Ах. с. б. ра, сына Хиздана», XIII—XIV вв., сел. Кала-Корейш. Фото автора	146
Рис. 51.	Надпись из сел. Цахур Рутульского района, XIII в. Фото автора	148
Рис. 52.	Строительная надпись в стене мечети, XII в., сел. Хнов Ахтынского района. Фото автора	150
Рис. 53.	Строительная надпись, XII в., сел. Хнов. Фото автора	152
Рис. 54.	Строительная надпись, XIII в., сел. Хнов. Фото автора	154
Рис. 55.	Надпись из сел. Хнов, XII в. Фото автора	155
Рис. 56.	Отсутствует.	
Рис. 57.	Строительная надпись, XI—XII вв., сел. Шиназ Рутульского района. Фото и прорись автора	157
	а — фото, б — прорись	
Рис. 58.	Строительная надпись с поселения Шуга близ сел. Шиназ, XI—XII в. Прорись автора	158
Рис. 59.	Надпись с поселения Шуга, близ сел. Шиназ, XI—XII вв. Прорись автора	159
Рис. 60.	Надпись с поселения Шуга, близ сел. Шиназ, XI—XII вв. Прорись автора	160
Рис. 61.	Строительная надпись XII—XIII вв., сел. Аракул Рутульского района. Прорись автора	162
Рис. 62.	Строительная надпись, XII—XIII вв., сел. Амсар Рутульского района. Прорись автора	162
Рис. 63.	Надпись о строительстве минарета Салихом, сыном Али, сына Ахмада Хаджжи, XIII в., сел. Рутул. Фото автора	164
Рис. 64.	Надмогильный камень, XIII в., сел. Ахты Ахтынского района. Фото автора	166
Рис. 65.	Плита на могиле шейха, имама, кади кадиев Ахмада, сына ал-Хусайна, XI—XII вв., г. Дербент. Фото автора	168
Рис. 66.	Надпись о строительстве здания Б. х. с—маном, сыном Бассаджа и его женой Аишат, XIII в., сел. Рича Агульского района. Фото автора	170
Рис. 67.	Строительная надпись из сел. Рича, XII—XIII вв. Фото автора	171
Рис. 68.	Надпись из сел. Рича, XIII в. Фото автора	174
Рис. 69.	Остатки крепости, XII—XIII вв., сел. Рича. Фото автора	174
Рис. 70.	Надпись о восстании сельских обществ против правителей сел. Тпиг, XII—XIII вв. Фото автора	175
Рис. 71.	Строительная надпись из сел. Тпиг. Фото автора	178
Рис. 72.	Надпись на деревянном минбаре, с именем строителя Саида, сына Али, XII—XIII вв., сел. Буршаг Агульского района (детали). Прорись автора	179
Рис. 73.	Надмогильная плита XII—XIII вв., поселение Чуца, Агульский район. Фото автора	181
Рис. 74.	Плита на могиле Мухаммада, сына Ш. р. б. ш. р, XII—XIII вв., сел. Фите Агульского района. Фото автора	183
	а — общий вид, б — прорись	

Рис. 75.	Надпись-эпитафия на могиле Ш. б. ш. н, сына Ш. б. ш. н, XII—XIII вв., сел. Фите Агульского района. Прорись автора	183
Рис. 76.	Плита с эпитафией на могиле Будая, сына Ахмада, XII—XIII вв., сел. Фите. Фото автора	185
Рис. 77.	Плита с эпитафией на могиле Хаджжи, сына З. н. к. р, XII—XIII вв., сел. Фите. Фото автора	186
Рис. 78.	Памятник из сел. Хив	190

а — один из 17 сохранившихся опорных столбов дворовой мечети, XII—XIII вв., сел. Хив, фото автора; б — строительная надпись на опорном столбе дворовой мечети в сел. Хив, XII—XIII в., прорись автора

Рис. 79.	Надпись о строительстве здания Ш. н. х, сыном Исабека, XII—XIII вв., сел. Шимижур Курахского района. Фото автора	192
Рис. 80.	Надпись с поселения Ганар, близ сел. Шимижур, XII—XIII вв. Фото автора	192
Рис. 81.	Надмогильная плита с именем Х. дж. р, XIII в., сел. Бурханкент Табасаранского района. Фото автора	196
Рис. 82.	Надмогильный камень с именем Абдал, XIV в., сел. Бурханкент. Фото автора	196
Рис. 83.	Плита на могиле Али. XIV в., местность Пиар близ сел. Бурханкент Табасаранского района. Фото автора	199
Рис. 84.	Плита с эпитафией на могиле Ибрахима, сына Султана, XIV в., местность Пиар близ сел. Бурханкент. Фото автора	199
Рис. 85.	Надмогильная плита с именем Зейда, XIV в., местность Пиар близ сел. Бурханкент. Фото автора	201
Рис. 86.	Плита на могиле Т. б. л. г, сына Ф. л. н, XIV в., местность Пиар. Фото автора	201
Рис. 87.	Надмогильная плита с именем Раджаба, XIII—XIV вв., сел. Хили-Пенджик Табасаранского района. Фото автора	203
Рис. 88.	Надмогильная плита с именем Ф. л. з, сына Ас. м, XIII—XIV вв., сел. Хили-Пенджик Табасаранского района. Фото автора	203
Рис. 89.	Надмогильный камень с кораническим текстом, XIV—XV вв., сел. Хили-Пенджик. Фото автора	205
Рис. 90.	Надмогильная плита, XIII—XIV вв., сел. Хили-Пенджик. Фото автора	205
Рис. 91.	Надпись-эпитафия на могиле «мученика в борьбе за веру» Чакуна, сына Кадирбека, 798/1396 г., сел. Цахур. Фото автора	207

а — верхняя часть, б — нижняя часть

Рис. 91а, б	Арабо-персидская эпитафия с именем К. ди, сына Дивана, 784/1383 г., сел. Хнов Ахтынского района (верхняя и нижняя части). Фото автора	210
Рис. 92.	Камень на могиле факиха Р. хулни, 808/1405 г., сел. Хнов. Фото автора	214
Рис. 93.	Надгробие на могиле эмира Абкура, сына Т. х—самана,	

853/1450 г. Общий вид памятника и центральное поле с надписью Фото автора		216
а — общий вид, б — надпись		
Рис. 94.	Надгробие на могиле эмира Сейф ад-Дина, XIV в., сел. Хнов. Фото автора	218
Рис. 95.	Плита на могиле эмира Абакара, сына Чакука. Общий вид памятника и центральное поле с эпитафией, XIV в., сел. Хнов. Фото автора	220
а — надмогильная плита, б — надпись		
Рис. 96.	Надпись-эпитафия с именем Хаш. л. к, сына Д. м. к, XIV в., сел. Хнов. Фото автора	222
Рис. 97.	Надпись-эпитафия на могиле Мамада, сына С. ги, XIII в., сел. Хнов. Фото автора	224
Рис. 98.	Надпись о строительстве минарета устазом Х. з. сазом, сыном Халифа и его сыном Мамма аз-Захури, 803/1401 г., сел. Хнов. Фото автора	232
Рис. 99.	Надмогильный камень с именем Мухаммада, сына Асада, 854/1450—1451 г., сел. Хнов. Фото автора	240
Рис. 100.	Надпись в стене мавзолея шейха Ибрахима, 934/1527—1528 г., сел. Ахты. Прорись автора	243
Рис. 101.	Надпись на деревянном опорном столбе с именем мастера Зиндиша, 837/1433—1434 г., сел. Буршаг. Фото автора	253
Рис. 102.	Надпись-эпитафия из сел. Ханиль Табасаранского района, XIV—XV вв. Фото автора	256
Рис. 103.	Надпись-эпитафия 876/1471—1472 г., сел. Хили-Пенджик. Фото автора	256
Рис. 104.	Надпись-эпитафия с именем Багарчи, сына Курбача, 898/1492—1493 г., сел. Кадар Вуйнакского района. Фото автора	259
Рис. 105.	Надмогильная плита с именем Бабака, сына Мухаммада, XIV в., сел. Маджалис Кайтакского района. Фото автора	264
Рис. 106.	Надмогильная плита с именем Шейха, XIV—XV вв., сел. Маджалис. Фото автора	264
Рис. 107.	Надмогильная плита с именем Аба Бакра, сына К. й. д, XIV—XV вв., сел. Маджалис. Фото автора	266
Рис. 108.	Надпись-хроника о победе войска Цахура над «двумя отрядами тюрок» и о строительстве крепости, 836/1432 г., сел. Цахур. Фото автора	269
а — фото, б — прорись		
Рис. 109.	Строительная надпись с именем мастера Хайдара, сына Д. р. к, 889/1484 г., сел. Гуладти Дахадаевского района. Фото автора	273
Рис. 110.	Надпись в стене мечети (басмала, формула единобожия), XIV—XV вв., сел. Гуладти. Фото автора	274
Рис. 111.	Надмогильная плита с именем Ш. б. т, сына Х. зй, сел. Хули Акушинского района. Фото автора	277

Рис. 112.	Надпись о строительстве здания Мухаммадом, сыном Сурнаджа, 934/1527—1528 г., сел. Хунзах. Фото автора	280
Рис. 113.	Плита на могиле Гургиллава Ивана, сына Георгия, «обладателя слуг, имущества и богатства [вместе] с властью в бою», XVI—XVII вв., сел. Хунзах. Фото автора.	280
Рис. 114.	Надмогильная плита 780/1378—1379 г., сел. Хури Лакского района. Фото автора	284
Рис. 115.	Плита на могиле Фатимы, дочери Аишы, 999/1590—1591 г., сел. Хури. Фото автора	284
Рис. 116.	Надмогильная плита 1013/1604—1605 г., сел. Хури. Фото автора	286
Рис. 117.	Мавзолей в сел. Хури с надписью над входом: «Это здание Уцуми, сына Хан Уцуми. Дата — тысяча сорок пятый год». Фото автора	287
Рис. 118.	Каменный опорный столб мечети, 980/1572—1573 г., сел. Хури. Фото автора	288
Рис. 119.	Плита на могиле «паломника обеих святынь Умара, сына Ахмада», 889/1484—1485 г., сел. Кумух. Фото автора	291
Рис. 120.	Надмогильная плита с именем Ахмада, сел. Кумух. Фото автора	292
Рис. 121.	Надмогильная плита 997/1588—1589 г., сел. Кумух. Фото автора.	292
Рис. 122.	Плита на могиле «мученика, паломника обеих святынь Мамма (?), сына Киласа», XVI в. Фото автора	294
	а — общий вид, б — надпись центрального поля	
Рис. 123.	Надмогильная плита с именем Умара, сына Халида, XVI в., сел. Кумух. Фото автора	296
Рис. 123а.	Надмогильная плита 1006/1597—98 г., Кумух	296
Рис. 124.	Плита на могиле Х. мал, сына Ф. р. фр (Крым ?) шахмала, 1016/1607—1608 г., сел. Кумух. Фото автора	298
Рис. 125.	Надмогильная плита с именем Б. дига, сына С. р. х, 1028/1618—1619 г., Кумух. Фото автора	299
Рис. 126.	Эпитафия на могиле Миси, дочери Сулеймана, сел. Кумух. Фото автора	301
Рис. 127.	Плита на могиле Ахмадхана (?), сына Мухаммада, 1013/1604—1605 г., сел. Кумух. Фото автора	303
Рис. 128.	Плита на могиле Ильдар шамхала, 1045/1635—1636, сел. Кумух. Фото автора	306
	а — восточная сторона плиты, б — западная сторона	
Рис. 129.	Надмогильная плита с именем С. т. Махада, сына Али бека, сел. Кумух. Фото автора	308
	а — восточная сторона, б — западная сторона плиты	
Рис. 130—131.	Надмогильная плита с именем Суртая, сына . . . бека, сел. Кумух. Фото автора	310
	а — восточная сторона, б — западная сторона	

- Рис. 132. Надмогильная плита с именем Мухаммада Саййида сына Хасана Саййида, 1008/1599—1600, Кумух. Фото автора 312
- Рис. 133. Надмогильная плита с именем Абу Бакра, сына Али, 950/1543 г., сел. Кумух. Фото автора 313
- Рис. 134. Плита на могиле Умара, сына Али. к, 980/1572—1573 г., сел. Хосрек Лакского района. Фото автора 315
- Рис. 135. Надпись о «владельце крепости ширбанишахе Халил-уллахе», XV в., сел. Ахты. Фото автора 321
- Рис. 136. Палеографические таблицы 332, 334, 336
а — надписи X—XI вв.; б — надписи XII—XIII вв.;
в — надписи XIV—первой трети XV в.
- Рис. 137. Недатированные надписи по дереву. Фото автора 340
а — надпись из сел. Фите Агульского района; б, в — надписи из сел. Ицари Дахадаевского района
- Рис. 138. Надпись из сел. Кочхюр Курахского района. Фото автора 353
- Рис. 139. Надпись-хроника из Кумуха. Фото М. Е. Виленского 366
- Рис. 140. Строительная надпись, сел. Рича. Фото автора 366
- Рис. 141. Надпись о строительстве мечети Б. з. р. (вар.: Б. з. ц) шамхалом, сыном Т. з (?), «с разрешения войска для людей зерехгеранских, когда они перешли в ислам от неверия», XIV в., сел. Ашты Дахадаевского района. Фото А. А. Исаева 374
- Рис. 142. Полуцилиндрическое надгробие с мемориальным текстом о гибели коменданта Дербентской крепости Ифтигара, 850/1446 г., Дербент. Фото автора 382
- Рис. 143. Надпись о строительстве крепости Аш. л. рата, XII—XIII вв., сел. Ахты. Фото автора 417
- Рис. 144. Надпись над порталом Джума-мечети («работа устада Тадж ад-Дина»), XIV в., Дербент. Фото автора 426
- Рис. 145. Надпись на бронзовом котле (мастер Ахмад б. Али (?) Мервези), XII в., из сел. Кубачи. Фото автора. Собрание Дагестанского объединенного историко-архитектурного музея, инв. № 1741 429
- Рис. 146. Бронзовый котел (мастер Абу Бакр б. Ахмад Мервези) из Кубачи, XII—XIII вв. Собрание историко-этнографического музея Дагестанского Государственного университета им. В. И. Ленина. Фото автора 429
а — общий вид котла, б — надпись на бортике котла
- Рис. 147. Бронзовый котел (мастер Ахмад б. Махмуд ал-Марвази) из Кубачи, не ранее XIV в. Коллекция Дагестанского объединенного историко-архитектурного музея, инв. № 1740. Фото автора 430
а — общий вид котла, б — надпись на котле

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абакаров А. И., Гаджиев М. Г.*, 1973. Первые итоги изучения ранне-средневековых бытовых памятников горного Дагестана. — В кн.: Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований в Дагестане в 1971—1972 гг.: Тез. докл. Махачкала.
- Акты, 1868. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Тифлис. Т. II.
- Алескерзаде А.*, 1947. Надписи архитектурных памятников Азербайджана эпохи Низами. — В кн.: Архитектура Азербайджана: Эпоха Низами. Баку.
- Алескерзаде А.*, 1947а. Две надписи времени ширваншаха Ибрагима Дербенди. — Тр. Ин-та истории им. А. Бакиханова АН АзССР, т. I. На азерб. яз.
- Алескерзаде А.*, 1956. Надписи агбильских мавзолеев. — Изв. АН АзССР, вып. XII, № 10.
- Алиев Б., Ахмедов Ш., Умаханов М.-С.*, 1970. Из истории средневекового Дагестана. Махачкала.
- Алкадари Хасан*, 1929. Асары Дагестан / Пер. и коммент. Али Гасанова. Махачкала.
- Алпатов М. В.*, 1948. Всеобщая история искусств. М.; Л. т. 1.
- Анучин Д. Н.*, 1884. Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 г. — Изв. Рус. геогр. об-ва, т. XX, вып. 4.
- Артамонов М. И.*, 1946. Древний Дербент. — Советская археология.
- Атаев Д. М.*, 1965. Аркаское городище — памятник средневекового Дагестана. — Рук. фонд Ин-та ист., яз. и лит. Даг. фил. АН СССР, ф. 3, оп. 4, д. 219.
- Атаев Д. М.*, 1963. Нагорный Дагестан в раннем средневековье. Махачкала.
- Атаев Д. М., Шихсаидов А. Р.*, 1964. История Дагестана. Махачкала.
- Ахмедов Ш. М.*, 1974. Сельская община в раннесредневековом Дагестане. — В кн.: Вопросы истории Дагестана (досоветский период). Махачкала, вып. 1.
- Ахмедов Ш. М.*, 1975. К вопросу о распространении ислама в Да-

- гестане. — В кн.: Вопросы истории Дагестана (досоветский период). Махачкала, вып. II.
- Ахраров И., Ремпель Л.*, 1971. Резной штурк Афраспаба. Ташкент.
- Айтберов Т.*, 1977. Еще раз о монгольском нашествии на Дагестан. — В кн.: Письменные памятники и проблемы истории и культуры народов Востока. XII годичная научная сессия ЛО ИВАН СССР: кратк. сообщ. Л., ч. 1.
- Айтберов Т.*, 1979. Четыре этюда по исторической географии Дагестана XIV—XV вв. — В кн.: Тезисы докладов к конференции, посвященной 20-летию со дня организации Дагестанского филиала ГО СССР. Махачкала, вып. XII.
- Айтберов Т., Иванов А. А., Казанбиев А. Д.*, 1978. Новые эпиграфические памятники на территории Аварии. — В кн.: Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований в Дагестане в 1976—1977 гг.: Тез. докл. Махачкала.
- Бакиханов Аббас-Кули*, 1926. Гюлистан-Ирам. Баку.
- Баладзори*, 1927. Книга завоевания стран: Текст и перевод / Пер. с араб. П. К. Жузе. Баку.
- Балазури Ахмад*, 1319/1901. Китаб футух ал-булдан. Ат-Табакаат ал-увля. на араб. яз.
- Барабанов А. М.*, 1954. Пояснительные значки в арабских рукописях и документах Северного Кавказа. — Сов. востоковедение, т. III.
- Баркуев К., Ахмедов М.-К., Шихсаидов А. Р.*, 1963. Исторические сведения о Дагестане из арабских рукописей. — Учен. зап. Ин-та ист. яз. и лит. Махачкала, т. IX.
- Бартольд В. В.*, 1965. Дербент. — Сочинения. М., т. III.
- Бартольд В. В.*, 1966. Первоначальный ислам и женщина. — Сочинения. М., т. IV.
- Бартольд В. В.*, 1973. География Ибн Саида. — Сочинения. М., т. VIII.
- Бачинский Н. М.*, 1939. Архитектурные памятники Туркмении. М.
- Башкиров А. С.*, 1926. Средневековый памятник аула Калакореин. — Тр. секции археологии Ин-та археологии и искусствоведения РАНИОН, т. 1.
- Башкиров А. С.*, 1931. Искусство Дагестана. М.
- Белокуров С.*, 1889. Сношения России с Кавказом. М. Вып. 1.
- Бертельс Е. Э.*, 1965. Суфизм и суфийская литература. М.
- Бейлис В. М.*, 1974. Из наблюдений над текстом Масуда б. Намдара. — В кн.: Письменные памятники Востока: Историко-филологические исследования. Ежегодник. М.
- Бейлис В. М.*, 1975. Сочинения Масуда б. Намдара как источник по истории Аррана и Ширвана начала XII в. и памятник средневековой арабской литературы: Автореф. дис. . . д-ра ист. наук. Баку.

- Большаков О. Г.*, 1958. Арабские надписи на поливной керамике Средней Азии IX—XII вв. — В кн.: Эпиграфика Востока. М.; Л., т. XII.
- Большаков О. Г.*, 1958. Арабские надписи на поливной керамике Средней Азии IX—XII вв. — В кн.: Эпиграфика Востока. М.; Л., т. XV.
- Бретаницкий Л. С.*, 1949. Архитектурные школы средневекового Азербайджана. — В кн.: Искусство Азербайджана. Баку, вып. 1.
- Бретаницкий Л. С., Веймарн Б. В.*, 1976. Искусство Азербайджана IV—XVIII вв. М.
- Бретаницкий Л. С., Гарник В., Ишханов Л.*, 1967. Махмуд ибн Са'д, бакинский архитектор XIII—XIV вв. — Архитектурное наследство. М., № 16.
- Бретаницкий Л. С., Саламзаде А. В.*, 1960. Профессиональные звания зодчих и мастеров архитектурного декора по данным строительной эпиграфики Азербайджана. — В кн.: Эпиграфика Востока. М.; Л., т. XIII.
- Буниятов Зия*, 1964. Азербайджан в VII—IX вв. Баку.
- Буниятов З. М., Нейматова М. С.*, 1973. Новый документ по истории Ширвана начала XII в. — Докл. АН АзССР, т. XXIX, № 11/12.
- Веселовский Н. И.*, 1892. Памятники дипломатических и торговых сношений Руси с Персией / Под ред. Н. И. Веселовского. СПб. т. II.
- Веймарн А., Каптерева Т., Подольский А.*, 1960. Искусство арабских стран (средневековый период). М.
- Воронина В. Л.*, 1951. Архитектурный орнамент древнего Пенджикента. — Тр. АН Тадж.ССР. Сталинабад.
- Воронина В. Л.*, 1960. Стиль надписей колонны соборной мечети в Хиве. — Нумизматика и эпиграфика. М., вып. II.
- Воронина В. Л.*, 1973. История искусств народов СССР. Искусство IV—XIII вв., т. 2.
- Всеобщая история искусств, 1961. Т. II. Искусство средних веков. М., кн. II.
- Вяткин В. Л.*, 1927. Городище Афраснаб. Ташкент.
- Гамзатов Гаджи*, 1978. Формирование многонациональной литературной системы в дореволюционном Дагестане. Махачкала.
- Гарнати Абу Хамид*, 1971. Путешествие в Восточную и Центральную Европу / Публ. О. Г. Большакова, А. Л. Монгайта. М.
- Гайдарбеков М.*, 1970. Хронологические записи по Дагестану из арабских сочинений. — Рук. фонд Ин-та ИЯЛ. Махачкала.
- Генко А. И.*, 1941. Арабский язык и кавказоведение. — В кн.: Тр. второй сессии Ассоциации арабистов. М.; Л.

- Гордлевский В. А., 1941. Государство Сельджукидов в Малой Азии. М.; Л.
- Грач А. Д., 1953. Кубачинский котел из археологического собрания МАпЭ. — Сб. Музея антропологии и этнографии, т. IV.
- Гулямова Э. Г., 1978. Резной шток Хульбука. — В кн.: Материальная культура Таджикистана. Душанбе, вып. 3.
- Гурлев И., Хан-Магомедов С., Малкин Г., 1976. Дербент: Путеводитель по городу и окрестностям. Махачкала.
- Гюзальян Л. Т., 1948. Надпись с именем Бадр ад-Дина Лулу на бронзовом подсвечнике Государственного Эрмитажа. — В кн.: Эпиграфика Востока. М.; Л., т. II.
- Гюзальян Л. Т., 1962. О дагестанских (кубачинских) котлах открытого типа. — Тез. докл. научной сессии, посвященной итогам работы Гос. Эрмитажа за 1961 г. Л.
- Гюзальян Л. Т., 1963. Две строительные надписи из Кубачи. — В кн.: Эпиграфика Востока. М.; Л. т. XVI.
- Дебиров П. М., 1964. Резьба по стуку в средневековом Дагестане. — Учен. зап. Ин-та ИЯЛ. Махачкала, т. XIV.
- Дебиров П. М., 1966. Архитектурная резьба Дагестана. М.
- Дебиров П. М., 1966а. Резьба по камню в Дагестане. М.
- Дебиров П. М., 1976. Характеристика особенности орнамента резного штока средневекового Дагестана. — В кн.: Искусство и археология Ирана: II Всесоюзн. конф. М.
- Денике Б. П., 1939. Резная декорировка здания, расположенного в Термезе. — В кн.: III Международный конгресс по иранскому искусству и археологии. М.; Л.
- Денике Б. П., 1939. Архитектурный орнамент Средней Азии. М.; Л.
- Дирр А. М., 1909. Материалы для изучения языка и наречий андидойской группы. Тифлис.
- Дорн Б. А., 1864. Отчет об ученом путешествии по Кавказу и по южному берегу Каспийского моря. СПб.
- Дорн Б. А., 1895. Атлас к путешествию по Кавказу и южному берегу Каспийского моря. СПб., отд. II.
- Дьяконов М., 1948. Рец. на кн.: Архитектура Азербайджана. Эпоха Низами. — Вопр. истории, № 9.
- Ершов С. А., 1947. Данденакан. — Кратк. сообщ. Ин-та истории материальной культуры, вып. XV.
- Зевакин Е. С., Пенчко Н. А., 1938. Очерки по истории генуэзских колоний на Западном Кавказе в XIII—XIV вв. — Ист. записки, т. 3.
- Ибрагимов Д., 1962. Феодалные государства на территории Азербайджана в XV в. Баку.
- Иванов А. А., 1976. О датировке кубачинских памятников. — В кн.: Искусство Кубачи. Л.

- Иванов А. А.*, 1977. Кубачинский бронзовый котел XIV в. — Сообщения Гос. Эрмитажа. Л., вып. XVII.
- Иванов А. А.*, 1979. О происхождении искусства селения Кубачи. — В кн.: Искусство и археология Ирана и его связи с искусством народов СССР с древнейших времен. III Всесоюзная конф. Тез. док. М.
- Искусство арабских стран и Ирана VII—XVII вв. 1974. М.
- Искусство Кубачи. Л., 1976.
- История Дагестана, 1965. М. Т. 1.
- История Узбекистана, 1955. Ташкент. Т. 1, кн. I.
- Исхаков М.*, 1975. Надмогильный кайрак с двумя надписями. — Афраснаб. Ташкент, вып. IV.
- Ихтилов М. М.*, 1959. Хновцы. — Учен. зап. Ин-та ИЯЛ, Махачкала, т. IV.
- Ичалов Г. Х.*, 1974. Борьба народов Дагестана с татаро-монголами в первой половине XIII в. — В кн.: Вопросы истории Дагестана (досоветский период). Махачкала, вып. 1.
- Касумов А. Г.*, 1979. Из надписей мемориальных памятников XV—XVII вв. — Изв. АН АзССР. Сер. ист., филос. и права, № 2.
- Кафадарян Л.*, 1952. Двин и его раскопки. Ереван.
- Каганкатвацци Моисей*, 1861. История агван / Пер. с арм. Г. Патканьяна. СПб.
- Каталог арабских рукописей Ин-та ист., яз. и лит. Даг. фил. АН СССР / Под ред. М.-С. Сандова, 1977. М.
- Каталог международной выставки памятников иранского искусства и архитектуры. Л., 1935.
- Кахиани Ц. П.*, 1965. Арабские надписи из Дманиси. Тбилиси. на груз. яз.
- Каяев А.* Материалы по истории лаков. — Рук. фонд Ин-та ИЯЛ, Махачкала, д. 642.
- Кильчевская Э. В.*, 1962. Декоративное искусство аула Кубачи. М.
- Кильчевская Э. В.*, 1968. От изобразительности к орнаменту. М.
- Кильчевская Э. В., Иванов А. С.*, 1959. Художественные промыслы Дагестана. М.
- Козубский Е. И.*, 1902. Дагестанский сборник. Темир-Хан-Шура. Вып. 1.
- Коран, 1963 / Пер. и коммент. И. Ю. Крачковского. М.
- Котов Г. И.*, 1939. Михраб Мешед-и Мисриан. — В кн.: III Международный конгресс по иранскому искусству и археологии. Л.
- Котов Ф.*, 1958. Хожделение купцы Федота Котова в Персию. М.
- Котович В. Г.*, 1965. Отчет о работе 3-го разведочного отряда Дагестанской археологической экспедиции. — Рук. фонд Ин-та ИЯЛ, ф. 3, оп. 3. д. 225.

- Котович В. Г. Социально-экономический строй Дагестана в древности и средневековье. — Рук. фонд Ин-та ИЯЛ, ф. 3, оп. 3, д. 3704.
- Крачковская В. А., 1929. Арабские надгробия Музея палеографии Академии наук СССР. — Тр. Музея палеографии. Л., т. III.
- Крачковская В. А., 1938. Из эпиграфических мотивов мечети в ауле Кубачи. — В кн.: Памяти академика Н. Я. Марра. М.; Л.
- Крачковская В. А., 1946. Неизвестный альбом по арабской и персидской эпиграфике. — В кн.: Эпиграфика Востока. М.; Л., II.
- Крачковская В. А., 1947. Надпись бронзового таза Бадра ад-Динна Лулу. — В кн.: Эпиграфика Востока. М.; Л., I.
- Крачковская В. А., 1949. Изучение арабской эпиграфики в России в первую половину XIX в. — Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та, № 98. Серия востоковедческих наук. Л., вып. 1.
- Крачковская В. А., 1949а. Эпиграфика на арабском языке в России до 1850-х гг. — Сов. востоковедение. М.; Л., VI.
- Крачковская В. А., 1949б. Эволюция кувфического письма в Средней Азии. — В кн.: Эпиграфика Востока. М.; Л., III.
- Крачковская В. А., 1951. Из архивного наследия Ханыкова и Дорна. — Эпиграфика Востока. М.; Л., IV.
- Крачковская В. А., 1952. Памятники арабского письма в Средней Азии и Закавказье в IX в. — В кн.: Эпиграфика Востока. М.; Л. VI.
- Крачковская В. А., 1954. Арабская эпиграфика в России 50—60-х гг. XIX в. — В кн.: Эпиграфика Востока. М.; Л., IX.
- Крачковская В. А., 1958. Арабская эпиграфика на Кавказе с 60-х годов XIX в. до Октябрьской революции. — В кн.: Эпиграфика Востока. М.; Л., XII.
- Крачковская В. А., 1963. Арабская эпиграфика в СССР за сорок лет. — В кн.: Эпиграфика Востока. М.; Л., XV.
- Крачковская В. А. 1963а. Два фрагмента арабских надписей из Нижнего Архиза. — В кн.: Эпиграфика Востока. М.; Л., XVI.
- Крачковский И. Ю., 1941. Арабистика в СССР за 20 лет. — Тр. Ин-та востоковедения АН СССР. М.; Л., вып. XXXVI.
- Крачковский И. Ю., 1963. Арабская литература на Северном Кавказе. — Сочинения. М.; Л., т. VI.
- Криштопа А. Е., 1970. Сведения западноевропейских путешественников XV в. о Дагестане. — В кн.: Вопросы истории и этнографии Дагестана. Сборник научных сообщений. Махачкала, вып. 1.
- Лавров Л. И., 1957. Из эпиграфических находок Дагестанской экспедиции. — Сборник Музея антропологии и этнографии. М., XVII.

- Лавров Л. И.*, 1958. Из эпиграфических находок Дагестанской экспедиции. — Сб. Музея антропологии и этнографии, т. XVIII.
- Лавров Л. И.*, 1959. Археологические разведки в верховьях реки Самур. — Материалы по археологии Дагестана. Махачкала, т. I.
- Лавров Л. И.*, 1959а. Южнодагестанский хронограф 1710—1712 гг. Крат. сообщ. Института этнографии. М., XXXII.
- Лавров Л. И.*, 1960. Из эпиграфических находок Дагестанской экспедиции. — Сборник Музея антропологии и этнографии, т. XIX.
- Лавров Л. И.*, 1963. Новые материалы по арабской эпиграфике на Северном Кавказе. — Сб. Музея антропологии и этнографии, т. XXI.
- Лавров Л. И.*, 1966. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. М. Кн. 1. Надписи X—XVII вв / Изд. текстов, пер. коммент., введ. и прил.
- Лавров Л. И.*, 1968. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. М. Кн. II. Надписи XVIII—XX вв. / Изд. текстов, пер., коммент., введ. и прил.
- Лавров Л. И.*, 1973. Нашествие монголов на Северный Кавказ. — История СССР.
- Лавров Л. И.*, 1980. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. М., кн. III. Новые находки / Изд. текстов, пер., коммент., введ. и прил.
- Лавров Л. И.*, 1976. Новое о Зерехгеран и казикумухских шамхалах. — В кн.: Из истории дореволюционного Дагестана. Махачкала.
- Лунина С. Б., Богомолов Г. И.*, 1978. Архитектурный декор в памятниках Алтын-Тепе. — Материалы по истории, историографии и археологии: Сб. науч. тр. Ташкент, № 556.
- Любимова Г. П.*, 1961. Культовые постройки агульских селений Дагестана. — Памятники культуры: Исследование и реставрация. М., № 3.
- Любимова Г. П., Хан-Магомедов С. О.*, 1956. Народная архитектура Южного Дагестана. М.
- Массон М. А.* Куфическая надпись — Тр. Южно-Туркестанской археол. компл. экспедиции, т. XIV.
- Массон М. А.*, 1953. Новые данные о надписях одного Мешхед-и Мисрианского минарета. В кн.: Эпиграфика Востока, VII.
- Массон М. А.*, 1960. Надписи на штурге из архитектурного ансамбля у мавзолея Хаким-и Тармизи. — Тр. Ташк. гос. ун-та Нов. сер., вып. V.
- Магомедов Р. М.*, 1968. История Дагестана. Махачкала.
- Магомедов А.*, 1963. Кубачинский язык. Тбилиси.

- Малачиханов Б.*, 1965. К истории хазарского Семендера в Дагестане. — Учен. зап. Ин-та ИЯЛ. Сер. ист. Махачкала, т. XIV.
- Маммаев М. М.*, 1978. Изучение памятников декоративно-прикладного искусства в 1976—1977 гг. — В кн.: Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований в Дагестане в 1976—1977 гг.: Тез. докл. Махачкала.
- Мецопский Фома*, 1957. История Тимур-ланка и его преемников. Баку.
- Минорский В. Ф.*, 1963. История Ширвана и Дербенда. М.
- Мусаев Г. М.*, 1979. К вопросу о дореволюционном жилище рутульцев XIX—XX вв. — В кн.: Вопросы истории и этнографии Дагестана: Сб. науч. сообщ. Махачкала, вып. 3.
- Мухелишвили Д. Л.*, 1973. Основные вопросы исторической географии Грузии: Автореф. дис. . . д-ра ист. наук. Тбилиси.
- Мухтаров А.*, 1978. Эпиграфические памятники Кухистана (XI—XIX вв.). Душанбе. Кн. I.
- Мухтаров А.*, 1979. Эпиграфические памятники Кухистана (XI—XIX вв.). Душанбе. Кн. II.
- Мухтаров А.*, 1980. Позднесредневековый Балх. Душанбе.
- Нейматова М. Х.*, 1955. Краткое сообщение об экспедиции 1954 г. в Дербент. — Докл. АН АзССР. Баку, т. XI, № 11. На азерб. яз.
- Нейматова М. Х.*, 1955а. Надписи Дербента, относящиеся к истории Ширвана XV в. — Изв. АН АзССР. Баку, № II.
- Нейматова М. Х.*, 1969. К истории изучения Ширвана XIV—XV вв. (на основе эпиграфических памятников). Баку. На азерб. яз.
- Нейматова М. С.*, 1963. Надписи Хазринских памятников. — Тр. Ин-та истории АН АзССР. Баку.
- Нейматова М. Х.*, 1963а. О некоторых эпиграфических памятниках Ширвана (XIV—XVI вв.). — В кн.: Эпиграфика Востока, т. XV.
- Нейматова М. С.*, 1963б. Эпиграфические памятники Азербайджана (XVII—XVIII вв.). Баку. На азерб. яз.
- Нейматова М. С.*, 1968. Эпиграфические памятники и их значение в изучении социально-экономической истории Азербайджана XIV—XIX вв.: Автореф. дис. . . д-ра ист. наук. Баку.
- Олеарий Адам*. 1906. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию. СПб.
- Орбели И. А.*, 1922. Временная выставка сасанидских древностей. Пг.
- Орбели И. А.*, 1939. Албанские рельефы и бронзовые котлы. — В кн.: Памятники эпохи Руставели. Л.
- Орбели И. А.*, 1963. Избранные труды. Ереван.
- Орбели И. А., Тревер К. В.*, 1949. Сасанидский металл. М.; Л.
- Пахомов Е. А.*, 1929. О находке сасанидских надписей в Дербенте. — Культура и письменность Востока. Баку, кн. IV,

- Пахомов Е. А.*, 1929а. Пехлевийские надписи Дербента. — Изв. О-ва обследования и изучения Азербайджана. Баку, № 8, вып. V.
- Пахомов Е. А.*, 1930. К толкованию пехлевийских надписей Дербента. — Изв. Аз. ГНИИ. Ист. этногр. отд. Баку, т. I, вып. 2.
- Пахомов Е. А.*, 1930а. О Дербентском княжестве XII—XIII вв. — Изв. Аз. ГНИИ. Ист. этногр. и археол. от-ние. Баку, т. вып. 1.
- Петрушевский И. П.*, 1944. Государства Азербайджана в XV в. — Изв. Аз. фил. АН СССР Баку, № 7.
- Петрушевский И. П.*, 1949. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI—начале XIX в. Л.
- Петрушевский И. П.*, 1963. Ислам в Иране. Л.
- Пикуль М. И.*, 1963. Раскопки на Сулаке в 1955 г. — Материалы по археологии Дагестана. Махачкала, т. I.
- Прибыткова А. М.*, 1958. О некоторых местных традициях в зодчестве Средней Азии IX—X вв. — Архитектурное наследство. М., № 11.
- Прибыткова А. М.*, 1973. Архитектурный орнамент в Средней Азии. Архит. наследство, М., № 21.
- Пугаченкова Г. А.*, 1961. Мавзолей Араб-Ата. — В кн.: Искусство зодчих Узбекистана. Ташкент, вып. II.
- Пугаченкова Г. А.*, 1970. Ну-Гумбед в Бахе. — Сов. археология. М., № 3.
- Рагимов А. Г.*, 1978. О касидах, посвященных Бадром Ширвани правителю Дербента амиру Исфандийару и коменданту крепости амиру Ифтихару. — Изв. АН АзССР. Сер. ист., филос. и права. Баку, вып. I.
- Расим Эфенди*, 1976. Декоративно-прикладное искусство Азербайджана (средние века). Баку.
- Рашид ад-Дин*, 1946. Сборник летописей / Пер. с перс. А. К. Арсенса. М.; Л. Т. III.
- Ремпель Л. И.*, 1961. Архитектурный орнамент Узбекистана. Ташкент.
- Саидов М.-С.*, 1957. О некоторых памятниках материальной культуры в лакских районах ДАССР. — Учен. зап. Ин-та ИЯЛ. Махачкала, т. III.
- Саидов М.-С.*, 1960. Дагестанская литература XVIII—XIX вв. на арабском языке: Докл. на XXV междунар. конгр. востоковедов. М.
- Саидов М.-С.*, 1963. Дагестанская литература на арабском языке. Творчество дербентского ученого 11 в. Абу Бакра Мухаммада б. Муса ал-Фараджа ад-Дербенди. — Рук. фонд Ин-та ИЯЛ. Махачкала, ф. 3, оп. I, д. 94.
- Салль Жорж*, 1939. Стукковые облицовки в Баллисе. — В кн.:

- III Междунар. конгр. по иранскому искусству и археологии. М.; Л. Спасский Н. П., 1928. Памятники старины гор. Дербента и его окрестностей. — Рук. фонд Ин-та ИЯЛ, ф. 1, д. 284.
- Столярова Н. П., 1974. Раскопки дома с штукковым декором в рабаде Мерва. — Тр. Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Ашхабад, т. XV.
- Тизенгаузен В., 1941. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М.; Л. Т. II.
- Уваров П. С., 1902. Коллекция Кавказского музея. т. V. Археология. Тифлис.
- Усейнов М. А., 1950. Памятники азербайджанского зодчества. М.
- Услар П. К., 1896. Этнография Кавказа. Кюринский язык. Тифлис.
- Федоров Я. А., Федоров Г. С., 1975. Половцы-кипчаки на Северном Кавказе. — В кн.: Вопросы истории Дагестана (досоветский период). Махачкала.
- Федоров Я. А., Федоров Г. С., 1977. Древние тюрки на Северном Кавказе. М.
- Федоров-Давыдов Г. Ф., 1960. Серебряная миска с арабской надписью из собрания Государственного исторического музея. — Нумизматика и эпиграфика. М., т. II.
- Фон-Шлотто А. И., 1870. Природа и люди Закатальского округа. — В кн.: Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, т. IV.
- Френ Х. Д., 1837. О надписях города Дербента. — Тр. и летописи об-ва истории и древностей российских при Московском университете. М., ч. VIII.
- Хан-Магомедов С. О., 1958. Дербент. М.
- Хан-Магомедов С. О., 1960. Раннесредневековая горная стена в Дагестане. — Архитектурное наследство. М., вып. I.
- Хан-Магомедов С. О., 1979. Дербент. Горная стена. Аулы Табарана. М.
- Ханыков П. В., 1850. Археологическое известие. — Газ. «Кавказ», № 53.
- Хашаев Х. О., Шихсаидов А. Р., 1968. Рец. на кн.: Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках / Тексты, пер., коммент., введ. и прил. Л. И. Лаврова. М., 1966. Ч. 1. — Сов. этнография, № 1.
- Шиллинг Е. М., 1949. Кубачинцы и их культура. М.; Л.
- Шихсаидов А. Р., 1950. Распространение ислама в Южном Дагестане в X—XV вв. — Учен. зап. Ин-та ИЯЛ, Махачкала, т. VI.
- Шихсаидов А. Р., 1959. Распространение ислама в Дагестане: Канд. дис. Махачкала.
- Шихсаидов, 1961. Новые данные по средневековой истории Дагестана. — Учен. зап. Ин-та ИЯЛ, Махачкала, т. IX.
- Шихсаидов А. Р., 1964. Арабские строительные надписи Дагестана

- (XI—XVII вв.). — Учен. зап. Ин-та ИЯЛ. Махачкала, т. XIII, серия историческая.
- Шихсаидов А. Р.*, 1969. Надписи рассказывают. Махачкала.
- Шихсаидов А. Р.*, 1969а. Ислам в средневековом Дагестане. Махачкала.
- Шихсаидов А. Р.*, 1969б. Материалы экспедиции 1969 г. — Рук. фонд Ин-та ИЯЛ, ф. 1, оп. 1, д. 483.
- Шихсаидов А. Р.*, 1973. Несколько арабских надписей из Южного Дагестана. — В кн.: Материалы по археологии Дагестана. Махачкала, т. III.
- Шихсаидов А. Р.*, 1973. Дагестан в X—XIV вв.: Докт. дис. Махачкала.
- Шихсаидов А. Р.*, 1974. Надписи из Хнова. — В кн.: Древности Дагестана. Махачкала.
- Шихсаидов А. Р.*, 1974а. Новые эпиграфические памятники Дагестана. — В кн.: Вопросы истории Дагестана (досоветский период). Махачкала, вып. I.
- Шихсаидов А. Р.*, 1974б. Рассказы по истории Дагестана. Махачкала.
- Шихсаидов А. Р.*, 1976. Новые памятники арабской эпиграфики XI—XIV вв. из Дагестана. — В кн.: Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований в Дагестане в 1973—1975 гг.: Тез. докл. Махачкала.
- Шихсаидов А. Р.*, 1977. Дагестанская историческая хроника «Тарих Дагестан» Мухаммада Рафи. — В кн.: Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник, 1972. М.
- Шишкин В. А.*, 1950. Минарет в Джар-Кургане. — Тр. Ин-та истории и археологии. Материалы по истории и этнографии Узбекистана. Ташкент, т. II.
- Шишкин В. А.*, 1963. Варахша. М.
- Эфендиев О. А.*, 1961. Образование азербайджанского государства Сефевидов в начале XVI в. Баку.
- Юсупов Г. В.*, 1960. Введение в болгаро-татарскую эпиграфику. М.; Л.
- Якуби*, 1927. История. Текст и перевод / Пер. с араб. П. К. Жузе. — В кн.: Материалы по истории Азербайджана. Баку, вып. III и IV.
- Aboulfeda*, 1840. Géographie / Texte arabe... publié par M. Reinaud et de Slane. P.
- Berchem Max von*, 1906. Monuments et inscriptions de l'atabec Lu'lu de Mossoul. — In: Orientalische Studien. Giessen. Bd. II.
- Cazwini Zakarija Ben Muhammad*, 1848. Kosmographie / Hrsg. von F. Wüstenfeld. Göttingen. T. II.

- Decy Moris von*, 1906. Kaukasus: Reisen und Vorschungen in kaukasischen Hochgebirge. B. Bd. II.
- Derbend-Nameh*, 1851. Translated from a select turkish version and published by A. Mirza. Kazem—Beg. SPb.
- Dimand M. S.*, 1944. A Handbook of musulman art. N. Y.
- Dorn B.*, 1881. Beitrage zur Geschichte der kaukasischen Länder und Völker aus morgenländischen Quellen. I. Versuch einer Geschichte der Schirwanschache. — Mém. sur l'trad. de Sc. de St.-Pet., VI ser. sci., polit., hist., philos., t. VI, livr. 6.
- Ferenczy Laslo*, 1963. Daghestan Bronzeum Cauldrous. — In: Az Iparmüvészeti Museum esa Hopp Ferenc Keletasziai Müvészeti Museum Evkönyve. B. P., VI.
- Flury S.*, 1925. Le decor epigraphique des monuments de Ghazna. — Syria. P., t. VI.
- Flury S.*, 1930. Le mosquée de Nayin. — Syria. P., t. XI.
- Flury S.*, 1939. Ornamental kufic inscriptions on pottery — In: A Survey of Persian Art. L.; N. Y., vol. II.
- Frähn Ch. M.*, 1838. Die Inschriften von Derbent. — In: Eichwald E. Reise auf dem Caspischen Meere und den Kaukasus. B. Bd. II.
- Grohmann A.*, 1971. Arabische Paläographie. Wien. Bd. II.
- Herzfeld E.*, 1923. Der Wandschmuk der Bauten von Samarra und seine Ornamentik. — In: Ausgraben von Samarra. B. Bd. 1.
- Herzfeld E.*, 1927. Die Malereien von Samarra. — In: Die Ausgraben von Samarra. B., Bd. III.
- Hitti P. K.*, 1949. History of the Arabs. Fouth edition. L.
- Ibn el-Athir*, 1843. Chronicon quod perfectissimum inscribitur / Ed. by C. G. Tornberg. Upsaliae; Lugduni Batavorum, XII.
- Istakhry*, 1961. Al-Masalek wal mamalek. Re-edited by Muhammad al-Hini. Cairo.
- Jacut*, 1866. Geographisches Wörterbuch / Hrsg. von Wüstenfeld, Leipzig, 1.
- Khanikoff N.*, 1862. Mémoire sur les inscriptions musulmanes du Caucase. — Journal Asiatique, P. Ser. 5, t. XX, N 8.
- Maçoudi*, 1863. Les prairies d'or. Texte et traduction par C. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille. P., t. II.
- Mayer L. A.*, 1959. Islamic metalworkers and their works. Geneva.
- Minorsky V., Cahen Cl.*, 1949. Le resuel transcaucasien de Masoud b. Namdar. — Journal Asiatique, P., CCXXXVIII, N 1.
- Poupe A. U.*, 1939. Architectural Ornament. — In: A Survey of Persian Art. L.; N. Y., vol. II.
- Poupe A. U., Ackerman P. B.*, 1939. A Survey of Persian ornament. — In: A Survey of Persian Art. L.; N. Y., vol. III.

- Richard J.*, 1963. Les missionnaires latins chez les Kaitak du Daghestan XIVe—XVIe siècles. — В кн.: Материалы XXV Международного конгресса востоковедов. М.
- Sarre Fr.*, 1910. Denkmaler persischer Baukunst: (Textband). B.
- Sarre Fr.*, 1925. Die Kunst alten Persien. B.
- Scerrato U.*, 1964. Oggetti metallici de eta islamica in Afghanistan. — Annali. Nuova ser. Napoli, vol. XIV.
- Scerrato U.*, 1965. Una caldaia iranica di bronzo del Museo des Antiquites de Algeri. — Annali. Nuova ser., Napoli, vol. XV.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ X—XIV ВВ. . .	8
НАДПИСИ XV—XVII ВВ.	231
ЗНАЧЕНИЕ ЭПИГРАФИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ СРЕД- НЕВЕКОВОГО ДАГЕСТАНА	317
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	440
СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ	442
БИБЛИОГРАФИЯ	450

АМРИ РЗАЕВИЧ

ШИХСАИДОВ

ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ
ДАГЕСТАНА
X—XVII вв.
КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

*Утверждено к печати
Институтом истории, языка и литературы
им. Гамзата Цадасы
Дагестанского филиала
Академии наук СССР*

*Редактор издательства Г. Н. Улунян
Художник И. Е. Сайко
Художественный редактор Н. Н. Власик
Технические редакторы А. П. Гусева, Л. В. Каскова
Корректоры В. А. Бобров, Г. Г. Петропавловская*

ИБ № 26875

*Сдано в набор 30.03.82. Подписано к печати 20.09.83. Т-15868.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Усл. печ. л. 24,36. Усл. кр.-отт. 24,36.
Уч.-изд. л. 23,1. Тираж 1250 экз. Тип. зак. 2110. Цена 3 р.*

*Издательство «Наука»
117864, ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90*

*Ордена Трудового Красного Знамени
1-я типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12*